

*Только народы высокого
духа способны выдержать
напряжение такой войны,
страшной и беспощадной.*

ПОМНИ ВОЙНУ

**Том 2
Единство фронта и тыла**

Курган
«Парус-М», 2002

ПОМНИ ВОЙНУ

Том 2

Единство фронта и тыла

Книга издана по инициативе Губернатора
Курганской области О.А.Богомолова.

Составители: В.А.Есетов, В.В.Усманов, Г.П. Устюжанин.

Администрация области, составители и коллектив «Парус-М» выражают глубокую признательность и благодарность фронтовикам и труженикам тыла Великой Отечественной войны, журналистам, работникам архивов, военных комиссариатов области, библиотек, краеведам, многим добрым людям, проявившим сердечное участие в подготовке к печати и издании этой книги.

Сборник рассчитан на массового читателя. Его издание расширяет познание правды о войне, трагическом и героическом прошлом, пережитом нашими земляками на путях и дорогах к Великой Победе. Эту правду нам всем необходимо знать, чтобы дорожить миром, быть ответственным за будущее Отечества. Сборник является учебным пособием для изучения истории родного края в учебных заведениях области.

ISBN 5 - 86047 - 148 - 3.

© «Парус-М», 2002.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Дорогие земляки! В руках у вас второй том из серии книг “Помни войну”, которая выходит по инициативе Губернатора Олега Алексеевича Богомолова к 60-летию образования Курганской области.

Когда мы готовили первый том, собирали документы, попросили фронтовиков, тружеников тыла, журналистов, историков помочь нам в этом благородном деле, мы не предполагали, что поток писем, телефонных звонков, пожелтевших страниц, старых фотографий... будет идти, как живой. Теперь поняли – мощные пласты памяти людской только тронуты. И дали себе слово: будем живы – выпуск подобных книг продолжим! Ибо в памяти солдат, неважно рядовые это бойцы или генералы Великой войны, каждый ее миг, час и день были переполнены не только нервным напряжением, болью, кровью и потом, но и неистребимой верой в свое святое и правое дело, в нашу Победу.

Солдаты фронтов шли на врага с непоколебимой уверенностью в том, что их родные и близкие, весь советский народ напрягают до последнего предела свои силы и жилы, чтобы обеспечить фронтовиков оружием и хлебом, обуть и одеть, последний сбереженный рубль пожертвовать на создание боевой техники, чтобы бессонные ночи у марштенгов и станков, работа до изнеможения

вместе с собственной буренкой на колхозном хлебном поле переплавились в непробиваемую броню могучих уральских танков, чтобы каждое зернышко, выращенное великим трудом, и потом, хлебного колоса, било наповал фашистского зверя.

Широко известный в области хлебороб Василий Михайлович Иванов из Лебяжьевского района в своих воспоминаниях о той поре пишет, как он и его товарищи-второклассники, собрав хлебные колосья, перезимовавшие в поле, высушили их дома на печках, обмолотили до зернышка своими детскими ручонками, ссыпали в мешки и отправили в помощь фронту. «Мы, пацаны, почувствовали тогда себя защитниками Родины. Чувство это светлое и чистое, личной причастности к Великой Победе живет в нас и сегодня»

Сто тысяч рублей собрал у родни тракторист комсомолец Борис Иванович Менщиков из Белозерского района, пожертвовал их на строительство танка и на нем ушел на фронт защищать свою Родину. Большая трудолюбивая семья животновода Муханая Исабаева из Больше-Каменского совхоза Мокроусовского района пожертвовала все свои сбережения – 400 тысяч рублей в фонд обороны. На пожертвования рабочих и специалистов Уксянской МТС челябинские танкостроители сделали «Т-34». Танк был передан уксянцами на Висле перед полком своему земляку-фронтовику старшему сержанту Филиппу Семеновичу Засыпкину с наказом – беспощадно громить врага до полной победы.

С честью выполнил наказ земляков Филипп Семенович. За мужество и отвагу в боях на танке «Тракторист Уксянской МТС Курганской области» Засыпкин был удостоен орденов Славы 2-й и 3-й степени, медали «За взятие Берлина». Теперь этот танк стоит на пьедестале в селе Уксянском как символ единства фронта и тыла в победе над врагом.

Беспримерный подвиг совершила Мария Васильевна Октябрьская жена офицера, жившая в Нагайбакском районе Челябинской области. В одном из жестоких боев погиб ее муж полковник Октябрьский. Верная жена, про-

дав все имущество, вырученные деньги передала на строительство танка. Челябинские танкостроители изготовили на эти средства боевую машину. Ей дали название “Боевая подруга”. Мария Васильевна вошла в состав экипажа танка, участвовала во многих боях и героически погибла. Ей посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Легендой стал гражданский и боевой подвиг Марии Ивановны Лагуновой из Катайского района. Добившись зачисления механиком-водителем танка, она героически сражалась с врагом на фронте, была тяжело ранена. Даже после ампутации ступней ног не покинула строй, повторила подвиг Алексея Маресьева. Стала известным для всей страны человеком-патриотом Отечества, гордостью зауральцев.

В одном боевом строю наступали на врага хлеб с наших полей, танковая броня Уральских заводов и мужество сибиряков. Примечательно, что первые танкисты-добровольцы, отобранные в первые дни войны из лучших механизаторов челябинцев и зауральцев, комсомольцы Алексей Кочергин, Василий Кухарев, Владимир Лацаус, Сергей Потапов, Степан Мельников, Николай Чунихин, Закир Юсупов, Константин Кочкин, коммунисты Виктор Ермолин, Александр Бойко, Константин Корбут жили в клубе ЧТЗ на казарменном положении, помогали на конвейере собирать танки, изучив их при сборке и на полигоне при тактических занятиях. 18 октября добровольческая рота на танках “КВ”, выпущенных сверх плана, при полной боевой и продовольственной экипировке за счет жертвований земляков, отбыла на фронт, а 22 октября отличилась в боях с гитлеровцами под Москвой.

И вот в ваших руках – второй том книги “Помни войну”. Мы не отбирали специально письма и почти не редактировали их. Разве можно исправить что-то в воспоминаниях снайпера Любови Семеновны Межуевой, которая написала: “До сих пор помню, как рыдала в землянке, когда убила первого немца. Знала, что для этого и училась и что это враг, но ведь человек же...”. Невоз-

можно ничего ни добавить, ни убрать в горькой исповеди Виктора Александровича Скворчевского, который ушел на фронт из станицы Звериноголовской со своей машиной, как воевал, как раненым попал в плен. Словом, прошел все круги военного ада.

Мечтал летать и летал на У-2 Михаил Николаевич Левицкий. Возил людей, мирные грузы. Но – война! Защита столицы Родины в небе, потери друзей, радость Победы при разгроме фашистских полчищ под Москвой, а потом в одном из полетов смелый сокол был сбит. Плен, ампутация ноги в фашистском концлагере... Но не сдался наш земляк. Как и легендарный Алексей Маресьев, поднялся снова в небо и летал до 1956 года.

Эти примеры мы приводим не для того, чтобы подчеркнуть исключительность этих людей. Нет! Но мы хотим, чтобы нынешнее и завтрашние поколения зауральцев знали, как любили и берегли свою Родину их отцы и деды. “У каждого была своя судьба, своя война, - пишет Кинжал Исетов из Макушинского района, - у одного она продолжалась четыре года, у кого-то меньше. Я воевал всего тринадцать дней...”. Тринадцать дней, но до сей поры они не дают спокойно спать ветерану, будоражат мысли: “Нет нас так просто было не победить!”

Абсолютно прав старый солдат – просто так не победить советских и российских солдат, будь то человек русский, белорус, казах, украинец или татарин... Человек, защищающий свою землю, семью, детей, свободу свою и Родины, – негибает. “Трижды валили меня фашисты, но назло им я выжил, дошел до Берлина и расписался на стенах поверженного рейхстага”, - это заключительные слова воспоминаний Ивана Александровича Архипова из села Половинное Целинного района.

Не согнулись, выдержали, били врага и победили! Победили не только потому, что с оружием в руках дрались с врагом отчаянно и стойко, но и потому, что в тылу боролись за победу, как на фронте. Таисья Кондратьевна Степкина из села Черемушки Лебяжьевского района пишет: “Окончив курсы, я была назначена старшей трактористкой. В помощники мне дали парнишку Ваню Гон-

чарова, старательного и очень ответственного человека. Весной от зари до зари посевная, летом – пары и уход за ними, осенью - уборка хлебов и вспашка зяби, зимой - молотьба снопов из скирд. Работали, не считаясь со временем, для нас и тыл был фронтом, а работа боем”. И вторит ей Ида Матвеевна Цвирун из Шумихи: “...работали по 24 часа в сутки, спали прямо у станков”.

У войны ужасное лицо и такая же жестокая изнанка. Победа в ней – это не парад, где в строю, под звуки торжественного марша чеканят шаг brave офицеры и солдаты с орденами и медалями на мундирах, бросают у Мавзолея знамена и штандарты наголову разбитых и разгромленных фашистских армий.

Победное торжество – итог того, что десятки миллионов людей четыре года Великой Беды шли через ужас и страх под разрывами снарядов и бомб на горячий свинец пулеметов, умирая и шалея в жесточайших рукопашных схватках, захлебываясь своей и чужой горячей кровью и ледяной водой при форсировании рек, и утопая в болотах.

Кровавые сполохи, жестокие крылья этих боев накрывали собой не только фронты и театры военных действий, большие и малые города, но держали на грани жизни и смерти самые отдаленные села и глухие деревеньки, где в холоде и грязи, под палящим солнцем и жестоким ветром так же самоотверженно и отчаянно выполняли каторжные тяготы фронтовых нужд полуголые, полураздетые труженики тыла.

Только Великий Народ мог преодолеть все это. И победить! И это наш народ - простые люди, жившие когда-то и живущие ныне в нашем городе, на нашей улице, в нашем дворе, селе и деревне. Посмотрите, поклонитесь им.

Сегодняшние поколения обязаны не посрамить Великий Подвиг тех, кто от далекого июня 1941-го смог пройти до мая 1945-го через все невзгоды и испытания. И победить. За Великую победу и заплачена Великая цена. В иных ситуациях она не может и не должна повториться.

И сейчас, через многие десятилетия после войны, мы постоянно должны держать в памяти, что каждый фронтовик и труженик тыла тех пламенных и великих лет заслуживает нашего почитания, уважения, всяческой поддержки и помощи.

Прочитай, дорогой современник, все до последней строчки, взглядишь в лица земляков и ты поймешь, что сделали наши отцы и деды, бабушки и матери для того, чтобы ты родился и жил в свободной стране.

Ради этого же бились с врагами наши славные дедичи Александр Невский и Дмитрий Донской, Александр Суворов и Михаил Кутузов, Павел Нахимов, современники наших отцов Георгий Жуков, Сергей Грицевец, Григорий Кравченко, Кирилл Евстигнеев... Они, бойцы за землю русскую, шли с открытым забралом в битву за честь и независимость своей большой Родины – Великой России!

Мы искренне и сердечно благодарим всех, кто помог в издании этой книги. Особую благодарность выражаем своим коллегам-журналистам, которые с болью и гордостью, с улыбкой и смехом, порой и со слезами слушали и записывали воспоминания наших легендарных фронтовиков и тружеников тыла, по много раз пережили то, что у них сохранилось в памяти, считали своим долгом и обязанностью сделать это достоянием для ныне живущих и последующих поколений, перед Историей нашего народа и великой Памятью.

ПРОЧТИТЕ...И ПОМНИТЕ!

**Члены Союза журналистов России -
Виталий Есетов, Владимир Усманов, Геннадий Устюжанин.**

Роберт Рождественский

Война откатилась за годы и гуды,
и горечь, и славу

до дна

перебрав...

А пули
еще прилетают оттуда —
из тех февралей.

Из-за тех переправ.

А пули летят

из невысказанной дали...

Уже потускневшие

капли

свинца

пронзают броню

легендарных медалей,

кромсая на части

живые сердца.

Они из войны прилетают недаром.

Ведь это оттуда,

из позавчера,

из бывших окопов

по старым солдатам

чужие

истлевшие

бьют

снайпера!

Владимир Бокин

НАКАНУНЕ

Владимир Иванович Бокин родился в 1919 году в селе Пановы Кусты Тамбовской области. В 1938 году окончил железнодорожное училище в Кургане и работал на железной дороге. В 1940 году был призван в танковые войска. Был механиком–водителем танка. В боях участвовал с 1941 года на Юго-Западном направлении, защищал Сталинград, сражался на Курской дуге, с 1944 года служил в танковой бригаде Войска Польского. Ранен. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-ой и 2-ой степени, медалью “За отвагу”, Польским Военным Крестом.

После войны жил в Кургане. За трудовые успехи награжден орденом “Знак почета”, медалью “За освоение целинных земель”.

Смертоносная машина второй мировой войны раскручивала свои обороты. Моторизованные дивизии немцев мотали под колеса машин и гусеницы танков дороги Европы. Под их железным натиском пали Австрия, Чехословакия, Франция, Польша. Крепкий хмель националистического немецкого духа парил над Германией. Фашисты в открытую кричали о великом предназначении немецкой нации в преобразовании мира, о великой Германии и тысячелетнем Рейхе.

Я, рядовой Владимир Бокин, в те дни старательно навер-

тывал по утрам обмотки над солдатскими ботинками, а, они, проклятушие, при маршировке строевым предательски сползали, портили мой вид и настроение у меня и командиров.

В армии после тяжелой финской кампании, унесшей многие тысячи человеческих жизней, начались кое-какие новации. Вместо Клим Ворошилова на пост Наркома Обороны заступил маршал Тимошенко. Он круто повернул штурвал армейской жизни в сторону еще большего закручивания гаек. О дисциплине в войсках теперь говорили, что она должна быть не просто железной — стальной! Были учреждены дисциплинарные батальоны и гауптвахты строгого режима. И они не пустовали. За опоздание из увольнения можно было угодить под трибунал.

Из всех нововведений солдат радовала лишь замена холодного шлема-буденовки на шапку-ушанку. Но зато многих огорчил Указ Президиума Верховного Совета СССР о демобилизации заканчивающих службу военнослужащих в обмундировании третьей категории годности, которое дома в трехдневный срок надлежало сдать в военный комиссариат. Возвращаться домой со службы в заплатанной гимнастерке и стоптанных, драных ботинках было просто позорно: армия была любимицей народа. Да и у многих солдат, если говорить честно, дома костюмов про запас не лежало. Страна укрепляла оборону, до предела подтянула пояса.

В частях же мало что изменилась. Уже год, как я и мои сослуживцы старательно изучаем трехлинейную винтовку образца 1891/30 года. Знаем на зубок ее тактико-технические данные. Почти ежедневно после строевой подготовки отрабатываем приемы рукопашного боя по уничтожению врага штыком, прикладом и саперной лопатой. Ведем “стрельбу” лежа условно, так как каждый патрон в армии был на счету.

Перед отходом ко сну, рота выходила на прогулку, строилась в колонну по четыре и маршировала за ворота части.

— Раз-два! Раз-два! Запевай! — Протяжно командовал старшина. — Давай нашу родную, бронетанковую!

— Броня крепка и танки наши быстры... — в такт поступи выводил солдат-запевала.

Мой сосед, повоевавший с белофиннами, сплюнув смачно, ворчит:

— Посадить бы сочинителя этой песни в танк Т-26, да на передовую направить, как мы на линию Маннергейма шли. А после послушать, что бы он запел про броню. Она же на наших танках только от ветра и дождика спасает.

— Разговорчики в строю! Кому это захотелось полы в казарме драить? — грозит старшина.

С побудки кручу обмотки над ботинками. День начался и кончился, как всегда, по распорядку. Ан, нет! Поступила команда: “Срочно грузиться в эшелон!” Все ожило, закрутилось.

Телячьи вагоны оборудованы нарами. Сухой паек на трое суток в вещмешке. Суета сборов. Погрузка спешно, но без лишней суеты.

Под стук колес крепко спится. Шинель расстелил под себя, шинель в изголовье положил, шинелью укрылся. Все, как в сказке. Никаких тебе построений и строевых занятий. Красота! Зато раздолье политрукам. Беседы, беседы...

В Новороссийске погрузка на теплоход “Абхазия”. Три тысячи штыков! Теснота и духота в металлическом чреве корабля. Качает, кружится голова, хотя и не тошнит. В порт Поти пришли к вечеру. В бухте качаются на волнах копны соломы. Все смотрят с удивлением: “откуда они здесь взялись?” Но вскоре все прояснилось.

— Вытряхнуть за борт содержимое матрацев! Наволочки сдать! — Поторапливают командиры.

Ночевать полк разместили в городском парке, прямо на соломе.

Чуть свет подъем, и погрузка на машины. Колонна катит в город Вагаршапат. Там идет переформировка воинских частей. Меня зачислили башенным стрелком в 17-ю танковую бригаду. И снова на грузовиках едем, теперь уже в Ленинанкан. Место дислокации — красивая, просторная долина близ города. Все началось с колышка и топора. По шнуру выстраиваем палатки, солдаты носят песок и усыпают им дорожки. Дымят кухни. Действует дежурная служба части. Все по команде, все по распорядку. Командиров беспокоит весть — скоро сверху нагрянет комиссия, учинит проверку быта, строевой и политической выучки.

Танков в дивизии некомплект. Старенькие БТ-1 и БТ-7 дольше ремонтируем, чем они на ходу. Не хватает аккумуляторов,

горючего и масел. Все берегут на “особый случай”. Но у солдат об этом голова не болит: спрос за то не с нас. Солдату главное, чтоб выправка была, бравый вид, глаза чтоб “ели” начальство, все начищено до блеска от ботинок до пуговиц, улыбка на ширину приклада и четкий ответ на вопросы и команды: “Так точно”, “Ясно”, “Есть!” Таких бойцов любят проверяющие. Но скажу честно, у меня другой нрав, а точнее — норов, нелегко мне с ним.

Быстро летит время. Все по службе идет нормально. Но, непостижим русский национальный характер. Не зря великий поэт Федор Тютчев писал:

“Умом Россию не понять...” . Ну и характер россиянина тоже. Раздумывая над случившимся опосля: “Почему так поступил?” — удивляешься только и, чаще всего, ответить не можешь.

Выбирали на комсомольском собрании роты редколлегии стенгазеты. Кто-то из солдат выдвинул в нее меня, а мне в этом интереса нет. Взял слово и в биографии такое завернул, что старший политрук, присутствующий на собрании, в своем выступлении долго говорил о политической бдительности, а в завершении речи сказал, что в этом смысле кандидатура Бокина в состав редколлегии неуместна.

Не избрали. Так я и хотел. Радуйся Володя! Но “шлея” уже попала под хвост. “Это же как понимать! Быть членом редколлегии не доверяют, а стрелок на танке — пожалуйста! — Зудил я свои чувства. По какому такому праву? А вечером сел и написал письмо товарищу Сталину. В почтовый ящик, что был в части, опускать побоялся: затрут еще, не выпустят. В субботу, когда рота шла в городскую баню, попросился выйти из строя и письмо опустил.

Через неделю вызвал командир части.

— Почему нарушаете Устав, рядовой Бокин?! — грозно начал начальник. — Кто вам разрешил обращаться не по инстанции, к высшему руководству страны, минуя своих командиров?!

— Я обратился к товарищу Сталину не как к командиру, а как к депутату Верховного Совета СССР. В этом нарушения Устава нет, — ответил я. — Мы на политзанятиях проходили.

— Ишь, ты, грамотный какой! — парировал командир. Но тон сбавил, а вскоре и вовсе говорил уже почти дружески.

Беседа завершилась совсем спокойно и благожелательно. Я явился в роту героем. Окружили дружки: всех интересовало, что там стряслось, коли к командиру вызывали.

Рассказывал о письме Сталину. У многих от удивления глаза поползли на лоб: “Ну, Володька, ты даешь!”

— А что тут особенного. Имею право! И пишу, по конституции разрешается...

А через неделю самолично схлопотал новые неприятности. Предстояли контрольные стрельбы по мишеням.

Начальство делало все, чтобы они прошли успешно. А я вспомнил, что после прошлогодних, осенних стрельб лучшим стрелкам присвоили звание сержанта и еще на год продлили службу, так как рядовые служили два года, а сержанты — три. Чтоб не служить лишний год, решил пальнуть по флажкам.

Задумано — сделано. Разъяренный ротный, разгадав маневр, пригрозил, что симуляцию так не оставит. Вскоре я, якобы за нарушение устава караульной службы, был отправлен на гарнизонную гауптвахту. А условия там “не фонтан”. Голые нары. Подъем в 5 часов утра. Ни стула, ни скамейки, бетонный пол. Если штрафник на него садился от усталости, надзиратель команду встать не давал, но где-то открывал вентиль и на полу появлялась лужа.

Когда появился в роте, меня снова окружили дружки: “Ну, как оно там, Володька, на “губе”?”

— Жить можно, — улыбался я, — солдат он и есть солдат. Видите...

Байки эти дошли до ротного. Он вызвал в свой кабинет:

— Ну, вот что, рядовой Бокин, вижу тебе неймется. Давай-ка письмецо твоим родителям напишем.

— Это еще зачем?

— А чтоб дома знали, как ты к службе относишься. Если дело и дальше так пойдет, то и до трибунала недалеко.

Письмо ротный написал. Обидное письмо. Но и другой ключик стал подбирать: назначил меня своим оповещающим.

При ночной тревоге бегать к ротному домой. В часть спешим уже вместе. Дорога длинная. Времени для разговоров много. И о службе, и по душам.

Как-то весной сорок первого года проводились ночные ученья. Командир получил вводную и маршрутную карту. Быстро

сели в грузовики и устремились в горы. Через час машины уперлись в полосатый шлагбаум. Из помещения вышел командир-пограничник и сказал, что дальше пути нет, там Турция. Ротный недоумевал. Выяснилось, что подразделение значительно отклонилось от маршрута. Машины развернулись и снова в путь. Через час отряд уперся в ворота птицефабрики. Командир крутит компас, растерянно смотрит на карту. На ней никакой птицефабрики не значилось. Есть мясокомбинат. Сторож птицефабрики поясняет, что до него километров пятнадцать в сторону. Отряд разворачивается и спешит туда. Рядом с шофером в головную машину сопровождающим садится друг сторожа — местный житель, а ротный перебирается во второй грузовик, где солдаты со смехом рассказывают анекдот: “В деревню въезжает отставший от части грузовик. Лейтенант, выскочив из машины, спрашивает проходящую женщину:

— Гражданочка! Здесь военные проезжали?

— Проезжали.

— Танкисты?

— Не знаю.

— Карту они смотрели!

— Смотрели.

— А дорогу спрашивали?

— Спрашивали.

— Ну, слава Богу, это уж точно наши...”

Всю ночь рота каталась наугад. Задачу не выполнила.

ГРОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА

Утро 22 июня выдалось улыбчивым. После завтрака старшина роты распустил солдат на отдых. Кто-то уселся за письма родным, а я с товарищами-танкистами пошел на горный ручей окупаться, постирать белье и позагорать. Вскоре прибрежные кусты густо забелели от нательных рубах.

Пришел сюда и батальонный комиссар. В полной армейской форме: в сапогах, галифе, гимнастерке и фуражке, ему было жарко, но сбросить все это и окупаться в холодный ручей не полагалось: “Не допускать панибратства с рядовыми”, - гласила инструкция. Он посмотрел на часы и зычно отдал команду: “К 11 часам дня собраться в клубе части — на лекцию”.

Солдаты недовольно загудели. Но что делать? Гуди, не

гуди... Вставай и иди.

Снял с куста уже подветренные обмотки и носки, взял в руки ботинки и босиком, не спеша, побрел в часть. В гарнизоне у столба с репродуктором толпилось человек пятнадцать.

— Что вы тут толчетесь! Головы позадирали, будто лиса на ворону с сыром. Сыра не будет на этот раз.

— Тише ты, остряк-самоучка! Правительственное сообщение будут передавать, — прищипнули на меня, — а ты тут с остротами лезешь.

И, правда, из репродуктора заговорил народный комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Михайлович Молотов: “Граждане и гражданки Советского Союза. Сегодня, в четыре часа утра, фашистская Германия без объявления войны, вероломно напала на нашу Родину...”.

Люди словно окаменели, а после выступления Молотова метнулись в казарму. Солдат словно ветром сдунуло и с берега. Они бежали к казарме кто босиком, кто лишь в нательном белье. За какие-то считанные минуты роты были уже в сборе, обмундированы и подтянуты, готовые выполнять команды. Но их-то и не было. Командиры находились дома, в городских квартирах, за несколько километров от части. Казарма гудела, как улей, а распоряжений нет.

Время обедать. Старшины командуют построение и ведут роты в столовую. Все по распорядку. И только тут будто очнулся комиссар. Подал команду: вестовым и связным явиться к месту сбора для отправки в крепость. Машина с вестовыми понеслась к городу за командирами.

К вечеру полк напоминал муравейник. Все куда-то спешили, что-то несли и тащили, получали и грузили. Сухой паек уже в вещмешках, аккумуляторы получены со склада и установлены на танки и автомашины, закачано в бензовозы горючее.

А в штабе уперлись с выдачей патронов и снарядов интенданты складов боевого обеспечения: нет письменного на то указания из штаба округа. А выдать боезапас без него — можно и под трибунал угодить. Командир полка берет ответственность на себя, пишет приказ и скрепляет своей подписью и печатью, отдает интендантам. Те, нехотя, подчиняются. Всю ночь солдаты мыли соляжкой боезапас, протирали насухо,

набивали обоймы, магазины и ленты патронами, укладывали в танки снаряды.

Только в 5 часов утра первый отряд техники вышел кое-как из гарнизона в горы. Из-за неумелой езды водителей двигался медленно, с большим пережогом горючего. Люди еле держались на ногах. К полудню танки свернули с дороги, рассредоточились. Их накрыли маскировочными сетями.

Для меня, как и для миллионов таких же солдат, началась многотрудная, полная опасностей и смертей дорога большой войны, о которой в тот день ни кто даже и не предполагал.

Записал Геннадий Устюжанин

Иван Евдокимов

К ПАМЯТИ ОБРАЩАЯСЬ

Иван Иванович Евдокимов родился 8 мая 1908 года в деревне Малое-Дюрягино Шумихинского района. В юные годы был активистом комсомола, срочную службу в Красной Армии проходил в тридцатые годы. 27 июля 1941 года ушел на фронт. Насмерть стоял в битве под Москвой, сражался за Сталинград, участвовал в боях на Орловско-Курской дуге. Дважды тяжело ранен. Дважды на него приходили домой похоронные извещения. Вернулся домой после тяжелого ранения в конце 1943 года. Ратный подвиг Евдокимова отмечен орденом Красного Знамени, медалями “За оборону Москвы”, “За оборону Сталинграда”, “За отвагу”, “За боевые заслуги”. Демобилизовавшись после тяжелого ранения в 1943 году, Иван Иванович трудился на мирном фронте. Награжден медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”

В моем военном билете был вклеен красный листок-предписание: “В случае войны вы обязаны не позднее, чем на третий день, явиться в военкомат”. И вот — война.

В военкомате в эти июньские дни было не пробиться: даже во дворе и на улице стояли люди. Все стремились попасть к военкому. Наконец, он вышел и объявил:

— Кто был нужен — мы вызвали. Остальным лучше идти

на рабочие места и ждать повестки.

27 июля пришла повестка и на мое имя. Набрали команду из 37 человек высококвалифицированных трактористов и отправили учиться: стали готовить механиков-водителей, стрелков-радистов и башенных стрелков.

Учились упорно, времени не считали. Изучали не только свою специальность. Перед танковыми экипажами стояла задача, чтобы в бою каждый мог заменить товарища.

В первых числах ноября получили мы новенькие тяжелые танки "КВ". Укладывали боекомплекты, заправляли машины горючим, грузили их на платформы, укрывали брезентом. Вскоре наш эшелон в числе других уже мчался на фронт, на защиту Москвы. Двигались с такой скоростью, что встречным ветром надувало, а порой и срывало брезент с машин.

Несколько наших эшелонов зашли в Москву и разгрузились. 7 ноября танкисты на своих машинах участвовали в параде на Красной площади, а потом сразу ушли на фронт.

Наш эшелон, минуя Москву, двигался в калининском направлении. Прибыли и разгрузились в сосновом бору. Отогнали в лес и замаскировали танки.

Вскоре двинулись на позиции. Фронтовики нас ждали. Танков на фронте не хватало, их появление было встречено с большой радостью. Из прибывших танковых экипажей формировались полки, батальоны. Я попал в 182-й особый танковый батальон капитана Юрьева, в 1-ю ударную армию генерал-лейтенанта Кузнецова.

Сразу же мы получили приказ, который устанавливал строгие нормы расхода боеприпасов. Для поддержки обороны мы часто перемещались с места на место. Это вызывалось нехваткой танков. В ту зиму под Москвой стояли сильные морозы, которые нередко достигали сорока градусов. В картерах двигателей застывало масло, было целой проблемой наутро завести танк. Но и на фронте находились свои рационализаторы. Кто-то, видимо, из сибиряков, предложил под танками жечь таежные костры. Горели они неярко, да и дыма особенного не было. Такие костры равномерно обогревали днище танка. Это намного упростило задачу запуска моторов. Теперь боевые машины были в постоянной готовности.

Нам, хозяевам танков, редко приходилось спать в доме или

землянке. Чаще довольствовались ложем из веток.

Первый бой мне врезался в память. Было это во второй половине ноября 1941 года. Роту срочно вывели на участок, где немцы потеснили наши войска. Мы с ходу пошли в наступление. Видно, танки здесь были редкими гостями, и для немцев наше появление стало полной неожиданностью. Они открыли огонь по нашим машинам из всех видов оружия. В правый борт нашего танка хлестнула очередь, видимо, из крупнокалиберного пулемета. Фашист целился чуть выше гусеницы, чтобы зажечь бак с горючим, но пули ударили в борт машины на уровне моей головы. Я инстинктивно на какое-то мгновение прикрыл голову рукой, как бы защищая себя от удара, потом одумался.

Наш танк делал короткие остановки — и следовал оружейный выстрел.

Вот и первая немецкая траншея. Я видел, как немцы выкаивали из нее и перебегали в другую. Вот и расстояние до них позволяет стрелять, а я все смотрю и смотрю.

По танковому переговорному устройству слышу голос своего командира, лейтенанта Фролова:

— Почему не ведешь огонь?

А я думал об одном: “Надо стрелять наверняка. Удачно отстреляюсь в первом бою — так будет всегда”. И мой пулемёт заработал. В оптический прицел видно, как убегающие фашисты как будто ныряли головой в снег и оставались недвижимыми. Я стрелял и приговаривал:

— Кто вас сюда звал? Что вам тут надо? Русские не терпят непрошенных гостей.

Сутками мы мерзли, редко когда могли погреть руки да переобуться. А тут, когда отходили на исходные позиции, я почувствовал, что весь в поту, у меня мокрые волосы. И по спине катились капельки пота. Большим напряжением сил и нервов дается каждый бой, а первый — в особенности.

Через месяц нашего пребывания под Москвой началось большое наступление.

Бои шли упорные. Фашисты яростно сопротивлялись. Наши подразделения продвигались в направлении города Калинина. Полмесяца мы не могли выбить гитлеровцев с насиженных мест, из добротных укреплений. Они зарылись глубоко в землю, а

сильные морозы сковали грунт до гранитной твердости.

К нам подходили подкрепления, больше было сибиряков: красноярцев, новосибирцев, наших земляков-уральцев. И враг не выдержал натиска. 16 декабря 1941 года мы освободили город Калинин. Город был полностью разрушен, глазам предстали сплошные руины. Разбито, взорвано все, что только можно разрушить.

Наступление продолжалось, несмотря на бешеное сопротивление фашистов. В одном из боев на подступах к городу Старице Калининской области наш танк был подбит: разбита левая ведущая звездочка, порвана гусеница. Машина находилась на поле боя, где по нам вели прицельный огонь. Защищаться мы не могли: весь боекомплект израсходован. По рации командир роты приказал под прикрытием огня других танков покинуть машину и укрыться в безопасном месте.

Едва мы отползли от танка метров на 40-50, как рядом разорвалась мина. Башенный стрелок Коновалов, родом из Копейска, был убит, мне осколок впился в бок. Боевые друзья вынесли меня из-под обстрела, перевязали, доставили в санбат.

Долгих четыре с лишним месяца пролежал я в госпитале, прежде чем смог встать в строй. И сразу пришлось переучиваться. На этот раз и до конца моих боевых будней я стал стрелком-радистом знаменитой “тридцатьчетверки”.

К ноябрю 1942 года мы получили новехонькие танки и вышли в район Сталинграда. Здесь шла грандиозная битва. Экипаж нашей “тридцатьчетверки” в составе танковой роты с 1 по 19 ноября находился в боевом охранении переправы через Волгу.

Для защиты переправы была организована мощная оборона. Наготове стояли зенитки, пушки, танки, “катюши”. В землю зарыты танки, пушки которых направлены в сторону возможного появления противника. На берегу отрыты огромные, длинной до 50 метров, землянки для обогрева солдат.

Переправа использовалась интенсивно: готовился мощный удар по фашистским армиям, осадившим город на Волге, и с левого берега на правый шли и шли наши войска. Только позднее я узнал, что в то время через Волгу переправилось 160 тысяч солдат, 10 тысяч лошадей, 430 танков, 600 орудий, 14

тысяч автомобилей и около 7 тысяч тонн боеприпасов. А в те дни воздух был напоен дымом пожарищ, днем и ночью грохотали взрывы, не стихала пулеметно-ружейная стрельба. То и дело в небе над переправой вскипали жаркие воздушные бои.

Вскоре нас сняли с обороны переправы. Мы вступили в сражение за Сталинград. И пошла каждодневная карусель жесточенных боев. Немцы из излучины Дона наступали. Мы отбивались, сами переходили в наступление. Хорошо проявил себя в сражениях наш 8-й механизированный корпус. Позднее ему было присвоено звание “гвардейский Сталинградский ордена Суворова второй степени механизированный корпус”. Командовал генерал со звучной фамилией Орел. И он был под стать фамилии: бесстрашный, умный полководец.

Наши силы прибывали с каждым днем: сосредотачивались войска для окружения фашистских орд под Сталинградом. Все туже и туже замыкалось кольцо вокруг группировки фельдмаршала Паулюса. Уже для осажденных фашисты стали сбрасывать боеприпасы и продовольствие на парашютах. Часть этих грузов попадала к нам.

У гитлеровцев начался голод. От пленных румын мы узнали, как немцы обходятся со своими союзниками. Когда стало плохо с продовольствием, фашисты забрали всех коней у румынского кавалерийского корпуса, не оставив союзникам ни одного. Коней пустили себе на пропитание, обрекая румын на голод. Так подлая сущность фашистских “сверхчеловеков” проявлялась каждодневно, ежечасно.

А сражение за Сталинград шло с непрестанной силой. В январе советские войска завершили, наконец, окружение армии Паулюса. Накануне соединения 62-й армии генерала Чуйкова и 21-й генерала Чистякова вели особенно кровопролитные бои. Чуть не стал для меня последним бой на Мамаевом кургане.

О жестокости нескончаемых боев я уже говорил. Еле успев пополнить боезапас и заправиться, мы снова вступали в бой. После окончания битвы за Сталинград в броне нашей “тридцатьчетверки” насчитали 102 вмятины от снарядов.

Один снаряд ударил в башню танка. Броню не пробил, но бед наделал: от страшного удара окалина от брони мельчайшими осколками брызнула мне в лицо, в глаза... Думал, ос-

лепну. Та же мысль была у товарищей, вытащивших меня, окровавленного, из машины.

Но все обошлось. Уже через несколько недель товарищи из экипажа радостно встречали меня. Только черные оспины в коже лица да в белках глаз остались с тех пор на всю жизнь.

Операция по разгрому немцев под Сталинградом победоносно завершилась. Войска, в ней участвовавшие, попали на переформировку. Свой многострадальный, весь израненный танк мы оставили: на нем уже нельзя было воевать.

Медаль “За оборону Сталинграда” вручали нам уже в Воронежской области, где находились на переформировке.

Рассказывая о буднях фронтовых дней, нельзя не упомянуть о тех, кто шел впереди — коммунистах.

Путь к победе был нелегким. Он шел через битвы под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, через сражение за Кавказ, другие крупнейшие наступательные операции. Спроси и сегодня любого фронтовика: — кто был организатором атак? Уверен, ответ будет один — коммунисты.

Комиссар, политрук, парторг. Эти люди были как бы из другого материала: их никто не видел усталыми, они успевали всюду.

Помню комиссара батальона, старшего лейтенанта челябинца Манчикова. С ним вместе мы защищали Москву. Это был особенный человек. Он знал в батальоне каждого по имени-отчеству, знал, у кого какая семья и чуть ли не у каждого — домашний адрес. Когда мы ходили батальоном в атаку, комиссар на своем танке старался быть впереди. Но часто другие машины обгоняли его то с одной стороны, то с другой, стараясь прикрыть. Как могли, мы берегли своего комиссара. Он по лицу мог угадать настроение каждого. Получил я как-то из дому письмо от жены. Пишет о несправедливости, которую допустил один из руководителей к семье. Настроение у меня от этой весты было подавленное. И тут комиссар заметил мое состояние.

— Почему хмур? — спросил он. — Какая причина?

Я рассказал о письме. Комиссар успокоил меня.

Через некоторое время получаю письмо из дому. Жена пишет, что райисполком получил письмо из воинской части, где я служу, в котором рассказано о несправедливых действиях

председателя сельского Совета. Его решение отменено.

Как я потом узнал, это была работа комиссара Манчикова. Спасибо ему!

Таких комиссаров я встречал за войну немало. Был у нас комиссар в Сталинграде, грузин, фамилии, жаль, не помню. Это был человек исключительной храбрости, ради своих бойцов готовый на все.

Фашисты подбили один из наших танков. Машина стояла под обстрелом противника. Двое бойцов из экипажа погибли, двое оказались ранеными, о чем и сообщили по радию.

Комиссар на только что отремонтированном танке один поехал к подбитой машине и вывез раненых. О таком человеке можно было написать книгу. В боях на Курской дуге наш бесстрашный комиссар погиб.

Танкисты не стояли длительное время на одном месте. Их перемещали туда, где труднее. В таких условиях, казалось бы, какая могла быть речь о партийной работе. Но работа велась. Шли жестокие непрерывные бои. И шли в минуты передышки партийные собрания, на которых решались злободневные вопросы: как лучше выполнить приказ командования, о занятии города или рубежа. Шел и прием в партию.

Собрания на фронте проводились, пожалуй, чаще, чем в тылу. Были случаи, когда приходилось, прервав собрание, отбивать атаку врага, потом продолжать, порой уже в меньшем составе. Особенность фронтовых собраний состояла в том, что вопросы здесь решались активно, быстро, по-деловому.

Комиссары пользовались на фронте особым расположением и любовью бойцов. Сколько было случаев, когда солдаты закрывали собой их от пуль.

Наш корпус прибыл в район Курской дуги в середине июля 1943 года. Только что отгремела первая схватка, когда фашисты, пытаясь перейти в наступление, проверили прочность нашей брони. Она оказалась крепкой. Потом началось наше контрнаступление, которое гитлеровцы остановить были не в силах.

В один из дней нас, целую роту танкистов, на машинах привезли в тыл, за один-два километра от передовой.

Там стояли два огромных новеньких танка неизвестной марки. Это были немецкие "тигры". Вокруг танка с большой

палкой ходил майор, показывая нам уязвимые места, рассказывал технические данные. Знал он немецкую машину в совершенстве.

Вопросов задавали много: с этими “тиграми” нам предстояло еще встретиться в боях. Каждый экипаж проехал на этом трофее, а механики-водители попробовали управлять им.

Почти всю битву наша рота не встречалась с “тиграми”, их у фашистов, видимо, еще было мало.

Большая Писаревка. Здесь немцы продолжали отступать, для наступления они уже не имели сил. В некоторых местах гитлеровцы еще предпринимали контратаки с целью улучшения своих оборонительных позиций. Вот тут мы и встретили первый раз “тигров”. Они стояли в капонирах и вели по нам огонь, прикрывая свои танки, которые пытались овладеть высотой.

Наш танк, как бы обходя стороной атаку немцев, шел по склону высоты. Атаковавшие немецкие танки оказались к нам левым боком. Нас они не видели.

Мы поднимаемся по склону. Короткая остановка и выстрел. Задним ходом откатываемся за холм.

Снова поднимаемся. Выстрел — фашистский танк горит. Экипаж выскакивает наружу и попадает под очереди моего пулемета.

Снова несколько выстрелов, и горит еще один танк. И второй экипаж полег от пулемета.

За этот бой наш экипаж был награжден, я получил медаль “За отвагу”.

Кто был участником битвы на Курской дуге, тот не может забыть фашистских укреплений. Нам, танкистам, особенно памятливы они, ведь мы первыми пробивали брешь в обороне врага.

Полтора года немцы имели возможность здесь, на Курской дуге, возводить укрепления. И они постарались. Первая полоса обороны состояла из пяти рядов траншей с ходами сообщения. Между траншеями устроены проволочные заграждения на стальных кольях. И, самое главное, были сплошь минные поля. Заранее проделать проходы в этих начиненных смертью полях не было возможности.

Появилась в это время у немцев и новинка: танковая баш-

ня, стальной колпак, которой перевозился на прицепе тягача. Его ставили в яму, сверху оставалась овальная часть колпака с амбразурами для пулемета, а сверху стереотруба для обзора. У башни была плотная дверь. Такие броневые колпаки использовались как огневые точки или наблюдательные пункты. Блиндажи немцы строили в несколько бревенчатых накатов. Внутри эти убежища были обшиты фанерой, устроены полочки, вешалки и постели, с награбленными у населения подушками и перинами. Словом, устраивали себе полный комфорт. Наши блиндажи не имели такого комфорта. Да и не нужен он был нашим войскам, мы не собирались отсиживаться в обороне. У нас стояла одна цель — идти вперед.

Фашисты были уверены в неприступности своей обороны. Но перед бурей нашего наступления не устояли, зашатались и рухнули их укрепления, зловещие новинки их обороны.

И еще об одной новинке вражеской обороны. В одном из наступлений после артподготовки мы на своих “тридцатьчетверках” устремились на передний край противника.

Наш танк быстро приближался к первой траншее. До нее осталось совсем немного. Мой глаз плотно прижат к резиновому окуляру оптического прицела, а палец — на гашетке пулемета. Вдруг я увидел, как бы из подземелья вынырнула немецкая каска. В тот же миг я нажал на гашетку. Короткая очередь — каска исчезла.

После того, как мы проутюжили вражеские траншеи, их заняла наша пехота. Наши машины отошли в лесок на исходные позиции. Это было совсем рядом с тем местом, где я стрелял по каске. А она все не выходила из моей головы. Рассказал ребятам из экипажа об этом случае. Они посмеялись: такого еще не бывало, чтобы люди выныривали из земли, как из воды. Тогда с моим другом механиком-водителем Лукьянчиковым мы решили посмотреть, что там такое было.

Проходя вдоль немецкой траншеи, слышали возбужденные голоса наших солдат. Они нашли ход, ведущий из траншеи в сторону фронта. Ход тянулся метров 7-8 на глубине более метра и выходил на поверхность круглым отверстием со ступеньками по бокам. Оказывается, это тоже была новинка фашистов для истребителей танков. Из таких нор они гранатами подрывали наши машины. Мы заглянули в нору. Там,

скорчившись, сидел уже окоченевший немецкий офицер. В правой руке крепко зажата граната. Она могла бы взорвать наш танк, но фашист не успел, его скосил пулемет нашей “тридцатьчетверки”.

Этот случай стал известен всем экипажам нашего корпуса. Танкисты были предупреждены о новшестве фашистов. Мне в наградном листе было записано: “За спасение боевой машины и уничтожение истребителя танка наградить медалью “За боевые заслуги”.

Август 1943 года для фашистов сложился тяжелым. Одну за другой оставляли они свои укрепленные линии. Натиск наших войск был таким, что в некоторых местах гитлеровские войки панически бежали.

За период битвы на Курской дуге я не помню ни одного дождя. Большинство грунтовых дорог были настолько избиты, искромсаны танковыми гусеницами, что поднявшаяся пыль сутками висела в воздухе. Поэтому даже авиации было трудно порой установить линию обороны врага.

Мы бесперерывно вели танковые атаки на противника. Не было времени даже на короткий отдых. Экипажи сильно изматывались. И вот, когда нам предстояла кратковременная передышка, командир роты гвардии капитан Колесников получил приказ разведать и установить линию обороны противника.

Времени для того, чтобы послать в разведку менее уставший экипаж, у командира не было. Он получил разрешение идти в разведку на своем танке и взять еще один экипаж. Мы уложили двойной боекомплект, заправили баки горючим и приступили к выполнению боевого задания. Единственное, что знали о противнике, это то, что он находится в 8-10 километрах.

Выехали в неизвестность. Вскоре возникла еще одна трудность. Фашисты мстили населению за свое поражение, угоняли людей в Германию. Мы не могли встретиться с местными жителями, потому что люди прятались. Но все-таки мы встретили двух пожилых женщин. Они нам сказали:

— Фашисты шли и ехали не один день. Шли еще и сегодня. Все на запад.

Такая информация нас не устраивала. Солнце клонилось к закату, а мы так и не выяснили обстановку.

Второй танк отстал. Ребята по радиации передали, что заба-

рахлил мотор. Мы остались одни. Быстро сгущались сумерки. И вот под гусеницами танка захлюпала вода, по смотровым щелям захлестали ветви кустов. Остановились, осмотрелись и поняли, что попали в болото.

Стало совсем темно. Прожектора у нас не было, на фронте их хватало до первого боя. Да если и был бы, едва ли им могли бы воспользоваться в создавшейся неопределенной ситуации. Я связался по радиации с полком, командир доложил обстановку и получил приказ оставаться на месте до рассвета.

Мы заглушили мотор. Сломанными ветками замаскировали свою машину и устроились на ночь в танке. Усталость бесперывных боев, недосыпание последних суток такой тяжестью придавили нас, что мы все провалились в сон, как в яму.

На рассвете беспокойный командир очнулся первым и легкими толчками разбудил нас. При этом он говорил шепотом, чтобы мы молчали.

На фронте нужны мгновения, чтобы перейти от сна к бодрствованию. Мы обратились в слух. Командир сказал:

— Кругом нас находятся немцы.

И точно. В смотровые щели мы разглядели пушки, крытые автомашины и даже автобус. Главным зрелищем была полевая кухня, из трубы которой курился дымок. К кухне тянулась длинная очередь немецких солдат с котелками. Некоторые из них были в одних трусах.

Когда они тут появились, мы не знали. Но только не раньше нас. По их беспечному поведению мы чувствовали — они не знают о нашем присутствии. Спасибо маскировке!

Нас беспокоило одно — как быстрее вырваться из болота. Когда хорошо осмотрелись, оказалось, что мы находимся на мысу, вклинившемся в болото. Опасности завязнуть не было.

Всем экипажем договорились, как в столь необычной обстановке вести бой. А что вступать в бой необходимо, согласились молча. Самым главным преимуществом в создавшейся ситуации была внезапность. Многое зависело от механика-водителя. Мастерство нашего механика танка Лукьянчикова нам было хорошо известно по Сталинграду. Не раз он выходил победителем из самых, казалось бы, безвыходных положений. Экипаж верил в него.

Яростный рокот мотора и выскочивший из болота танк, с

которого еще не успели слететь все ветки маскировки, произвели на фашистов ужас. В гущу гитлеровцев ударили пушка и пулемет.

Я боялся потерять из поля зрения кухню — это был мой ориентир — и беспрерывно стрелял в живую очередь.

Немцы метались из стороны в сторону.

Командир из пушки разбил машины и прицепленные к ним пушки. Крытые машины и автобус занялись пламенем.

Механик все время маневрировал, делал короткие остановки для стрельбы из пушки, давил все, что попадало под гусеницы. Командир по танковому переговорному устройству корректировал действия экипажа.

А между тем немцы опомнились и начали вести по нам организованный огонь. Ударили пушки. Одну после первого же выстрела мы уничтожили. Но уже пора было покидать поле боя. И мы, отстреливаясь, стали отходить, тем более, что получили по рации приказ возвращаться.

Когда вернулись, о наших делах знал командир корпуса, который посылал самолет сфотографировать место боя. Как потом стало известно, из тыла пришла на пополнение немецкая часть. С ней у нас и произошла встреча.

В наградных листах было написано: “Экипаж танка командира роты гвардии капитана Колесникова уничтожил более двух батальонов пехоты противника, несколько пушек, штабные машины и боеприпасы. Гвардии капитану Колесникову присвоить звание Героя Советского Союза. Механика-водителя Лукьянчикова наградить орденом Красного Знамени, стрелка-радиста Евдокимова — орденом Красного Знамени, башенного стрелка Латышева — орденом Красной Звезды.

Перед городом Грайвороном в августе 43-го шли тяжелые танковые бои. Немцы продолжали яростное сопротивление. Но ничто не могло остановить наши войска.

У нас в полном достатке имелись боеприпасы, на танках поставлены более мощные пушки, а пехота вместо винтовок вооружена автоматами. Такого количества наших самолетов, как здесь, я не видел ни под Москвой, ни в Сталинграде. Едва отбомбившиеся самолеты возвращались на свои аэродромы, как на смену им появлялись новые.

Развивая наступление, наши танки преследовали врага.

Через новенький мост на реке перед Грайвороном и ворвались в город. Потом мы узнали: этот мост только что был построен немцами. Они так поспешно отступали, что не успели его взорвать.

Грайворон — городок небольшой, дома деревянные, улицы немощные. Когда наша рота входила в город, другие танки уже пересекали его.

Жители города, узнав, что это советские танки, вышли встречать долгожданных освободителей. Мы увидели группу людей десятка в полтора. Впереди стоял седобородый старик. На вытянутых руках он держал поднос, покрытый вышитым полотенцем, а на нем небольшая, в два кулака, булочка хлеба и деревянная солонка. На груди старика поблескивали три георгиевских креста.

Командир роты приказал танкам остановиться, а мне вместе с ним выйти из машины. Едва мы подошли к встречающим, как оказались в крепких объятиях.

Старик смотрел на нас, то на одного, то на другого, пытаясь определить старшего. Это ему не удавалось: на нас были комбинезоны без погон.

Я подсказал. Старик вручил командиру хлеб-соль. Командир попытался было вернуть их старому человеку, зная, как голодали наши люди при немцах. Но старик сказал:

— Отказаться от этого нельзя. Чтобы испечь такую маленькую булочку, мы еле-еле нашли муки. А труднее было с солью.

Капитан пообещал, что хлеб-соль он разделит на всю роту. Мы сердечно распрощались. Булочку хлеба и соль капитан передал на хранение мне. Я ее потрогал, она оказалась изрядно черствой, видно, ждали нас тут уже несколько дней. Потом булочку разрезали на дольки по количеству людей в роте. Каждому была известна история этой дольки. Все принимали ее как святыню.

Встречали нас везде как самых дорогих и родных людей. Сколько было тогда у людей радости и счастья. И подумать страшно, как мог свободный советский человек пережить рабство.

Мне запомнилась еще одна встреча. Не помню названия той небольшой деревушки. Несколько наших танков остановились, чтобы долить воды в радиаторы. Из деревни выходи-

ли две дороги. Командир роты приказал мне узнать у жителей, которая из них главная. Я прошел в одну сторону деревни, потом в другую. Людей нигде не было видно. И вот из одного двора на меня с криком радости бежит худенький, маленького роста старичок с седой бородкой, а за ним две девушки. Старик обнял меня, целовал и плакал.

Вот ради таких встреч трижды была пролита моя кровь, пережиты подмосковные морозы 1941-42 годов. Сталинградское сражение и, наконец, июльский зной, перемешанный с жаром мотора и пороховыми газами в бронированной башне на Курской дуге.

Я часто вспоминаю преподнесенные хлеб-соль, слова, обращенные к нам, освободителям. Для меня это выше всяких наград.

...Когда по берлинскому радио был передан приказ коменданта города Берлина о бессмысленности дальнейшего сопротивления, из окон уцелевших домов последние защитники столицы немецкого рейха вывесили белые флаги капитуляции. И после продолжительной, непрерывной канонады, наконец, наступила тишина.

На стенах рейхстага советские воины-победители, дошедшие до Берлина, оставляли свои автографы.

В это время за несколько тысяч километров от немецкой столицы, на Урале, в Челябинске, на танкодроме — так тогда называли Челябинский тракторный завод — с конвейера сошел последний танк “ИС” военного времени.

Этот танк не отправили на фронт. В знак памяти героического трудового подвига челябинцев, от которых фронт получил 18 тысяч танков и более 48 тысяч танковых моторов, танк установили на постаменте на Комсомольской площади против фасада Дома культуры ЧТЗ. Во время войны в этом помещении учились и формировались танковые экипажи. Отсюда я поехал в 1941 году защищать Москву.

Когда я бываю в Челябинске, как бы ни был занят, но на Комсомольскую площадь заверну обязательно. Вспоминаю о друзьях, с которыми вот по этой площади ходили и пели: “Идет война народная, священная война”. Любил эту песню наш запевала. Под Москвой мне пришлось его хоронить.

Каждый раз, приходя к постаменту, я встречаюсь с танком

как со старым другом. Ведь танк спасал меня своей броней от вражеских пуль и осколков. Ведь это мы с ним не только огнем, но и гусеницами очищали нашу страну от фашисткой нечисти под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге.

Каждый раз я читаю и перечитываю надпись на постаменте, хотя давно знаю ее наизусть:

“Уральцы, вам, чьи руки золотые ковали здесь победу - победу над врагом”.

Низкий поклон вам, кузнецы победы, от нас, ветеранов войны. Это вы дали нам силу, мощь, надежную технику, чтобы сокрушить врага,— с такими мыслями я каждый раз прощаюсь со своим стальным другом до следующей встречи.

Запись сделана в 1980 году Михаилом Лисюком.

Владимир Розелиус

В ПАМЯТИ НАВСЕГДА

Владимир Всеволодович Розелиус родился в 1918 году в Ленинграде. Перед Отечественной войной работал инструктором-цинкографом в Курганской городской типографии. 22 июня 1941 года был призван в армию. Воевал на Западном фронте командиром батареи в составе 27 гвардейского стрелкового полка 11 гвардейской стрелковой дивизии. Был тяжело ранен. Награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1 степени, медалями.

Обращение военного комиссара области к землякам по широкой подготовке к 100-летию юбилею Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова вызвало у меня глубокие размышления. Действительно, если не мы, ветераны, чьи боевые и житейские дороги когда-то пересекались с путями маршала Жукова, то кто же еще расскажет сегодняшним поколениям, каким был на самом деле этот воистину Великий воин и человек? И он, и поколение людей, жертвовавших своими жизнями на алтарь Отечества, во имя свободы Родины и счастья детей своих и внуков.

Мне посчастливилось встречаться с Георгием Константи-

новичем Жуковым в годы войны, а потом и на родной зауральской земле. Встречи эти остались со мной навсегда. Вот как это было.

Призвали меня на войну в ночь с 22-го на 23 июня 1941 года. А утром, в 8 часов, два вагона с мобилизованными в армию были прицеплены к железнодорожному составу. Поезд в пути почти не останавливался, лишь временами гудел да парил от быстрого бега. К обеду мы были уже в Челябинске. Там нам не разрешили покидать вагоны. Только я как старший группы с документами проследовал к военному коменданту. А через пару часов мы уже с новым эшеленом ехали в Златоуст. Здесь нас встретили, сводили в баню и одели в военную форму. И сейчас я вспоминаю, с какой завидной четкостью работал в те дни государственный механизм. Поражали организованность и четкость исполнения.

На следующий день мы выехали в Уфу. Здесь формировались пехотные части. Мобилизованные спешно проходили курс молодого бойца и отправлялись на фронт. Я же был артиллеристом, и наше формирование затянулось. Только осенью были сформированы несколько дивизионов полковой артиллерии. Мы выехали на фронт.

В местечке Бронница под Москвой меня назначили командиром первого огневого взвода 22-го отдельного противотанкового дивизиона. Его только что ввели тогда в 16-ю армию Константина Константиновича Рокоссовского. Понесшая большие потери в боях с фашистами, она в те дни спешно пополнялась за счет уральцев и сибиряков. Шли ожесточенные бои на Московском направлении. Немецкие войска как бы железной подковой охватили столицу. В любой момент можно было ожидать команды выдвижения на фронт.

А пока мы комплектовались всем необходимым. Меня командировали в армейский штаб, чтобы там получить снаряды, партию новеньких автоматов ППШ и боеприпасы к ним. Здесь и произошла встреча с Георгием Константиновичем Жуковым.

Он как командующий фронтом, а может быть и как представитель Ставки Верховного Главнокомандования, решал какие-то вопросы с Рокоссовским. Разговор с нами завел, видимо, потому, что хотел знать настроение бойцов в частях перед отправкой их на фронт. Он обратился ко мне с вопросом:

— Какое настроение у солдат и командиров вашей части, лейтенант?

— Ждем отправки на передовую, готовы громить фашистов, — бойко доложил я.

— А почему находитесь здесь?

— Приехали получить новое оружие и боезапас.

— Как же вы готовы громить немцев, если оружие еще не получили и боезапаса у вас нет? — усомнился Жуков. — Учитесь выражаться точно, лейтенант. Готовы, — значит, способны вести бой. А если надо еще оружие и боезапас получить, — значит, подготовка к выступлению на фронт только идет. А это большая разница.

— Вот мы и не стали ждать, когда нам автоматы и боезапас подвезут, а сами за ними приехали, товарищ генерал армии.

Он похвалил за инициативу и сказал командарму Рокоссовскому побеспокоиться, чтобы старания наши не пропали даром.

И действительно, новенькие автоматы и боезапас мы получили быстро и сполна.

Вскоре началось наше контрнаступление. С жестокими боями мы дошли до Жиздры. Наша армия за героические действия по разгрому немецких войск под Москвой была удостоена гвардейского звания и стала называться 11-й гвардейской. И дивизия, в которую входил наш полк, тоже стала 11-й гвардейской.

В период Московской битвы немцы были отброшены от столицы, но попыток снова прорваться к ней было у них еще немало. Наш полк закрепился тогда у деревни Аленкино. Мы то оборонялись, то наступали, но заметных успехов не имели

вплоть до конца лета 1942 года. 28 августа немцы, подтянув резервы, после ожесточенной артподготовки пошли на наши позиции в психическую атаку. Бой был по-настоящему трагический. Все поле перед нами было усеяно трупами фашистов. Но гитлеровцы так и не прошли. И мы, конечно, понесли тогда немалые потери.

После отдыха и пополнения 11-я гвардейская армия и наша дивизия снова были на передовой. Наш артдивизион закрепился у местечка Крестьянская горка. И вел жестокие бои с конца октября 1942 года по март 1943 года. За это время мы продвинулись вперед всего лишь на 5 километров, потеряв много людей. Как потом стало известно, мы наносили по гитлеровцам мощные, но отвлекающие удары, чтобы они не сняли отсюда свои войска и не бросили их в район Сталинграда.

Летом 1943 года близ города Козельска Калужской области наша часть начала отработку ведения наступательных операций пехоты и танков следом за огневым артиллерийским валом. Это было не простое дело — не дать “очухаться” противнику от артогня, чтобы пехота уже свалилась к нему в окопы прямо на голову.

Жуков, видимо, сам захотел посмотреть, как идет отработка задачи. Он с нашим командармом Иваном Христофоровичем Баграмяном появился у нас на позиции неожиданно. Комбат капитан Большаков доложил Жукову, что идет учебный наступательный бой. Гости поздоровались. Затем Георгий Константинович спросил:

— Товарищ комбат, а не боятся солдаты попасть под огонь своей же артиллерии?

— Пока не боятся, — сказал комбат, — а как поведут себя в настоящем бою, трудно сказать.

Жуков посмотрел вопросительно и на меня.

Я сказал, что такие опасения и у нас, артиллеристов, есть, особенно после длительной беглой пальбы. Стволы пушек сильно перегреваются и дальность полета снарядов умень-

шается, что может привести и к удару по своим.

— Мы сейчас прибегли к хитрости, товарищ генерал армии, батарея после пятнадцатиминутного огня выключает из боя одно из орудий. Дает ему остывать 15 минут, потом снова вводит в действие, а второе орудие в это время делает пятнадцатиминутный перерыв в стрельбе для охлаждения. Так в течение часа каждая пушка отдыхает от стрельбы по 15 минут, охлаждается, и снаряды у нас ложатся ровно. При такой стрельбе вероятность удара по своим исключается почти полностью.

Жуков заинтересовался этим, сказал Баграмяну, что это следует обязательно обсудить с начартом армии генералом Семеновым. А меня поблагодарил за ценный доклад.

После учений под Козельском наша дивизия участвовала в наступательных операциях на Курской дуге и показала себя с лучшей стороны. Направлял взаимодействие фронтов по разгрому гитлеровцев здесь тоже Георгий Константинович Жуков. Мы знали об этом и были уверены в успехе операции, так как уже тогда у солдат были свои суждения и приметы: где Жуков — там наступление, там победа.

Еще раз я видел Георгия Константиновича Жукова перед операцией “Багратион” по освобождению Белоруссии. Но видел только издали.

Последние встречи с маршалом Жуковым прошли уже на родной зауральской земле, когда он командовал Краснознаменным Уральским военным округом. И было это так. Я работал тогда начальником Курганского облполиграфиздата. Както утром мне позвонили из Шадринского горкома партии и пригласили срочно приехать. Я сел на поезд и к обеду был уже в горкоме. Партийной дисциплине и исполнительности сегодня можно только завидовать. Доложил о прибытии помощнику первого секретаря. Тот через минуту пригласил меня войти в кабинет первого.

Здесь я увидел Георгия Константиновича Жукова и от неожиданности смутился. Жуков, здороваясь за руку, пристально

на меня посмотрел.

— Ваше лицо мне кажется знакомым. Вы воевали?

Я рассказал Георгию Константиновичу, при каких обстоятельствах мы встречались.

— Вот видишь, память мне не изменяет. — Он улыбнулся.
— Теперь перейдем к делу. Куда и когда, гвардии старший лейтенант, освободишь мне помещение, занимаемое твоей типографией?

Я вкратце рассказал маршалу, что уже несколько лет веду борьбу с Шадринским автоагрегатным заводом за освобождение здания бывшей типографии, в которое в начале войны этот завод был эвакуирован. Но вопрос не решается. Сейчас в бывшей типографии размещен инструментальный цех завода. Помещения, где находится типография, в настоящее время ветхие, тесные и работать в них становится невозможно.

— Значит, вы тоже за скорейший перевод вашего предприятия из этих помещений. Я вас правильно понял?

— Совершенно правильно, товарищ маршал.

Жуков встал и попросил секретаря горкома пригласить директора автоагрегатного завода подъехать незамедлительно к инструментальному цеху.

— А мы сейчас все вместе поедem туда и разберемcя с проблемой на месте, — закончил он.

Секретарь сказал, что можно и съездить, но этот вопрос нам вскорости не решить. Потребуется не менее года, чтобы построить новое помещение инструментального цеха, куда его можно будет переселить.

— У вас есть другие предложения? — спросил секретаря горкома Жуков.

— Нет, Георгий Константинович. Будем думать, советоватьcя и решать.

Жуков встал и пошел к выходу. Все последовали за ним.

Мы приехали на завод. И начали осматривать инструментальный цех. Действительно, положение было очень слож-

ное. При выходе из цеха на пороге столкнулись с директором завода.

— Товарищ директор, как скоро вы сможете освободить этот цех, чтобы разместить здесь типографию? — спросил Георгий Константинович. — Площади, где сейчас находится типография, срочно нужны нам для расширения авиационного училища. Это приказ министра обороны страны.

— Георгий Константинович! Так же можно и инфаркт получить, — задыхаясь от ходьбы, начал директор. — Что значит инструментальный цех освободить?! Это повлечет за собой остановку всего завода! Я такой вопрос не смогу решить. В крайнем случае, для этого потребуется решение Москвы.

— Вот это уже похоже на дело, — спокойно сказал Жуков. — Едем-ка к вам в горком, товарищ секретарь. Будем разговаривать с Москвой.

Когда ехали обратно в горком, я вдруг вспомнил, что месяца два назад видел на территории завода “Полиграфмаш” двухэтажное здание, построенное для заводской лаборатории, и вслух сказал об этом. Жуков тут же дал команду ехать на “Полиграфмаш” к этому зданию. Но секретарь горкома засомневался, что министерство отдаст под типографию новостройку.

— Не отдаст новый корпус, — спокойно сказал Георгий Константинович, — попрошу освободить под типографию инструментальный цех. Другого не дано.

По приезде на место увидели, что здание пусто. В его комнатах, кроме нескольких столов и стульев, ничего не было.

Георгий Константинович обратился ко мне:

— Вас удовлетворит это помещение?

— На первое время вполне. А потребуется, можно и пристрой будет сделать.

— Отлично, Владимир Всеволодович. Вы, я смотрю, не меньше меня заинтересованы в освобождении занимаемых типографией помещений. Это укрепляет меня во мнении, что наш вопрос будет решен положительно. Сейчас мы с тобой,

артиллерист, возьмем в “вилку” директора завода, а потом и министра, им будет от нас не уйти.

— Пригласите в горком директора завода “Полиграфмаш”, — обратился Георгий Константинович к секретарю, — надо с ним в личной беседе, не по телефону, все обговорить и принять решение.

Вскоре директор был в кабинете секретаря горкома, но разговор с ним начал Георгий Константинович:

— Видите ли, товарищ директор, какая сложилась ситуация. Уральскому военному округу в целях укрепления обороны страны поручено в краткий срок построить в Шадринске несколько зданий для авиационного училища. Этому мешают помещения городской типографии, которые нужно немедленно снести. Мы пригласили вас, чтобы вместе с вами решить вопрос о размещении городской типографии в здании вашего завода, предназначенном для лаборатории. Оно сейчас пустует. Нам с вами надо решить вопрос о передаче его на баланс типографии.

Директор опешил от такого неожиданного предложения, но веских аргументов для возражения не нашел. Он сказал, что на это требуется решение министерства. Будет приказ — будет и передача помещения типографии.

— Ну, вот и хорошо. Как говорится, высокие договаривающиеся стороны пришли к соглашению. Спасибо вам, товарищ директор. Не смею вас больше задерживать.

Через несколько минут Жуков по телефону договорился с министром о безвозмездной передаче здания лаборатории завода на баланс типографии. И тут же попросил:

— Прошу вас, телеграфируйте, пожалуйста, в Шадринск подписанное вами решение к завтрашнему утру.

Георгий Константинович повернулся и обратился ко мне:

— А сейчас, уважаемый артиллерист, идите с директором типографии в новое здание, сделайте промеры и схемы размещения оборудования. К утру подготовьте мероприятия по

перебазированию типографии. К нему приложите график по дням и часам. Изложите ваши просьбы к командованию училища, в чем и когда конкретно оно должно оказать вам помощь. Ясно? Вы свободны до 8.00 завтрашнего утра. Встреча в кабинете начальника училища.

Утром Жуков присутствовал при рассмотрении и обсуждении мероприятий по перебазированию типографии. Похвалил нас с директором типографии Иваном Обуховым за оперативность и тщательность проработки всего объема работ. Приказал начальнику училища сделать выборку всех просьб, определить ответственных по каждой проблеме и немедленно приступить к делу.

Начальник училища тут же начал вызывать офицеров, ставил им задачи по прокладке электрокабелей, демонтажу оборудования, заливке фундаментов под машины, установке сантехники и так далее.

Расстановка сил и средств подходила к концу, когда в кабинет начальника вновь вошел Георгий Константинович. Он сказал, что побывал в действующей типографии и убедился, что оборудование там действительно громоздкое, сложное и, видимо, очень тяжелое. И если его разбирать, а потом собирать и устанавливать на месте, то мы можем не справиться с графиком работ. И в 28 дней нам не уложиться.

— Скажите, только честно, Владимир Всеволодович, — обратился ко мне маршал, — нельзя ли перевозить ваши машины без разборки?

— В принципе возможно, — ответил я, — только потребуются толстые стальные листы и специальные приспособления для перемещения станков волоком, а также частичная разборка стен в старом и новом зданиях для образования проемов, чтобы автомашины вместе с оборудованием смогли проходить. Для этого можно расширить и углубить оконные проемы.

Жуков ухватился за эту идею. И тут же дал указание на-

чальнику училища подобрать каменщиков и начинать работы.

Потом он попросил вызвать командира взвода, ответственного за подготовку здания к приему оборудования, и тут же спросил его:

— Когда вы намерены приступить к работам в новом здании?

— Мы уже их ведем, товарищ маршал.

— Что конкретно сделано?

— Завезли цемент, доски, электропроводку, кабель, электрощиты...

— И еще один вопрос, Владимир Всеволодович, — обратился Жуков ко мне. — Когда будете готовы демонтировать вашу первую машину?

— Дня через два-три по готовности фундаментов, — ответил я.

— Хорошо. Мне хотелось бы самому посмотреть вашу “технологию” перемещения. Как только приступите к демонтажу первой машины, сообщите мне.

Жуков вышел, не попрощавшись. Мы это поняли как знак того, что он может снова появиться в любой момент.

К демонтажу мы приступили на четвертый день. Только начали разбивать фундаментную заливку наборной машины, появился Жуков.

— Ну что, Владимир Всеволодович, начали демонтаж? А мне почему не сообщили?

— Так мы еще только подготовку к демонтажу ведем, Георгий Константинович, а вы уже здесь. Я же с сорок первого года помню ваше указание — докладывать точно, сообразуясь с обстановкой.

Георгий Константинович улыбнулся.

К этому времени мы все продумали, сделали приспособления, установили лебедки, расставили людей по местам. Двенадцать солдат сноровисто сняли наборную машину и установили на толстом стальном листе. Используя приспособ-

ления, закрепили, чтобы она не качалась на ухабистой шадринской дороге. Зацепили за машину тросами и потянули во-локом к новому месту.

Прошло немногим более двух часов, и наборная машина уже стояла в новом цехе. Солдаты приступили к заливке цементным раствором ее станины.

На следующий день мы демонтировали и перевезли в новое здание две плоскопечатные машины. И снова Жуков пришел посмотреть нашу “технологию”. Похвалил солдат за старательность и расторопность, командира взвода и меня — за умелую организацию. Пожелал нам успешно завершить перебазирование типографии и наладить на новых площадях выпуск газет.

— Поспешайте, но не перестарайтесь. Делайте все продуманно и основательно. Берегите людей, — советовал маршал. А напоследок мне сказал:

— Я снова убедился — гвардия умела героически сражаться на фронте, не подводит и в мирные дни.

Жуков тепло попрощался с нами. В последующие дни мы работали с таким же напряжением и с отличным настроением. На шестой день перебазирования мы уже печатали в новом здании районную и заводскую многотиражную газеты. А через два дня пустили в строй газетную ротацию. На огромную и сложную работу по переводу типографии на новые площади мы затратили всего 9 дней вместо 28 планировавшихся первоначально. Ни на час не задержали выпуск газет.

Так шадринцы получили с помощью Георгия Константиновича Жукова новое здание для типографии, в которой она размещается и по сей день.

Вспоминая и анализируя эти события, я вновь и вновь вижу Георгия Константиновича Жукова как талантливейшего государственного человека, сумевшего тогда без промедления “трех зайцев убить”: сохранить инструментальный цех завода, перебазировать в лучшие условия типографию и выпол-

нить приказ министра обороны по расширению площадей училища. Мне приходилось слышать не раз на войне, да и после нее, о жестком, даже грубом характере Жукова. Мои встречи убедили меня в другом. Маршал Жуков был творчески собранным, стратегически мыслящим и высоко требовательным к себе и окружающим человеком, любящим находчивость, распорядительность и точность в исполнении любого дела. И это мнение во мне непоколебимо.

Записал Геннадий Устюжанин

Виталий Сафонов

КАК ЭТО БЫЛО

Виталий Павлович Сафонов родился 29 января 1921 года на Брянщине. В 18 лет поступил в Орловское пехотное училище. В июле 1941 года в составе курсантских бригад принял первые бои. Был дважды ранен, контужен. Окончил войну майором, командиром стрелкового батальона. Награжден орденами Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, медалью “За отвагу” и другими. После демобилизации трудился в Кургане.

Перед войной я был курсантом Орловского пехотного училища, а в июле 1941 года впервые принял участие в боях под Смоленском. Там получил первое ранение и после выздоровления был направлен в 21-ю курсантскую Сталинскую бригаду – командиром взвода автоматчиков. С этой бригадой осенью прибыл в Москву, откуда нас всех направили под Наро-Фоминск, чтобы перекрыть дорогу наступающим войскам фашистского вермахта. В октябре там действительно, как говорил Жуков в своих мемуарах, войск не было. Кроме нашей бригады там еще было несколько подобных, срочно сформированных, курсантских бригад. Задача стояла – любой ценой остановить немцев. И курсанты выполнили приказ до конца. Даже Гитлер в те дни говорил о том, что плохи дела у Жукова, если он воюет офицерскими кадрами. Но имен-

но они, эти курсантские бригады, стояли насмерть и не отступили перед врагом. Сибирские и дальневосточные дивизии и полки пришли на помощь нам позднее.

А тогда шли тяжелые бои, и мы упорно оборонялись. Превосходство гитлеровцев было большое. Но мы в окопах полного профиля более недели стояли намертво, ходили в отчаянные контратаки, и немец стал постепенно выдыхаться, это видно было по снижению его активности. Зима тогда наступила ранняя, была очень суровая, морозы были за сорок градусов. Зато мы были обеспечены теплым обмундированием, а немец – налегке, и это было нашим плюсом к самоотверженности и мужеству.

Сталин даже сомневался: сумеем ли мы выстоять под Москвой, но Жуков его убедил в том, что сумеем. В боях под Москвой я первый раз в жизни сильно выпил, когда по приказу взял взводом населенный пункт, а командир батальона, по национальности цыган, после успешного боя похвалил меня и налил мне эмалированную кружку спирта. Это сняло стрессовое состояние, но позднее заставило отказаться от подобного “лечения”.

Уже в контрнаступлении мы прошли с боями более двухсот километров. Прошли бы и больше, но войска наши выдохлись. Обеспечение было очень плохое –и боевое и тыловое. Остановились мы возле населенного пункта Барнавалово. И те дни запомнились мне на всю жизнь. Это было уже в январе 42-го. Немцы сбили боевое охранение соседней с нами части. Кроме соседей и нам пришлось отходить, чтобы не ударили с фланга. Было уже темно, но немцы и финны вели мощный огонь по нам. Командир батальона сказал, что отдаст меня под суд за то, что отступили без приказа и приказал ночью взять соседнюю деревню Боброво. Мы подготовились, атаковали немцев и полдеревни все же захватили, даже пленных взяли. Мы стали капитально в оборону и отбили все контратаки немцев. И немцы на этом участке не имели резервов для наступления.

Наступило на фронте затишье, и так мы стояли до лета. Я получил звание старшего лейтенанта, меня назначили командиром стрелковой роты. За бои под Москвой меня представляли к ордену Красного Знамени, но за неудачу под Барнава-

лово представление не было подписано. Уже после войны я читал в мемуарах немецких генералов обиду, что “курсанты отобрали у нас победу, не позволили взять Москву”.

В составе 45-й лыжной бригады я командовал ротой. Пришлось сделать большой лыжный бросок под город Торопец. Удивительно, но немцы нас с воздуха забросали листовками, в которых сообщался наш точный маршрут и предсказывался крах этого наступления. Мы шли тогда на выручку 2-й ударной армии, печально ныне известного генерала Власова, но изменить трагическую обстановку не сумели.

В дальнейшем в составе 222-й и 182-й стрелковых дивизий я участвовал в боях операции “Багратион” в Белоруссии. Потом воевал в Прибалтике, там был ранен. Двадцать три года мне было, а я уже был командиром стрелкового батальона.

Потом была Восточная Пруссия. Мне было присвоено очередное звание “майор”. В конце 1944 года наша часть стояла под Кенигсбергом, принимали молодое пополнение. Все мечтали о победном 1945-ом годе, и на Новый год мы открыли огонь из всех видов оружия. Вот так мы салютом отметили праздник. Последний бой я провел в феврале 1945 года. Мы тогда помогали соседним дивизиям. За те бои я был награжден орденом Красного Знамени.

Четвертого или пятого марта 1945 года меня неожиданно пригласили на Военный Совет корпуса. Я удивился, когда туда прибыл: был единственным майором по званию и комбатом по должности. А пригласили потому, что батальон преобразовывался в отдельный штурмовой. Ему придавались в помощь другие подразделения: саперы-подрывники, артиллеристы, танковая рота. Он должен был брать штурмом одно из укреплений Кенигсберга. Вел Военный Совет командующий армией Белобородов.

На Совете главной задачей для отработки мне поставили – научить каждого бойца ведению боя, как одиночно, так и во взаимодействии. Был установлен срок подготовки 20 дней, после чего учебно-показательный штурм с практическими действиями.

Сложность задачи я понял только через день, когда получил пополнение из 572 досрочно освобожденных заключенных. Но участвовать в штурме крепости с этими молодцами

мне не пришлось. За три дня до штурма меня среди ночи вызвали в штаб корпуса с документами и личными вещами и направили на учебу в Военную Академию имени Фрунзе. Не знаю, что послужило причиной для такого решения. Может быть, командир корпуса генерал Седулин решил уберечь меня от гибели при штурме крепости, так как он, видимо, видел во мне задатки хорошего военного мышления и не раз говорил об этом при других офицерах.

А 9 Мая – День Победы - я встретил, уже находясь в Москве, на учебе в академии.

После битвы под Москвой прошло целых 60 лет. А в начале декабря этого года по приглашению Правительства Москвы принял участие во встрече фронтовиков, кто в те годы защищал столицу нашей Родины. Самое большое впечатление на меня произвела экскурсия на Поклонную гору. Это потрясающе, и сделано на века. Возлагали цветы к Могиле Неизвестного Солдата. Программа была очень насыщенная: мы участвовали в работе научно-практической конференции “Защита Москвы, сибиряки вошли в бессмертие”, посетили места боевой славы, присутствовали на открытии памятника Герою Советского Союза Талалихину, Мемориального комплекса-музея танку Т-34. Была встреча ветеранов из регионов России, стран СНГ и Балтии. Надо сказать, что, несмотря на то, что многие ветераны войны живут теперь уже в разных странах, фронтовая дружба у нас осталась на века.

Михаил Левицкий

ЧЕРЕЗ ТЕРНИ

- В НЕБО

Михаил Николаевич Левицкий родился в 1914 году в Чувашии. С 1938 года – летчик гражданской авиации Челябинского авиаотряда. На фронте с осени 1941 года. Воздушный защитник Москвы. Летом 1942 года был сбит зенитным огнем противника. Узник фашистских лагерей смерти. Там без наркоза перенес ампутацию ноги. В 1944 году освобожден из концлагеря войсками советской армии. После лечения вернулся в строй и всю свою трудовую жизнь посвятил авиации. С 1948 года живет в Кургане.

С высоты почти девяти десятков лет, осмысливая минувшее и свою судьбу, все тверже убеждаюсь, что пройти по нелегким жизненным дорогам мне помог характер, сформировавшийся в детские и юношеские годы в борьбе за осуществление своей мечты.

Наша трудовая, крестьянская семья была большая: только детей семеро. Как говорят в народе: 7 – я. Работать начал после окончания шестого класса: вначале на фосфоритной шахте, а потом на фосфоритном заводе.

Необычайно интересное время переживала тогда страна. В городах и селах почти на всех предприятиях работали школы и курсы по ликвидации неграмотности. В них учились зачастую вместе и родители, и дети. А с умением читать и писать

пробуждались в людях творческий дух, стремление все познать и многого добиться. Меня, как ударника труда и активиста по ликвидации неграмотности, направили от завода в ФЗУ города Алатырь пополнить свои знания. За три года учебы я многое познал. Но зародившаяся тогда же мечта – стать летчиком по-звала так сильно, что, услышав о создании в Чувашии первой школы воздушных планеристов, я немедленно поспешил туда и подал заявление. Днем работал, ночью готовился к экзаменам, чтобы не забраковали. Мне повезло, успешно прошел комиссию и вступительные испытания. А через год в числе четырех лучших выпускников-планеристов был направлен на учебу в Балашовскую объединенную школу пилотов и авиатехников Гражданского Воздушного Флота. Но и здесь потребовалось выдержать экзамены. В те годы стать летчиками мечтали сотни тысяч ребят. Казалось, сам воздух был пропитан романтикой авиации. В школу приехало много людей: по путевкам комсомола, Осоавиахима, просто желающих летать. Так что и здесь потребовалось проявить себя.

Как я обрадовался, увидев свою фамилию в списках зачисленных на учебу! И тогда твердо сказал себе: “Ну, Михаил, теперь “добраться до неба”, стать летчиком зависит только от тебя”. Старался, как мог, познавал теорию полета, учился летному делу. Готов был сутками не вылезать из кабины, сдуть каждую пылинку с самолета. Вместе с овладением техникой воздухоплавания мы, учлеты, впитали в себя законы воздушного братства, по которым большинство из нас прожили до глубоких седин.

В 1938 году, после окончания учебы, я получил назначение в создавшийся тогда Челябинский авиаотряд. На самолете У-2 доставлял пассажиров и почту в Усть-Уйку, Куртамыш, Звериноголовское, Глядянку, Половинное и другие районные центры. Каждый прилет в эти места был для меня и для жителей целым событием. Приходило посмотреть на самолет и летчика много народу, особенно пацанвы.

В одном из таких рейсов в станицу Звериноголовскую я встретил свою судьбу, молодую учительницу Машу Галявинскую, любовь к которой, как к жизни, помогала мне многое преодолеть.

Свадьбу справили мы в ночь на 22 июня 1941 года, а утро

развело нас на четыре года войны. Сколько за это время воды утекло – не измерить. И пережитого – тоже.

Из опытных летчиков Гражданского Воздушного Флота было создано особое авиасоединение. Получили новые У-2 – и под Москву. Шел ноябрь 1941 года. Немецкие полчища рвались к столице. Положение было наисложнейшим для нашей Родины. Но собрался воедино весь наш народ. Сотни тысяч жителей Москвы и Подмосковья ежедневно копали окопы и противотанковые рвы. Шли к передовой отряды народного ополчения. Все это было видно нам, летчикам. Такого энтузиазма и патриотизма людей гитлеровцы и предположить не могли. Они ведь привыкли побеждать армии, а не народы, а тут на оборону встала вся страна.

Какие только задания не приходилось нам выполнять: бомбить наступающие колонны гитлеровцев и их тылы, вести разведку и поиск наших частей, попавших в окружение, доставлять им боеприпасы и продовольствие, вывозить раненых.

Кстати, гитлеровцы и самолеты У-2, ПО-2 в расчет не брали. Считали, что они никакой опасности для вермахта не представляют. А уже осенью 1941 года вынуждены были учредить награду “Железным крестом”, кто собьет “русфанер”, как презрительно называли У-2 немцы. Были учреждены и высокие денежные награды, отпуска домой за сбитые эти “безобидные” самолеты, которые буквально ходили по головам фашистской пехоты.

Но что, казалось бы, можно было перевезти на безоружном крохе У-2? Сейчас не могу без содрогания вспоминать полеты к окруженцам. Молящие глаза бойцов и просьбы – отвезти на “большую землю” письмецо родным. Люди, понимая обстановку, другого и не просили. И я понимал их всем сердцем и душой, потому что сам старался черкнуть родным и Машеньке в каждую свободную минуту и с трепетом ждал вестей от них. Без этой связи, от неизвестности люди страдали, как от тяжелейших ран. Доставка и отправка фронтовой почты расценивались, как боевой груз. Каждая благоприятная весточка утраивала силы бойца.

Доставлять приходилось и трагические, секретные приказы командирам частей, попавшим в безнадежное положение – пробиваться к своим мелкими группами и поодиночке, а им

лично на самолете прибыть в штаб фронта. Чаще всего в таких случаях в самолет по приказу командующих садились раненые или штабные офицеры, а сами командующие оставались с бойцами, чтобы разделить вместе с ними судьбу и участь окруженцев.

Не забуду высочайший, душевный подъем, когда фашистским армиям был нанесен жестокий удар под Москвой, и немцы начали отступать. Мы готовы были летать и летать, летать днем и ночью, чтобы громить и гнать этих стервецов.

Мы базировались на льду озера Селигер. И оттуда летали на преследование отступающих фашистов. Бомбили, бросали специальные зажигательные устройства с высоты до 100 метров на отступающих гитлеровцев. Их трупами были буквально усеяны все дороги отступления.

Мне не пришлось участвовать в боях под Сталинградом, может быть, поэтому я считаю, что сердцевина победоносности фашистского вермахта сломалась именно под Москвой. Советские войска и наши люди именно здесь обрели веру, что им по плечу ломать хребет фашистским отборным полчищам. Этот дух и настрой в нашем ощущении стал просто неистребимым. В пору этой эйфории я получил первый суровый и жестокий урок. Как-то в феврале 1942 года, успешно выполнив задание, мы с командиром звена Федей Фетисовым возвращались на аэродром. Уже пошли на посадку. Откуда ни возьмись, немецкий “Фокер”. Налетел, как коршун, клюнул и сбил мой самолет. Высота была мизерной Фетисова выбросило из кабины, но очень удачно, а я потерял сознание от сильного сотрясения головного мозга. Лежал в госпитале.

А лето сорок второго снова было тяжелым для наших частей и фронтов. Снова пришлось часто летать в тыл врага, то к партизанам, то в расположение окруженных наших частей. Как раз такое задание я получил 19 июня 1942 года – лететь под Ржев, доставить боеприпасы окруженцам 39-й армии. Под Ржевом в отчаянном положении находилось много наших войск. Задание мы тогда успешно выполнили. Правда, один из самолетов звена был сбит еще в начале полета. Я же около трех часов ночи взлетел и возвращался обратно с двумя офицерами штаба.

На рассвете при подлете к линии фронта самолет попал в

луч прожектора и под жестокий зенитный огонь и прямым попаданием снаряда был сбит. Тяжело ранен был и я. Уцелели только потому, что высота была небольшой, а самолет упал на густой березовый молодняк у кромки болота.

Уцелели все. Штабисты вытащили меня из кабины с перебитой ногой, взяли карту, документы и мой наган и отправились на поиски партизан. И вовремя. К месту нашего падения прибыли немцы. Они обшарили мои карманы, кабину самолета. Ничего не нашли и вскоре удалились, посчитав что я уже не жилец, а, может быть, и приняли за мертвого. На меня временами накатывало беспмятство.

Когда я приходил в себя, то меня не покидала мысль: как Маша встретит весть о моей гибели? Превозмогая боль в перебитой ноге, которую лыком перетянули мне штабисты для уменьшения кровотечения, попытался ползти. Несколько раз терял сознание. Упорство возросло, когда почуял запах дыма и услышал лай собак, а потом и разглядел маячившие вдали крыши домов. Сколько времени я полз до них – не знаю: помню вначале меня малость поднесли к селу красноармейцы, потом увидел двух женщин и попросил их сказать обо мне партизанам. Они меня занесли в помещение, где уже были раненные. Какие-то люди, осмотрев рану, сказали, что нужна срочная операция, но для нее у них нет ни условий, ни медикаментов и инструмента. Я лежал и не понимал, где я? “Неужели плен?!” - стучало в мозгу.

В тот же день немцы начали свозить раненых в специальный концлагерь в Ржеве. Он находился на открытой площадке у железной дороги. Через два дня у меня началась гангрена, дикие боли. На предложение лагерных врачей-военнопленных я дал согласие на ампутацию ноги выше колена без наркоза. Другого пути не было. Решились провести этот эксперимент хирург Малинин и медсестра Аня Пархомова. Вместо хирургического инструмента в дело пошла простая пила - ножовка. От боли потерял сознание, пришел в себя, как мне потом сказали, только на третьи сутки. Через боли и муки начал возвращаться к жизни, с надеждой все победить и вернуться к своим. Уверен, у многих были такие же мысли, когда они шли на отчаянный шаг. Но чтобы это сбылось, надо было иметь накрепчайшую волю и характер, особую страстность

– превозмочь невыносимое. Надо сказать, выжить помогло то, что Аня Пархомова делала перевязки еще много дней. Ей удалось добыть где-то стрептоцид, выпрашивать у кого-то кусочки хлеба. Заботы за твое выживание у немецких лагерных служб не было никакой. Особенно о пленных, искалеченных войной. Они не являлись дармовой рабочей силой: чем их будет меньше, тем лучше Рейху. Просто эти “отходы” войны не успевали “переработать” печи фашистских крематориев.

Началась моя жизнь – борьба в аду, сотворенном фашистами на земле. Её невозможно описать. Но и в адских условиях мы боролись. Борьба эта в первую очередь ощущалась в поддержке друг у друга морального духа. Уже в концлагере Саласпилс узнал, что в нем находятся летчики-истребители Володя Грачев, Николай Гончаров и Женя Юппа. Летное братство жило и побеждало и в условиях дикого кошмара лагерей. Все мы безногие, мечтали о побеге, держались вместе. Из Саласпилса нас переместили в Дрогобыч. Лагерь располагался в бывшей тюрьме, где находилось много узников, только раненых-инвалидов 570 человек.

В 1944 году, когда наши войска стали теснить гитлеровцев, фашистами было решено эвакуировать военнопленных. Способных передвигаться своим ходом погнали в Германию, а инвалидов решили отправить в Люблин и сжечь в печах крематория. Слух об этом дошел и до нас. Началась подготовка к побегу. Через военнопленных, кого отправляли на работу в город, добыли полотна ножовок по металлу, смастеренные в виде ножичков-ножовок, чтобы при отправке можно было выпилить отверстие в вагоне, выброситься, погибнуть, но не гореть в печи. При погрузке я и Женя Юппа оказались вместе, а Грачев и Гончаров в другом вагоне. Как только поезд тронулся, мы начали пилить днище вагона. Пилили весь день, ждали ночи, чтобы на ходу вылезти. Но среди ночи началась стрельба, состав остановился, слышалась беготня охраны и лай собак. Побег из хвостового вагона был обнаружен. Беглецов расстреляли на месте. Началась проверка вагонов. Обнаружили и в нашем подготовленный лаз. Допрашивали, били нас и всех подряд, но никто не указал зачинщиков этого дела. Отверстие забили. Эшелон продолжил свой путь на Люблин. Прибыли утром. С ужасом ждали выгрузки. Стояли весь день

на путях. Когда слышали гул проходящих машин, замирали все, думали, за нами. Но машины уходили, и снова наступала какая-то пауза отупения. Эшелон не разгружали. Это же продолжалось и ночью. Под утро состав пошел дальше. Оказалось, что в Люблине одна из печей вышла из строя, другая не справлялась с “переработкой” имеющегося контингента. Привезли нас в лагерь смерти Демблин, расположенный близ Вислы. Но уничтожить не успели: советские войска 26 июля 1944 года неожиданно для фашистов штурмовали Демблин и ворвались в лагерь смерти. Погрузили нас, калек, в студобекеры и отправили в тыл, но по дороге попали под бомбежку. Нашу машину перевернуло взрывной волной. Я остался жив, но при падении сломал три ребра. В госпитале уже освобожденного нашими войсками Люблина нас, оставшихся в живых бывших узников, лечили и доводили до человеческого вида. Мы же были – кожа да кости, я весил чуть больше тридцати килограммов. Потом лечился в госпиталях города Мозыря и Люберцев. Шло настоящее возвращение к жизни. Я хотел вернуться в боевой строй и летать, мстить фашистам за муки ада. На комиссии мне сказали: “Какой же ты летчик с протезом выше колена”. Я упрямил комиссию не демобилизовать меня, а откомандировать обратно в часть, в которой я воевал до 20 июля 1942 года. И добился этого.

Началась борьба за возвращение в строй. Все понимали мое стремление, но протез... хотя я много раз сбивал в кровь культю, пока научился “прилично” на нем ходить. Буквально выручил меня из беды главный штурман министерства Гражданского Воздушного Флота пососоветовавший: “Давай, Левицкий, мы тебя направим учиться на штурмана – не за штурвалом самолета, но будешь летать”. Эту идею поддержали и в инспекции по контролю за состоянием здоровья летчиков. Многие мне помогали осуществить стремление подняться снова в небо. Я окончил штурманское училище в Баку и стал летать штурманом на самолете Ли-2 третьего отряда военной транспортной авиации, который находился в городе Свердловске. Снова небо, я прокладываю курс воздушному кораблю, руковожу его взлетом, направлением в воздушном океане и посадкой. Я снова в строю! Что еще может быть важнее и выше этой победы над собой и над судьбой!

В 1946 году нашу часть расформировали, а точнее демобилизовали. Я получил назначение в порядке повышения по службе и был направлен главным штурманом в Курганский 238-й авиаотряд. Летал до 1956 года на самолетах ПО-2, С-2, С-3, ЯК-12, Ан-2.

Служил авиации всю свою трудовую жизнь. Ушел на пенсию в 1989 году семидесяти пяти лет от роду. Доволен и тем, что многие годы руководил авиаклубом "Вертолет", через который породнились с небом сотни школьников. Им продолжать наши дороги на просторах воздушного океана, верно служить Отечеству.

Записал Геннадий Устюжанин

Иван Головин

ДОРОГАМИ МУЖЕСТВА

После демобилизации поселился в поселке Иковка подполковник запаса Иван Филиппович Головин. Большая жизнь за плечами этого человека. За боевые заслуги Родина наградила Ивана Филипповича орденом Красного Знамени, орденами Отечественной войны первой и второй степеней и шестью медалями. Более двадцати лет он был воспитателем и командиром советских воинов. Прошел дорогами войны от Москвы до фашистской Германии. Был тяжело ранен, дважды контужен.

Шел грозный 1941-й год. Меня, после ранения под Москвой, направили с рядом других офицеров на формирование 363-й стрелковой дивизии. Формирование проходило в Свердловской области и шло быстро. Роты, батальоны и полки пополнялись рабочими, колхозниками и служащими Свердловской и соседних областей, его пригородов и сел.

После нескольких дней напряженной работы и получения вооружения дивизия была срочно переброшена под Москву, западнее города Дмитрова. В это время на северо-западном берегу канала имени Москвы было сосредоточено свыше десяти уральских и сибирских стрелковых дивизий, которые вошли в состав 30-й армии Калининского фронта. Наступление немецко-фашистских войск после тяжелых, кровопролитных боев было остановлено.

Наступило временное затишье почти на всех участках Калининского и Западного фронтов, но оно продолжалось недолго. В полку, где я был инструктором по пропаганде, а затем военкомом, развернулась большая политическая работа: партийные и комсомольские собрания, политические информации, беседы. Политические работники полка знакомили бойцов с Призывами ЦК ВКП(б) к советскому народу и Вооруженным Силам, которые были опубликованы 31 октября 1941 года по случаю 24-й годовщины Великого Октября.

Сильное влияние на моральный дух полка оказала клятва бойцов, командиров и политработников 1-й гвардейской Московской мотострелковой дивизии. В ней говорилось: «Выстоим, не бывать фашистам в Москве!» и далее: «Мы клянемся нашим матерям, давшим нам жизнь. Клянемся народу, партии, Советскому правительству, что пока держат винтовку руки, пока бьется сердце в груди нашей, до последнего вздоха мы будем беспощадно бить врага, уничтожать фашистскую мразь».

Клятва была опубликована в армейской газете 30-й армии и на отдельных листовках. Она стала клятвой каждого из нас. На митингах в частях и подразделениях выступали с патриотическими призывами и клятвой бойцы, командиры и политработники. Пулеметчик первой пулеметной роты 1-го батальона Васильев (рабочий из города Свердловска) на митинге заявил: «Я вместе со своими товарищами буду в беспощадных боях громить банду гитлеровцев. Не бывать фашистской нечисти в Москве. Сибиряки и уральцы не подведут, фашистам здесь будет смерть!».

Воины полка знали, что скоро им придется идти в бой, что затишье — это передышка перед предстоящими сражениями. В эти дни в партию и в комсомол вступали целыми группами. Только за 4 дня было принято в полку: в партию — 93 человека, в комсомол — 68.

В заявлениях о приеме в партию уральцы высказали чувства патриотизма, любви к Советской Родине и ненависть к врагу. Командир отделения 1-го взвода 5-й роты Анатолий Поздеев в заявлении о приеме в партию писал: «...если меня примут в партию, я буду драться с фашистами с утроенной энергией, по-уральски».

Уральцы и сибиряки сдержали слово. Когда началось кон-

трнаступление наших войск под Москвой, уральские и сибирские дивизии дрались самоотверженно. О стойкости и героизме сибиряков и уральцев на Калининском и Западном фронтах появились легенды. Взятые в плен фашисты говорили, что с сибиряками воевать невозможно. С 5 по 25 декабря 1941 года части и соединения 30-й армии продвинулись от 130 до 200 километров в глубь обороны противника, разгромили отборные фашистские дивизии. Только в боях за город Клин сибиряками были разгромлены две моторизованные и одна танковая дивизии фашистской армии.

Помню, как при быстром продвижении мы застали врасплох немецкие гарнизоны в одном из сел и пленили офицера и 23 немецких солдата. Наш полк продвигался в направлении Турчиново - Старица. Ночью 18 декабря было приказано занять крупный населенный пункт южнее Турчинова. Командование сначала выслало туда взвод разведчиков во главе с младшим лейтенантом Кузнецовым. К 24 часам взвод должен был установить состав гарнизона, систему обороны, огневые точки, подходы и дороги, ведущие на запад и на юго-запад. Разведчики в метельную ночь без шума подошли к селу, обошли ряд домов и узнали, что в центре села в шести домах гитлеровцы пьянствуют. Разведчики дали об этом сигнал на командный пункт полка. Было послано подкрепление, и пьяных гитлеровских вояк взяли в плен. От них мы узнали, что пьянка гитлеровцев была по случаю дня рождения начальника гарнизона, командира роты гитлеровцев. Похмелье для них было печальным.

24-го декабря я был вторично ранен и попал в московский госпиталь. О делах однополчан я узнавал из писем. Они дрались героически. А в середине 1942 года на базе нашей дивизии был сформирован 2-й мотомеханизированный корпус, который прошел с боями до Австрии. Его командиру генерал-лейтенанту Свиридову было присвоено звание Героя Советского Союза.

После выздоровления я был направлен военкомом полка в прославленную 32-ю Краснознаменную гвардейскую стрелковую дивизию, а затем после переподготовки на Сталинградский и Южный фронты. На всю жизнь запомнились бои в Донбассе, в Крыму и Восточной Пруссии, где я принимал уча-

стие, будучи заместителем командира полка по политической части и старшим инструктором политического отдела 13-го гвардейского корпуса.

В июле 1943 года, когда началась битва на Курской дуге, для отвлечения резервов гитлеровцев Южному фронту, войска которого в то время находились в районе Донбасса, была поставлена задача вести наступление на обороняющиеся войска противника на реке Миус и реке Молочная. Важно было отвлечь силы гитлеровцев, которые подходили из Германии и Польши на помощь войскам на Курской дуге. 262-й гвардейский стрелковый полк в составе 87-й стрелковой дивизии наступал на противника в первом эшелоне. Оборона немцев проходила по правым крутым берегам этих рек. Сильно укрепленные, глубоко эшелонированные позиции немцев мешали нашим войскам вести боевые действия оперативно, с большой маневренностью. Мы стремились выбить немцев с насиженных мест.

Сильный бой разгорелся за высоту с отметкой 107,4, что западнее реки Молочная. Гитлеровцы любой ценой пытались вернуть эту высоту, потерянную накануне.

Третьему батальону (командир батальона капитан Подгорный) была поставлена задача "оседлать" высоту, поставив на фланги пулеметные расчеты, вести перекрестный огонь по наступающему противнику. В 7 часов утра, после почти часовой артиллерийской полготовки по высоте, немецкие роты под прикрытием двенадцати танков перешли в наступление.

Бойцы батальона вели себя хладнокровно, имея большой боевой опыт и выдержку. Пропустив танки через высоту, за которой стояли пушки дивизионной артиллерии, наши бойцы открыли по наступающим автоматчикам гитлеровцев губительный пулеметно-ружейный огонь, поддержанный огнем минометных рот и батарей полка.

Однако через час боя силы оказались неравными. Гитлеровцам пришли на помощь из резерва 15 танков и до батальона пехоты. Разгорелось кровавое сражение. В этом бою героически сражался расчет станкового пулемета "Максим" во главе с командиром расчета рядовым Владимиром Петровичем Жарковым. Опытный пулеметчик прошел боевой путь от стен Сталинграда до Донбасса.

Когда из оборонявших высоту остался в живых только один расчет Жаркова, сюда стали наступать густые цепи немецких автоматчиков. Подпуская на близкое расстояние, Жарков губительным огнем пулемета расстреливал гитлеровцев. Но осколком снаряда герою оторвало правую ногу. Был убит второй номер расчета, а Жарков продолжал вести огонь, отразив последнюю атаку немцев.

Когда пропущенные за высоту танки были подбиты прямой наводкой пушек артиллерийского дивизиона, на высоте стало спокойно. Западные склоны ее были усеяны трупами гитлеровских вояк. Немецких атак на высоту больше не последовало. И когда наши бойцы вернулись на высоту, Жарков перевязывал себе уцелевшую часть правой ноги. От боли и большой потери крови он почернел, чувствовал себя плохо. Заражение крови давало сильные боли. Героя немедленно отправили в медсанбат. Но жизнь его врачи отстоять не смогли. Через двое суток он скончался.

За этот подвиг Владимиру Петровичу Жаркову Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Советского Союза посмертно, а пулемет “Максим”, из которого Жарков уничтожил сотни гитлеровцев, был отправлен в Центральный Музей Советской Армии и поныне находится там.

О беспримерном подвиге Жаркова в тот же день знали все наши бойцы и командиры. И до сих пор мы, живые, помним нашего Володю.

Я написал тогда письмо матери Героя. Валентина Николаевна жила в Ивановской области и писала нам, что Володя был ее единственным сыном. В армию пошел добровольцем в 17 лет. В школе был отличником учебы, увлекался спортом. Был отличным стрелком, имел значки ГТО и “Ворошиловский стрелок”.

О подвигах и героизме однополчан на других фронтах в те грозные годы можно было бы написать не одну книжку.

И чем дальше в историю уходят военные годы, тем ярче предстает перед нами великий подвиг советского народа и его армии, отстоявших честь, свободу и независимость своей Родины, народов Европы.

Записал Геннадий Устюжанин

Василий Кондратченко

В БОЮ “ЗЕЛЕННЫЕ ФУРАЖКИ”

Василий Яковлевич Кондратченко проживает в рабочем посёлке Лебязье.

Воевал в гвардейской ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова стрелковой дивизии. Пограничник, командир батальона.

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны, медалями.

Война меня застала в должности командира одной из южных пограничных застав. Вернулся утром с проверки, а дежурный рапортует: “Немцы напали на нашу страну!” И сразу в сердце смешались и горе, и желание отомстить врагам за сожженные города и села, а еще – стремление – скорей на фронт! Ждать пришлось недолго. Через несколько дней уже сдавал заставу своему заместителю. Потом – Москва, Калининский фронт. И вот я уже командир стрелковой роты.

Воевали у нас, в основном, пограничники. Жизни своей не жалели, чтобы разбить врага, дрались героически. Помню бои на озере Селигер, где мы держали оборону, не давая немцам прорваться к Москве. От одного из наших батальонов осталось восемнадцать человек.

На фронт я уходил комсомольцем, на передовой в сорок втором мне вручили партийный билет. Коммунисты были честию и совестью, на них возлагали особо ответственные зада-

ния. Они призваны были первыми подниматься в атаку. И я хотел быть в их рядах, иначе просто не представлял своей жизни. И не только я, но и тысячи других. Не случайно перед боями многие бойцы подавали заявления о приеме в партию и писали в них так: “Если вернусь – получу партийный билет, если погибну в бою – прошу считать меня коммунистом...”

Можно привести множество случаев, когда коммунисты под шквальным огнем, когда, казалось, и головы от земли нельзя оторвать, первыми шли в жаркий бой и не думали о себе. На моих глазах под станцией Пено погиб старший лейтенант Глебов. Он вел роту в рукопашную и пал смертью храбрых. При взятии города Андреаполя погиб старший лейтенант Аронзон, тоже коммунист. Каждый город, каждый населенный пункт давался нам ценой больших потерь. Но и гитлеровцы знали, если идут в атаку “зеленые фуражки” – их не остановить!

В августе сорок второго при наступлении на Ржев я был тяжело ранен, когда вел свой батальон на прорыв. Перед нами была поставлена задача: взять передний край обороны. Взяли! За этот бой к остальным моим наградам прибавилась еще одна – орден Красного Знамени. Потом долгие месяцы лечения в госпитале, и меня списали подчистую. Такая обида была: всю жизнь идут бои, а я стал инвалидом, с трудом ходил с палочкой. Но дома не смог сидеть, сложа руки: попросили помочь в организации детского приемника-распределителя, там и проработал до конца войны директором.

После войны не один раз надевал свою любимую фуражку и встречался с друзьями-однополчанами. Пили фронтовые сто граммов, вспоминали погибших ребят и бои, бои, бои...

Не зря тогда так яростно и смело дрались мы с врагом, стоит и стоять будет Россия!

Записала Людмила Жорнова

Константин Ярушников

НА СОВЕТЕ У ВЕРХОВНОГО

Константин Емельянович Ярушников родился в 1908 году в селе Першинское Далматовского района. Окончил до Отечественной войны юридические курсы в городе Свердловске, работал в судебных органах, по военной линии был аттестован младшим лейтенантом, командиром взвода.

Прошел через всю войну: от трагических боев под Харьковом до победных в Берлине, от командира взвода до командира полка. Награжден орденами Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны II степени, несколькими Благодарностями Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И.В. Сталина.

Погиб в бою 1 мая 1945 года в Берлине. Похоронен со всеми воинскими почестями в центре Берлина, на площади у колонны "Свобода".

Рассказ Ярушникова записан в 1944 году во время предоставленного ему отпуска на родину после Московских курсов "Выстрел".

Обстановка под Харьковым сложилась крайне тяжелая. Окружение наших частей стало печальным фактом. Многие командиры выше меня по званию и должности, охва-

ченые безотчетным страхом, готовили себя и свои подразделения к сдаче в плен. Они переодевались в солдатское обмундирование, стригли под первый номер волосы, закапывали в землю свои документы, надеясь на милость врага. Но, как выяснилось позднее, свою “милость” гитлеровское командование к этим трусливым людям проявило в виде зверских пыток и виселиц.

Мой взвод категорически отверг “добрый совет” старших начальников о сдаче в плен. Прихватив с собой побросанное, наиболее надёжное оружие, и как можно больше боеприпасов, в полном составе ушел в ближайшие леса. В течение ночи к нам небольшими группами и в одиночку подтянулись около 800 советских солдат и офицеров. Среди них – один капитан и один старший политрук. Утром провели собрание, на котором объявили себя партизанской группой, избрали руководство. Командиром группы единодушно избрали меня, видимо, как инициатора. Комиссаром избрали старшего политрука, начальником штаба – капитана, который был и до этого штабным работником.

Находились ли поблизости другие партизанские отряды или группы, мы не знали. Поэтому решили действовать по своему усмотрению. А действия наши были очень активными и плодотворными. Мы уничтожали мелкие гарнизоны, оставляемые немецким командованием в населенных пунктах, расправлялись с полицаями, взрывали мосты, выводили из строя железнодорожное полотно. Боеприпасы и продовольствие добывали за счет врага.

О нашей группе вскоре стало известно не только вражескому командованию, но и штабу партизанского движения на Украине. Несколько раз над нашим расположением появлялся самолет и сбрасывал “кошку”-почту. В ней запрашивали фамилии руководителей группы, указывали место, куда положить ответную “кошку”. Но ответа мы не давали: вдруг это – провокация. И вот однажды невдалеке от нашей стоянки на небольшой елани приземлился самолет. Из него вышел военный в советской командирской форме и попросил у часовых отвести его в штаб. При тщательной проверке его документов этим офицером оказался сотрудник штаба крупного воинского соединения. Он сообщил, что командование весьма одоб-

рительно отзывается о группе, но для большей пользы нужно действовать совместно с другими отрядами, подчиняться общему командованию. Группа была преобразована в отряд, командиры остались прежние. Нам сообщили приметы самолета на ближайшую неделю. А через два дня появился этот же самолет и сбросил почту. В ней сообщалось задание отряду: вывести из строя в нескольких местах железнодорожное полотно, по которому указанного числа, в такой-то час будет следовать вражеский поезд с боевой техникой и боеприпасами. Задание начиналось словами: “Командиру отряда капитану Ярушникову...”

В это время действия отряда стали планомерными, более результативными. Командование соединения ставило перед нами конкретные задачи, уточняло время прохождения на восток вражеских эшелонов и, располагая точными данными, предостерегало нас об опасности. А однажды было получено задание – прорваться к своим войскам. Сообщалось, что на таком участке и в такое-то время завяжется бой. Наш отряд неожиданно для противника должен ударить ему в тыл и после разгрома вражеской группировки соединиться со своими частями. Эта операция прошла очень успешно: группировка немцев была разбита. Мы вышли к своим, влились в состав дивизии.

На следующий день в отряде снова состоялось собрание. Был объявлен приказ командующего армией о преобразовании отряда в отдельный батальон. Командиры в батальоне по желанию его воинов остались прежние. Мне в тот день был вручен орден Красного Знамени, В петлицах моей гимнастерки появилась “шпала”

(В моем домашнем архиве есть документы, которые сохранила Александра Алексеевна Ярушникова, жена нашего героя. Она из рода Коноваловых д.Бисеровой. Вот “Временное удостоверение № 66637. Предъявитель сего старший лейтенант Ярушников Константин Емельянович награжден Приказом войскам Западного фронта № 01058 от 3 октября 1942 г. За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками орденом Красного Знамени № 35901. Круглая печать: отдел кадров Западного фронта”. Сейчас можно предположить, что отряд Яруш-

никова прорвался к своим войскам в начале октября 1942 года.
(Валерий Бездомов.)

ПОЛЕТ В МОСКВУ

Однажды меня вызвали в штаб дивизии и сообщили, что я должен немедленно вылететь в Москву. Самолёт ожидал меня на взлетной площадке.

Через несколько часов приземлились в одном из московских аэродромов, окна которого, как и всех столичных зданий, крест-накрест были обклеены бумажными лентами, чтоб не разрушились от воздушной волны при налетах и бомбежке вражеской авиации. Меня усадили в газик с синими фарами и доставили в военную гостиницу. В одной из её просторных комнат в тот же день разместились около десятка офицеров среднего состава. Познакомились, разговорились. Все, как и я, оказались комбатами, но только из разных армий, с разных направлений. А зачем нас вызвали в Москву, никто не знал. На завтра к нам прибыл офицер-интендант. Он привёз с собою закройщика из портновской мастерской. Тот снял с каждого из нас мерку для пошива обмундирования, размеры обуви и головных уборов. Через два дня мы были экипированы, что называется, “с иголочки”: новенькие кители и брюки, пахнущие дубом ремни и портупеи, хромовые сапоги, барашковые шапки-ушанки. У нас в головах замелькали догадки, высказывали их вслух: видимо, готовят для встречи с каким-то большим начальством, а может быть, будем сопровождать кого-нибудь из высокопоставленных военных в поездке к союзникам...

Не оправдались наши предположения. На той же неделе за нами прибыли машины из наркомата обороны. Но повезли нас не в наркомат, не в генеральный штаб, а прямо в Кремль, в Ставку Верховного Главнокомандования. Встретил нас полковник. Дружески поздоровался с каждым за руку и предупредил:

- Вас приглашает товарищ Сталин.

У всех нас вроде бы подсеклись ноги и онемели языки, лёгкая дрожь пробежала по лицам. Заметив волнение, полковник приободрил нас:

- Спокойно, братцы, держитесь, не теряйтесь. Верховный любит простой солдатский разговор.

В КАБИНЕТЕ ВЕРХОВНОГО

И вот мы у Сталина. Он вышел к нам навстречу, едва мы вошли в кабинет. Каждому дружески пожал руку. Причём протягивал обе свои руки. Как мы узнали потом, это был признак его особого расположения к посетителю. Вслед за ним к нам подходили с рукопожатиями Молотов, Ворошилов, Калинин и другие члены Политбюро Центрального Комитета и члены Ставки Верховного Главнокомандования. Усадив нас за длинный стол, Сталин сказал примерно следующее:

- Войну с коварным гитлеризмом мы обязательно выиграем. Но выиграть её нужно с меньшими потерями в людях и технике. Вы уже накопили немалый опыт по руководству в бою подразделениями-ротами, батальонами и мы просим вас поделиться этим ценнейшим опытом. Сейчас в Генеральном штабе разрабатывается новый боевой устав пехоты. Проект его сейчас вам раздадут. Давайте обменяемся мнением по некоторым его статьям. Существующий ныне Устав явно устарел, многие его положения в современном бою не только не помогают, но и мешают. Прошу быть откровенными и объективными, высказывать свои мнения и суждения без бравады, без ухарства и боязни.

Простые, доверительные слова Верховного сняли с нас скованность, и беседа приняла чистосердечный, душевный характер. Перед нами появились брошюры с проектом Устава, макеты с различными рельефами местности, незаполненные схемы для расположения рот, взводов, отделений, для расстановки огневых средств, определения местонахождения в бою комсостава, начиная с комбата, кончая командиром отделения. Члены Политбюро и Ставки при решении задач на макетах и схемах как бы распределили нас между собой: у каждого был свой подопечный. Приятно вспомнить, что возле меня постоянно находился Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин, чье имя носил и поныне носит с гордостью наш колхоз.

Когда обсуждали положение о месте командира в бою, некоторые из нас высказались за то, что командир, в том числе и комбат, должен находиться в передовой цепи или даже впереди атакующих. Сталин возразил против этой точки зрения:

- Быть командиру обязательно впереди, - сказал он, - значит, стать для противника хорошей мишенью. А если командир выйдет из строя во время боевых действий? Ведь любая операция может захлебнуться. Нет, - решительно сказал он, - командир среднего звена должен находиться там, где ему видно все поле боя, откуда наиболее удобно руководить своим подразделением.

Многое, очень многое дала нам та встреча в Кремле. И не только нам, ее участникам, но и всем комбатам, другим командирам, находящимся на фронте. Ведь те вопросы, которые мы обсуждали, те мнения, которые мы высказали, после тщательной их выверки и корректирования были узаконены в новом боевом уставе пехоты. Отрадно сознавать, что в разработку этого воинского закона фактически и я внёс свою маленькую частичку.

Записал воспоминания Георгий Игнатьевич Мальцев, инвалид войны, бывший в 1944 году председателем Першинского сельсовета, ставший потом собкором областной газеты «Красный Курган». Записи и документы к ним для книги представил краевед Валерий Бездомов.

Николай Епанчинцев

В НЕБЕ ВОЙНЫ

Николай Дмитриевич Епанчинцев родился в селе Зеленоборское Шадринского района. Кавалер четырех боевых орденов.

Начало войны меня застало в Забайкалье, где я служил в авиационном полку тяжелых бомбардировщиков. 22 июня 1941 года, в первый день войны, наш полк начал перелет на Западный фронт.

1 августа 53 экипажа полка получили приказ доставить боеприпасы, медикаменты, продукты войскам, попавшим в окружение южнее Киева. При подходе к немецкому кольцу окружения мы попали под зенитный обстрел. Он был настолько сильным, даже не верилось, что это не во сне, а наяву. Смерть кружила с разных сторон красными, голубыми светляками, пронеслась рядом, кого-то задевая, кого-то минуя, и сердце сжималось и трепетало вопреки разуму, вопреки воле. Прошёл целый час. В любую секунду каждого из нас могло сто раз убить, но мы продолжаем свой полет, проклиная черепашью скорость наших ТБ - 160 километров в час.

В полете на высоте 3000-4000 метров холодно даже летом, а свет от прожекторов и огня зениток придает дополнительный холод. Устали от напряжения глаза, плохо слушаются руки, но нужно точно найти цель — место сбрасывания груза. Вот он условный костер. Обостряются все чувства, напря-

гаются нервы, в голове только цифры — курс, расчетная высота, скорость... Задание выполнено, можно возвращаться домой, а это значит, опять под зенитный обстрел.

Из первого полета на аэродром вернулось всего лишь три самолета. На нашем — несколько десятков пробоин. Одна пуля пролетела через комбинезон, чуть ниже моей левой ноги. Доложили об итогах полета. Днем самолет подлатали, и ночью — снова на задание. Выполнять его улетало около 50 самолетов, домой вернулось снова только три. На третью ночь — снова вылет, но наш экипаж домой вернуться не смог...

...Мы приземлились в 30 километрах от линии фронта — отказали все четыре мотора. Вынужденную посадку совершили на пшеничное поле. Нас окружили старики, женщины, дети, что убрали пшеницу всю ночь. Самолет пришлось сжечь, чтобы не достался врагу, а мы добрались до Харькова, где были направлены в запасной полк.

Всем участникам тех сложнейших полетов была объявлена благодарность Семеном Михайловичем. Буденным за то, что значительная часть войск, благодаря нашим грузам, вышла из окружения. Они, сражаясь в окружении, почти две недели сковывали силы врага в направлении Днепропетровск-Запорожье-Донбасс и на подступах к Киеву.

После пополнения наш полк прибыл снова на фронт в марте 1942 года. За образцовое выполнение заданий командования ему было присвоено звание 24-й Гвардейский, полк был награжден орденами Кутузова и Александра Невского. Мои родители в канун 25 годовщины Октября получили от батальонного комиссара Гаврилова поздравительное письмо, в котором было сказано: «Ваш сын, Николай Дмитриевич Епанчинцев, за время боевой работы в части совершил 50 боевых вылетов, сбросив на головы поганой немчуры тонны смертоносного груза, сея панику и смерть среди фашистов... Ваш сын является гордостью нашей части, гордостью нашей любимой Родины».

Особенно трагичны были для нас разведывательные вылеты при разработке и осуществлении плана под кодовым названием «Багратион». С 6 по 12 мая нашим экипажем было совершено 12 боевых вылетов на разведку, бомбометание железнодорожного участка Орша-Витебск, про-

тяженностью около 70 километров.

Примерно с 18 мая каждую ночь один экипаж назначали на разведку этого участка. До этих полетов в нашем полку были единичные случаи потери личного состава, а тут не вернулись подряд три экипажа. Все забеспокоились, но никто не знал, в чем дело. С 18 по 30 мая вылетело 12 экипажей - ни один не вернулся домой. Этот факт вообще выбил всех из колеи, давил морально.

В ночь с 31 мая на 1 июня такое задание получили и мы. Что сулит нам его выполнение... Может быть, смерть? Смерть - не смерть, но какая-то неизвестность, это ясно, как день. Получив задание, затягиваюсь папиросой. Кто его знает, может, последняя? Бросаю окуроч, носком сапога вдавливаю его в землю и тут же вспоминаю, что не съездил на примерку новых яловых сапог. Снова закуриваю и радуюсь тому, что папироса та была не последней. Может, и эта не последняя?

Нас провожают к самолету товарищи, никто не шутит, даже не разговаривает. Дан сигнал на вылет. Взлетаем, делаем, как положено, над аэродромом круг - помахиваем крыльями, прощаемся...

На подлете к Орше я заметил на земле необычное мигание света, будто кто-то передает сигналы, подобно азбуке Морзе. Вскоре заметили немецкий самолет «Раму», делающий вокруг нас круг. Это тоже необычное явление. От второго захода «Рамы» стараемся уйти. Но немец совершает еще один круг. Я увидел его, когда он пролетал под правой плоскостью самолета, и, как потом оказалось, сделал свое коварное дело. Но мы поначалу ничего не заметили.

Неожиданно командир говорит мне: «Возьми ручку». Беру управление. Продолжаем полет. Через некоторое время командир спрашивает: «Скоро обратно?»

- Нет, - отвечаю, - минут 6-7 до разворота.

- Сбрасывай бомбы, - приказывает командир.

Я прицелился, дернул за троса и чувствую, что трос к бомбодержателям правой плоскости нисколько не реагирует на сбрасывание. Смотрю, а на правой плоскости - дыра, да такая, что человек может пройти. Вскоре, по неведомой причине, решил пошевелить ногами и почувствовал какое-то тепло в сапогах. Рукой трогаю - а она в крови. Такая же штука во

втором сапоге. Значит, я ранен? А командир? Может быть, он тоже, раз доверил мне в такое время управление. Спрашиваю у него:

- Как дела, Женя?

- Давай домой, масло бьет!

...Линию фронта перелетели на высоте 200 метров. Кто только из немцев не стрелял по нам! Спасибо солдатам, подстраховали, стреляли по немцам с другой стороны фронта. Плюхнулись на поляну в 2-3 километрах от передовой. Еле вылезли из самолета и заняли круговую оборону. И тут услышали голоса:

- Ребята, что с вами, мы же свои!

Один солдат подходит и рассказывает, как они за нашим полетом следили, а потом на «санитарке» к нам помчались. Нас увезли в медсанбат, на другой день отправили на самолете в Смоленск, а потом в Москву.

Как потом выяснилось, сигналы с земли немецким самолетам подавала станция наведения под названием «Лихтенштейн». За этот полет мы с командиром были награждены орденами Красного Знамени.

Зинаида Никульшина

ПО ТЫЛАМ ВРАГА

Зинаида Захаровна Никульшина родилась в селе Карловка Полтавской области на Украине 18 апреля 1924 года. Участница Великой Отечественной войны. Награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалью “Партизан Отечественной войны”, памятным знаком “Партизан Белоруссии”.

Зинаида Захаровна является председателем Шадринского городского клуба “Фронтовичка”. Ведет большую работу среди ветеранов и школьников. Это поистине неугомонная женщина, с удивительно теплыми глазами, красивым грудным голосом, характерной, с украинским выговором, речью. Всегда подтянутая, с легким макияжем, прической, она является примером молодежи и своим подругам фронтовичкам. К Зинаиде Захаровне с почтением относятся большинство горожан, знающих ее как прекрасного специалиста - преподавателя финансово-экономического колледжа, где она долгое время учила будущих бухгалтеров и экономистов. Зинаида Захаровна внесла неоценимую лепту, работая по программе военно-патриотического воспитания молодежи в городе. Ее любят и прислушиваются к ее советам в городском Совете ветеранов, в школах города, где она частый гость на различных встречах, утренниках, праздниках. И всегда она находит нужные слова,

верный тон в разговоре, точные сравнения.

Так уж судьба распорядилась, что десять классов я закончила в 1941 году. 22 июня — самый длинный день в году, теплый, радостный, именно в этот день мы выпускники-десятиклассники праздновали получение аттестатов зрелости, начало большого, светлого жизненного пути. Сколько было планов, какие мечты одолевали! Кто-то уже определился в выборе профессии, а кого-то еще манили множество занятий, но все мы верили, что нам все по плечу! Выпускной вечер в школе продолжался до рассвета. Восток уже заалел восходом, примерно в половине пятого утра увидели в небе вереницы самолетов. Ничуть не испугавшись, мы продолжали жечь костры, пели песни, танцевали. А фашисты уже бомбили спящие Полтаву, Харьков, прилегающие аэродромы.

Возвращаясь, один из немецких самолетов сбросил бомбу на наши костры. В эту ночь погибло 20 моих сверстников. Костер этот горит в моей памяти всю жизнь. Всей школой собрали мы останки одноклассников, похоронили, а затем всем классом вступили в народное ополчение: ловили диверсантов, боролись с паникой. Ополченцами стали неспроста, так как все мы сдали нормы и имели значок Ворошиловского стрелка. Враг продвигался быстро по земле Украины. Многие семьи из села эвакуировались на восток, в Россию. В сентябре 1941 года наша семья обосновалась в городе Саратове. В октябре этого же года по призыву ЦК Украины я пошла добровольцем в спецшколу, которая располагалась в Москве. В школе готовили минера-подрывников, радистов, шифровальщиков, связных для разведгрупп. Освоив несколько воинских специальностей, была заброшена в тыл врага. Партизанская жизнь началась в феврале сорок второго прыжком с парашютом.

В разведгруппе берегли меня, но суровая действительность заставляла и в занятые немцами села ходить, и тяжести носить, мерзнуть и голодать вместе со всеми. Однажды, возвращаясь с задания, повстречала фашистский патруль на проселочной дороге. Все бы ничего, “аусвайс”, пропуск то есть, был заготовлен по всем правилам, но в корзинке, под тряпицей лежал пистолет. Тогда, сдернув с головы платок, жестами пыталась показать немцам, что только что оправилась от тифа,

иду менять на продукты вещи. Заслышав слово “тиф”, патруль отпустил восвояси.

Сорок второй год был очень тяжелым. Немцы рвались к Сталинграду. Нашу группу направили на юго-восток, в район города Винница, где я работала переводчицей в комендатуре поселка Вороново до самого конца 1942года. Одновременно собирала данные о состоянии германских войск, их передвижении, вооружении. Затем эти данные через связных переправлялись через фронт. И, думаю, не одну жизнь спасла, находясь в тылу врага. Не забыть переходы разведгруппы по заснеженным лесам, вдали от жилья, когда не только развести костры для обогрева, но и питаться приходилось на ходу. По малой нужде захочешь, колонна ждать не будет, догоняй, как сможешь! Ватные штаны, телогрейка, все смерзлось, заскорузло, озябшие руки не справлялись с ремнем, тут всякий стыд потеряешь, помощь ребят как необходимость примешь!

Разведгруппа несколько раз переходила линию фронта для отдыха в прифронтной полосе. Баня, сон, усиленное питание и снова в тыл. Ровно, Здолбунов, Перемышль, Броды — вот неполный перечень городов, где пришлось побывать, вести разведку, передавать добытые сведения своим. Потом боевой путь лежал через Польшу, в Моравию. Победу встретила в Праге.

Анастасия Клюкина

НАШ 508-Й, ШАДРИНСКИЙ

Шестого июня 1941 года меня, двадцатилетнюю выпускницу медицинского училища, призвали в армию. Видимо, руководство страны чувствовало приближение войны, а иначе, зачем нас, молодых специалистов, отправили в военные лагеря в Чебаркуль? Но тогда мы об этом не задумывались. Взяли с собой летние, нарядные вещи. Думали, что в лагерь едем, а оказалось на войну...

Наш медсанбат входил в состав 508-го стрелкового Шадринского полка. В первый же день войны нас погрузили в эшелон и отправили на Западный фронт. В вагонах смеялись, шутили, всем казалось, что война закончится прежде, чем мы успеем доехать до места назначения.

На станции Громы началась бомбежка. Это был первый и самый страшный день войны, который я запомнила на всю жизнь. Командиры никаких приказов не отдают. Паника. Все вагоны перевернуты, горят. Кругом раненые, помощь им толком не оказывают. Молоденькие девчонки плачут, маму зовут. Все трясется. Настоящий ад!

Первый год самый тяжелый был. Мы все отступали, бомбежки, обстрелы. Наш полк попал в окружение. Я раненых с передовой возила. Как только из леса выедешь - сразу бомбят. В один из таких рейсов машину подбило, меня выбросило в канаву. Когда очнулась, кругом стреляют, бомбят. Поползла по канаве до леса, там и спряталась. Вскоре встретила

своих, все парни заросшие, грязные. Первое время мы одной группой из окружения выходили, отстреливались. Ночью со всех сторон трассирующие пули. Кругом такое месиво, страшно вспомнить. Много наших побило.

Шли к Москве, ориентировались по солнцу. Прежде чем из леса выйти, смотришь, – есть в деревне немцы или нет. Деревенские по-разному к нам относились: кто подаст съестное, а кто и нет. Отмахнутся: “У самих на фронте”. Затем нас четырнадцать человек осталось. Ребята говорят: “Что ты с нами будешь ходить. Выбирайся одна”. И я пошла.

Немцев встретить очень боялась. Один раз сижу в избе (это, наверное, Калининская область была), одежду у хозяйки деревенскую выпросила, платочком закрываюсь. Заходит немец. А хозяин был инвалид, его в армию не взяли. Немец ему и говорит, чтобы он пошел с ним и показал дорогу до ближайшей деревни. А мальчишка, сын, закричал; заплакал. Немец на него автомат наставил: «Пух-Пух». И увел отца. Хозяйка говорит мне. “Ночуй у меня, я тебе хлеба на дорогу дам”. Через некоторое время слышим с улицы: “Исая мертвого везут!” Так хозяйина звали, немцы его за деревню вывели и расстреляли.

В другой раз в деревню зашла. Вдруг немцы едут. Хозяйка говорит: “Уходи”. А я в военном была. Брюки у нас были, юбки позднее выдавать стали. Если увидят, обязательно схватят. Я в соседний пустой дом зашла, стою во дворе. Смотрю, немец в штатском остановился и прямо к моему двору направился – там стог сена стоял. Думаю: “Что делать? Прятаться бесполезно, да и времени нет”. Решила ему навстречу идти. Выхожу со двора, сердце – тук, тук, тук. Он ничего не сказал. Хороший дядька попался!

Вышла из окружения в 1942 году. Потом в спецлагере была. Три месяца отсидела. Проверяли. Там были те, кто из окружения вышел, из плена убежал. Собрали две тысячи человек. Завшивленные, больные. Лазарет открыли, в нем и работала.

После окончила курсы усовершенствования медицинского состава. Попала в 5-ю Ударную дивизию, под Волоколамск. Затем нас переформировали – и под Сталинград. От Сталинграда вместе с 3-м Украинским фронтом шла: Николаев, Одесса, Днепр...

Я была старшей операционной сестрой в звании лейте-

нанта медицинской службы. Когда бомбили, палатки ходуном ходили. Кажется, что бомба прямо над тобой летит, невольно приседаешь у операционного стола. Под Сталинградом, когда немцы прорывались, у нас даже одна еврейка-врач с ума сошла. Пехота нам так не досаждала, как бомбежки, к ним привыкнуть невозможно. Многих мы потеряли в то время.

Однажды наш медсанбат остановился в селе. В одном из домов, стоявшем на отшибе, готовили операционную. Вокруг дома сливовый сад. Красота. Внезапно началась бомбежка - мы врассыпную. Когда все закончилось, увидели на садовой дорожке труп девушки без головы. Все заохали: "Кто такая?" Достали из гимнастерки документы. Оказалась новенькая сандружинница. В саду и похоронили...

День Победы в Берлине праздновали, сделали хороший вечер. Запомнилось обилие отличных вин на столе. Нам с девчонками хотелось все попробовать - никогда раньше не пробовали, да и не видели подобных. В общем, "напробовались", много ли нам надо было!

Война закончилась. Рядовой и сержантский состав осенью демобилизовали, а нас, офицеров, оставили. Сказали: "Кто может себе какую работу найти, пожалуйста, оставайтесь". Мы с подружкой устроились в столовой. Питание хорошее. Жили на квартире. Но домой сильно тянуло. Директор столовой говорит: "Не ездите домой. В России голод, карточная система". А мне надо, и все: пять лет не видела маму.

Послевоенная Германия резко отличалась от СССР. Это стало ощущаться сразу, как пересекли польскую границу: разрушенные города, нищие на улицах, голод. Пока ехали по Германии и Польше, нам лимонад предлагали. А у нас голод. Домой добирались в товарняке. В Шадринск приехала 8 марта 1946 года. Стою и ничего узнать не могу. Казалось, даже вокзал не на том месте.

Вот так для меня война и закончилась. Сколько же всего пережить пришлось!

Петр Гру

МОЙ БОЕВОЙ ПУТЬ С ЗАУРАЛЬЦАМИ

Гру Петр Исаакович родился 30 мая 1922 года в городе Могилев-Подольске. В 1940 году закончил 10 классов и поступил в Ленинградское военно-медицинское училище имени Щорса. В 1941 году досрочно был выпущен с училища со 2-го курса, присвоено звание военфельдшер. Получил назначение в распоряжение Уральского военного округа для прохождения дальнейшей службы, откуда был направлен в Курган в формирующуюся 369 стрелковую дивизию. Участвовал в боях, был ранен, награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги” и другими.

В городе существовал только номер дивизии и ВрИО комдива. Поэтому вначале немного пришлось быть в роли начальника санитарной службы, участвовать в комплектации дивизии личным составом, заниматься вопросами медицинского снабжения.

По мере поступления кадров я был переведен в 481-ю отдельную автороту дивизии, которая формировалась за Курганом.

С этой авторотой я и вся дивизия в октябре 1941 года выехали на фронт. В городе Череповце получили вооружение.

И снова наши товарные вагоны застучали по рельсам в неизвестном нам направлении. Долго ехали, слышны были

взрывы снарядов, бомбежки. По эшелону прошел слух, что мы под Москвой. В конце октября 1941 года глубокой ночью наши вагоны замерли, был дан приказ выгружаться.

Перед нами предстал горящий и весь в руинах город Торжок. Недалеко была линия фронта, было слышно пулеметную стрельбу, небо освещали ракеты. Не описать моего самочувствия 19-летнего парня. Конечно, был ужас от увиденного и страх будущего.

Так наша дивизия заняла оборону на Калининском фронте. Стали прибывать раненые, началась моя работа по специальности военфельдшера в составе 481-й автороты, которая занималась подвозом продуктов, боеприпасов и вывозкой раненых.

Наша 369-я дивизия входила в 29-ю и 30-ю армии (командующие генералы Лелюшенко и Батов), гнала от Москвы фашистов.

Мы участвовали в освобождении части Московской, Калининской и Смоленской областей. Дивизия полностью освободила Луковниковский, Старицкий и Ржевский районы Калининской области

Фашисты были разгромлены под Москвой и отогнаны от столицы до Ржева.

Вот здесь наша дивизия и застряла до весны 1943 года, ведя активную оборону, занимая и оставляя несколько раз город Ржев, с целью отвлечь на себя силы фашистов от Сталинграда.

Из этого периода память сохранила много важных в моей жизни событий. Командиром 369-ой стрелковой дивизии был полковник Казишвили, соседями была 2-я гвардейская дивизия генерала Чинчибадзе. Комдивы дружили между собой как братья, это помогало им и хорошо воевать.

Стоя в обороне, рядом со штабом дивизии находилась и наша авторота, где я был военфельдшером и мне поручили обслуживать и работников штаба. Комдив болел и часто мне приходилось с ним общаться, доставать лекарства.

Под Ржевом часть дивизии попала в окружение в районе города Белый. Авторота и я, к счастью, не были в окружении. Прорвать кольцо окружения помогли части 30-й армии. Но потери были очень большие.

Под Ржевом в 1942 году я был принят кандидатом в члены партии, награжден за участие в боях за Москву медалью “За боевые заслуги”. Это была моя первая награда в тот тяжелый 1942 год.

21 января 1942 года я был легко ранен у деревни Калиниково, а вскоре переведен в 1223-й стрелковый полк командиром санвзвода стрелкового батальона. В этой должности я провоевал до конца войны, выбывая в госпиталь, возвращаясь в свой полк.

Участвовал в боях на Курской дуге, был ранен и контужен взрывом танкового снаряда.

Во время операции “Багратион” по освобождению Белоруссии я принимал участие при пленении немецкого генерала, командира 60-й Полевой штурмовой дивизии генерала фон Штеннеллера.

В конце февраля 1945 года, когда наши части вели упорные бои недалеко от польского города Торн, блокированный в городе гарнизон, прорвав кольцо окружения, устремился на север к Балтийскому морю. Батальону была поставлена задача: форсировать Вислу, занять оборону на шоссе Торн-Гдянск и удерживать до подхода подкрепления. В ночном бою на шоссе, когда создалась критическая обстановка и сражение перешло в рукопашную схватку, прибыл сюда со своими санитарями и ранеными, которые еще могли держать оружие. Вступили в бой. Противник начал отступать, посчитав, что к батальону подошло подкрепление, а оно и, правда, подошло. Через день мы принимали капитуляцию целой дивизии этой группировки...

В наградном листе, по которому приказом 369-й стрелковой дивизии № 0691 от 23.04.1944 года награжден орденом Красной Звезды записано:

“...Тов. Гру, работая командиром санитарного взвода в полку, показал образцы самоотверженной работы. В бою 2.03.44 г. при прорыве немецкой обороны в районе деревни Лубчицы под сильным арт. минометным огнем противника своевременно оказывал медицинскую помощь раненым. Несмотря на сильный огонь противника, был организован вынос тяжело раненых с поля боя и эвакуация их в тыл.

В бою 25-27.03.44г. под огнем противника только за 1 день

была оказана помощь 44 раненым. Путь эвакуации раненых сильно обстреливался, тов. Гру всех укрыл в безопасном месте, а с наступлением темноты быстро эвакуировал их в тыл...”

А вот в ответе архива о моем награждении медалью “За отвагу” приказом 96 стрелкового корпуса за № 033/н от 20.04.1945 года записано:

“... С 4 по 20.04.1945 г. тов. Гру, работая в сложной, быстро меняющейся обстановке, при разбросанном расположении батальонов, отлично справился с задачей по выносу раненых с поля боя, с батальонных мед. пунктов. Всего за этот период было эвакуировано 336 раненых, не считая контуженых, в том числе 162 тяжело раненых.

Не было ни одного случая опоздания в доставке медицинской помощи и оставления раненых на поле боя...”

Я инвалид 1 группы, пенсионер Министерства обороны.

Сейчас мне 80 лет, живу далеко от Кургана, но до сей поры память моя сохранила лица моих сослуживцев из 369-й стрелковой дивизии. Она в основном формировалась из зауральцев. С ними я прошел военными дорогами тысячи километров, видел их и на отдыхе, на марше, в яростных схватках с фашистами. С полной ответственностью заявляю: зауральцы – верные товарищи и храбрые воины.

Живите, мои боевые друзья, счастливо и долго.

Яков Курицин

ПЕРЕД БОЕМ

Яков Алексеевич Курицин родился в деревне Сухоборка Щучанского района в 1918 году. В 1938 году был призван на службу в Красную Армию. Служил на Дальнем Востоке в кавалерийской дивизии. Перед войной окончил Владивостокское пехотное училище. Защищал Москву. Был тяжело ранен. Награжден тремя орденами Красной Звезды, многими медалями. После завершения службы в 1957 году много лет работал военруком в школе села Яланское Сафакулевского района.

Я с детства мечтал быть защитником Отечества, продолжить дело отца, который в 1921 году погиб в Средней Азии в бою с басмачами. И когда мне выпала честь послужить в Красной Армии, я попросился направить меня в кавалерию. Служба эта очень почетная, интересная, но и многотрудная. С первых дней ты уже отвечаешь не только за себя, но и за своего надежного друга – боевого коня. Надежным другом лошадь становится не по команде - по уважению к тебе за внимание, уход, выучку. Конник никогда не ляжет отдыхать, если не уверен, что и его лошадь накормлена, напоена, определена на отдых.

Служил я старательно и с интересом, раньше это замечали командиры и поддерживали. Мне вскоре предложили пойти учиться в военное училище. И я его успешно окончил как

раз перед началом войны, которая и стала тяжелейшим испытанием для всей страны и для каждого из нас.

В ноябре 1941 года я уже участвовал в боях под Москвой в составе Калининского фронта командиром стрелкового взвода. Рассказывать об этом не буду, фронтовики знают, кого чаще всего из командиров выбивают на передовой – Ваньку взводного. Это они да младшие политруки первыми поднимаются в атаку. И с криком “Ура!” или с ядреным и крутым русским матом, а то и, стиснув до боли зубы, – идут молча под свинец.

Но я расскажу не об этом. Расскажу, как перед боем вступал в коммунисты. Это сейчас высокое звание члена коммунистической партии оболгали и превратили в расхожее. А мы, фронтовики, вступали в ряды партии не ради карьеры и высоких постов, нашей привилегией было первыми подняться из окопа и ринуться на врага. Первыми. И это не было риском, это было – твердым мужским убеждением. Победить или умереть.

До этого я уже год провоевал. Нашивка за тяжелое ранение, орден Красной Звезды и медаль “За отвагу” были у меня на груди гимнастерки. А я волновался перед партийным бюро больше, чем волнуется молодой учитель на его первом открытом уроке перед всеми учителями в школе. Говорю так, потому что и это довелось испытать.

Нравоучений на фронтовом бюро не читали. Биографию попросили коротко рассказать, а потом замполит говорил: каким я показал себя командиром взвода, роты, за какие дела выдвинут заместителем комбата, что я уже старший лейтенант...

А на рассвете был бой, в огонь которого я уже шагнул коммунистом. И это мне прибавило уверенности, ответственности, твердости и сил. И это великая правда, о которой сегодня не говорят. Много лет прошло с той поры, многое изменилось, но я дорожу тем, что звание коммуниста у нас, фронтовиков, получивших его перед боем, особой закалки и особой, самой высокой пробы. Очень сожалею, что нынче в стране нет тех идей, за которые бы так самоотверженно и бескорыстно поднимались миллионы людей.

А через месяц мне доверили возглавить учебный батальон дивизии по подготовке сержантского состава из отличившихся в боях рядовых бойцов. Дело было непростым. Надо

было из отважного воина выковать человека, способного в боевой обстановке не растеряться, а если потребуется, то и заменить командира, павшего в бою. На фронте бывали и такие ситуации, когда сержанты вели в бой не только вверенные им отделения, а брали на себя ответственность руководить взводом, ротой и выше. В этом и проявлялся настоящий командирский талант, способность человека брать на себя ответственность не только за обстановку в поле своей видимости, но и за судьбы людей. Поэтому и направлялись в учебный батальон воины, зарекомендовавшие себя стойкими в боях, показавшие не только личную храбрость, смекалку, инициативу, но и умение видеть не только свои задачи, но и рядом находящихся товарищей, умение ориентироваться в различных ситуациях.

Учебный батальон при дивизии отличался от обычных учебных отрядов тем, что ему не раз приходилось при самых сложных обстоятельствах закрывать собой места прорыва противником нашей обороны. Закрывать и действовать силой вверенного оружия, силой тактической и оперативной подготовленности. Личный состав учебного батальона ни разу в такой обстановке не подвел своего комбата.

И это дало мне уверенность после демобилизации из армии стать руководителем военной подготовки школьников. И горжусь тем, что сотни ребят вступили в жизнь из стен нашей школы достойными сынами нашей Родины.

Василий Меньшиков

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Меньшиков Василий Иванович родился 7 мая 1910 года в селе Шутиха Катайского района. В Красной Армии с 7 ноября 1931 года по апрель 1957 года, прошел путь от рядового красноармейца до гвардии полковника, штурмана авиационной дивизии. В годы Великой Отечественной войны служил комиссаром эскадрильи, штурманом тяжелого бомбардировщика авиации дальнего действия Ставки Верховного командования.

Театр его военных действий охватывал с юга от Ирана до полуострова Рыбачий в Заполярье, защищал Москву, Сталинград, Ленинград, штурмовал Кенигсберг, Будапешт, нефтепромыслы в Румынии, Берлин.

Совершил 160 боевых вылетов. Награжден тремя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, Отечественной Войны I степени, многими боевыми медалями.

После службы в армии отдал 20 лет жизни родному Катайскому району.

Жизнь прожил трудную, суровую, зачастую жестокую, связанную сколебаниями между жизнью и смертью.

В ходе контрнаступления под Москвой, начавшегося в начале декабря 1941 года, Советские войска продвинулись на 100-250 километров на запад. Под Старой Руссой в

районе города Демьянска войсками Северо-Западного и Калининского фронтов была окружена 16-я немецкая армия. С целью быстрой ее ликвидации в начале марта 1942 года Северо-Западный фронт получил из резерва Ставки пять артиллерийских и три минометных полка. Кроме того, для содействия наземным войскам военно-воздушные силы фронта были усилены одной ударной авиационной группой Ставки. Командиром этой группы был назначен полковник Дрянин, а комиссаром — я.

По всем законам и правилам перед авиацией дальнего действия стоят задачи стратегического назначения — нанести массированные удары по глубоким тылам противника: складам, аэродромам, портам, железнодорожным узлам, административно-промышленным центрам и другим объектам. Сейчас же поступил приказ бомбить ночью по линии фронта, а это означало, что рядом с расположением врага находятся в окопах и наши войска. Задача была поставлена неожиданная и совершенно новая. Пришлось в кратчайший срок изучать тактику ведения такого боя.

Наземные войска помогли нашей группе в осуществлении боевого задания. На расстоянии 500 метров от линии фронта были разложены костры, а по линии захода на цель местность освещалась в сторону противника прожекторами. 7 марта мы приступили к выполнению приказа. За три ночи произвели семь налетов и сбросили на фашистские окопы пятисоткилограммовые бомбы в районе села Молвотицы. 9 марта советские войска заняли этот укрепрайон.

Так впервые авиация дальнего действия взаимодействовала с наземными войсками непосредственно на поле боя. Молвотинская операция прошла успешно. Командующий Северо-Западным фронтом приказал немедленно повторить операцию в укрепленном районе Ватолино. Исходя из предыдущего опыта, мы решили облегчить обнаружение цели ночью. Для этого нужно создать точку прицеливания с помощью пожара, образованного зажигательными бомбами. Создание пожара было самой ответственной задачей. Малейшая ошибка могла привести к сбрасыванию бомб в расположение советских войск.

Выполнение задачи возложили на комиссара группы. Я

понимал всю сложность обстановки. Для нахождения цели не было никаких ориентиров, кроме небольшого массива кустарника севернее расположения противника, видимого на фоне снега даже ночью. При подготовке к полету наш экипаж тщательно взвесил все “за” и “против”, изучил район цели. Мы решили заходить для бомбардировки не с востока, как вся ударная группа, а с запада, со стороны противника и на малой высоте. Шансов остаться в живых было мало, но в таких условиях, будучи подбитыми, мы упали бы в расположение советских войск.

Полет проходил в ночь на десятое марта 1942 года. Наш экипаж пошел на выполнение задания первым. Набрав высоту 1500 метров, мы вышли на занятую противником территорию. Как и в предыдущей операции, наземные войска обеспечили ориентир с помощью костров и прожекторов.

При подходе к цели мы начали резко снижать высоту. 1500...1400..1200... Напряжение предельное. Лихорадочно ищу цель.

— Товарищ комиссар, — возник в наушниках голос пилота. — У нас, кроме восьми зажигательных, две фугасные бомбы. А их ниже четырехсот метров бросать нельзя!

— Когда идет война, — отвечаю ему, — действия часто выходят из грани допустимого.

Сейчас, через призму времени этот полет кажется чрезвычайно хулиганским, безрассудным. Но...

— Высота 150 метров. По-моему, цель перед нами.

Тотчас в подтверждение моих слов снизу началась бешеная стрельба из всех видов стрелкового оружия. К самолету потянулись трассы огня: белые, красные, зеленые. Словно рой пчел кружился вокруг машины.

Сброшенные точно в цель зажигательные бомбы создали пожар. При взрыве фугасных бомб наш самолет дважды основательно трянуло.

Сделав свое дело, мы отошли в сторону и с высоты восьмидесяти метров наблюдали за действиями ударной группы. Задание группа выполнила успешно: ни одна бомба не ушла из пределов укрепленного района.

Обратно возвращались молча. Я вытащил из-под комбинезона котлету, которую выдали перед полетом холодной, за-

мерзшей. Сейчас она оттаяла, и я ее жевал всю дорогу.

До аэродрома было недалеко, что спасло нас от вынужденной посадки. После приземления оказалось, что бензобак одной плоскости пробит несколькими осколками своих же фугасных бомб. Несколько десятков пулевых пробоин насчитывалось в самолете, но ни один из жизненных узлов не был поврежден. Экипаж не получил ни царапины, но лишился очередного вылета, — самолет нуждался в ремонте.

К нам подъехал командир группы, осмотрел машину:

— Комиссар, не жалеешь самолет — пожалел бы свою жизнь и жизнь товарищей.

— Товарищ командир, мы здесь не на курорте, а на переднем крае, на фронте...

Наши экипажи в эту ночь совершили еще по два вылета на цель. А утром из штаба фронта сообщили, что наземные войска с малыми потерями овладели укрепрайоном Ватолино.

Выполняя боевую работу во взаимодействии с наземными войсками по ликвидации 16-й немецкой армии, мы действовали по аэродромам, уничтожая самолеты врага на земле. Применялась тактика нанесения ударов в течение одной и той же ночи по разным целям. Эти самым у противника создавалось впечатление, что на Северо-Западном фронте сосредоточены значительные авиационные силы.

Например, в ночь на 9 марта 1942 года мы бомбили укрепрайон Молвотица, в ту же ночь сделали налет на аэродромы. Всего в течение ночи произвели группой по паре боевых вылетов. В том числе разбомбили вражеский аэродром около Демьянска, лишив немцев возможности эвакуироваться из окружения. Я лично три раза бомбил в эту ночь. Мы уничтожили около 60 юнкерсов и транспортных самолетов.

Через две ночи нанесли два групповых удара по аэродрому города Сольцы, откуда немцы производили налеты на Ленинград. На этом аэродроме были уничтожены десятки самолетов и сожжен склад с горючим.

Фактически мы производили боевую работу в этот период без воздействия со стороны немецкой истребительной авиации и зенитной артиллерии. Вдоль линии фронта из Бологое на Старую Руссу проходила железная дорога. Взятием станции Лычково немцы перерезали ее. Советские войска несколь-

ко раз пытались отбить станцию, но безуспешно.

Спустя много лет, мы как-то разговорились с Сергеем Яковлевичем Мартюшевым, проживающим в Катайске. Оказалось, что он воевал в тех местах и находился в окопах как раз против Лычково. Когда же они все-таки взяли станцию, то оказалось, что немцы вырыли тоннели в насыпи железной дороги и в сторону наших окопов образовали амбразуры. Получилась настоящая крепость. Вот почему и не сразу увенчались успехом атаки наших войск. А ведь мы бы могли тяжелыми бомбами разбить эти позиции фрицев за одну ночь!

Вскоре нам поставили задачу нанести удары по станции Лычково (16, 17 и 22 марта). Первый же налет показал, что зенитной защиты у врага нет. Повторный полет производили, как в мирное время, над полигоном. На борту самолета имелось три бомбы, каждая по полтонны. Сбрасывали по одной бомбе, то есть делалось три захода на цель, что давало более эффективное бомбометание.

Такие факты доказывают, что наши действия сильно ослабили авиацию противника на этом направлении. За время работы здесь мы не потеряли ни одного самолета. То есть к этому времени мы уже сравнялись с фашистами в воздушных силах, а на отдельных участках имели даже преимущество.

В МАРТОВСКОМ НЕБЕ 43-ГО

Во время прорыва блокады Ленинграда к боевой работе была привлечена авиация дальнего действия. В боях мне пришлось принять непосредственное участие. Мы наносим бомбовые удары с воздуха по вражеским коммуникациям, железнодорожным узлам, аэродромам, резервам врага.

Вспоминается один из эпизодов, который мог привести к трагической гибели всего экипажа. Для меня это был тринадцатый боевой вылет и совпал он с 13 марта 1943 года. Замечу, что в одной из наших эскадрилий трижды не возвращался с боевого задания самолет с хвостовым номером "13". Потом не стали писать этот номер на пополняющей машине. Сегодня можно этому улыбнуться. Но такое было...

В ночь на 13 марта 1943 года наш экипаж получил боевую задачу нанести бомбардировочный удар по железнодорожному узлу Дно. Это была важная стратегическая цель — узел

связывал города Старая Русса и Псков железной дорогой, по которой с юга к Ленинграду противник быстро перебрасывал войска, технику и боеприпасы. Мы обязаны были прервать эту магистраль бомбовыми ударами.

Ночью поднялись в воздух. Погода была отличная: ни одного облачка, очень хорошая горизонтальная видимость.

Маршрут был проложен с учетом захода на цель с запада, чтобы после бомбежки уходить на восток.

При подходе к цели убедились, насколько она сильно защищена зенитным огнем и прожекторами. Только последних насчитали около двух десятков.

Высота 8 тысяч метров, разворот на цель, началось прицеливание по дальности и боковая наводка. Впереди один из наших самолетов схвачен прожекторами. Вся противовоздушная оборона противника сосредоточилась на нем, поэтому у меня создалась возможность точно прицелиться.

В момент сбрасывания бомб сильный луч прожектора скользнул по нашему самолету. Все произошло за какой-то момент, вокруг самолета начали рваться зенитные снаряды. И вдруг наша машина перешла почти в отвесное пикирование, при этом вышла из лучей прожекторов. У меня промелькнуло в голове: «Самолет сбит или убит пилот, и его тело навалилось на штурвал, нажало на руль глубины — самолёт пошел в пике».

Надо спастись. Открыл люк для прыжка, но слышу, что моторы работают нормально. Мысли летят лихорадочно. Спастись, но как. Прыгнешь — у немца окажешься. Надо бороться за жизнь самолета. Быстро вставил рукоятку управления, поставил ноги на педали (в кабину штурмана на ИЛ-4 выведено дублирующее управление самолетом). Медленно тяну, штурвал на себя, колонка которого настолько напряжена, что опасаюсь, как бы не сломалась. Наконец почувствовал, что руль глубины стал подчиняться штурвалу — самолет постепенно начинает выходить из пикирования. Моторы работают нормально — это меня несколько успокаивает. Стрелки приборов, ранее метавшиеся по циферблатам, замедляют свой бег. Освещение в самолете вышло из строя, внутрипереговорный аппарат молчит, приборы видны только потому, что на стрелках и цифрах нанесен фосфор. Никаких переговоров за вре-

мя падения. Да если бы и работала связь, было бы не до них.

Когда самолет подходил к выходу в горизонтальное положение, а я это видел визуально, по отношению к земле, около левого плеча моего, на левом борту кабины повернулся штурвал триммера руля глубины. Значит, летчик жив, но он повернул штурвал несколько больше, и самолет перешел вместо падения в набор высоты. Это было опасно. При неумелом действии самолет может потерять скорость, сорваться в штопор и упасть неуправляемый. Плавным и осторожным движением отдаю от себя, и тут же почувствовал, что летчик держит штурвал. К тому же снова повернулся штурвал триммера.

Самолет перешел в горизонтальное положение. Высота 1500 метров. Значит, мы падали 6500 метров. Вполне могли врезаться в землю.

Самолет идет, моторы работают хорошо. Впереди на востоке видна полоска рассвета мартовского утра. Там же вижу работу светомаяка — это наш, на станции Пола, на южном берегу озера Ильмень.

Нажал поочередно на педали, то же самое сделал несколько раз штурвалом руля глубины. Летчик ответил мне тем же — управление передал летчику. Пишу ему записку: “Пилотируй!”. Он мне ответил: “Понял!”.

Развернул самолет на нужный курс, соответствующий направлению железной дороги Старая Русса-Бологое, которая была обрамлена защитными насаждениями елочками и очень хорошо видна даже ночью.

Когда понял, что опасность миновала, сразу размяк и все стало безразличным. Сидел и вытирал почему-то слезившиеся глаза. При подходе к Октябрьской железной дороге показался краешек солнца, а затем весь диск. Тут только понял, почему у меня катятся слезы. Когда готовился к прыжку, отворил люк под ногами. Так он все время и был открыт — струя воздуха и вызывала слезотечение.

Но почему же наш самолет перешел в пикирование?

У противника в то время появились новые зенитные снаряды, которые при разрыве давали яркую вспышку. Это и заинтересовало летчика. Когда он повернул голову, чтобы посмотреть за борт на эти вспышки, в это время ему в глаза ударил яркий луч прожектора-искателя и ослепил. В это вре-

мя я сообщил, что бомбы сбросил. После такого сообщения летчик обычно резко переводит машину на снижение, чтобы быстрее уйти от зенитного огня. А наш в ослепленном состоянии несколько растерялся.

Когда мы сели на аэродром и осмотрели машину, то оказалось, что в ней не было никакой деформации. Самолет ИЛ-4 был очень прочным, выдерживал тринадцатикратные перегрузки. А все-таки обнаружили, что в некоторых местах металл обшивки наплыл на заклепки.

С этим же летчиком, старшим лейтенантом Переверзевым, в тот же день с наступлением сумерек мы на большой высоте подходили к линии фронта. Над озером Ильмень в наушниках появился сильный треск, затем свист и глухой взрыв. Все освещение погасло. Связи нет с экипажем и землей. Подал записку летчику с курсом на заданную цель. Отбомбились и пошли на восток молча, вслепую. Зашли на запасной аэродром Выползово. Аэронавигационных огней на самолете нет, а при заходе на посадку их необходимо включать. Нас, видимо, приняли за противника и выключили все посадочные огни.

Идем на аэродром Макарово. Там вообще ни одного огонька — наверное, им сообщили, что ходит неизвестный самолет.

На пути лежит аэродром Хотилово. Идем туда. Видим, что там производятся полеты. Пишу летчику: “Когда их самолет пойдет на посадку, пристраивайся в хвост и садись за ним!”

Так и сделали. После посадки отрулили в сторону. К нам стремительно подошла машина. Я уже был на земле вне самолета. Подошел человек в летной форме:

— А-а, комиссар, ты все еще летаешь?

Оказалось, что нас встретил знакомый мне майор Артемьев. Год назад, когда я был комиссаром ударной группы, Артемьев служил у нас. Он-то сразу и узнал меня. Утром выяснили причину неполадок в самолете.

Спустя месяц старший лейтенант Переверзев полетел на задание с другим штурманом и не вернулся. Мы очень долго горевали по этому замечательному парню.

Михаил Сидоров

ДОРОГА ЖИЗНИ

Сидоров Михаил Александрович родился в 1917 году в деревне Убиенное Юргамышского района. После окончания семилетки трудился в родном колхозе, а затем поступил в Ленинградский индустриальный техникум имени Михаила Васильевича Фрунзе.

Войну встретил студентом 4-го курса техникума, вступил в народное ополчение. В феврале 1942 года в составе одиннадцатого добровольческого отряда вел борьбу с десантом фашистов в районе Новой Деревни под Ленинградом. Был контужен и эвакуирован на Большую землю.

После излечения от контузии и дистрофии - снова на фронте, пулеметчиком 413-й Краснознаменной стрелковой дивизии. В марте 1943 года в бою под Смоленском был тяжело ранен. Вернулся в свою деревню инвалидом второй группы в июле сорок третьего. Работал председателем сельского Совета, заместителем председателя Юргамышского райисполкома.

С ноября 1944-го по июнь 1945-го работал в политотделе облвоенкомата. Все последующие годы трудился в облпотребсоюзе.

Награжден орденом Отечественной войны первой степени, медалью «За оборону Ленинграда».

Михаил Александрович Сидоров вел дневник, отрыв-

ки из которого публикуются ниже.

22 июля 1941 год. Прошел месяц войны. С завода револьверных станков-автоматов, где я проходил преддипломную практику, многие рабочие ушли на фронт. На заводе многое изменилось, люди работают день и ночь - все для фронта, все для победы.

19-26 августа 1941 год. Все эти дни с 8 утра до 8 вечера - на оборонительных работах. Рыли окопы, противотанковые рвы. После работы занимались военной подготовкой.

9 сентября 1941 год. Вчера вечером после воздушной тревоги вышли с Володей Захаровым из убежища, что у кинотеатра «Ударник». Увидели огромное зарево. Горел склад напротив нашего техникума. Одновременно горели завод имени Егорова, фабрика «Скороход», общежитие на Тамбовской и центральные продовольственные склады имени Бадаева. Женщины и дети бегут куда-то с вещами, слезы, рыдания. Зрелище кошмарное. Встретился сокурсник Маликов со стабилизатором от зажигалки, кричит: «Вот что осталось от нашего техникума!» Но оказалось, что техникум потушили. Склады все еще горят. Вновь объявлена тревога, дымом заволокло весь город. Мы на посту № 2. Над головами в небе рвутся снаряды зениток.

10 сентября 1941 год. На дневник не хватает времени. Вечера было 11 воздушных тревог, сегодня до обеда уже 9.

11 сентября 1941 год. Норму хлеба срезали. Получаем по 300 граммов.

12 сентября 1941 год. С сегодняшнего дня получаем только по 200 граммов хлеба по столовым карточкам. Остальные недействительны.

13 сентября 1941 год. Вступили всем комитетом ВЛКСМ добровольцами в народное ополчение. Записали в секцию № 11. С 20 часов переведены на казарменное положение.

17 сентября 1941 год. Вызывали в штаб. Сообщили, что немцы взяли Лигово. Из Ленинграда эвакуируются Московский и Кировский районы. На улицах строятся баррикады.

23 сентября 1941 год. На Расстанной строили заграждения, проходили строевую подготовку, изучали гранату и винтовку.

1 октября 1941 год. Во время занятий начался обстрел. Один снаряд взорвался на Лиговской возле магазина, где стояла очередь за хлебом. Много убитых и раненых.

2 октября 1941 год. До обеда занимались, потом отряд отправился на завод, откуда возили фермы для баррикад. Вечером учились стрелять из винтовки.

6 октября 1941 год. С Сушковым ходили в театр имени Ленсовета, на «Отелло». В конце четвертого действия объявили воздушную тревогу. Отсиживались в бомбоубежище. Когда вернулись домой, увидели, что в техникуме от бомбежки вылетали все окна.

10 октября 1941 год. Вчера выпал снег. По радио передали, что немцы перешли к обороне. Идет перерегистрация карточек.

7 ноября 1941 год. Несмотря на блокаду, не унываем. Сегоднястроили праздничный обед. Вечером дежурство. В городе спокойно.

13 ноября 1941 год. Замолкло радио, прервалась телефонная связь. Писем нет. Вновь снижены нормы на хлеб и продукты. Сегодня почувствовал общую слабость и упадок сил.

15 ноября 1941 год. Выделили 4 кусочка сахара Сушкову. Завтра из отряда выделим 50 граммов хлеба. Он потерял карточки и, если не поможем, умрет с голоду.

22 ноября 1941 год. Еще уменьшили норму хлеба. Служащие получают 125 граммов. Мы переведены на котловое питание.

24 ноября 1941 год. Сегодня во время обстрела один из снарядов упал на нашу столовую, а другой - в аудиторию, где были люди. К счастью, снаряд не взорвался.

10 декабря 1941 г. Наши войска освободили Тихвин. Положение в городе должно улучшиться. Однако нет ни воды, ни света, ни хлеба. Население питается горелой землей с Бадаевских складов. Появилась дизентерия. Возле сгоревших складов поставили охрану, но люди все равно проникают.

20 декабря 1941 г. Сегодня все отряды сняли с довольствия. Будем получать только 125 граммов хлеба. Из нашего отряда скончались от голода трое бойцов. Среди них наш командир Притчин (дядя Митя).

1 января 1942 г. Завтракать сегодня не пришлось. Вчера

не ужинал. За три месяца потерял в весе 14 килограммов. Остались кожа да кости. Задача номер один - выстоять против голодной смерти и отстоять город. Это как пропасть, которую надо перейти. Учения прекратили.

4 января 1942 г. Получил на сутки увольнительную. Пошел к Фокиной Любе, давно не видел. Она до войны училась в мединституте и жила во втором общежитии. Во дворе штаба ПВО стояли подводы с мешками. Поинтересовался у возчика. Он сказал, хочешь - бери. Взял несколько горстей овса в карманы. Дошел до Марсова Поля, присел отдохнуть и подкрепиться овсом. Смотрю, подсаживаются один, второй, третий... Руки протягивают. Вскоре в моих карманах ничего не осталось. Вечером узнал, что умерли еще два наших ополченца.

10 января 1942 г. Последние два дня питался землей с Бадаевских складов, а сегодня ничего не ел.

20 января 1942 г. Третий день лежу в комнате совсем один, почти без движения. Все обитатели комнаты преставились, как говорят, богу. Очередь за мной. В комнату заглянула Лиза, ахнула: «Что лежишь? Вставай немедленно!» Разломала стул, затопила печку. Нагрела воды из снега. Сняла с меня вшивое белье, бросила в печь. Потом меня вымыла, надела чистое белье, угостила чаем с сахаром. Сказала, чтобы больше подолгу не лежал, иначе не встану. Помогла перебраться в общую комнату отряда.

15 февраля 1942 г. Ходили вылавливать парашютистов. Во время бомбежки волной отбросило в сторону. Очнулся в комнате отряда. Не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Нас здесь 15 человек, шестеро не ходят. Вот сейчас Захаров сказал, что унесли Соловьева. Умер наш музыкант. Говорят, нас будут эвакуировать в Сибирь, но, вероятно, мы скорее угодим на Волково кладбище.

16 февраля 1942 г. Утром скончался Козлов. Еще недавно предложил подняться всем и сделать перекличку, а в 10 часов его не стало. В этот же день умер Павел Сушков, а потом скончался Иванов со второго курса.

18 февраля 1942 г. Умер мой лучший друг Спириин Лёня из Рязани. Пять лет были вместе. Николай Салихов сообщил, что через неделю нас эвакуируют, и приказал всем как можно больше двигаться.

21 февраля 1942 г. Ходили в военкомат сниматься с учёта. Получили эвакуационные листы, по килограмму хлеба на два дня.

25 февраля 1942 г. Три дня находимся на Финляндском вокзале. Хотели отправить 23-го, но были сильные обстрелы. За эти дни ушли из жизни бойцы нашего отряда Анохин, Жиров, Федорцев. Они умерли в один день. Сегодня отправили нас из Ленинграда... В вагоне скончались 5 человек.

26 февраля 1942 г. Утром дали мерзлого хлеба по 500 граммов и супа, а в полдень отправили на машинах через Ладогу. Ехали быстро, через два часа были на другом берегу в деревушке.

27 февраля 1942 г. В 11 часов мы выехали из Волошиной. Жихарево вчера разбомбили. Сухой паек на исходе. Воды нет. Холод. Остался один сухарь на двоих. Мы с Андреем Ловкоминым заболели дизентерией. От Ленинграда отъехали на 100-120 километров. В вагоне 45 человек на нарах в два этажа. Посредине вагона-теплушки печка-буржуйка, но ее никто не топит – нет сил.

2 марта 1942 г. Доехали до Вологды. Целый день ждём отправки в Буй, в санпропускник. Студенты нашего техникума, они же ополченцы нашего бывшего отряда, всё убывают. Умерли Филипенко, Щеляев. Маслова Ивана выбросили прямо на ходу поезда, так как от него пахло мертвечиной. Его жена Паня лежала в это время без памяти. Прошло всего полгода, как они поженились.... Сколько еще нашего брата останется по дороге на Урал. Всех замучил понос, а ноги совсем опухли.

6 марта 1942 г. С утра стоим в 12 километрах от Кирова. На двоих получили 1,4 кг хлеба, 100 г масла, 100 г сахара и 200 г сыра, две порции каши. Но пока я стоял за пайком, кашу кто-то съел. Я начинаю набирать силы, а Андрей совсем разболелся. Но в больницу не кладут.

7 марта 1942 г. Еще ночью Андрей что-то забормотал по-своему, по-фински. Я зажег спичку и бросился к нему, стал спрашивать, что с ним. Я положил его голову себе на колени, он тяжело вздохнул, и голова его упала с моих колен. Я вздрогнул и заревел, как рязанская баба.

На станции Зуевка Кировской области во время остановки поезда я заявил в железнодорожную милицию о его смерти...

11 марта 1942 г. Сегодня целый день простояли около Свердловска. Говорят, что в Свердловске нас поместят в больницу, но, увы, поезд на несколько минут остановился в Свердловске и пошел дальше.

12 марта 1942 г. Доехали до станции Богданович, здесь нас сводили в медпункт, обследовали и пересадили в другой поезд. В медпункте над нами сквозь слезы смеялись, так как мы почти не походили на людей: завшивели, обросли волосами и грязью.

13 марта 1942 г. Сидим на станции Синарской. Наш эшелон расформировали. Спасайся, кто как может. Правда, нам выдали талоны на обеды. Я сегодня ходил обедать уже четыре раза и все голоден. Кроме того, в харчевне не дают долго задерживаться: вши постоянно выползают на поверхность, а как только их увидят, нас немедленно выгоняют из помещения.

14 марта 1942 г. С утра я сходил в парикмахерскую, где мне остригли бороду и побрили. Несколько раз пытался уехать в сторону Шадринска, но вагоны не открывают, и нас никуда не пускают. Обратились к военному коменданту, предъявив ему свои документы, но он сказал, что без санобработки нас никто не посадит.

Часов в 8 вечера я пошел искать санитарно-пропускной пункт, еле до него дотащился. Санитарки, две пожилые тети, долго раздевали и разували. Валенки снять не могли, и голенища их разрезали ножом. Все мое имущество забросили в дезкамеру, а меня увели в банное помещение. Мне стало так хорошо, что я прилег и мгновенно уснул. Не знаю, сколько времени прошло, но сквозь сон я услышал: «Смотри-ка, девоньки, дед-то наш очокурился». А я никак проснуться не могу. Они принесли носилки и поволокли в холодильник для умерших. На улице меня обдало холодом, и я зашевелился. Санитарки бросили носилки и бежать. Потом опомнились, вернулись. Затащили меня обратно в баню и давай скорее одевать. Но валенки так и не могли надеть. Пришлось босые ноги втолкать в валенки, а сверху навернуть портянки. В таком виде я и явился к коменданту. Но зато справка о санобработке была, и я получил разрешение на посадку в поезд. Вагоны в проходящих поездах не открывали, и меня никто не сажал.

Сходил, еще раз поел баланды, сдал свои вещи в камеру

хранения, оставив лишь один маленький саквояж с конспектами и документами. Я решил действовать самостоятельно. Как только подошел поезд, я забрался на буфер вагона и затаился. Ехал так километров десять. Потом удалось пробраться в тамбур. Но тут мне снова не повезло. В тамбур ворвались трое воров. Они быстро обшарили мои карманы, забрали саквояж, а меня затолкали в туалет.

Я застучал в дверь туалета. Открывший дверь милиционер сказал: «Ты чего здесь засиделся? Или тоже вместе с ними промышляешь? Марш за нами». Вскоре мне отдали мой саквояж и документы...

15 марта 1942 г. В четыре часа дня я был на станции Твердыш. Я был рядом с домом. Долго стоял, ждал: может, кто появится. Но людей не было видно. Начинало смеркаться. Я снял с бушлата ремень, привязал его за ручку саквояжа и волоком потащил за собой.

Вспомнил, что отсюда в 1939 году мы уезжали с моим сельским дружкой от Ксении Петровны, его тетки. Я решил добраться до нее...

Зашел в избу, Ксении не было дома. Увидев меня, дети разбежались по углам, заревели. Пришла Ксения, долго не могла меня узнать. Оказалось, что меня считают давно погибшим. Потом Ксения позвонила в д. Убиенное Юргамышского района, и в 10 часов за мной приехал на лошади мой дядя Корнил.

16 марта 1942 г. Почти вся деревня сбежалась смотреть на меня, воскресшего из мертвых. А я отвернулся к стене лицом и плакал...

6 апреля 1942 г. Деревня Убиенное. Сегодня на сессии исполкома сельсовета меня утвердили секретарем сельского Совета. Несмотря на мою болезнь, пришлось работать, так как в деревне я один со средним образованием. Председатель сельсовета Жилин А.В., как будто ждал этого дня, сразу загрузил меня работой. В 10 часов утра я уже знакомился с инструкциями, разными бумагами и директивами. После обеда составил список мобилизованных в армию. Так быстро прошел мой первый рабочий день.

13 апреля 1942 г. Принял кассу сельсовета, в ней оказалось наличными всего 15 рублей 73 копейки. С этого дня, как

мне сказал председатель сельсовета Жилин, я - кассир, счетовод – бухгалтер. секретарь и представитель советской власти во всех комиссиях, заместитель председателя и секретарь. Не много ли для одного человека? Но возражать не пришлось, так как в штате сельсовета всего три человека. Председатель, секретарь и уборщица - конюх с окладом 30 рублей в месяц, с образованием ликбеза. Ей кассу не поручишь.

1-2 мая 1942 г. были рабочими. Отдыхать не было времени. С утра подбирали текущие дела в сельсовете, с обеда сортировали отходы в колхозе. Получил первый паек 6 килограммов муки на месяц.

29 июня 1942г. Две недели ездили по деревням, ходили по дворам: проводили перепись населения, скота, птицы, производили оценку домов, имущества, составляли различные акты. В эти дни я вновь передумал и переворочил свою жизнь и жизни земляков. Люди внешне к нам, как будто, относились хорошо, но все зависело от обстоятельств. Когда речь шла об опиcи имущества за неуплату налога, или брали последнюю скотинушку за невыполнение мясопоставок государству, тогда они свирепели как звери. Тогда мое сердце сжималось от боли, хотя оно должно быть твердым, как камень, помня как в Ленинграде люди умирают с голоду. Но когда на пороге появлялась с ревом целая куча полунагих ребятишек, я не выдерживал натиска, выходил на улицу, составлял акт о несостоятельности семьи и шел к следующему двору. Нередко картина повторялась. Я снова готов был идти в бой, лишь бы не видеть этого кошмара.

10 сентября 1943г. Сегодня вечером к нам приехал представитель Кислянской МТС, состоялось комсомольское собрание, на котором меня избрали секретарем комсомольской организации. Сейчас я дважды секретарь: в сельском Совете и в комсомольской организации.

25 сентября 1942 г. Все комсомольцы уехали в поле на уборку хлеба. Мы с Иваном Бадаговым побили все рекорды, выкосили овса по 120 соток, при норме 80 соток. Ночью молотили скирды пшеницы.

15-24 октября 1942г. Все комсомольцы и даже школьники работали в поле: скирдовали и молотили хлеб. Выпал снег, надо спешить с уборкой.

24 ноября 1942г. Мною получена телеграмма: выехать в Юргамыш в райвоенкомат со списками молодежи 1926 года рождения. Списки составили, с ними выехал в район председатель сельсовета Жилин. Я с молодежью отправился в поле скирдовать хлеб. Потом снопы молотили до четырех часов ночи. Под утро ушли домой: поломалась молотилка.

1-5 декабря 1942г. Я, как секретарь комсомольской организации, с избачем Кокориной работал в поле по проверке токов и перевеиванию отходов и куч соломы после обмолота. Собрали за неделю 50 центнеров зерна и сдали его в фонд обороны.

25 декабря 1942г. Сегодня меня, брата Леонида, Лоскутникова Ивана Григорьевича, Колесникова Ивана Федоровича, Федора Ивановича Соколова, Григория Максимова, Шабалина Георгия и других, всего 12 человек, со слезами провожала вся наша Убиенка на фронт. Проводили нас до точки лесхоза, а потом мы сели на подводы и поехали в Юргамыш. В военкомате в 12 часов ночи меня вызвал военком Савченко и вручил мне пакет, литер на поезд и сказал: "В составе группы еще 5 человек: Сидоров, Максимов, Емельянов, Ярославцев, Шабалин. Следуйте в Чебаркуль, в распоряжение 2-й стрелковой бригады.

Так кончилась моя мирная жизнь.

С фронта живыми вернулись по ранению только я и Максимов, а остальные погибли в боях.

Анастасия Стёпкина

**И ТЫЛ
БЫЛ
ФРОНТОМ**

Анастасия Кондратьевна Стёпкина родилась 24 апреля 1926 года в селе Михайловском Мостовского района. Живет в селе Черёмушки Лебяжьевского района.

Когда по радио объявили о внезапном нападении фашистской Германии на Советский Союз, в нашей деревне сразу началась мобилизация на фронт. Не стало хватать рабочих рук. Руководство нашего колхоза (на территории нынешнего Мокроусовского района) часто обращалось за помощью в школу. Мы, учащиеся, работали на прополке посевов, на заготовке кормов, на уборке хлебов, так как не хватало комбайнов, а у нас тогда был один “сталинец”, который буксировали двумя тракторами СХТЗ. Женщины косили вручную и вязали снопы, а мы за ними подгребали граблями и мастерили им вязки для снопов. За это получали трудодни и небольшой паек черного хлеба. И только в конце года давали зерно, а чаще получали отходы, так как хлеб отправляли на фронт.

У нас была большая семья. Из старших я – вторая. Того, что нам давали, не хватало. Когда направили от нашего колхоза на лесозаготовки на Просвет, я тоже поехала. Осенью 1941 года моя старшая сестра, еще одна взрослая девушка Наташа и я начали там работать. Мне в то время исполнилось 15 лет.

Сестра работала на лошади, возила лес поближе к железной дороге, а мы с Наташей пилили с корня сосны вручную. За выполненную норму давали 300 граммов хлеба.

Часто сосны повисали на рядом стоящих деревьях. Помню, в один день у нас повисли аж три. Ах, как мы тогда плакали, ведь нам сегодня не дадут паек! Но помог выйти из положения бригадир: сосны с помощью распорной вилки уронили. Это был адски тяжелый труд. На лесозаготовке мы проработали три месяца.

Весной 1942 года многих девчонок и меня послали работать прицепщиками. У нас было 5 тракторов. Работали в две смены. Трактористов забирали на фронт. На некоторых машинах оставалось по одному работнику. Тогда, осенью, бригадир тракторной бригады Степан Трофимович Гончаров стал просить нас, девчонок, пойти учиться на шестимесячные курсы трактористов, которые проходили в Марайской МТС. По окончании курсов нас рассадили к опытным трактористам – Поле Гончаровой, Деонису Трофимовичу Гончарову, пришедшему уже с фронта по ранению, Шуре Черниковой и другим.

Этой же весной создавалась комсомольско-молодежная тракторная бригада под руководством бригадира – коммуниста, строгого, хорошо знающего технику Степана Трофимовича Гончарова. В начале посевной 1944 года я была назначена старшей трактористкой, а в помощники мне дали Ваню Гончарова. Паренек он был ответственный. И так каждый год: весной – посевная, летом – пары и уход за ними, осенью – уборка хлебов, вспашка зяби. Работали, не считаясь со временем от зари до зари, для нас и тыл был фронтом.

Благодаря строгой дисциплине, сплоченности коллектива и взаимовыручке наша бригада по району занимала первое место и третье – по области по всем показателям.

Я была избрана неосвобожденным секретарем комсомольской организации Марайской МТС. Комсомольская работа велась в основном в зимнее время, когда молодежь съезжалась на ремонт. Так как наша комсомольская организация была не на плохом счету, меня в 1948 году избрали делегатом на Всесоюзное совещание секретарей сельских комсомольских организаций, а в марте 1949 года мне выпала честь быть делегатом одиннадцатого съезда комсомола.

Меня и еще нескольких девчонок из других областей пригласил тогда к себе министр сельского хозяйства товарищ Бендиктов и вручил нам знаки “Отличник сельского хозяйства”. А еще раньше, в июне 1946 года, в нашем Мостовском районе мне вручили медаль “За доблестный труд”. Я горжусь этими дорогими для меня наградами. Они о многом напоминают мне, а главное, я знаю что получены они действительно за самоотверженную работу. Наш труд, наш хлеб помог бойцам на фронте выстоять и победить фашистов.

Валентина Моисеева

Я СТРОИЛА ТАНКОДРОМ

Валентина Моисеевна родилась 25 октября 1923 года в селе Ново-Кочердык Усть-Уйского района.

Мне было шестнадцать лет, когда Челябинский обком комсомола призвал комсомольцев и молодежь на срочное строительство цехов Челябинского тракторного завода. Специальности у меня никакой, только семь классов за плечами, но не побоялась, поехала. Попала сразу на стройку цеха сборки тракторов. Нас съехалось много, всех расселили в хорошие общежития. Что человеку надо? Здоровье, крышу над головой, хорошую работу и заработную плату. Все это тогда мы имели, поэтому жили дружно, весело: ходили в парки, на танцплощадки, в кино. Думали, что так будет продолжаться бесконечно.

Но 22 июня 41-го года все как обрезало. Многие ребята сразу ушли на фронт, город и люди построжали, посуровели. Удлинились рабочие смены, дисциплина стала, как и положено в военное время. Но все мы думали, война эта ненадолго, тем более, что в сентябре на завод приехал Климент Ефремович Ворошилов и, выступая на митинге перед нами, на заданный вопрос, когда закончится война, ответил: "В апреле будущего года будем сеять хлеб на Украине". До сей поры помню эти его слова. Но случилось иное...

Завод уже вместо тракторов выпускал танки. Не успели мы

еще в некоторых цехах крышу перекрыть, как к нам эвакуировали Ленинградский завод имени Кирова. Люди приехали оттуда слабые, больные. Подкормили их, поставили на ноги. Они заменили нас у станков. Конечно, нам с ними тягаться трудно было, они – кадровые рабочие, специалисты. Но все равно первые 200 танков были наши! Я работала и в механосборочном, и в чугунолитейном цехах. Недоедали, недосыпали. Работали по 12-13 часов без выходных дней, а уж об отпуске и речи не было. Я за всю войну ни разу дома не была. Были месяцы, когда на фронте танков не хватало, и мы по пять-шесть дней не выходили из цеха. Тогда и стал наш завод именоваться Танкодромом, а город Челябинск – Танкоградом.

В общем, приехали ленинградцы, а нас отправили на вырубку патронов на Ворошиловградский завод, который тоже эвакуировали в Челябинск. Работа была не из легких. Ночью, бывало, задремлешь от усталости, патрон выпадет, да на ногу! Все ноги посожжены были, патроны-то горячие. Знаете, почему-то именно в войну стояли ужасно холодные зимы. В цехе тоже холодина, одежка маломальская, ни верхонок, ни робы. А латунь ледяную нужно с улицы принести, со второго этажа мыльную воду притащить, а потом ящики с готовыми гильзами весом по 40 килограммов от станка – к весам, от весов – на склад. И все вручную. Нормы были высокие: до 240 килограммов гильз в смену, но старались. Не думали об усталости – у многих же на фронте были отцы, братья.

Но молодость брала свое. День наработаешься, а вечером на танцы, в клуб. И обязательно в туфельках, хоть и зима. Или в кино, в “Пролетарий”. Успевала еще по вечерам на курсы медсестер бегать...

Ну и любовь, конечно, была. Как без этого. Ванечка, Ваня Белов. Ему было двадцать с небольшим, сам тоже из Кочердыка – земляк. Работал токарем механосборочного цеха на ЧТЗ. Узнал мой Ваня, что у него брат на фронте погиб, пошел в военкомат, попросился добровольцем, хотя и бронь у него была. Проводила его, не успела даже ни одного письма получить, как сообщили из дому, что погиб Иван под Москвой...

Горе такое было не только у меня. Похорожки шли, как говорится, косяком. Проклятая война, сколько же молодых жизней она погубила, сколько судеб искалечила. И сцепив зубы,

пряча слезы, мы невероятно работали для фронта. Днем и ночью, недели, месяцы, годы... без выходных и отпусков, как на фронте.

А потом наступил 1945 год. 9 мая в цех забегают Нина Миная да как закричит: “Девчонки! Война кончилась!” Какое было ликование в этот день! Кто плачет, кто песни поет, кто танцует, все друг друга целуют. Особенно радовались эвакуированные, им хотелось на родину, к своим. Хоть мы-то тоже по своим наскучались, - не виделись всю войну. Ворошиловградцы, после освобождения их города сразу уехали, а мы еще грузили оборудование (мы тоже все военнообязанные были). Потом, правда, проситься начали – отпустите, мол, домой. Отпустили.

Я помню все из того времени. Какие замечательные ребята и девчата работали рядом со мной! Как не жалели себя. А наши парни-уральцы, собравшие танки своими руками и уехавшие на них же вместе с выпускниками Челябинского танкового училища в составе Уральского добровольческого корпуса на фронт! Веселые, красивые, сильные люди, многие из которых отдали свои жизни за Победу. И еще я горжусь, что мне, рядовой, тыловой девчонке вручили знак 96 отдельной танковой Шумилинской бригады Челябинского комсомола.

... Не пришлось мне вернуться на мою родину – в Целинный район. Но в 60-е годы переехала в город Макушино. Здесь вышла на пенсию, и еще многие годы работала в районном обществе инвалидов. Вместе с мужем воспитали троих детей. А сейчас – вот радость-то какая – у меня пять внуков и четверо правнуков!

Записала Елена Васильева

Елена Кулакова

МЫ БЫЛИ ШКОЛЬНИКАМИ

Елена Константиновна Кулакова родилась 4 декабря 1930 года в городе Кургане. Учитель математики, стаж 43 года. «Отличник просвещения», «Заслуженный учитель РСФСР». Кавалер ордена Ленина.

Когда начинают говорить о войне, то я вспоминаю 1942 год. Зима пришла рано, неожиданно: в октябре выпал глубокий снег и ощутило морозило. Многие необработанные поля покрылись снежным покровом. Нас, пятиклассниц, построили на линейку, и директор школы призвала помочь фронту — убрать с полей картофель. Наши детские сердца были полны ненависти к фашистам. Набатным призывом звучали по радио слова песни:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.*

Коварный враг напал на любимую Родину Он топтал нашу землю. Уже целый год шел смертельный бой не на жизнь — насмерть. И мы искренне хоть как-то хотели помочь Красной Армии бить фашистских извергов.

У меня не было теплой обуви. Мама сшила из старого пальто стеганки, а вместо галош приспособила старые спортивные тапочки. Одевшись потеплее, мы, маленькие полуголодные

девочки построились парами и пошагали в деревню Глинки. Расселили нас по избам, а с утра — на работу. Поле громадное, просто бесконечное и все под снегом. Каждый день мы «оживляли» его. Урчал трактор, вспарывая плугом еще не промерзшую землю, выворачивая наверх картошку. Рассыпавшись по полю, присев на корточки, мы застывшими руками собирали клубни. А вечером возвращались на квартиру. Хозяйка кормила нас вареной картошкой, утирая тайком слезы, потом подсаживала на печь и мы, уставшие и промерзшие, засыпали мертвым сном. А утром снова в поле, под холодный ветерок. Задание выполнили по-боевому, за неделю. Возвратились в Курган измученные, но довольные — ведь помогли фронту. По окончании полугодия школа за отличную учебу и ударный труд наградила меня — галошами! Да, да, галоши! Черные, блестящие, с красной подкладкой. Какое это было счастье!

В войну я училась в школе № 29. Низкий поклон моим учителям, которые сделали школу таким теплым домом, мы забывали о том, что дома многих ждут страшные известия о войне, о погибших отцах. С нашим учителем физкультуры зимой мы бегали на лыжах, прыгали с трамплина на Тоболе, а летом купались в реке, плавали наперегонки, занимались гимнастикой. Наш любимец Кондрашин владел баяном, скрипкой, играл на рояле. У него мы учились танцевать. Был в школе хор, танцевальный коллектив, театр. Но больше внимания уделялось патриотическому воспитанию. Возник и тимуровский отряд. Сколько добрых дел делали мы, пионеры, как горды были своей помощью семьям фронтовиков!

Однажды зимой 1943 года отряд собрали вечером. В Курган прибыл эшелон с ранеными красноармейцами. На вокзале, в слабоосвещенном зале на полу вплотную лежали раненые. Серые шинели, потемневшие от крови повязки на руках, ногах, горящие, воспаленные глаза, пересохшие губы, улыбки страдальческие, сквозь слезы. Как помочь им, облегчить страдания? И мы стали читать стихи, петь песни, выполнять гимнастические упражнения. Я пою тонким голоском: «На позицию девушка провожала бойца», «Вдоль деревни от избы и до избы»... Раненый боец обнимает меня здоровой рукой и дает кусочек сахара. А душа моя рвалась на части: будьте прокляты фашисты, принесшие горе моей стране. Где же брат

мой, Иван, ведь он тоже на фронте, жив ли?

Всю войну мы учились и трудились: зимой чистили железно-дорожное полотно от снега, летом заготавливали торф, выращивали на полях корма скоту. Летом 1944 года нас увезли в Логовушку на обработку полей турнепса. Поселились на нарах, в землянках. С нами была девушка — вожатая. В дождливые дни землянки наполнялись водой, и мы выбирались из сырых, грязных, вшивых нор на воздух, на работу. Пололи турнепс, а если попадались корешки потолще, то тайком ели их, обтерев об одежду. В Логовушке нет реки и умывались мы из котлована, где пил и купался деревенский скот. Самыми радостными были вечера, когда мы, улегшись на нарах, слушали пересказ «Всадника без головы». Мы, подростки, мечтали о светлом, чистом, мирном, что существует в окружающем мире, и думали, может, счастье не обойдет и нас стороной. И верили: наши отцы одолеют проклятую немчуру, и тогда наступит радостный праздник, не будет этих промозглых землянок, вшей и грязной одежды, нелегкой работы на полях... Когда я вернулась домой, заболела брюшным тифом.

Вот так и пролетело мое военное детство. Победа пришла в 45-ом. Это была «радость со слезами на глазах». Брат Иван и все его друзья-одноклассники погибли. Они ушли на фронт из 9 класса. Светлая им память и низкий поклон за мужество и героизм, за искреннюю любовь к Родине!

Елена Константиновна на уроке

Сергей Чингин

В ТЫЛУ И НА ФРОНТЕ

Чингин Сергей Ефимович родился 18 октября 1929 года в селе Большое Кабанье Шадринского района. С 12 лет началась его трудовая биография. Работал в колхозе, Кабанском детском доме, киномехаником. Подготовил и показал более двухсот светозвуковых газет.

Награжден медалями “За трудовую доблесть”, “За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина”. Чингину присвоены почетные звания “Заслуженный работник культуры РСФСР”, “Отличник кинематографии СССР”. Сергей Ефимович - автор ряда книг, краевед.

В годы войны радио в нашем селе не было, а о телевизоре люди еще и понятия не имели. Поэтому, когда к нам привозили и показывали кинофильмы, для жителей села был великий праздник.

Киноаппаратуру устанавливали прямо в зрительном зале. Мы, подростки, да и пожилые люди, во время сеанса то и дело крутили головами: то смотрели, что происходит на экране, то с изумлением поглядывали на киномеханика, удивляясь, откуда же он берет все то, что мы видим на полотне. Киномеханик для нас, мальчишек, был каким-то необыкновенным человеком, раз ему доверили такое великое дело, и он умеет управлять киноаппаратурой и электростанцией. В то время это

казалось делом необычайным. Кино к нам привозили редко. Не хватало киноаппаратуры, мало было и кинофильмов, да и киномеханики предпочитали ездить в села, расположенные поближе к районному центру.

Я очень любил смотреть кино. Мне казалось, что и другие любят так же, как я. После просмотра кинокартины целые недели только о ней и говорили в селе. Вот тут-то и зародилась у меня мечта стать киномехаником.

После работы в колхозе, поздно вечером, бежал я пешком десяток километров в Батуринский дом культуры, чтобы помочь там киномеханику, а после кино, ночью, спешил домой в Кабанье. Когда я научился показывать кинофильмы, мне выписали права демонстратора, а для Кабанья скомплектовали старенькую установку. С тех пор регулярно два раза в неделю, в субботу и воскресенье, я показывал кинофильмы и по-прежнему, как и все колхозники, без выходных работал в колхозе. Правда, сбегать за кинобанками в Батурине меня отпускали с работы.

Большинство моих односельчан жили тогда очень бедно и трудно. Работали на полях и фермах почти исключительно вручную. Лопата да вилы, да упряжка быков. Вот и хозяйствуй. А надо было хлеб и мясо фронтовикам поставлять. На трудодень почти ничего не выдавали. Люди на трудности не жаловались. Может быть, потому, что они были почти равными для всех. И горести были общими. У меня погиб на войне старший брат Николай. Горе в семье и слезы. Но похоронки за войну - пришли у нас почти в каждый дом. Страх потерять родных и близких кружил над притихшими селами.

В то же время я испытывал чувство гордости, что в приближающейся Победе есть боевые и трудовые заслуги нашей семьи, моих односельчан. Мне хотелось, чтобы о подвигах земляков, о чьих-то радостях, о чьем-то горе в селе узнавали все. На миру и горе, и радость — на всех.

Я стал искать, как же приспособить эту задумку к киносеансам. Возникла идея о выпуске светозвуковой газеты.

По тем временам сделать это было непросто. Через придуманное нами приспособление на экране, в увеличенном виде, показывались фотокарточки фронтовиков, а через самодельный микрофон и усилитель из громкоговорителя слы-

шался рассказ о земляке-герое.

Одну из первых светозвуковых газет мы показали перед кинофильмом “Нашествие”. В кинокартине рассказывалось о героическом подвиге народа в Великой Отечественной войне — в тылу и на фронте. В нашей светозвуковой газете мы рассказали о делах колхозных, о боевом подвиге и гибели доверенного председателя нашего колхоза Смирнова Александра Васильевича и организованно уехавших с ним на фронт колхозников. Все они погибли на Карельской земле.

В текстах светозвуковых газет мы использовали фронтовые письма, похоронки. Перед фильмом “Два бойца” мы спроецировали на экран фотографии и зачитали фронтовые письма Семовских Ильи Емельяновча, Масленникова Кузьмы Мерковановича и Шабунина Михаила Павловича.

Перед кинофильмом “Валерий Чкалов” на экране появился портрет моего брата Николая Ефимовича. Из громкоговорителя присутствующие в зале услышали: “Уважаемая Евдокия Федоровна! Командование части, в которой служит Ваш сын Чингин Николай Ефимович, сердечно благодарит Вас за воспитание в сыне трудолюбия, преданности своему Отечеству и уважения к товарищам. Вам, как матери, нужно гордиться таким сыном”. После короткой паузы диктор зачитал письмо от Николая: “Мама, ты знаешь, что на Советский Союз напала фашистская Германия. Не огорчайся, родная, береги себя, знай, что Россию никто не побеждал. Мы победим, мы обязательно победим, и я вернусь домой!”

После паузы присутствующие услышали: “Извещение! Чингиной Евдокии Федоровне. Ваш сын Чингин Николай Ефимович, проявив геройство и мужество, погиб при обороне Москвы в октябре 1941 года”.

Все встали и минутой молчания почтили память о Николае Чингине, высказали соболезнование матери.

Перед кинофильмом “Жила—была девочка”, что рассказывал о суровых днях ленинградской блокады, на экране появился фотопортрет Полуянова Иннокентия Ивановича. А из громкоговорителя люди услышали слова из письма солдата, обращенные к жене: “Валюша, извини, что долго не писал. Совершенно нет времени. Мы на своих автомашинах вывозили детей из осажденного Ленинграда. Работа очень ответствен-

ная и небезопасная. В письме это невозможно описать”. Через небольшую паузу диктор продолжил: “Извещеиие: Полуяновой Валентине Ефимовне. Ваш муж Полуянов Иннокентий Иванович, проявив героизм и мужество, погиб при обороне Ленинграда”.

Далее, меняя фотокарточки солдат на экране, зачитывались извещения на погибших односельчан на Ленинградской земле. Это были знакомые всем кинозрителям люди: Полуянов Иван Михайлович, Шабунин Григорий Иванович, Хабаров Егор Андреевич, Гуляев Михаил Антонович, Чернскулов Иван Филиппович. Полуянов Дмитрий Иванович, Горшков Ефим Иванович.

После этой светогазеты фильм предстал перед моими земляками совсем в новом свете. Ведь гибель их товарищей была не напрасной. Они спасали детей города Ленина.

Много было разговоров после того, как перед кинофильмом “Учитель” — о судьбе молодого сельского учителя — кабанцы узнали, как воевал и при каких обстоятельствах погиб Шаров Николай Андреевич, до войны работавший директором Кабанской школы. Фронтовые письма Николая Андреевича и его портрет мы показывали на экране и зачитывали прямо в зрительном зале, чтобы люди видели, что это не просто письма, написанные на чистом листке бумаги, а нестандартные многоцветные лоскутки. На чем только не ухитрялся писать их автор! На обрывке газеты, на кусочке тонкого картона, на обрывке какой-то ведомости.

В письмах Николай Андреевич не хныкал, не жаловался на свою судьбу, на фронтовые трудности. Он и в тяжелой обстановке всегда писал: “Живу, как и все солдаты, с надеждой на Победу!” В его письмах проявлялась забота о земляках. Спрашивал — как идут дела в колхозе с полевыми работами, подготовили ли школу к учебному году, вернулся ли кто с фронта по ранению, передавал приветы землякам.

В одном из писем Николай Андреевич писал: “Одно, Ира, (обращение к жене Ираиде Николаевне) запомни навсегда и так внуши детям, что если отец не вернется домой, то так было нужно для Родины. Воспитывай ребят честными, трудолюбивыми, преданными своим соотечественникам. Сама ты, Ира, меньше предавайся уныниям, время сейчас не то, советский

человек стал, как гранит. Ты пишешь, что живешь надеждами на мое возвращение. Бесспорно, живого человека не оплакивают. Жить хочется, как никогда, но и умирать бесполезно тоже не хочется, хочется мстить и мстить. Если бы у человека было не одно сердце, а несколько, все они одинаково горели бы местью к фашистам. Ира, выполняю Вашу труднейшую просьбу — высылаю снимок. Но это не фотокарточка, а рисунок. Фотографироваться здесь нет возможности. По счастливой случайности одним из бойцов нашей роты оказался художник из Москвы, вот он-то и нарисовал с меня, как бы фоторисунок, правда, рисовать ему пришлось почти три недели, не давали закончить портрет наглые фрицы. Храните, это вам на память”. Именно этот портрет и показали мы на экране во время чтения писем.

В тот же вечер было зачитано и скорбное письмо, адресованное на имя Шаровой Ираиды Николаевны от фронтового друга - Николая Андреевича. Тот писал: “Дорогая Ира, перед боем мы обменялись адресами с Колей и договорились: кто из нас останется жив, сообщит родным — как и когда, это случилось. Мне трудно писать, но и не написать я не имею права. Это случилось 13 марта 1943 года в 16 часов пополудни. Мы отбивали контратаку фашистов. Ко мне прибежал связной командира роты и передал, что командир убит, а заместитель командира роты Шаров тяжело ранен. Я принимаю командование на себя, веду в бой с нападающими фашистами. В то же время побежал помочь Николаю. Он лежал на снегу, под деревом, был очень бледный, видимо, от большой потери крови. Рядом оказался санитар. Мы наскоро перевязали Николая и осторожно положили на волокушу (это наподобие маленькой лодочки). Санитар потащил его на санитарный пост. Когда мы его укладывали на волокушу, он со мной разговаривал, а на прощание даже нашел силы улыбнуться. От места, где Николая ранило, мы ушли с боями километров на пять. Через некоторое время военфельдшер мне сказал, что Николай Андреевич умер в госпитале от тяжелого ранения 16 марта 1943 года и захоронен в братской могиле Мосальского района Смоленской области”.

После этого памятного январского вечера 1945 года я был вынужден временно не только приостановить показ светозву-

ковых газет, а даже показ кинофильмов. Все силы колхозников были брошены тогда на вывозку сена для армии. Работали без выходных. И только когда закончили план сдачи сена и меня назначили возить солому на конный двор и сухопостой для колхозной сушилки, у меня опять появилась возможность по договоренности с Батуриным киномехаником, на общественных началах продолжать по два раза в неделю демонстрировать в Кабаньем кинофильмы. Тут же мы возобновили показ и светозвуковых газет. Тем более что материала для них было много. В сборе его и подготовке газет мне помогали учителя и школьники. Они же писали и вручали пригласительные билеты, особенно родным и близким героя-фронтовика, о котором пойдет речь в очередной светозвуковой газете.

Зрительный зал опять полон народу. Люди пришли посмотреть кинофильм “Сердца четырех” — о судьбе молодого лейтенанта Колчина, влюбленного в студентку Галину Мурашову.

В зрительном зале шум, как в пчелином улье. На экране появился портрет юноши в военной форме, и зал мгновенно замер, только кто-то вполголоса проговорил: “Это же Полуянов Саша”. А из громкоговорителя начался рассказ о судьбе защитника Родины Полуянова Александра Иннокентьевича.

Звучит письмо: “Здравствуй, браток! С красноармейским приветом Александр. Володя, я сейчас нахожусь в городе Ленинске, на лечении. Получил небольшое ранение 29 декабря 1942 года. Скоро вылечусь — и опять на фронт, добивать фашистов. Володя, маме не говори о моем ранении”.

Потом прочитали письмо сына матери Полуяновой Татьяне Дмитриевне от 10 января 1944 года: “Мама, не огорчайся, в настоящее время я нахожусь в госпитале в городе Калуге. Получил небольшое ранение, чувствую себя хорошо и жду, что не сегодня-завтра выпишут. Опять поеду на фронт. Не волнуйся, родная, все будет хорошо. Мама, мне очень хочется узнать, как вы там живете, где сейчас находится браток Володя. Думаю, что и он тоже в армии. Мама, передай привет председателю колхоза Якову Романовичу и всем колхозникам. Как бы я хотел вас всех увидеть и обнять! Скоро мы уничтожим фашистов, Победа будет за нами! Тогда и встретимся дома”.

После минутной паузы диктор продолжал: “Извещение. Полуяновой Татьяне Дмитриевне. Ваш сын Полуянов Алек-

сандр Иннокентьевич, проявив геройство и мужество, погиб 9 февраля 1944 года. Похоронен со всеми воинскими почестями около деревни Крынки в Витебской области”.

В тот же вечер было прочитано письмо, адресованное Миной Клавдии Егоровне. В нем говорилось: “Дорогая Клавдия Егоровна, пишет вам незнакомая девушка, которая находилась на фронте в одном подразделении с Вашим сыном Сергеем Павловичем. Его сейчас нет в живых. Он был убит 8 марта 1944 года под Витебском. Похоронили мы его, как положено, поставили памятник. Дорогая Клавдия Егоровна, прошу Вас стойко пережить потерю сына. Мы отомстим за него наглым фашистам”.

В одной из светозвуковых газет мы поставили цель рассказать людям, как широко — по всем фронтам необъятной страны воюют наши сельчане.

На экране сменяются один фотоснимок другим: то мужественный мужчина, то совсем еще юноша. Некоторые из них в солдатских гимнастерках, другие — в домашних косоворотках. А из громкоговорителя идут пояснения к каждому фотоснимку: “Это Шабунин Андрей Иванович — воевал и погиб в 1944 году в Калининской области, город Торопец. А это Печенкин Иван Михайлович. Он умер от ран 3 сентября 1942 года. Похоронен в деревне Васютники Калининской области.

Вы видите на снимке Камышева Василия Федоровича. Он воевал и погиб в Киевской области в 1943 году. А это наш земляк Гуляев Яков Трофимович, с 1906 года рождения, призван 5 ноября 1941 года, рядовой, умер от ран 28 декабря 1942 года. Кремирован в Москве.

А вот Мишин Илья Семенович, проявив геройство и мужество, погиб на Карельской земле.

Помните Чингина Михаила Ивановича? Он погиб 24 февраля 1943 года, похоронен в селе Н. Ростки Арсеневского района Тульской области.

А это Горшков Александр Иванович, 1909 года рождения, призван 17 декабря 1941 года, погиб 29 ноября 1942 года в деревне Ложки Смоленской области”.

Горькая получилась светогазета, со слезами. Но родные благодарили нас за память о павших героях.

Наши светозвуковые газеты пользовались большой попу-

лярностью. На их просмотр приходили учащиеся Кабанской школы и все взрослое население. Люди преклонного возраста шли в клуб, опираясь на тросточки и костыли. И этому никто не удивлялся. Ведь весь наш народ и в тылу, и на фронте не жалел сил, жертвовал жизнью и последними силами ради Победы.

Но в тылу односельчане были один у другого на виду, работали, не считаясь со временем, не замечая никаких болезней, пока совсем не свалятся. Люди знали и понимали то, что они работают почти бесплатно, ради Победы. В труде у них немного притуплялась боль от потери родных и близких. А вот как сражались наши земляки, кто, где и при каких обстоятельствах сложили головы, односельчане узнавали из похоронок да из наших светов газет. Во время таких просмотров люди не стеснялись плакать, да и я, выполняя эту работу, боролся с тяжелым чувством, с комком, подкатывающимся к горлу.

Помню, после показа первых светозвуковых газет, после увиденных слез у односельчан я старался по возможности избежать встречи с ними, думал, что они обвинят меня в этой затее. Но опасался напрасно. Односельчане при встречах часто благодарили меня, говорили, что я хорошее дело делаю, что, посмотрев такую светозвуковую газету, мы еще и еще вспоминаем добрым словом своих погибших земляков. И часто сами подсказывали — о ком надо рассказать в светозвуковой газете.

Помню, перед демонстрацией кинофильма “Малахов Курган” на экране появились два фотопортрета — отца и сына. Старший был в домашней косоворотке, а младший — в форме танкиста. Письмо Поповой Харитонье Федоровне: “Дорогая моя, как учатся наши младшие дочери, слушаются ли? Береги себя, ты очень нужна детям. А я, как и все солдаты на войне, бью врага”. “Извещение. Поповой Харитонье Федоровне. Ваш муж — пулеметчик Попов Фрол Иванович, верный военной присяге, погиб 3 августа 1942 года. Похоронен в селе Бахмутово Ржевского района Калининской области”.

Затем диктор зачитал письмо сына Поповой Харитонье Федоровне: “Мама, не волнуйся. У меня все хорошо, экзамены сдал на “отлично”. С нетерпением жду того дня, когда поедем на фронт добивать подлого врага”. Зачиталась и грамо-

та, которая пришла в письме сына. В ней сообщалось, что гвардии младшему сержанту Попову Ивану Фроловичу за умелые боевые действия Верховным Главнокомандующим объявлена благодарность.

И опять — “Извещение: Поповой Харитонье Федоровне. Ваш сын радиотелеграфист, младший сержант Попов Иван Фролович, проявив героизм, погиб 2 марта 1945 года. Похоронен с воинскими почестями — Полтский Коридор, село Адлик-Бохмин, в 5 километрах севернее города Нойцебурга”.

После окончания сеанса к нам подошла милостивая девушка с грустными голубыми глазами и нерешительно сказала: “Вы не могли бы дать мне фотографию с Вани Попова?”

Мы выполнили просьбу. Видимо, это была его невеста.

Весной 1945 года, как-то поздно вечером, после работы меня пригласил к себе в кабинет председатель колхоза и, протянув объемистое письмо, сказал: “Это пишет полковник Шилов нам, землякам Ваньши Грохотова”. Ванюша до ухода на фронт работал в нашем колхозе. “Сделайте так, чтобы все кабанцы узнали о его подвигах”.

К очередному воскресенью мы привезли кинофильм “Великий перелом”, посвященный героическому подвигу народа в годы войны. В объявлении указали, что перед киносеансом будет светозвуковая газета. Вечером народ повалил в клуб, неся с собой, кто стул, кто табурет, кто просто чурбашик (ведь в клубе сидений-то не было, если не считать двух-трех скамеек). Зрительный зал был забит до отказа. Все устраивались так, чтобы хватило места и другим, чувствовались между людьми доброжелательность и сердечность.

Когда люди окончательно утомнились, на экране появился фотопортрет молодого человека в военной фуражке и гимнастерке. В зале, как всегда, не могли сдержаться. Все узнали героя, заперешептывались: “Ванюша Грохотов”. А из громкоговорителя ровным голосом диктор начал читать рассказ полковника Шилова о нашем земляке: “В начале октября 1941 года, когда под Серпуховом еще только разгорелись ожесточенные бои с бешено рвущимися к Москве фашистами, к нам в саперный батальон стрелковой дивизии прибыло пополнение. Всем нам особенно пришелся по душе сероглазый, светловолосый ваш земляк Грохотов Иван Артемьевич. Удивитель-

но спокойный, он даже в самой сложной обстановке не робел, не терял присутствия духа, с повышенным чувством личной ответственности брался за порученное дело, за выполнение боевого задания. В ходе тяжелых оборонительных боев, развернувшихся под Серпуховом в октябре-ноябре 1941 года, Грохотов минировал опасные направления перед боевыми порядками нашей пехоты, стыки между подразделениями и частями дивизии. Он лично установил несколько сотен мин, на которых нашли смерть многие гитлеровцы.

В период зимнего наступления 1941 — 1942 годов Грохотов, будучи уже командиром отделения, вел разведку вражеских позиций и заграждений, обеспечивал преодоление их нашими наступающими подразделениями. При этом он лично обезвредил свыше 200 немецких мин и среди них несколько с так называемым “элементом неизвлекаемости”.

В марте нашей саперной роте пришлось оборонять юхновские деревни Лошево и Большое Семеновское от контратакующих гитлеровцев, стремившихся на этом участке нанести удар во фланг нашей наступающей дивизии. Сержант Грохотов проявил в этом бою дерзкую отвагу, тонкий расчет и завидную выдержку. Он со станковым пулеметом занял позицию в стоявшем на отшибе полуразрушенном сарае. И вот фашисты двинулись в контратаку. Мы с надеждой посматривали на сарай, но пулемет почему-то молчал. И только, когда неприятельская цепь вышла на уровень сарая, пулемет, к нашей радости, “заговорил”, безжалостно кося фашистов с фланга. Оставив на белом снегу десятка полтора черных трупов, немцы беспорядочно отхлынули. Озлобленные неудачей, фашисты обрушили сотни снарядов и бомб на пулеметную позицию, а потом снова двинулись на нас, горланя пьяные угрозы. Наверняка, гитлеровцы были убеждены в том, что русский пулемет уничтожен, потому и чувствовали себя так уверенно. Однако и на этот раз фашисты просчитались. Грохотов встретил их снова свинцовым дождем...

Как смелого воина и хорошего сержанта Грохотова назначили помощником командира взвода саперов-разведчиков. Ему не раз приходилось сопровождать в тыл противника дивизионных разведчиков, участвовать в обеспечении действий разведгрупп, в минировании коммуникаций врага.

Однажды, находясь в разведке в расположении противника, Грохотов прикрывал своих товарищей-разведчиков, устремившихся по ходу сообщения к немецкой огневой точке. Он припал к брустверу и, затаив дыхание, настороженно всматривался в черный провал траншеи, змеей уползавшей в глубь вражеской обороны. Неожиданно с немецкой стороны донеслись приглушенные звуки чьих-то шагов и невнятное бормотание. Грохотов едва успел спрыгнуть в ход сообщения и выставить вперед автомат, как перед ним выросли три смутных силуэта, и на чужом языке раздался возглас ужаса. Все решило мгновение, в течение которого Грохотов успел нажать на спусковой крючок автомата. Тут же на него бросился здоровенный фашист, пытаясь холодными пальцами сдавить бойцу шею. Грохотов, собрав силы, резко оттолкнул фашиста от себя и нанес ему удар прикладом по голове... Как выяснилось спустя несколько минут, когда на помощь Грохотову прибежали разведчики, то был немецкий офицер, с важными штабными документами. Поэтому его и сопровождали два солдата.

А через месяц, темной осенней ночью Грохотов с группой саперов устанавливал мины перед вражеским передним краем. Не видя в темноте саперов, но, чувствуя их близкое присутствие, противник то и дело освещал местность ракетами и вел непрерывный обстрел нейтральной полосы из тяжелых пулеметов. Саперам оставалось еще установить десяток мин. Но приготовленные для них капсули-детонаторы оказались непригодными. Чтобы ускорить дело, Грохотов решил сам пойти на пункт боепитания за недостающими капсулями-детонаторами. Он прополз метров 200, а затем, улучив момент, когда погасла ракета и умолк на мгновение пулемет, поднялся и побежал. И тут снова ударил пулемет. Грохотов упал с перебитыми ногами... Бойцы перевязали его, сделали все, чтобы скорее доставить в полковой медпункт. Еще не взошло солнце, а Грохотов был уже на операционном столе в медсанбате. Однако к великому сожалению, врачи уже были бессильны что-либо сделать... Старший сержант Грохотов Иван Артемьевич скончался от ран 2 октября 1942 года.

Он похоронен в сосновом бору у деревни Строеве Юхновского района Калужской области”.

После просмотра светозвуковой газеты люди, сидевшие в

зрительном зале, долго еще вытирали слезы.

Да! Немало было пролито за войну слез, а все-таки, по моему, самым слезным днем был День Победы. В этот день были бесконечными песни и пляски, и слезы радости. Люди плакали от счастья, что выжили и победили, плакали из-за потери родных и близких.

Война закончилась. Возвращались оставшиеся в живых наши земляки-фронтовики. С огромной радостью встречали их односельчане. Но отцы и матери, жены и сестры, дети и родственники погибших выглядели в такие дни словно окаменевшими, подавленными и молчаливыми. Кажется, эти люди теряли дальнейший смысл своей жизни.

В этот период мы решили вселить в сердца этих людей хотя бы маленькую надежду на возвращение их родных.

Перед кинофильмом “В шесть часов вечера после войны” мы устроили встречу с вернувшимися фронтовиками, на которых их родными были получены похоронки. “Воскресшие” фронтовики рассказывали, что на войне всякое бывает. Камышев Анатолий Васильевич рассказал, что 25 октября 1943 года после боя около деревни Рабовичи Славгородского района Могилевской области санитары в спешке, подбирая убитых и раненых, уложили и его, Анатолия, без признаков жизни в повозку погибших и повезли к месту захоронения. Дорогой возчики слышали стон солдата и быстро отвезли стонущего в медсанбат, а потом в госпиталь. “Вот он, этот погибший, перед вами...” — закончил он свой рассказ.

Полуянов Илья Матвеевич поведал землякам, что у деревни Петрово на Смоленщине 11 сентября 1943 года он был тяжело ранен. Командование посчитало, что он погиб, и отправило в адрес семьи похоронку. “А я вот, как видите, выжил”.

Бывшие фронтовики заверили, что из наших земляков, на которых получены похоронки, могут оказаться живые и вернуться домой. На войне всякое бывает.

После этой встречи в семьях погибших затеплилась маленькая надежда на возвращение родных и близких.

Арнольд Пресман

**СПАСИБО ВАМ,
ЗАУРАЛЬЦЫ,
ЗА ДЕТЕЙ
ЛЕНИНГРАДА**

Арнольд Аронович Пресман пережил блокаду Ленинграда, участник боев с 1943 года, ранен, контужен. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда».

Уважаемые друзья!

С большим волнением прочитал ваше письмо, опубликованное в газете “Санкт-Петербургские ведомости” от 30 апреля 2002 года. Спасибо вам, что вы помните о блокаде, о блокадниках, о битве за Ленинград, об ее участниках.

Как блокадник и скромный участник битвы за Ленинград, посылаю вам краткое описание одного эпизода из блокадной биографии города.

С уважением Арнольд Пресман, инвалид Великой Отечественной войны второй группы

Летом 1942 года нас, шестнадцатилетних учащихся 9-го класса, меня и моего друга – Владика Молдованцева, вызвали к секретарю Василеостровского райкома комсомола города Ленинграда. Секретарь, молодой человек, одетый в военную форму, сказал: “Ребята! После тяжелой зимы, в результате голодной смерти, обстрелов и бомбежек в городе остаются дети без родителей. Для них созданы детприемники. Сейчас объявлен декадник выявления беспризорных и без-

надзорных детей. Этим занимаются органы милиции, работники детприемников, а от райкома мы посылаем вас. Это особое поручение. Важность его вам объяснять не надо”.

Получили мы соответствующие удостоверения, адреса домов, в которых нам поручается действовать.

С утра следующего дня до комендантского часа, слабые от дистрофии и цинги, идем выполнять задание.

Забегая вперед, чтобы было ясно, что мы из себя представляли, замечу, что через 5 месяцев, когда мы уходили на фронт в ряды Красной Армии, я при росте 183 сантиметра (в армии вырос еще на 4 см) весил всего 48 килограммов.

Сначала заходили в домохозяйства к управхозам. Познакомившись с нашими документами, они вместе с нами идут по темным лестницам с одного этажа на другой, сил у нас так мало, что приходится останавливаться на отдых на площадках. Пробираемся по квартирам, не давая себе думать о своей слабости и усталости. Думаем только о детях – бледных, истощенных, оставшихся без родственников. Находим осиротевших, грязных и голодных ребят в возрасте от 2-х до 13-ти лет.

Сколько пришлось обойти этажей, квартир. Все меньше у нас оставалось сил. Все круче казались лестницы. Все непослушнее руки и ноги. Длинные пустые коридоры, запущенные квартиры.

Обнаружив одиноких детей, стараемся собрать их документы – метрические свидетельства, продовольственные карточки, необходимую одежду. Их надо понять – часто дети плакали.

Несколько раз рядом с ребенком находились неубранные трупы родителей, родственников. Управхозы опечатавали пустые квартиры, а мы забирали детей.

Чаще всего они были настолько слабые, что приходилось нести их на руках, несем по очереди, потому что у самих сил маловато. Путь в детприемник был очень длинным, несколько кварталов. Слышим из уличных громкоговорителей предупреждение о том, что опасно и надо идти в убежище, район подвергается вражескому обстрелу. Свист снарядов, дальние и близкие разрывы. Прижимаемся ближе к домам, но продолжаем продвигаться с нашими ношами.

В моем домашнем архиве лежат пожелтевшие от времени две справки блокадного времени. В одной из них говорится: “Направленные райкомом ВЛКСМ т.т. Молдованцев и Пресман приняли участие в проведении декады по выявлению безнадзорных и беспризорных детей района. Всего по району выявлено 116 человек...”

... Значительная заслуга в этой работе падает на т.т. Молдованцева и Пресмана, которые добросовестно отнеслись к порученной им работе”.

В другой написано: “... С 10 по 26 июля участвовал... в декаде, проводимом УИГАК НКВД по выявлению беспризорных и безнадзорных детей. Пресман А. выявил за этот период 30 человек беспризорных детей, из которых 27 определены в детприемник...”

Так мы выполняли возложенное на нас поручение.

Детей из детприемника подкармливали, подлечивали. Затем направляли в детские дома и эвакуировали.

Из вашего письма в газету я узнал, что из Ленинградской области в Зауралье было эвакуировано около семи тысяч детей. Не знаю, были ли в этом числе ребяташки, которых нашли мы с моим другом. Хочется надеяться, что были. Но если даже и не так, все равно, дорогие курганцы, огромное спасибо вам за спасение будущего Ленинграда, а значит, и будущего нашей Родины. Теперь я знаю – Ленинград и Зауралье связаны кровно, жизнью наших детей и гибелью курганцев, до конца рядом со мной защищавших мой любимый город.

Примите низкий поклон и бесконечную благодарность ленинградцев!

Виктор Скворчевский

ЧЕРЕЗ АД ЛАГЕРЕЙ

Виктор Александрович Скворчевский родился в 1915 году на Тамбовщине. В двадцатые годы семья переехала на жительство в Звериноголовский район. В первые дни войны Виктор добровольцем ушел на фронт. Участвовал в боях, был в плену, дважды бежал.

Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью “За отвагу”. Живет в Кургане.

Я рано стал работать, был шофером. До войны возил хлеб в Курган из Прорыва, Озерной и других сел района. Были тогда машины ЗИС-5 грузоподъемностью в три тонны, на которых работали круглый год и зерно возили в две смены. День и ночь приходилось быть в дороге. Работать начинал с Иваном Григорьевичем Пономаревым, и с ним ездили почти два года. В то время грейдера не было, и проселочные дороги всегда зависели от погоды. Зимой в дорогу брали с собой пачку соли, чтобы протирать замерзающие стекла кабины. Не отменялись рейсы по погодным условиям, даже в 40-градусные морозы надо было ехать. Замерзали в кабинах, и каждый выживал, как мог.

Однажды выехал я в рейс 8 марта на Курганский элеватор, а домой вернулся лишь в апреле.

В командировку отправили несколько машин, сначала шли колонной, но поднялась сильная буря. Колонна растянулась:

одни смогли дотянуть лишь до Алабуги, другие – до Боровлянки, а мне удалось доехать до Ялыма, где простоял целую неделю. Когда небо прояснилось, прочистили дороги, снова двинулся в путь. Не успели доехать до Глядянки, как опять поднялся сильный ветер, и грянула метель. Опять неделю простояли, пережидая непогоду. С трудом добрались тогда до города, а когда поехали домой, то уже растаяло. Рейс оказался длиной в месяц.

В тридцатые годы не было и автобусных рейсов, люди добирались до города на попутных машинах, приходилось брать попутчиков. Зимой в кузове продувало насквозь, укрывались тулупами и кто чем мог. Привыкали люди к трудностям. Про шоферское житье-бытье и говорить не приходится: всегда в пути, в любое время года. Недоедали, недосыпали – сухой кусок хлеба запивали водичкой и тем сыты бывали.

Началась война. На второй день 40 машин из Звериноговской автоколонны своим ходом направили в Курган. Среди водителей был и я на своем ЗИС-5. Благополучно прибыли к месту назначения. Через два дня подошли железнодорожные платформы, машины погрузили на них, шоферов в вагон-теплушку – и на фронт! Привезли в Рязань, где скопилось множество машин из разных областей страны. В это время в Москве начали формировать ополчение, и попал я в 33 ополченскую армию, где были в основном москвичи.

Нам выдали машины, армия держала фронт под Ельней. Мы снабжали защитников Москвы продуктами и боеприпасами для танков. Жили в лесах недалеко от Ельни, которая на наших глазах несколько раз переходила из рук в руки. Еще более ожесточились бои, когда немец подошел к самой Москве. Мы оказались в окружении под Вязьмой. Путь со всех сторон перегородили немцы, и некуда от них было деться. Оставшиеся в живых ушли в леса и там давали отпор до тех пор, пока не кончились снаряды. Кончились снаряды, кончились продукты, наступал голод. Немецкие карательные отряды с пулеметами окружали каждый лесок и изнуренных голодом и холодом бойцов выживали оттуда, затем угоняли в Германию. Гнали по шоссе тысячи голодных, больных, оборванных людей. Того, кто не мог передвигаться, немцы косили из пулеметов. Весь тракт был усеян трупами. Особенно отощали пехо-

тинцы – доставалось в те дни пехоте! Я и трое моих товарищей отважились на побег. Выбрав момент, когда немцы потеряли бдительность, мы потихоньку проскользнули в доты, настроенные вдоль шоссе. Незаметно опустились в один из них и замерли, в этом доте оказалось еще двое с бородами, как у стариков. Если бы нас обнаружили, то сразу бы расстреляли. Когда колонна прошла, мы вылезли и бросились в лес. Здесь передохнули. Страшно хотелось есть. Мы давно уже не ели.

Наткнулись на поле с горохом, перекусили. В деревне переночевали, а утром карательные отряды окружили это село, но нам удалось вновь ускользнуть. Прятались в лесу. Вышли на своих: партизанский отряд Ковпака и Медведева принял нас, и мы стали партизанами. Около года воевали бок о бок, пока наша армия не стала гнать немцев от Москвы.

Ситуация на фронте менялась с каждым часом. Наступали и отступали попеременно, вскоре при отступлении фашисты отрезали путь нашей армии, и 100 тысяч бойцов остались в тылу врага. Было это и в Брянских, Орловских, Смоленских лесах. В одном из боев силы партизан были неравными, и они оказались в лапах врага. Как партизан всех отправили в концлагерь: вначале в Вильнюс, через два месяца в Германию. В Буре спустили в подземелье, и два с половиной года работал я вместе со своими товарищами в шахтах. Добывали уголь. Жили в бараках, на прогулку не пускали, в туалет водили под конвоем. Получали 300 граммов хлеба да баланду – такой был паек. Особенно много гибло людей в шахтах № 7 и 8. Работали полуголыми на погрузке вагонеток. Пот лился градом, люди гибли от истощения. Меня спасло от гибели то, что не курил и свой табачный паек отдавал за хлеб.

Производство не останавливалось ни на минуту. Вместо погибших прибывали новые пленные русские и поляки. На этих каторжных работах использовали только их. Работы шли на глубине километра, вагонетки, пройдя путь 5-10 километров, покрывались льдом и снова возвращались в шахты. Смерть поражала и тех, кто по неосторожности и усталости прислонялся к этой обледеневшей железяке голой спиной. Больше ста пятидесяти тысяч человек похоронено на кладбище угольщиков, и все это военнопленные.

В конце войны американская авиация все чаще бомбила

Рур, шахты, где работали заключенные. Однажды, когда пленники работали, как обычно, налетела американская авиация и стала бомбить объекты. Пришлось пробираться под землей 25 километров и выйти на поверхность совсем в другом месте. 700 человек немцы перегнали в другое место, а в это время – снова налет. Немецкие автоматчики спрятались кто куда, воспользовавшись моментом, пять человек, среди которых был и я, рискнули скрыться в перелеске. Ночевали в овине, но не одни мы в этот день искали прибежище и спасение. Десять фашистов тоже убегали от наступающих советских солдат и решили в этом овине позавтракать. Тихо, как мыши, сидели мы тут, и если бы шелохнулся хоть один – тогда бы я с войны не вернулся. После того, как ушли фашисты, наши солдаты переменили место ночевки и на эту ночь остановились в водосточной трубе.

Потом на улице увидели танки союзников. Два из них остановились, офицер указал им путь, выбросив при этом окурочек. Один из бывших пленных подобрал его, американец с удивлением посмотрел на него и, слазив в люк, достал несколько пачек сигарет и отдал сбежавшим из плена. По указанному пути советские солдаты напрямик попали на кухню, где их накормили союзники и поставили на довольствие. Такая была договоренность: если американцы попадали в наши части, то их кормили и ставили на довольствие наши. Через две недели нас, бывших каторжников, было не узнать: мы поправились, оделись. Подружились наши и с американскими солдатами. Мне суждено было вернуться домой с войны. Не забыт и не выпал из памяти ни один день войны. По приезду на родину, дослуживал, потом продолжил трудовую жизнь снова шофером в родном селе. И этим счастлив!

Екатерина Чемодурова

ВСЁ С ЛЮДЬМИ И ДЛЯ ЛЮДЕЙ...

Екатерина Степановна Чемодурова родилась 28 декабря 1921 года в Киеве, в семье военнослужащего. С Ленинградского медучилища в 1939 году вместе с отцом ушла добровольцем на фронт в войне с белофиннами. Была ранена. После госпиталя сдала экзамены в медицинском училище и работала медсестрой.

С 22 июня 1941 года призвана на фронт. Служила в 260-м стрелковом полку. Четырежды ранена. Награждена орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями "За отвагу", "За боевые заслуги", И.П.Пирогова", почетным знаком "Красного Креста и Полумесяца".

Мой отец Степан Владимирович Гордиенко был человеком военным, комиссаром в одной из частей, находящейся близ Ленинграда. Когда началась война с белофиннами, отец с бойцами оказался на передовой. Я не захотела отставать от него и оставила последний курс медицинского училища.

Бои были очень тяжелыми. В одном из них отца убило, а меня тяжело ранило в грудь. Шесть суток я находилась между жизнью и смертью, но молодой организм поборол смерть.

Прошло около двух лет, я уже работала фельдшером в Уторгошской районной больнице. Утро 22 июня 1941 года меня застало за учебниками. Я дежурила в военкомате. Отключила

телефон, выключила радио – готовилась к экзаменам в медицинский институт. Вдруг в середине дня прибегает военком, обычно выдержанный, спокойный, кричит на меня: “Ты что тут все поотключала!”. “Так я завтра еду в институт...”. “Куда ты поедешь?! Война!”. На следующий день уже были в городе Бологое, а вскоре в составе 260-го стрелкового полка приняли первый бой за город Новоржев. Шли сильные оборонительные бои, немцы отчаянно атаквали. И мы с боями отступали по направлению Старой Руссы. Бои были жестокие, изнурительные. Непрерывные взрывы, рев танков, автоматные очереди сливались в сплошной грохот и временами казалось, что нечем стало дышать. Но, услышав голос: “Сестра! Сестричка! Где же ты?” — подавляю чувство страха и осознаю, что нужна кому-то моя помощь”. С санитарной сумкой бегу, а еще чаще ползу, карабкаюсь.

Как-то понадобился “язык”. За ним мы пошли втроем — старшина, я и боец. Прошли густым лесом, вышли на опушке, недалеко речка блестит, за ней село, там немцы. Ползли в высокой траве, трава звенит. Подниму голову, слушаю: что такое звенит? Никого не видно. Опять ползу. Очередной раз поднимаю голову — в упор на меня смотрит фриц. Выстрелила на вскидку — попала ему в ключицу. Подползла, дала знак ребятам, думала немец без сознания, а он как пырнет меня ножом в бедро, а я его — револьвером по виску. Тут ребята подоспели, связали немца, доставили к нашим. Офицер оказался. Как увидел меня еще раз, когда допрос шел, аж, зубами заскрипел. А я за этот случай получила награду — медаль “За отвагу”.

Под Старой Руссой попали в окружение. Питались ягодами, грибами. Каждый патрон на счету, медикаментов нет. Раненым прикладывали повязки из мха, кругом же было болото, привязывали листочки черной ольхи, чтобы успокоить раны. С тяжелыми боями и вышли из окружения, были большие потери. В штабе нас не узнали: ноги не держали. Подлечили, подкормили, обмундировали.

Потом снова бои, походы, трижды ходила в разведку. В одном из боев немецкие танки устроили мощный обстрел. Их поддержала авиация. При бомбежке меня контузило, засыпало в воронке. Оглохла. Тяжелое ранение в ногу, с которым я и

попала в Шадринский госпиталь.

Оправившись после ранения, была направлена на 2-й Украинский фронт во 2-ю воздушную армию. Шел 1943 год. В одном из боев был ранен командир 223-го авиаполка. Спасая его, снова была ранена в ногу. Ранение осколочное, тяжелое. И снова оказалась в том же госпитале города Шадринска, и уж на этот раз — навсегда.

Кинжал Исетов

**ТРИНАДЦАТЬ
ДНЕЙ
И ВСЯ ЖИЗНЬ**

Кинжал Исетов родился 15 марта 1919 года в Казахстане. В двадцать лет был призван в действующую армию. Служил в Приморье. Пулеметчик. Затем Калининский фронт. Тяжело ранен, после излечения демобилизован. Награжден медалями. Вернулся в Макушинский район, где в совхозе Чистоевский и работал в животноводстве до выхода на пенсию.

Хоть я и родился в Казахстане, но считаю себя коренным макушинцем. Приехал сюда мальчишкой, закончил школу, вырос, стал работать. Отсюда же ушел 5 сентября 1939 года в армию. Служил рядовым пулеметчиком в 211 стрелковом полку в Приморье.

Уже шла война, мы служили и просились у командиров направить нас на фронт. И вот в начале 1942 года наш полк в полном составе прибыл на Калининский фронт. Разгрузились, заняли боевые позиции.

Я к тому времени был уже опытным пулеметчиком. Первым номером. А вторым номером у меня был Борисенко. Украинец. Вообще там, на фронте, национальность как-то не имела значения. Был у меня другом татарин Хамидулин, русский замполит Бухаров. Все мы были единой семьей. Наверное, фронтовые трудности сближали нас. Жили мы в лесу, спали прямо на земле, а ведь стояли морозы. Порой и голод-

ными оставались. Полевая кухня работала исправно, да немецкие летчики устроили настоящую охоту за ней. Только покажется кухня, а бомбардировщики тут как тут. Прямое попадание - и опять затягивай ремни.

Мы сперва больше держали оборону. А начало весны командиры решили встретить хоть небольшой, но победой. Дали приказ идти в наступление. Чтобы облегчить задачу, атаковать начали ночью. Сначала ползком. Я как первый номер волочил за собой ствол пулемета. Борисенко – станок.

Потом Борисенко ранило. Да сильно, без сознания лежал. И мы уже решили: - не жилец. Мне ребята советовали хоть валенок с него снять. У меня был совсем разорванный, нога мерзла. Вот, мол, чем добру пропадать, ты и переобуйся, его санитары вынесут в медсанбат, там все равно снимать будут. А мне его жалко, Борисенко–то – он хороший парень, из-под Ростова. Ну и что, что без сознания, все равно живой. Как же я сниму с него этот валенок! Так и не снял. Его увезли в медсанбат, а я остался на поле боя.

Что это было за наступление! Немец так поливал огнем из пулеметов и минометов, что не высунешься. И, конечно, никакой победы в ту ночь так и не было. Только бойцов потеряли. Нас и так-то к началу атаки осталось в роте 29 человек, а под утро насчитали только девятерых. Был среди выживших и я. В ногу меня ранило, в бедро. Лечился в госпиталях, сперва в Ярославле, потом в Горьком. Я к тому времени уже ходил, хоть и на костылях. И вот ковыляю как-то по коридору и вдруг слышу: “Кинжал, ты живой?” Обернулся – солдат с забинтованной головой. Я его давно заприметил, только не обращал внимания – много их было забинтованных. Не поверите, это оказался Борисенко, мой второй номер. Конечно, обрадовались, разговорились. Тогда и рассказал я ему, как чуть было не снял с него валенки. Это, говорит, хорошо, что не разул меня, а то бы я точно ноги себе отморозил. Спасибо.

Так вот поговорили, да и расстались. Потом его в другой госпиталь отправили, а меня уже домой, насовсем. Кончилась для меня война.

По-разному складывается фронтовой путь – у одних он растянулся почти на четыре года, у других занял месяц – другой, кто-то погиб уже в первом бою.

У меня он, если не считать службы в Приморье, составил с 15 до 28 февраля 1942 года. Всего тринадцать дней... и вся жизнь. Сейчас мне за восемьдесят, но до сей поры, правда, уже как будто в дымке времени, в памяти лица ребят, тех, кто рядом держал оборону и наступал на врага.

Дома женился, вырастил пятерых детей. Дочери разъехались, а сыновья рядом живут. Один шофер, другой комбайнер, третий скотник. Ничего, не забывают родителей. И со скотиной помогут управиться, сноха и корову подоит. Летом – сено и дрова, это уже их святое дело. Живем потихоньку.

Война – она вспоминается, конечно, но уже не так остро, как в первые годы. Только вот недавно опять сна лишился. У меня внук есть, Жанат. Ушел в армию, попал в десантные войска. А тут пишет уже из Чечни. Я горд был за внука: не трусливее деда оказался, добровольно пошел. А все же волновался. Война ведь хоть с немцами, хоть с чеченскими бандитами – все равно война. Но, хвала Аллаху, живым вернулся. Нас, Исетовых, так запросто не скovyрнуть.

Записал Валентин Гаричев

Петр Черкасов

А ЧЕМ ИЗМЕРИТЬ БОЛЬ НАРОДА?

Петр Егорович Черкасов родился в 1923 году в деревне Шепотково Кетовского района. На фронте с августа 1942 года. Был ранен, контужен. Награжден орденом Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалями “За отвагу”, “За оборону Сталинграда”, “За взятие Кенигсберга”. “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”, имеет четыре Благодарности от Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина.

После войны работал в органах МВД. Награжден медалями “За безупречную службу” 1-ой, 2-й, 3-ей степени.

Служба моя началась в марте 1942 года в составе 32-го лыжного полка на Увале. Казалось, дом рядом, а не ускочишь, дисциплина была жесткая, военная. Учился на минометчика. Обстановка на фронте была тяжелой и в начале августа в составе маршевой роты я был отправлен на Сталинградский фронт. Зачислили меня в ампулометный взвод 895-го стрелкового полка 62-й армии. Мы должны были уничтожать, а точнее, жечь фашистские танки. Боевое крещение было настоящим. При переправе через Волгу нашу баржу разнесло прямым попаданием снаряда, кто уцелел, добирались до правого берега вплавь. Там я был зачислен в стрелковую роту, которая была срочно брошена в район завода “Баррика-

ды” и Сталинградского тракторного завода.

С ходу мы вступили в уличные бои с гитлеровцами. Немцы здесь ввели свежие силы и при поддержке танков отчаянно атаковали, но безуспешно. На защиту заводов, кроме регулярных частей, стали рабочие дружины, а командование фронтом то и дело направляло сюда резервы для пополнения. Бои были настолько ожесточенными, что описать их просто невозможно. Уже к концу первого дня от роты осталось нас около взвода. А вечером и ночью фашистские самолеты бросали то и дело на нас бомбы разных калибров. Дрожала и шевелилась, как живая, земля. Днем это делать немецким летчикам было сложно, так как между нашими позициями и гитлеровцами были считанные десятки метров. А отдельные группы солдат с той и другой стороны отбивались в окруженных зданиях, а порой и в одном доме только на разных этажах. Здесь главным оружием были автоматы и гранаты. Кругом были развалины, а едкая кирпичная и известковая пыль круглые сутки висела в воздухе. Было трудно дышать. Не хватало воды и продовольствия. Даже ночью грохот и пальба не стихали. Сна в нормальном понимании не существовало. И это выматывало больше всего. Выживали за счет величайшего нервного напряжения.

В первых числах октября меня сильно контузило. Товарищи вынесли и умудрились отправить за Волгу. Был направлен в эвакогоспиталь, а через месяц зачислен в 42-ю саперную маршевую роту, которая шла на формирование в тыл. В Челябинске прошло переформирование части, и меня направили в артиллерийский полк. Стояли в лагерях, зима, тридцатиградусные морозы, а обмундирование – шинели да сапоги. И подумал кто-то проводить тактические учения полком, приближенные по своей сложности к фронтовым. В результате многие бойцы пообморозились. У меня после отморожения отняли большие пальцы на обеих ногах. Три месяца провалялся в госпитале.

На фронт угодил только в июне 1943 года, на Брянское направление, в составе истребительного противотанкового полка 76-миллиметровых пушек. Особенно трудно нам далось освобождение города Почепа. У деревни Старины понабили мы немецких танков и пехоты, и они нас крепко поколошмати-

ли. Мы деревеньку эту три раза брали и три раза оставляли после напора гитлеровских танков и мотопехоты. Но все-таки одолели мы, хоть и осталось в живых только четверть личного состава. За эти кровавые бои я и был удостоен первой награды - медали “За отвагу”.

Освобождая города Жлобин и Бобруйск, “искупался” в реке Друть при ее форсировании. Но оборону гитлеровцев прорвали и нанесли им большой урон. За эти бои личный состав нашего полка был удостоен Благодарности Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина. Что бы сегодня ни говорили об этом человеке, но вниманием таким к войскам мы дорожили. Благодарности эти и письма у многих фронтовиков и сейчас хранятся. И это правильно. Сражались мы за Отечество, а это как отметина за мужество и доблесть, страничка истории личного участия.

В августе 1944-го был тяжело ранен и контужен. Только в декабре вернулся в свой полк. И что удивительно, вернулся, как в родную семью, хотя личный состав уже наполовину сменился. При форсировании реки Нарев меня снова ранило, но позиции я не покинул, удачно отбивал контратаки немцев, что позволило обеспечить переправу и расширить плацдарм. Был награжден орденом Красной Звезды.

За весну 1945 года пришлось дважды побывать в госпиталях. Немцы еще огрызались здорово, но и мы настроились на Победу. Вдохновение какое-то жило в войсках. Участвовал во многих боях, мечтал дойти до Берлина. Но под Пилау опять сильно контузило. День Победы встретить пришлось в полевом госпитале.

Думаю теперь – сколько пришлось народу нашему пережить за войну, если на мою скромную жизнь столько горестей, болестей и увечий выпало? И неужели новые поколения внуков и правнуков наших об этом позабудут? Нет, такого не должно стать!

Записал Геннадий Устюжанин

Александр Биндюк

ЭТО НАША БИОГРАФИЯ

Александр Антонович Биндюк родился в 1919 году. Войну встретил студентом Белорусского госуниверситета. В действующей армии с июля 1941 по февраль 1943 года. Комиссован после тяжелого ранения. Награды: ордена Отечественной войны I и II степени, медали “За отвагу”, “За оборону Сталинграда”.

Заслуженный учитель России, Почетный гражданин рабочего поселка Мишкино.

Военно-врачебная комиссия эвакогоспиталя № 1739 (город Уфа) 16 февраля 1943 года сделала заключение: “Биндюк Александр Антонович, сержант 45-й стрелковой дивизии. Ранен в бою осколком мины в нижнюю треть левого бедра... Признан негодным к военной службе... Следовать пешком не может, в провожатом не нуждается...”

Между тем, если все говорить по порядку...

О войне написано много. Объективно и не совсем. Кое-кого сегодня не устраивает наша победа над фашизмом, даже договариваются до того, что мы “зря воевали, теперь жили бы лучше”. Начисто забыли эти “знатоки” истории, что Гитлер ставил задачу стереть с земли славянскую нацию как народ. И не пиво баварское пили бы эти “новоявленные мудрецы”, а захлебнулись в собственной крови от рук фашистов.

Для каждого из нас война началась по-разному, но отозва-

лась глубокой болью в сердцах всех. Я, например, встретил ее студентом после трех лет учебы в Белорусском государственном университете. Не забыть первого дня войны. В двенадцать часов дня мы, студенты, слушали выступление Молотова, а два-три часа спустя фашистские стервятники бомбили Минск, расстреливали с самолетов толпы жителей города, собравшихся у репродукторов, чтобы услышать голос Москвы. Первые убитые, раненые. Слезы, стоны. Эта жуткая картина и сейчас перед моими глазами.

Отечественную войну можно хорошо понять, только пройдя ее или объективно изучив трагический, тяжелейший ее первый год...

В июле сорок первого я был уже в действующей армии. Прошел, вернее, прополз от Брянска до Подмосковья. На нас наступала танковая группа Гудериана, нацеленная на Москву. Постоянные окружения, ближний и рукопашный бой были обычным явлением. Наша 287-я стрелковая дивизия под ударами мощных танковых сил, проявляя невиданный героизм, обескровленной и измотанной пришла в Подмосковье. И не только пришла. Объединившись с такими же измотанными частями, стала основой новых соединений, которые оснащались новым вооружением, теплым обмундированием. Мы стали бойцами тех частей, которые 5 декабря 1941 года начали массовое изгнание фашистов от Москвы.

Мы действовали в районе города Елец, шоссейной дороги Ефремов-Тула. Здесь я увидел удирающих гитлеровцев, но был ранен в правое предплечье и попал в госпиталь.

После излечения был назначен в 45-ю стрелковую дивизию в должности помкомвзвода 69-го отдельного противотанкового дивизиона. Наша дивизия пополнилась курсантами Ульяновского пехотного училища. Нам предстояло стать защитниками Сталинграда. Напутствовали нас жена и дочь Николая Щорса, героя гражданской войны, первого командира 45-й дивизии. В ответном слове от личного состава, которое было поручено произнести мне, бойцы заверили наших дорогих гостей, что сделаем все для достижения победы над врагом.

Ехали и шли мы вдоль левого берега Волги многие сотни километров. Нас часто немецкие летчики бомбили с воздуха. То и дело раздавались команды "Воздух! Ложись!".

Наконец, мы у заветной цели. Погрузились на паром, отчалили и попали под мощный обстрел. Чудом добрались до правого берега и оказались в самом пекле войны. Здесь решалась судьба нашей Родины. Это был октябрь-ноябрь сорок второго. Нашим плацдармом была узкая полоска земли вдоль Волги. 45-я стрелковая дивизия защищала завод “Красный Октябрь”. Борьба шла за каждый метр заводской территории. Нередко бывало, что в одном конце цеха мы, в другом – немцы. Глаза в глаза, стрельба в упор.

В книге “Сражение века” командующий 62-й армией, в состав которой входила наша 45-я стрелковая дивизия, Маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков писал: “Представьте себе 62-ю армию в Сталинграде, занимающую около трех месяцев оборону на узкой полосе земли вдоль берега Волги. Если она не воспользуется случаем ударить измотанного боями противника, чтобы оттеснить его хотя бы на 200-300 метров от берега, то сама может оказаться в реке. Разве можно было тогда сидеть на самом берегу Волги и ждать...”

Наша контратака состоялась 31 октября и, на мой взгляд, принесла нам большие успехи. Мы кое-где продвинулись метров на сто вперед, заняли западную часть Новосельской улицы, западную опушку садов, на заводе “Красный Октябрь” вернули мартеновский, калибровый, сортовой цехи и склад готовой продукции... Получилось так, что последний удар в конце схватки, продолжавшейся с 14 по 31 октября, нанесли мы, а не противник. Это была наша моральная победа, которую принесла нам 45-я дивизия...

Дивизия носила имя ее первого командира Николая Щорса”.

Я счастлив, что в годы суровых для нашей Родины испытаний служил в этой легендарной дивизии и вместе со своим командиром дивизиона старшиной Иваном Семеновичем Фофановым вложил свой скромный вклад в защиту истерзанной сталинградской земли.

Как святую реликвию храню я присланные из Москвы в 70-е годы советом ветеранов 62-й, а потом 8-й гвардейской армии памятный знак и удостоверение ветерана армии за подписью почетного председателя совета Василия Ивановича Чуйкова.

В Сталинграде же я был тяжело ранен. До сих пор ношу

осколки в левом коленном суставе.

После череды госпиталей: военно-полевой, в Саратове, в Телебее, в Уфе – приехал в Зауралье, трудился в Мишкинском районе, который для меня стал родным. Здесь я проработал более сорока лет. Работал директором школы, заведующим роно, директором педучилища. Создал с единомышленниками в 1982 году районный историко-краеведческий музей, которым руководил пять лет.

Летят наши годы. И мы не имеем права уйти из жизни, не рассказав молодежи правду о войне, ведь это нашей истории строки.

Василий Резепин

Я – “НОЧНАЯ КОШКА”

Василий Егорович Резепин родился 14 февраля 1924 года в селе Казак-Кочердык Усть-Уйского (ныне Целинного) района.

Военными дорогами шел с 1942 по 1947 годы, от Сталинграда до Берлина.

Сапер, разведчик, гвардеец.

Награжден орденом Отечественной войны, медалями “За отвагу”, “За оборону Сталинграда”.

Проживает в селе Целинном.

Жизнь, кажется, мне улыбалась. Окончил восемь классов, мечтал стать шофером.

Но проклятая война все перечеркнула. Весной 42-го года меня призвали в ряды Советской армии и направили в Златоустовское саперное училище.

Время было суровое, военное, поэтому мы проходили ускоренную подготовку. Заниматься приходилось по 10 -12 часов, очень часто ночью: тактика, рытье окопов, установка и разминирование минных полей...

- Скоро вы будете офицерами, - говорили наставники-преподаватели.

Но мы ими не стали – немцы рвались к Волге, нас направили на Сталинградский фронт через четыре месяца занятий.

Наше пополнение не довезли до самого Сталинграда, пос-

ледние двести километров до волжской твердыни шли походным маршем.

Мы понимали, что нас ждут жестокие бои, и, попав в Сталинград, ощутили в полной мере, что такое война. Город горел, воздух был раскален, дым от взрывов и пожарищ застилал горизонт. Шла великая битва!

Наш 589-й отдельный саперный батальон, который входил в 62-ю армию генерала Василия Ивановича Чуйкова, за несколько суток продвинулся на подступы к Мамаеву кургану. В помощь пехоте занял оборону в окопах, отрытых почти в человеческий рост.

А с рассветом началось... Сначала на нашу оборону навалились “мессершмитты”, вслед за ними шли с включенными сиренами пикирующие бомбардировщики. Бомбили целый день, самолеты шли волна за волной. По ним били наши зенитки, артиллерия и минометы наносили свои удары по позициям врага. Стоял оглушительный грохот, вой самолетов, металлический звон, кругом дым, пожарища... Ад кромешный! Мы несли значительные потери, но и фашистам доставалось.

Затем наш батальон сняли с оборонительных рубежей и мы стали заниматься своими саперными делами. Ночами ставили противотанковые и противопехотные мины, возводили разного рода заграждения из колючей проволоки, в прибрежных волжских оврагах и обрывах сооружали помещения для командных пунктов и медсанбатов. Днем батальон по несколько раз отбивал атаки врага, ночью еще и грузили на баржи тяжело раненых.

В это время мне присвоили звание младшего сержанта и в августе 42-го года направили в разведку. Сапер, известно, идет впереди, разминует проход в минном поле для разведчиков и, когда они возвращаются, проход этот закрывает. Идя в разведку, мы понимали, что от нас, саперов, во многом зависит судьба наших боевых товарищей. Все делали ночью, скрытно, беззвучно. Недаром гитлеровцы прозвали советских саперов “ночными кошками”. За бои эти и эти “кошачьи” дела меня наградили медалями “За отвагу” и “За оборону Сталинграда”.

А потом мне не повезло - в одном из боев получил ранение. Заштопали медики, выходили. И попал я после излечения в батальон... автомобильный. И вспомнилась моя детс-

кая мечта – стать шофером. Возил на передовую боеприпасы, солдат, продовольствие, а в обратный путь обычно грузили раненых. Часто под снарядами и бомбежками.

Так прополз - прошел-проехал от Сталинграда через Украину, Польшу до самого логова фашистского зверя – Берлина.

9 мая 45 года война для саперов не закончилась: мы разминировали жилые дома и производственные корпуса, дороги и вокзалы, леса и поля... Домой я вернулся только в 1947 году.

Записал Виталий Есетов

Александр Мишаткин

МОЯ ЛЕПТА В ЗАЩИТЕ СТАЛИНГРАДА

Третьего июля 1942 года нас всех, “безлошадников”, шоферов без машин, по приказанию командира 827-го автобатальона собрал и построил старшина, дал команду: “Справа по порядку рассчитайся! - Последний назвал цифру 43. - Стоять вольно, сейчас придет комбат”.

Ждать долго не пришлось. Комбат пришел, поздоровался, сказал: “Дорогие товарищи! Я хочу послать вас на почетный рубеж – защищать твердыню нашего города Сталинграда. Наши товарищи, отцы и братья мужественно отстаивают город от разъяренных гитлеровских полчищ, а мы сидим здесь, огражденные матушкой Волгой, и ничего не делаем. Сейчас вас старшина всех осмотрит, у кого старое обмундирование - получите новое и 2-дневный сухой паек. В 9 часов поедете. Вот ваш командир – указал на рядом стоящего младшего лейтенанта. – Боевых вам успехов”. И ушел. Младший лейтенант провел с нами короткую беседу и тоже ушел. Старшина осмотрел всех и назначил время получения пайка и обмундирования, распустил. Мы разошлись все по палаткам с разными думами.

Город был закрыт темным ночным полотном. В домах ни огонька, чувствовалась таинственная тишина, только где-то вдали были слышны разрывы бомб, да изредка прорезывали ночную тьму то красные, то зеленые ракеты. Нас высадили, не доездили до места. Младший лейтенант Кучиренко постро-

ил нас, предупредил: “Не курить, идти вольно, не растягиваться”. Шли недолго. Лейтенант остановил нас, сказал: “Без разрешения никуда не уходить. Я пойду доложу командиру роты о нашем прибытии”. Долго не было лейтенанта, пришел с каким-то человеком и повел нас куда-то назад, потом остановил. Вызывал по отделениям и выдавал ПТР, противотанковые гранаты и зажигательные бутылки с горючим. Затем разместил в блиндажах, выставил караульный пост, собрал всех, объяснил задачу, сказал: “Отдыхайте”. Ночь склоняла ко сну, свежий ветерок проверял солдатскую закалку. На рассвете нас пробудила зенитная пальба по немецкой раме.

Филиппов Вася, “вертогляд”, так его дразнили, высказал свое неудовольствие на зенитчиков, сказав, что напрасно стреляли, сбить не сбили, а себя разоблачили. Кто-то из соседей бросил находчивую реплику: “Не беспокойся, немцы давно знакомы с нашим расположением, да только им не нравятся наш горячий привет. Как сунутся к нам, так счастливыцы уходят с опаленными усами, а оstantьные горят вместе со своими “пантерами”. Судя по разговорам, солдаты были хорошо настроены.

Где-то с левого фланга послышался растянутый голос: “Воздух!”, все насторожились, вытягивая шеи, смотрели вверх. По блиндажам раздавалась команда: “Приготовиться к отражению”. Самолеты, сопровождаемые “мессерами”, быстро приближались к нашей обороне. Зенитчики открыли огонь. Началась трескотня из ПТРов, винтовок и автоматов. Самолеты кружились над нашей обороной и сбрасывали бомбы. Одна за другой бомбы рвались, ничего не было видно. Дым и пыль густыми облаками повисли над блиндажами, смертельный огонь длился недолго, скоро все утихло, только стон и крик, как ножом, скоблили сердце. Санитары перевязывали раненых и куда-то на носилках уносили, из нашего взвода было 5 человек. С правой стороны метрах в 200 от нас дымились 2 сбитых немецких самолета.

Спокойная обстановка позволила всем вылезти из блиндажей, расположиться на запыленной траве. Теплые лучи солнца ласкали солдат. Скоро блаженные минуты сменились тревогой, послышалась команда: “Приготовиться к бою!” Все, как лягушата, прыгали в блиндажи. Вдали показались самолеты, быстро приближавшиеся к нашей обороне, и, не меняя

потолка, на большой высоте пролетели нашу оборону. Скоро послышались артиллерийская канонада и разрывы бомб. Гитлеровские стервятники бомбили наши тыловые части и город. Не обошли и нас немецкие варвары, налетели большой тучей и стали бросать свистящие и тяжеловесные бомбы. “Мессера” пикировали и поливали свинцовым дождем, от разрывов бомб сотрясалась земля, покрывалась пылью и дымом, в ушах звенело. За дымом не видно было, сколько еще пролетело самолетов, только по длительности бомбежки можно было полагать, что очень много. Когда утихли оглушительные разрывы, я услышал разрывающий душу стон, бросил автомат, побежал на стон, сделал несколько шагов, споткнулся и упал. Присмотревшись, я увидел лежавшего Клюкова Володю, солдата нашего взвода. Он был убит. Подошел к стонущему, обнял его, он еще больше застонал. Это был наш командир взвода младший лейтенант Кучиренко. Послав младшего сержанта к командиру роты доложить о случившемся, я достал из вещмешка бинт, разрезал гимнастерку и рубашку, перевязал раны на плече и животе. Скоро подошли санитары с носилками, подобрали всех и унесли сначала раненых, а потом – убитых. В этот налет из нашего взвода выбыло 13 человек.

По долгу службы я обязан был взять команду на себя. Прошел по расположению взвода, проверил в отдельности каждого и его обеспеченность боеприпасами, собрал всех кучнее, сказал: “Мы остались без командира, но эта утрата не снимает с нас долга честно и мужественно защищать нашу мать - Родину, так не посраим же наших отцов и братьев, будем биться до последнего патрона, до последней капли крови”. Несколько голосов крикнули: “Клянемся”. Эти слова, заверяющие Родину, были повторены трижды, в последний раз их слышалось больше.

После нескольких минут свободного разговора командиры отделений развели людей по своим местам. Судя по налету с воздуха, мы предполагали, что вот-вот появятся танки, заранее готовились, как лучше их встретить. Рядом с нашим расположением взвода стоял подбитый и обгоревший, как уголь, немецкий танк, он послужил нам дзотом, я установил в нем ПТР, направил ствол в цель водителя и ручной пулемет в башне стрелка. Пополнил взвод боеприпасами, провел короткую

информацию.

“Теперь можно отдохнуть” – подумал я. Не успел сесть, как послышался хриплый протяжный голос: “Танки справа”. С северо-запада развернутым широким фронтом из-за холма показались немецкие танки и сразу открыли ураганный огонь по всей нашей обороне. Наша артиллерия вела ответный огонь. Яростный огонь вели и наши пэтээровцы. Но не знаю, чей ориентир был точнее, сказать трудно. В это время для нас это не имело большого значения, нас радовало и ободряло большое количество подбитых и горевших немецких танков, оставшихся позади движущихся к нашей обороне. Потеряв надежду на успех, немцы решили нас поугатать - с большой скоростью несколько танков с завыванием sireны и ревом моторов мчались на нашу передовую оборону. Действительность не оправдала надежды фашистов. Варварский набег и смертельный огонь не поколебали мужество солдат матери - Родины, ни одна “пантера” не вернулась с поля боя. Мы забрасывали их противотанковыми гранатами и бутылками с горючим. Танки горели, разрывались гусеницы, слетали башни от взрывов боеукладок. Так окончилась немецкая танковая атака с большими для нее потерями.

Кому же вынести престиж боевой славы? Кто особо отличился в этих поединках со смертоносным металлом? Этого сказать не только трудно, даже невозможно. В такие моменты некогда было вести счет своему превосходству, каждый солдат и офицер все внимание и все усилия прилагает к тому, чтобы не допустить прорыва нашей обороны. В каждый танк летели гранаты и бутылки со всех сторон по нескольку штук, так можно ли сказать, кто лично оказался победителем стальных чудовищ? Конечно, нет.

Воспоминания подготовили Римма Насырова, Алла Суцевская –
главные специалисты ГАКО.

Григорий Зырянов

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

Григорий Николаевич Зырянов родился в поселке коммуны Муравейник на фронте с осени 1942 года. Командир танкового взвода. Был дважды ранен, контужен. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й степени. После войны работал на разных постах в Каргапольском районе.

Война! Эта страшная весть долетела до нас, на сплаве леса, находившихся в этот солнечный, воскресный день 22 июня в деревне Морозковой, что стояла недалеко от устья реки Ик, впадающей в Исеть. Бригады сплавщиков, одетые по-воскресному, в самое лучшее, что было, собрались на поляне около столовой. Люди из разных колхозов были посланы сплавлять лес.

По-разному восприняли мы эту весть. Лица людей старшего возраста только что улыбающиеся, а то и хохотавшие над остротами всегда имевшихся в коллективе весельчаков, стали хмурыми, Кто-то матом крыл Гитлера и грозил кулаком, кто-то втихомолку вытирал слезы кулаком, кто-то немедленно покидал место сбора. Мы, молодые, восприняли это известие как призыв лично к нам и считали, что без нас никак на войне не обойтись. Только мы можем победить. А раз так, то в тот же день пешком я ушел домой, благо это было недалеко, всего 12-13 километров.

На следующий день был в селе Чаши, в райвоенкомате. Это был районный центр. Хотел попросить немедленно отправить меня на фронт, таких в военкомате было немало. Только после обеда попал к райвоенкому. Он на мою просьбу ответил так: “Ты ещё молод!”. Но пообещал учесть мою просьбу.

20 июля получил повестку. Должен был явиться на беседу в военкомат 22 числа. Кроме меня на этой беседе были Андрей Асямолов и Николай Мякишев. Тоже из Муравейника. Нам предложили поехать в военные училища: артиллерийское, танковое и интендантское. Я первым подал голос, что хочу в танковое. Расковаловский парень тоже пожелал в танкисты.

23 июля нас троих из Муравейника провожали в армию: меня, лучшего гармониста Андрея Асямолова и Колю Мякишева, ребята были старше меня на год. Уезжали на жеребце “Матросе”, запряженном в легкую телегу. За околицей остались провожающие.

В Челябинске прошел медицинскую и мандатную комиссии, и меня зачислили в танковое училище. Занимались с утра до позднего вечера. Надо было спешить. Враг жмёт. В сентябре сорок второго – госэкзамены. Звания присваивались в зависимости от сдачи госэкзаменов. Сдал без троек – лейтенант, с тройками – младший лейтенант. Здесь, в училище мы очень подружились с Александром Венедиктовым из села Сухоборка Щучанского района. С ним делили всё, что у нас было. Учились с ним хорошо, хотя и мало записывали. Но на экзаменах друг получил тройку по технике, и ему присвоили звание младшего лейтенанта. А мне – лейтенанта и аттестация на командира танкового взвода.

При распределении я попал на Воронежский фронт, а Александр – на Сталинградский. Наш полк прибыл под город Обоянь и расположился на территории какого-то совхоза, от которого мало что осталось. В течение двух недель к нам поступило всё, что необходимо. Но танки получили после ремонта из фронтовых батальонов, из других танковых частей, в том числе один танк был из Сталинграда и с экипажем. А командиром на нём оказался мой друг Саша Венедиктов, с которым мы учились в Челябинске. Но, по правде сказать, на встречу на фронте не рассчитывал. И через несколько дней нам удалось встретиться. Мы тискали друг друга в объятиях, что-то

кричали. Наши спутники не понимали нас. А когда успокоились, Саша снял с ремня фляжку, налил немного водки, и мы с друзьями отметили встречу. Не пил я спиртного тогда, но отказаться было нельзя.

В конце июля наш полк укомплектовали танками. А в начале августа заняли позиции. Мы понимали: предстоит наступление. Но никак не предполагали, что стоящие неподалеку от нас слева, закрытые брезентами - "Катюши". И надо же было так случиться, что когда в 6 часов утра мой броневик поравнялся с машинами, "Катюши" дали залп. Не помню, как я, стоявший по грудь высунувшись из люка, опустился на колени. А когда опомнился и выглянул, то понял "заиграли "Катюши". - Скажу прямо, становится жутко, когда эти адские снаряды проносятся над головой.

Следом за "катюшами" начала бить ствольная артиллерия с закрытых позиций. Что тут было, вспоминать тяжело. Когда закончился бой, подсчитали: из 21 машины подбито или подорвалось на минах 19 танков. Отошли к балке, рядом лес, и начали ремонт машин. После этого боя немцы отошли, а наши, оставшиеся целыми и быстро отремонтированные танки, начали их преследование. В этом бою я был ранен и ночью вместе с другими ранеными отправлен в госпиталь. Пролежал недолго. Когда узнали, что наша часть уходит, попросили врача выписать нас. Ответ был: "Рано!" Тогда мы убежали в свою часть. Мы в полку. Но пришел приказ погрузиться в эшелон и нас привезли в город Наро-Фоминск, что в Подмосковье. Это было осенью сорок третьего года.

Здесь полк получил пополнение в личном составе. Здесь же произошло очень важное событие для всего личного состава полка – ему было присвоено звание Гвардейского и полк стал сороковым гвардейским отдельным тяжелым полком прорыва. Здесь же мы приняли гвардейскую присягу перед гвардейским знаменем.

Бои продолжались. Мы гнали немцев с Советской земли, чтобы они никогда больше на нее не возвратились. Теряли технику, боевых товарищей. Но война есть война!

И снова команда: приготовиться к бою. В 2 часа команда: "вперед!". И танки пошли. Сопrotивление немцев было несильным, и мы к 5 часам выполнили задание, не потеряв ни одной

машины, ни одного человека. Но мне нужна была медицинская помощь. Ранение давало о себе знать: поднялась температура, я весь горел. Вечером к нам пришёл медицинский автобус, и раненых забрали. Я хотел остаться, но командир приказал меня увезти. И меня почти силой затолкнули в автобус. В медсанбате пробыл недолго. Когда узнал, что наш полк снимется и идет на запад, на Одер, то самовольно ушел из медсанбата.

Именно здесь, на Одере, мой друг Александр Венедиктов заиграл на аккордионе, который мы ему подарили, вальс “В лесу прифронтовом”. Да, в этом лесу мы и первомайский праздник встречали в сорок пятом. И сразу же после праздника полк был переброшен в окрестности Найбрандербурга, города, лежавшего в руинах. Здесь, в лесу, мы получили танки. Но участвовать в бою уже не пришлось. Война закончилась. Мы ликovali.

Анатолий Мерзляченко

НАШ ДЕСЯТЫЙ 1941 ГОДА

Анатолий Тимофеевич Мерзляченко родился в Кургане в 1924 году. Детство и юность прошли в селе Введенском. Воевал с 1941 года. Был ранен, контужен. Награжден двумя орденами Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями.

После войны служил на дважды Краснознаменном Балтийском флоте. Капитан первого ранга.

Первый выпуск с аттестатом зрелости в нашей Введенской школе состоялся 14 июня 1941 года. Выпускались: Ваня Цебро, Саша Серков, Коля Ильиных, Женя Ермолин, Зоя Петунина, Маша Бородавкина, Коля Лобанов и я. Наш первый десятый класс мог быть и большим, и я всегда считаю, что в его состав по праву должны быть включены Иван Толокнянник, Георгий Небогатов, Илья Белешов, Глеб Гребенщиков, которые в 1939 году, закончив 8 классов, по зову сердца и призыву комсомола ушли в военные училища Красной Армии, успешно окончив их, храбро сражались на фронтах Отечественной войны. Трое из них — Толокнянник, Небогатов и Белешов отдали свои жизни, отстаивая независимость нашей Родины.

Теперь, когда в стране всеобщее среднее образование, наш десятый сорок первого года с классом и сравнивать тяжело: очень уж он был малочислен. Но даже и в том, что группа

сельских хлопцев получила среднее образование, видна забота народа о своем будущем: ради восьмерых учеников содержался полный штат преподавателей.

Нужно заметить, что среди мальчишек моего поколения была большая мечта стать военным. Мы бредили солдатской формой, завидовали армейской выправке. Не было это исключением и для меня. Поэтому, не ожидая призывного возраста, я решил посвятить свою жизнь службе в Рабоче-крестьянском Красном флоте и направил заявление в Черноморское Высшее военно-морское училище. 1 июня 1941 года, когда еще шли экзамены, я получил вызов со сроком прибытия в город Севастополь 1 июля.

Успешное окончание школы — праздник не только тех, кто закончил десять классов, но и преподавателей, родителей, всех жителей села. Но наш праздник был омрачен событиями, весть о которых дошла до нашего села 22 июня 1941 года.

Уже будучи на фронте, я получил известие о том, что, проявив высокие боевые качества, сгорел в танке на Оршанском направлении мой лучший товарищ Коля Ильиных. В изнурительных, отступательных боях погиб Ваня Цебро. После тяжелого ранения, потеряв руку, вернулся в родные места Саша Серков, узнал, что, сочетая учебу с фронтовыми буднями, честно служит Женя Ермолин.

Моей мечте — стать командиром военно-морского флота — суждено было осуществиться в сложнейшей обстановке военного времени. Севастополь встретил меня воем бомб и запахом пороха. Несмотря на войну, в училище продолжались занятия.

Однако законы войны суровы: пятого августа учеба была прекращена, училище переименовано в отдельный курсантский полк и направлено на передовую. Позднее командование приняло решение о направлении курсантов, наиболее подготовленных в военном отношении и обладающих высокими морально-боевыми качествами, младшими командирами в бригады морской пехоты. Так я стал командиром отделения, а затем заместителем политрука в 78-й отдельной бригаде морской пехоты, воевавшей на Черноморском побережье, Ростовском, Ворошиловградском и Харьковском направлениях. Я провоевал до 1943 года. После был возвращен в училище.

ще для дальнейшего обучения.

В 1946 году, окончив Высшее военно-морское училище, был направлен на Краснознаменный Балтийский флот помощником командира корабля, занимающегося тралением боевых мин. Война кончилась, но для тральщиков, пахарей моря, она продолжалась до 1949 года! Тысячи мин были обезврежены нами на Балтике и Черном море.

В настоящее время служу в должности заместителя начальника отдела штаба флота, в звании капитана I ранга, что соответствует общевоинскому званию “полковник”. Стараюсь честно исполнять свой воинский долг, направляя все свои способности на укрепление боеготовности кораблей флота. За высокое исполнение воинского долга, освоение новой боевой техники к 50-летию Советской Армии и Военно-Морского Флота награжден орденом Красной Звезды. А всего за период службы на флоте награжден двумя орденами Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

Из боевых эпизодов чаще других приходят на память бои за взятие города Ростов-на-Дону 26—27 ноября 1941 года. Это были первые наступательные бои Красной Армии. В те дни нам, бойцам Юго-Западного фронта, шли приветствия с других фронтов по случаю первых побед. Естественно, мы были горды этим и не жалели ни сил, ни жизни в боях с противником.

Наиболее тяжелые бои наши части вели на Харьковском направлении. Несколько бригад моряков, прикрывая передислокацию наших войск, стояли насмерть. Не обошла вражеская пуля и меня — я был ранен. В личном деле есть запись: “В боях под деревней Писаревкой старшина I статьи Мерзляченко в составе пулеметного взвода в течение нескольких часов сдерживал наступающего противника, уничтожил более 20 солдат противника, будучи раненым, не покинул поля боя!

Во время службы на кораблях побывал в Иране, Болгарии, Польше, Германии. В период войны и по роду деятельности сейчас имел счастье служить под руководством адмирала флота Советского Союза Сергея Георгиевича Горшкова, имел непосредственное общение с маршалами Советского Союза Жуковым, Москаленко, Рокоссовским. Длительное время служил под командованием выдающегося адмирала Арсения Григорьевича Головки.

Таисья Демьянова

В БОЯХ И ПОХОДАХ

В праздник не хочется думать ни о чем, но мысли, мысли... Почему-то в такие дни всегда вспоминаю фронт. Помню, в 1945-ом, я, девчонка, пришла в военкомат и стала проситься на фронт. Мне отказали: учителей там не надо. Учить надо военной грамоте, а я сама этого не знаю.

Поступила на курсы санинструкторов. Осенью 1942 года моя мечта сбылась. Я попала в конце ноября под Сталинград, в самую “гущу огня”. Беспрерывный гул самолетов, бомбивших город, разрывы снарядов, свист пуль. Весь город в огне. А тут еще река представляет собой огромный огненный факел: по Волге течет и горит нефть. Говорят, что где-то есть “ад”, так это и есть он. Люди сами его создали и для людей.

Взвод разведки под командованием гвардии лейтенанта Васильева (где была и я) стойко обороняет тракторный завод. По траншее ходим к Волге набрать воды, чтоб напоить бойцов, по ней и переправляем раненых. Здесь в крутом берегу реки вырыты землянки, блиндажи. Здесь же и медсанбат. С наступлением ночи переправляют раненых на тот берег.

Долго ждали этого дня. Зачитан приказ командующего фронтом о генеральном наступлении. Ураганный огонь артиллерии, наших “катюш”, бомбардировка с воздуха. Танки “КВ” расчистили путь для нас— пехоты. Мы идем вперед. И фашисты нас не забывают, сыпят на нас “картошку” (специальные гранаты бросают с самолетов на пехоту).

Не легче пришлось весной. Наступление вели по раскисшей земле. В грязи застревают все, не вытащить даже сапог. Идем по многострадальной украинской земле. Все сожжено, торчат трубы печей. Люди живут в погребках. Таблички с названием вместо сел: Б. Каменка, д. Сухая Балка. В деревне Морозовке в одной из полуразрушенных хат увидели страшную картину. Еще молодая женщина, совершенно седая, сидит над детским трупиком. Его убили фашисты. Мать не плачет, слез уже нет, как бы окаменела. Я и сейчас без волнения не могу вспоминать это.

А фронтовые дороги вели с тяжелыми боями все дальше. Идем, идем... форсировали Днепр, Буг...

Где-то около Белой Церкви после боя разместились в деревушке на короткий привал. Отдыхаем. Выбрали уцелевшую хату. Ура! Кухня приехала! Положили хлеб, налили в котелки суп, в крышки — кашу. Сели за стол... И вдруг — бомбежка. Неохота отрываться от еды и лишаться короткого отдыха. Пренебрегая опасностью, сидим, обедаем. Вдруг удар, и на стол посыпалась глина, мусор. Глядим в потолок, не верим глазам: висит бомба, застряла в потолке. Нас как ветром сдуло.

Пришли саперы, извлекли ее, а бомба оказалась “начинена” песком. Вот мы уж потом смеялись.

Вот и Днестр бежит голубой лентой. Течение быстрое. Севернее города Тирасполя его нужно форсировать. За рекой лесок. Перед нами задача: нужно выбить врага и закрепиться там. Дальше ровное поле с уклоном в нашу сторону. Враг занял удобную позицию, а главное, он держит в своих руках высотку, с которой на дальнейшее расстояние простреливает местность.

Ночь. Тихо. Это обманчивая тишина. Обе стороны готовятся к решительному бою. На заре наши начали артподготовку, опередили немцев. Небольшая группа бойцов нашего полка переправилась на ту сторону. В числе первых переправилась и я. Наша задача - захватить лесок и удержать его.

Переправа основных сил началась позднее. Всей операцией командовали командир полка гвардии майор Гусев и начальник штаба гвардии капитан Истомина. Техника и пехота идут по понтонному мосту, кавалеристы на лошадях переправляются вплавь. Но вот немцы начинают яростно бомбардиро-

вать переправу, обстреливают дальнобойными. Что-то невероятное творится кругом. Крики команды, стоны раненых, ржание лошадей, непрерывный гул самолетов, уханье снарядов отдается сплошным гулом.

Мы выбили немцев из леса, взяли одну из высоток и заняли оборону.

Помогаю перевязывать, вытаскивать раненых. Вот если бы не было автомата — “мешает”. Не хватает бинтов Гвардии майор Шимчепко, заместитель командира полка по политчасти, приказывает мне (я была комсоргом полка) переправиться на ту сторону и доставить бинты, медикаменты и питание для раненых.

Отравляюсь вместе с ранеными ночью в тыл.

А обратно переправиться трудно. Все спешат, всем нужно. А здесь непрерывные бомбежки, разрывы бомб и снарядов. Удалось переправиться к полудню. Не узнать того леска. Кажется, наступила ночь Дым, пыль, гарь, стонет и содрогается земля. Теперь поле не ровное, а будто вспахано, покрыто воронками. Свистят пули: дзинь, дзинь.

Иду наугад. Попадается группа бойцов. Кричат: “Куда ты, сумасшедшая девчонка, идешь?”

— Как куда? Ведь там люди. Раненые.

Идти тяжело. Термос давит плечи, на груди автомат.

Попадается еще группа, бегут. И откуда у меня сила и смелость взялись. Хватаю автомат и кричу: “Вернитесь, застрелю!”

Не знаю, что подействовало. Но только вернулись они.

В этот день меня ранило. Попала в полевой госпиталь, затем в госпиталь в Новую Одессу. В это время наши прорвали оборону противника.

Пробыв по госпиталям месяц, я догнала своих под Ковелем. Снова делала все: оказывала помощь раненым, выносила с поля боя, кормила, шила, мыла, нужно было — и стряпала. Так я прошла от Сталинграда до Берлина. Награждена орденом Красной Звезды, медалями “За отвагу”, “За взятие Берлина”.

Газета «Ленинский путь», 1966г.

Григорий Сырников

ЗАПИСКИ ТАНКИСТА

Григорий Львович Сырников родился в 1906 году в Белозерском районе. Здесь прошла его комсомольская юность. В 1930 году он вступил в коммунистическую партию и до конца дней своих был активнейшим ее бойцом.

Через Великую Отечественную войну Сырников прошел с танкистами 237-й и 100-й танковых бригад 31-го танкового корпуса от жесточайших боев на огненной Курской дуге до Праги. Был ранен, контужен. Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны 2 степени, орденом Отечественной войны 1 степени, многими медалями, а также чехословацким крестом “За храбрость”.

После войны Григорий Львович трудился директором совхоза, вторым секретарем Сафакулевского райкома КПСС, председателем Мехонского райисполкома, первым секретарем Половинского райкома партии. За самоотверженный труд в послевоенные годы Григорий Львович Сырников удостоен ордена Ленина, многих медалей.

ПОД ГРАЙВОРОНОМ

Приказ комкора 31 был краток: «Прорваться к развилке дорог Грайворон—Антоновка—Головчино, оседлать мост и сдерживать движение частей 17-й дивизии немцев,

которая разгружается на станции Головчино. Сдерживать не менее суток».

Заместитель командира танкового корпуса полковник Жидков в беседе с нами еще раз напоминает: «Продержаться любой ценой до второй половины дня. За это время другие части завершат окружение немецкой дивизии».

Впереди других мы на танке Иванова выскакиваем к мосту. В комсомольском экипаже Иванова ребята лихие, обстрелянные. Не дожидаясь подхода других танков, с ходу обрушиваемся на поток машин и бронетранспортеров противника, идущих из Головчино на Грайворон. Силами подоспевшего танкового взвода Протопопова заканчиваем разгром вражеских колонн.

Вскоре прибыл и комбат Полянский с главными силами батальона и приданными подразделениями. Развилку дорог перекрыли танковыми засадами. Наш командный пункт — танк Т-34 Иванова, штабная полуторка, а также машина с радиостанцией — разместился у моста.

Погода резко изменилась. Темные тучи погасили краски дня, пошел проливной дождь. Вода достает нас и под машиной. Молнии режут черную пелену ночи. А нам хочется спать. Ах, как хочется...

Помпотех роты Вася Селиванов трясет меня за плечо:

— Шум моторов на дороге! Откуда?

Мы с начальником штаба Борисовым и моим ординарцем Митей идем за Селивановым на дорогу. Ясно прослушиваются буксующие мотоциклы.

— Впереди же танковая засада, откуда мотоциклы? — недоумевает Борисов.

Прямо в нас уперлась буксующая трехколесная машина. На наш оклик взметнулась ракета. Перед нами на дороге была целая колонна вражеских мотоциклистов.

Все, кто был на КП, бросились врукопашную. Грязь, темень. С кем-то столкнулся, отскочил, и, как молотом, — над ухом выстрел. Осветил лицо стрелявшего, тоже стреляю в упор — фашист падает. Бегу к танку Иванова. Экипаж, как всегда, действует решительно: включив фары, втаптывает мотоциклы в грязь.

Позже выяснили, что в танковых засадах, измотанные непрерывными боями, танкисты уснули. Хорошо, что немцы их

не обнаружили и прошли мимо.

Пока мы приводили в порядок боевое охранение и танковые засады, начало светать. Вскоре из Головчино, вилля по дороге, вышла большая колонна вражеских танков, бронетранспортеров и автомашин с пехотой.

Мы дали колонне вытянуться из Головчино полностью и, распределив с Полянским и Борисовым наши наличные силы, ударили по фашистам.

Удар был сильным — били двадцать танковых пушек. 24 танковых и два станковых пулемета, две пушки 76-мм. Кроме того, вели огонь мотострелки.

Вражеская колонна заметалась под морем огня. Пулеметы косили разбегавшуюся пехоту врага. Бой затих так же внезапно, как и возник.

Перегруппировавшись, враг вновь усилил нажим. Наши танковые засады пятятся к мосту. Наш КП уже в центре боя. Комбат Полянский посылает меня к Сибирову снять взвод автоматчиков с двумя станковыми пулеметами и прикрыть отход батальона, в котором осталось не более взвода танков.

На «виллисе» я быстро доставил пулеметы, и мы их огнем стали отсекают идущую за вражескими танками пехоту.

Уже полдень. Продержаться еще бы часок!..

Старший лейтенант Протопопов с опытным механиком Сальниковым на танке маневрируют вокруг ветряной мельницы, сдерживая выход немцев к мосту. А у моста насмерть стоит комсомольский экипаж лейтенанта Иванова. Надо спасти раненых бойцов, их становится все больше и больше. Вывожу из боя изрядно помятый танк Протопопова, и мы размещаем на нем тяжелораненых. Те, кто в состоянии держаться на ногах, идут за танком...

Отход группы прикрывает своим огнем экипаж танка Иванова. Мы с Борисовым бежим к разбитой машине-радиостанции. Радисты убиты. Берем уцелевшую рацию и пытаемся догнать ушедшую группу, но мы уже отрезаны от неё немцами. Умолк танк героя-комсомольца Иванова. Танки и бронетранспортеры с пехотой врага вышли на мост. Автоматчики рассыпались по скошенному полю ржи.

От быстрого бега при жаре Борисов совсем запарился.

— Иди, Григорий, один, — говорит он, — больше не могу.

Тяну его к копне соломы. К счастью, солома рыхлая... Ныряем в неё. Слышим, как совсем рядом пробегают немцы, строчат из автоматов.

Сквозь соломенную сетку перед глазами видим, как к копне ковыляет немец. Присел и вдруг вскочил, почувствовав опасность. Пытается вытащить из кобуры парабеллум. Но Борисов опережает — стреляет ему в грудь. Тащим фрица под копну.

Под вечер добрались до поля подсолнечника. Валюсь на не просохшую от ночного дождя землю. Смотрю в небо. Борисов сидит рядом, в руках пистолет — война есть война.

Словно из-под земли, вырастает надо мной тень. Из-за шляп подсолнечника на меня смотрят большие, навывкате, удивленные глаза. Оба онемели от неожиданности. Резкий треск выстрела выводит меня из оцепенения. Это Борисов «завалил» немца. Вырывает из рук убитого автомат, вытаскивает из за голенищ его сапог магазины с патронами. Ликует:

— Теперь, Григорий, воюем! Автомат, парабеллум, два пистолета.

Вскоре слышим русскую речь. По крепким выражениям сразу узнаем, кому она принадлежит. На краю поля стоит наш Т-34. На нем с биноклем в руках стоит Протопопов. Табором расположились танкисты и автоматчики.

— Наши! Свои!

— А мы уже думали, каюк вам, — довольно улыбается Протопопов и сжимает нас в объятиях.

Мы выполнили поставленную перед нами задачу. Удержали развилку даже дольше положенного времени. Но наш отход ценою собственной жизни прикрыли танкисты героического экипажа комсомольца Иванова. Это позволило батальону объединить разрозненные группы и провести удачную операцию под Новостройкой.

Благодаря отваге комсомольского экипажа многие танкисты и бойцы мотострелкового батальона остались в строю и прошли тяжелыми военными дорогами до самого Берлина.

Танкисты Иванова похоронены у моста, на развилке дорог, идущих в сторону Антоновки и Головчино. И пусть каждый, кому придется проезжать или проходить через мост, низко поклонится праху этих героев Курской битвы.

БОИ ПОД ВИННИЦЕЙ

Помню, в боях 24 - 25 января 1944 года я получил 13 приказов, разноречивых и непонятных. А враг напирал со всех сторон, “дыр” было много, мы с Борисовым все же действовали не наобум, а исходя из обстановки.

- Мы к противнику ближе – нам и виднее, - говорит смелый и решительный, как всегда, толковый, наш начальник штаба Борисов Алексей. Не успеешь дать приказ и перестроить порядки, а тут уже новый. А вслед за ним еще новый приказ. Один другому перечит. Здесь надо голову и крепкие нервы.

Ведем бой в “Подкове”. Враг уже с трех сторон, выйдя большой силой из Брицкое, простреливает наши порядки. А из штаба корпуса прибыл майор не то Глота, не то Локота. Требуется немедленно атаковать Брицкое. Пока он до нас добирался, обстановка стала другая, и мы уже получили другие задания. Но есть же на свете солдафоны, они были, есть и, к сожалению, еще будут. Я и Борисов мотаемся с отражением атак врага, сдерживаем напор фашистов, а солдафон- майор гнет свое:

– Поворачивай, капитан, все танки на Брицкое и немедленно!

Это же ловушка для нас всех, загубим без толку людей и технику, - возражает Борисов.

- Да и приказы у нас другие, - доказываю я.

А майор-солдафон свое, он уже угрожает нам трибуналом. Перемигнулись с Борисовым, подозвали парторга Жирухина и моего ординарца Крючек.

- Взять майора под арест и отвезти в штаб корпуса как вредную личность, - скомандовал я ребятам. Они скрутили ошарашенного майора и в коляску мотоцикла, а там и в Очеретню, в штаб корпуса.

- Ну не миновать нам трибунала, - говорит Борисов.

- Бог не выдаст, свинья не съест, - успокаиваю я его.

Удивительно то, что комкор №1 генерал Григорьев и начальник штаба полковник Володин, наши действия признали правильными, выслушав мои объяснения, генерал сказал:

- Еще Суворов учил, что каждый солдат должен свой маневр иметь, а офицер тем более. Нам голова дана не только шапку носить, а думать и ответственность на себя брать.

Вспоминается курьезный случай – “радио-беседы” с врагом. Под Ротмистровкой на нашу волну по радиии пристроились фашисты. Я даю приказ комроты Сибирову: - “Ваня, прикрой свой фланг от Бяла взводом Газалова. Немец на ломаном русском языке: - “Вани, не слушай, а пока жавой удирай в Должин, тамо девки, вареника, самогона многа.

- Поганный фриц, не мешай командовать! - ругаюсь я, - возьму Ротмистровку - тебя первого за ноги повешу.

Так с перерывами всю ночь мы “любезно” объяснялись с противником, и как только мы друг друга не высрамили, не хуже, чем запорожцы турецкого Султана. Но в такой напряженной обстановке эта забава была нелишней.

БОЙ НА ПЕРЕПРАВЕ В ЗАЗОВО

Приказал старшему лейтенанту-комсомольцу Шлыкову Василию Борисовичу с саперами капитана Ненушьяна охранять переправу, отражать выход противника к мосту. Ночь, но, видя силуэты танков врага, навел Василий свою пушку не через прицел, а через канал ствола и лупанул без промаха. Поджог один танк, запылав, тот осветил другие. Три танка подбил так Вася Шлыков. Танки немцев засекли и машину Шлыкова. Удар снаряда по башне, звенит все, а на башне лишь вмятина. Ударом второго снаряда покалечило ходовую, сорвало люк, осколками Шлыкова ранило в плечо и голову. Приказав экипажу покинуть танк, он продолжает один вести огонь по врагу. Иду с ординарцем и насильно вытаскиваю Шлыкова из танка, а он сопротивляется, кричит: - «У меня еще осталось три патрона». А сам весь в крови. Укладываю его на свой танк. А саперы Ненушьяна тем временем взорвали переправу, отрезав нажим противника на неопределенное время.

Живет герой Шлыков Василий Борисович в Москве. А сколько таких Шлыковых, скромных тружеников Великой Отечественной войны живет сейчас среди нас?

МЕДСЕСТРА

Наша атака на Романов хутор имела большое значение для всей 38-й армии. Оказывается, овладев Романовым, мы позволили частям двух стрелковых дивизий соединиться с другими войсками 38-й армии, не допустить окружения. Этот

населенный пункт так и остался в наших руках до весеннего наступления армии Москаленко. Как ни странно, но приказ о взятии Романова помогла нам выполнить сестра милосердия Лиза. Когда мы уже вышли на исходные позиции со своими танками, то выяснилось, что пехоты от всего полка в строю осталось лишь 21 человек. В артдивизионе 85-ти миллиметровых пушек - всего две, а снарядов нет совсем.

Части 38-й армии по приказу свыше срочно перебрасывались за Тягуны. Спешат к переправе. На грейдере видим колонну «Катюш». Начальник штаба Борисов бежит к ним и просит дать хоть один залп по Романову. Но у них другая задача, спешат сосредоточиться за переправой. Вскоре медсестра из пехотного подразделения подходит ко мне и говорит: «Готовьтесь к атаке, «Катюши» поддержат» - и, махая своей авторитетнейшей на войне сумкой с красным крестом, побежала на грейдер. Останавливает колонну «Катюш».

Со слезами и руганью, а больше авторитетом «Красного креста», заставила дать из 8-ми установок залп по Романову. Вслед за разрывами мин из гвардейских минометов, мы ринулись в атаку и овладели населенным пунктом.

Обалдевшие от неожиданности и мощи огня пленные немцы говорят: - «Катюша, Катюша, а потом танки. Мы думали контрудар большими силами русские наносят, а потом смотрим...».

- Смотри, не смотри, а живей в колонну стройтесь, рассосливать некогда, - кричит им старшина из пехотинцев.

Я спрашиваю сестру: «Как зовут тебя, милая? Фамилия? Я где-то вас видел. Уж больно личность памятная?».

Она небрежно: «На войне все знакомые», - забросив за плечо свою санитарную сумку, шлепая валенками по весенней луже, побежала к своим пехотинцам.

Сию на башне танка, спустив мокрые на ногах валенки на горячие жалюзи, от них пар клубится. Лейтенант Чижиков с водителем Т-34 Сашей Скороходовым взятыся, сменяя порванные на mine траки гусеницы. Пленных ведут толпой, как стадо баранов, впереди, согнувшись от усталости, топает разбухшей не по сезону обувкой сестра милосердия.

Что-то из далекого детства встает в памяти. Нахлынули, беря за самое сердце, воспоминания. Напрягая свою память, ловлю себя на том: «Это ведь моя родная «Пухова слобода» в

образе озорной, шароглазой Лизки пришла мне на помощь в трудную минуту мою. Ну, конечно же, это Фадеева Елизавета. Она сегодня открыла мне окошечко в прошлое, мною не забытое. Тесен бывает мир.

Как добра и милосердна наша память. 30 лет минуло, а облик близких людей, дом, улица, омутки, незабываемые плесы Тобола, разнолесье Глядена, Кочелят – все в неизменном виде преподносит мне добрая память. Прошлое стоит перед глазами. Тысячами нитей человек связан со своим прошлым. Пройдут многие годы, историей станут и наши бои с фашистами, но память людей будет, как на фундамент, опираться на наше могучее прошлое, возводя новое будущее. Да, прошлое живет в нас. На него будут опираться наши внуки и правнуки в будущем. Прав философ, записав: "... только дикость, подлость и невежество забывает прошлое..."

Никогда человек не может отказаться от того, что есть в нем, что заложено в него предками. И хранить это он обязан.

ШТРАФНИКИ

...Наш танковый батальон поставили в оборону юго-западнее Очеретни. Гановка-Нападовка занимала дивизия СС "Адольф Гитлер".

В охранение к нам выделили батальон штрафников, который расположился в наспех вырытых окопах в 200 метрах впереди наших позиций. Наблюдая за противником и нашим штрафным охранением, мы обеспокоились. Бойцы штрафного и немецкой стороны солдаты во весь рост разгуливают перед своими окопами, не реагируя на соседство противной стороны. И стрельбы нет.

Сабиров говорит: "Я на этих штрафников не очень-то надеюсь". А мы с Борисовым иного мнения – они не подведут!

Часто, даже после войны о штрафниках незаслуженно говорят с пренебрежением и это зря. Нельзя забывать, что этих провинившихся перед обществом, государством людей ставили на самые горячие участки фронта. Делая правильно. Проштрафился – отвечай. Совесть и честь твоя испытывается огнем. И они, эти провинившиеся люди, сражались с врагом честно. Мне вспомнился случай в Кургане в 30-х годах. В очереди за хлебом рабочие ругают непорядки. Подошел один

плюгавенький “господин” и начал: “Вот до чего со своей революцией и социализмом дожили, стыд!”

Один из тех, кто только что бранил порядки, обрушился на плюгавого: “Ты, гад, нашу революцию и социализм не тронь, то как врежу, глаза выскочат на лоб!”

- Так ты же сам сейчас ругал власти, - укорил его “господин”.

- Так я же свою власть рабочую критикую за беспорядки, а ты, гад, куда замахиваешься – на социализм, на революцию. А Советскую власть мы в обиду вам, гадам, не дадим.

Так и штрафники.... Злобы у них к Советской власти не было, и они дрались за нее, как и все советские люди, живота не жалея...

Пришли мы с Борисовым к командованию штрафного батальона. Капитан, лейтенант и солдат сидят обедают. Наливают нам спирту в банку из-под консервы. Мы пить отказались, не время. Из-за стола поднялся рослый солдат, в короткой шинельке не по росту, притаптывая большими без обмоток ботинками, придиричиво спросил: “С нашим братом штрафником выпить гнушаетесь? Да знайте, я полковник, завтра царпанет осколок - и я при всех регалиях, а у меня их целый иконостас, тогда вы передо мной шапку ломать будете.

- Ну что правильно, то правильно. Что заслужишь, то и получишь, а теперь чего зазря ковыряться, - мудро ответил Борисов. - И мы покинули наших задиристых соседей.

В эту же ночь, пользуясь беспечностью штрафников, “Власовцы”, вырезав минометные расчеты, утащили минометы вместе с плитами. Наутро штрафники, разъяренные наглостью противника, сильным пулеметным огнем загнали немцев и их приспешников в окопы. До вечера не давали им из них высунуться. А ночью поднялись в атаку, захватив первую и вторую линию окопов, перебили в рукопашном бою массу противника, до восьми десятков пригнали пленных и на виду вражеской стороны расстреляли их на нейтральной поляне.

Когда мы после этого их посетили, чтобы поговорить о недопустимости подобного впредь, то они кричали: “Ни одного гада и подлеца не будем брать в плен! Они, суки, первыми насвинячили!”

Полный текст воспоминаний Григория Львовича Сырникова хранится в Каширинском литературно-краеведческом музее.

Георгий Бакин

**ВОЙНА – ЭТО
ГОЛОД,
ХОЛОД
И БОЛЬ**

Георгий Самойлович Бакин родился в 1918 году в селе Шелепово Мокроусовского района. В 1942 году начал свой боевой путь под Москвой. Служил в 18-м гвардейском воздушно-десантном полку. Награжден орденом Отечественной войны, медалями, за мирный труд – орденом Трудового Красного Знамени, медалью “За доблестный труд. В ознаменовании 100-летия со дня рождения В.И. Ленина”. Проживает ветеран в посёлке Ре-корд Макушинского района.

В 1942-м нас привезли в город Раменск под Москвой. Сказали: “Здесь будете готовиться к фронту”. Вырыли землянки, обустроились. Но вскоре нас на машинах отправили на Северо-Западный фронт. Ехали шестеро суток, а сухой паек выдали на трое. В деревне Жуковка поменяли белье, у кого было, на еду, нашли капусты, мороженой клюквы, подкрепились и пошли маршем.

Несли на себе много оружия, было тяжело, поэтому соединили по двое лыжи и тащили. Передвигались ночью, днем расчищали снег, расстилали плащ-палатки, ложились плотнее друг к другу – так и спали. Костры разводить не разрешалось: мог сверху заметить немец. Потом двигались по болотам: ночью делаем настилы, ночью же идем. В деревни даже не заходили – было много предателей, да и все селения были сожжены.

Вымотались, сильно исхудали. Добрались до Мясного Бора – тут у нас сдохла лошадь. Врачи запретили ее есть, велели в снег закопать, а утром встали – от нее одни косточки.

Маршем так и дошли до Старой Руссы. Я был в паре с солдатом Детюковым: он нес щиток, а я тело пулемета. Все мокрые, сапоги, полные воды. Не доходя до Старой Руссы, форсировали реку Ловать. Переправлялись с боем, под бомбежкой, на подручных средствах. Много там наших ребят полегло навсегда. Я остался живой, но получил ранение в живот. Отполз в сторону, в воронку от снаряда. Наши отошли, и я видел, как немцы ходили и докалывали штыками наших раненых. Патроны намокли, оружие не стреляет. Но у меня была граната и я решил, если подойдут к воронке – подорву себя и фашистов. Но обошлось.

Потом меня подобрали санитары, отвезли в госпиталь. Я обморозил ноги, но даже не понял, когда и где. Санбат битком набит. Санитар принес тарелку гороху да кусочек сухаря. Много есть боялся – ведь долгое время был голодным.

Утром на машине раненых отвезли на станцию Осташково. Через трое суток пришла медсестра и сказала, чтобы все ходячие двигались за ней. Пошли, через 2 километра были на острове. У всех от вшей рубахи были серые. Вымыли, обработали. Эвакуировали меня с обмороженными ногами. Дали нам, 100 человекам, по булке хлеба и повезли на вокзал на станцию Бологое. Только погрузились – бомбежка. Шум, гам, дым. Скорее к лесу, тем и спаслись, а станцию немцы разбомбили всю.

Привезли в город Торжок, в батальон выздоравливающих. Сейчас там служат мои внуки. Познакомился с парнем, он котлы топил. Я был некурящий, а пайка табаку причиталась. Так я отдавал ему табак, а он мне что-нибудь из еды.

Усилия врачей не прошли даром, стал немного поправляться, а потом выписали в свою часть, которую я догнал уже в Белоруссии.

Мы были в подкреплении у трех бригад, которые форсировали Днепр. Что-то наши летчики напутали, и мы попали на штыки к немцам. Много погибло. Оказался предателем командир автороты – его узнал младший лейтенант, они вместе были в концлагере, где тот продался немцам.

Из Белоруссии пошли на Варшаву. Вся Польша была разбита. В городе Веспрее ранило в ногу, осколок извлекли, но в рану попала вата из ватников, и нога долго не заживала. Началось заражение, хотели ногу ампутировать, но врач сказал: “Это не 41-й год, чтобы ноги выбрасывать. Война скоро кончится”. Полгода возили по госпиталям, а потом вата вышла, и нога зажила.

За последние бои командование представило меня к ордену Славы II степени, но так до сих пор его и не получил.

Ровно через год после Великой Победы, в мае 46-го года, был демобилизован.

Записали Елена Васильева, Виталий Есетов.

Виктор Чупров

МОИ ЧЕТЫРЕ МЕДАЛИ “ЗА ОТВАГУ”

Виктор Михайлович Чупров родился 4 мая 1919 года в селе Митино Кетовского района. До службы работал трактористом Митинской МТС. В сентябре 1939 года был призван на действительную службу в ряды Красной Армии. В городе Камышлове Свердловской области окончил школу военных водителей.

Войну встретил в Закавказском военном округе. Участвовал во многих боях, освобождал Кубань, Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию, Австрию, Чехословакию. Награжден четырьмя медалями “За отвагу”, орденом Отечественной войны 1-й степени, многими другими боевыми и трудовыми медалями. После службы растил хлеб в колхозе “Дружба”. После выхода на заслуженный отдых живет в Кургане.

Войну я встретил за баранкой грузовика в саперном батальоне, находившемся в Грузии. Кто из солдат не знает, что такое саперная служба. В мирное время она сродни строительным войскам, а в войну – не приведи Господи. При отходе войск сапер замыкает отступление: то переправы ликвидирует, то мины ставит или фугасы, при наступлении – он опять первым с противником соприкасается: мосты строит, переправы наводит – и все под огнем противника. А с саперным батальоном и машиной своей пришлось расстаться совсем

неожиданно. Обеспечивали мы десант в Керчь. Попали там под мощный обстрел и бомбежку. Машину разнесло в щепки, а сам я чудом уцелел.

В десанте каждый боец на счету. Я, чуть оклемавшись от взрыва, был тут же назначен подносчиком 82-миллиметровых мин. Действовал не только сноровисто и четко, но и, присмотревшись к действиям бойцов-минометчиков, освоил это дело. Мог действовать за любого из них. Вскоре я уже был назначен командиром отделения минометчиков.

Воевал в составе 677-го стрелкового полка, который за мужественные действия на фронте был поименован Гвардейским. За свои награды говорить как-то не совсем удобно. У нас, минометчиков, как и в артиллерии, в бою действуешь не один – расчетом. Расчетом чаще всего и представляли к наградам. А я командир расчета, то естественно, в успехе многое зависело от моих решений и действий. А действовали мы по-гвардейски.

Первую медаль “За отвагу” я получил за действия в разведке, когда мы втроем под руководством лейтенанта ходили за передний край обороны. Напоролись на врага, пришлось ввязаться в бой. Лейтенант был ранен, но я не оставил его, а притащил на себе к своим под обстрелом гитлеровцев. Вторую медаль я получил за отличие в боях на территории Украины. Боев горячих было несколько. Третьей медалью “За отвагу” я был отмечен за бои при разгроме Яссо-Кишиневской группировки немцев. Тяжелейшие там были бои. И наш минометный огонь здорово помог в наступлении советских войск.

Четвертой медали был удостоен за удачный удар по гитлеровцам в бою под Братиславой. Почему меня награждали именно этой медалью? – часто спрашивают меня. – Я не знаю. Решали командиры. А среди солдат в годы войны медаль “За отвагу” была самая уважаемая и дорогая награда. Она ведь дается за личное участие в бою и за проявленную при этом смекалку, боевое мастерство и стойкость.

Но самой дорогой наградой для любого из нас, вернувшихся с полей войны, было то, что мы не только вернулись живыми с тех огненных полей, но и принесли на родную землю мир и тишину.

Я многие годы работал сельским механизатором, знаю

многих фронтовиков, кто с таким же упорством, как на войне, боролся за высокие урожаи, ухаживал за скотом, строил дома, воспитывал детей, жил нормальной человеческой жизнью. И это было для нас высшим счастьем, смыслом Победы, добытой в тех кровавых и смертельных боях. Жаль, что не все понимают и ценят это сегодня, размениваются по мелочам.

Владимир Полухин

И ТАНКИ БИЛ, И БЕРЛИН БОМБИЛ

Владимир Прокопьевич Полухин родился в 1916 году в селе Серебряном Макушинского района. Участник финской и Великой Отечественной войн. Пулеметчик, артиллерист, штурман бомбардировочной авиации. Дошел до Берлина. Награжден двумя орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалями.

На Великую Отечественную войну я пошел уже зрелым солдатом. До этого прошел финские сражения. Хорошо знал пулемет, пушку, умел бросать гранаты, владел другим стрелковым оружием.

А Великую войну встретил артиллеристом. Первый бой принял на станции Купинск под Ворошиловградом.

Помню, прилетел фашистский самолет-разведчик (“рама”), осмотрел наши позиции, видимо, передал данные, и на нас навалились штук тридцать бомбардировщиков. Шли волна за волной. Бомбили, нашей авиации не было, как на полигоне, без всяких помех. Разделали все, что можно было.

Началось наше отступление. Все части разбиты, неразбериха. Отступали через Дон, оставили Тихорецк, Армавир. Вместе с частями армии шли толпы людей – дети, женщины, старики, гнали скот, везли и несли скарб. Никто не хотел остаться у врага.

За Армавиrom разрозненные группы и разбитые воинские

части встретились в военных лагерях и сформировали 35-ю дивизию. Заняли оборону, что называется, уперлись. Шли сложные позиционные, оборонительные сражения.

С этой ставшей родной дивизией освобождал Кавказ. Как же это в жизни и на войне получается – на запад шел тем же путем, по которому отступал. Снова Армавир, Тихорецк, Батаяск, Пятигорск.

В танковом бою под станцией Брынковской подбил три вражеские машины. За это меня наградили орденом Отечественной войны II-й степени. Но дорожке всех наград были цветы и благодарность жителей освобожденных городов, сел и деревень.

Солдат на войне беспрекословно подчиняется приказам. Вот и я, как многие наиболее подготовленные, грамотные бойцы, по приказу Верховного Главнокомандования был откомандирован на переподготовку.

После обучения направили в запасной полк 4-й воздушной армии второго Белорусского фронта. Нас перебросили на Смоленское направление. Все-таки, еще раз говорю, как непредсказуема солдатская судьба – шел в дыму, пожарищах, сражениях по земле и вдруг стал штурманом бомбардировщика! Бомбили скопления резервов врага, колонны на марше и передовые позиции, занятые немцами населенные пункты и железнодорожные станции...

За время действий совершил 221 боевой вылет. Наши войска шли вдоль побережья Балтийского моря, а мы бомбили автостраду Минск – Варшава, где передвигались гитлеровские части. За умелые штурманские действия был награжден орденом Красной Звезды, за взятие порта Гитетина – орденом Отечественной войны. Вторым орденом Красной Звезды наградили в самом конце войны за выполнение специального боевого задания.

Дошли мы до Фридлана, севернее поверженного Берлина. 8 мая по приказу полеты были прекращены, боялись столкнуться со своими самолетами.

Вот такова моя военная судьба – и танки фашистские бил, и Берлин бомбил.

А всего я прослужил в авиации 14 лет и демобилизовался только в конце 1956 года в звании гвардии капитана.

Иван Таланов

НА ЗАПАДНОЙ ДВИНЕ

Родился Иван Алексеевич Таланов в 1919 году в деревне Казанцево Катайского района. На фронт попал в 1943 году, был в 975-м стрелковом полку 270-й стрелковой Демидовской Краснознаменной дивизии в звании старшего лейтенанта, помощником начальника штаба полка по спецсвязи.

Впервые в жизни я ощутил, как меня охватил невыносимый страх, когда направлялись ночью со своим полком в составе дивизии к линии фронта. Трассирующие пули пулеметов со всех сторон мчались в сторону дороги, где проходили части дивизии, чертя на фоне ночной тьмы какие-то фантастические рисунки. Создавалось впечатление, что мы находимся в кругу огненной стихии. Там, где вырисовывались контуры леса, противник развесил большое количество осветительных ракет. До нас долетели глухие разрывы бомб.

Немцы принимали все меры, чтобы пробиться в тыл нашей дивизии и отрезать ее от других соединений, но дивизия сумела выйти из сжимавшегося вражеского кольца, сохранить боеспособность и продолжала бои.

Позднее я переживал бои как должное, и не было так страшно, как в первые дни на фронте. Неизгладимое впечатление осталось у меня от боев вблизи реки Западная Двина и ее форсирования. До реки у немцев была глубокоэшелонирован-

ная оборона. Подтянув резервы, враг бросил против наступающих самолеты, танки, пехотные подразделения. Поле боя утонуло в огне разрывов снарядов, мин, бомб. Кто хоть однажды видел это, тот не забудет никогда!

С нашей стороны велась подготовка к форсированию реки. Ночью готовили переправочные средства. В ход пошли строения какой-то деревни, находившейся недалеко от берега реки. Скотные дворы, сараи, заборы и т.д. Все пошло в дело, что могло удержаться на воде. Плоты вязались солдатскими обмотками, ремнями. В реку Западная Двина впадала небольшая речушка, которая извивалась среди зарослей кустарника, она давала возможность плоты и другие переправочные средства скрытно сосредоточивать у большой реки.

...На исходных позициях ждали сигнала к форсированию реки. Началась артиллерийская подготовка. Противоположный берег ответил яростным огнем. Я лежал на плоту из двух бревен, связанных красноармейскими обмотками.

При помощи артиллерии и особенно «катюш» нашему полку и другим подразделениям дивизии удалось достичь противоположного берега, ворваться в окопы фашистов и закрепиться в них. Это было в третьей декаде июня 1944 года у местечка Уллы Витебской области. Многие наши бойцы и мои боевые друзья не достигли противоположного берега, другие погибли или были ранены при захвате вражеского плацдарма.

К концу войны наша дивизия находилась недалеко от Балтийского моря. 9 мая 1945 года в 4 часа утра, когда все, за исключением дежурных и часовых, спали, я услышал громкие, радостные крики. Из штабных землянок, как по тревоге, выбегали офицеры, и друг у друга спрашивали, что случилось. Навстречу бежал майор, и громко кричал: «Братцы! Дорогие мои! Мир! Мир! Конец войне!» Все офицеры, в том числе и я, вытащили пистолеты и стали стрелять вверх пока не кончились патроны. Запылали тысячи костров, озаряя счастливые лица солдат и офицеров. Шутки, смех были слышны повсюду.

**Воспоминания подготовили Насырова Римма, Сущевская Алла –
главные специалисты ГАКО**

Владимир Бутюгин

**НАС
ОСТАЛОСЬ
ТОЛЬКО
ВОСЕМЬ...**

Владимир Георгиевич Бутюгин родился 15 октября 1925 года в рабочем поселке Мишкино Курганской области. В ноябре 1941 года закончил Камышловское военное пехотное училище и был направлен на фронт в должности командира пулеметного взвода. Прошел всю войну от обороны Москвы до “встречи на Эльбе”. Был трижды ранен. За мужество в боях награжден двумя орденами Отечественной войны II степени, орденом Александра Невского, орденом Красной Звезды, медалью “За победу над Германией”, “За взятие Кенигсберга” и многими другими.

Помню – в ноябре 1941 из нас, только что окончивших Камышловское военное пехотное училище младших лейтенантов, сформировали эшелон для отправки на фронт. По дороге ночью на станции Наро-Фоминск мы попали под бомбежку – кругом взрывы, крики и тьма... Мы, как нас учили, попрыгали из поезда и залегли под вагонами. Когда рассвело, командиры стали собирать уцелевших. Двинулись пешком через заснеженное поле, а оно все в каких-то слегка припорошенных снегом черных бугорках. Шедший рядом со мной лейтенант сказал: “Пойдем, посмотрим – что там?”. “Да ну, - говорю, - вдруг там мины или еще что-нибудь”. Но все ж таки пошли. Стали поближе подходить – не мины там, а убитые сол-

даты – московские ополченцы на немцев в штыковую атаку ходили, а те их - из пулемета...

Сколько людей погибло в войне, никто сегодня не скажет. Но больше, намного больше, чем говорят даже сейчас. В сорок первом наш взвод под Москвой участвовал в наступлении, так после семи дней боев из тридцати семи человек нас осталось только восемь...

Меня судьба хранила. Ранен я был трижды, но легко. А однажды (это было уже в 1942 году) под Вязьмой, был такой случай. Зашел я в блиндаж к телефонистам – покурить. Плохонький такой блиндаж, земля сыплется, сыро, холодно... Покурили, и чувствую, что будто кто меня оттуда выталкивает. Попрощался, вышел, только метров на десять отошел – в блиндаж этот прямым попаданием снаряд... В живых никого не осталось.

На войне можно умереть, погибнуть, а вот болеть некогда. Помню, в 1945-ом, недалеко от города Данцига мы форсировали реку. Понтон перевернулся, а по реке льдины плывут, вода – холоднющая! “Ну, - думаю, - пропал ты, Володя...” Но доплыл, а там сразу в бой вступили, так на мне все и высохло... И не поверите – даже не чихнул потом ни разу.

Война для меня закончилась на Эльбе. Перестали стрелять, тихо стало. Час стоим, не двигаемся ни в ту, ни в другую сторону... Второй стоим... Я пошел узнать, в чем дело. Спрашиваю у командира батальона: “Почему стоим?” Он мне в ответ: “Дальше идти некуда, там американцы”. “А немцы-то где?” – говорю. “А немцев, - отвечает командир батальона и улыбается, - а немцев – тью-тью...”

Александр Бархатов

СПАСЛА МЕДАЛЬ

Александр Иванович Бархатов родился в 1910 году в поселке Боровлянского Стеклозавода. Призван с первых дней войны. Воевал до последнего часа. Награжден медалями “За боевые заслуги”. “За оборону Заполярья”.

Случилось это в Заполярье. Однажды после награждения решили мы с ребятами обмыть свои медали за “Боевые заслуги” в общем котелке. Закурили, опустили медали, слили свои солдатские 100 граммов и пустили котелок по кругу. Вдруг по котелку щелчок, и ручеек из котелка. Заткнули пальцем дырочку и допили, вернее – донюхали.

Откуда был выстрел, не заметили, Обход линии связи был постоянным, так как фашистские снайперы без конца перебивали провод. Только наладим связь – опять порыв. Сидел снайпер, видимо, специально по нарушению связи. Сколько при обходах ребят полегло.

Решили мы однажды разыграть ложную проводку линии, чтоб снайпера засечь. Потянул я катушку с небольшим проводом. Выстрел. Пополз дальше – выстрел. Вот тут-то ребята его и засекли, и дали по нему очереди. Пополз дальше – не стреляет, решил проверить, поднял на стволе пилотку – не стреляет. Решили проверить то место, подползли: лежит немец, лицом уткнувшись в винтовку. Сидел он между выступами двух камней, серый, как и эти камни.

А это произошло, когда я был уже на Белорусском фронте, служил при штабе. Прервалась связь при разговоре командиров. А мы только вернулись с линии и срочный приказ – наладить связь. Пополз с ребятами по ходу провода, обнаружили повреждение, соединили – нет связи. Поползли дальше, перебит в том месте, где провод был поднят на столб – (перебитая береза), забрался, соединяю наверху, вдруг засвистели пули: по каске, затем по поле шинели и в грудь. Ну, думаю все, успеть бы связь дать, а потом, Сашка, падай. Голова с затылка горит, что-то теплое потекло, бедро ноет. Скатился вниз, ребята смеются, а я не могу понять, а только думаю, сейчас упаду. Рукою ощупываю грудь, крови нет. Пуля застряла в кармашке нагрудном, где внутри, вместе с патроном, в котором запись: где родился, откуда призван, год рождения, прицеплена была медаль. Пуля попала в нее, расстреляла медаль, а на теле лишь ожог небольшой. Вот так я остался жив. Медаль спасла мне жизнь. Не зря “обмывал” в котелке родную. Глянул, над чем ребята смеются: а у меня на бедре нет полы шинели, сквозной очередью пули ее прошли, а тело не поцарапали. Они смеются, а я гляжу и плохо их вижу и слышу, шум в ушах, стук. Когда сняли каску, а там запеклась кровь, пуля навывлет – боковая, зацепила шею.

Отлежался в санчасти и дальше. Дальше Польша, Германия, Победа.

Очень был хороший у нас командующий 1-м Белорусским фронтом генерал Константин Константинович Рокоссовский, очень его любили солдаты. Мне пришлось поработать при штабе, знал не понаслышке. Очень уважали маршала Ивана Степановича Конева. Мне пришлось воевать в объединенных фронтах и по связи общаться с ними.

Записала Галина Большакова.

Олег Таныгин

БЛОКАДУ ПРОРЫВАЛ И В ТЫЛУ НЕ ПОДКАЧАЛ

Олег Васильевич Таныгин родился 29 февраля 1924 года в деревне Старая Ляля Свердловской области. Наводчик, истребитель танков. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью “За боевые заслуги”. Проживает в селе Альменево.

Мне уже много лет и иногда по-стариковски ворчу. Даже само рождение 29 февраля не как у всех добрых людей, всю жизнь праздную день рождения раз в четыре года. Рано лишился отца, потому с юных лет приходилось зарабатывать хлеб свой насущный. В 1939 году закончил ФЗО в Челябинской области и стал работать ремонтником в городе Кыштыме. Затем вернулся в свою область и стал заниматься переплавкой алюминия на Сухоложском заводе.

Шел 41-й. Война требовала много цветного металла. Работали не покладая рук, не считаясь со временем. Конечно, было очень трудно, но дюжили, не ломались.

Фронт требовал не только металл, но и живую силу. Потому в конце 1942 года надел военную форму и я. Подготовка в Камышловских лагерях и из простого рабочего парня я стал наводчиком ПТР для истребления броневой техники фашистов. Наш противотанковый батальон в октябре 43-го года был направлен на Ленинградский фронт.

Северная столица была полностью блокирована, умирала

от голода и холода, но стойко защищалась. Откуда только силы брались.

Ставка Верховного Главнокомандования поставила задачу – прорвать блокаду города во что бы то ни стало.

Конечно, немцы за это время создали мощное кольцо блокады, оборону, и наш батальон, выполняя приказ, наступая на Нарву, нес большие потери. Особенно запомнилась схватка за Гатчину. После боя в лесу был сделан кратковременный привал, а фашисты разнюхали и нанесли бомбовый удар по нашим позициям. Не успев окопаться, мы многих не досчитались.

Но наступление наших войск было неудержимым и, форсировав Лугу, мы с боями продвигались к Нарве. Недалеко от этого города меня остановила пуля немецкого снайпера. Пуля попала в грудь, и Нарву брали мои товарищи без меня. Покоиться бы мне где-нибудь в окрестностях Ленинграда, если бы она отклонилась немного вправо.

На всю жизнь запомнился мне госпиталь на станции Свеча Кировской области. Спасибо врачам, они славно потрудились, сделали все, что было в их силах. Вынули из меня половину левой лопатки, до сих пор рука не поднимается выше пояса, но слава богу и медикам, пальцы действуют.

Просился на фронт, но военно-врачебная комиссия четко сказала: “Поезжай в родные края, там сейчас работы тоже непечатый край!”

Действительно, нужно было восстанавливать многое – фронт требовал хлеб, мясо, оружие, технику, обмундирование... Война продолжалась!

В конце 1944 года прибыл в Альменевский район и стал работать механизатором в совхозе “Культура” в деревне Ковыльное. Здесь встретил свою вторую половину – Агриппину Ивановну Рубцову. Вместе с ней родили семерых сыновей и дочку. Работали, строились, жизнь потихоньку налаживалась. Но снова не повезло – после тридцати лет совместной жизни моя супруга умерла. Без женской руки и заботы да еще с детьми жить непросто. Правда, старшие стали вылетать из родного гнезда, и семья сократилась до трех человек.

Потом познакомился с Екатериной Андреевной Цевелевой, заключили равный брак: трое детей у нее и трое у меня.

Я ушел работать в лесопункт, хозяйка из доярок ушла раз-

норабочей – нужно было содержать, накормить и обстирать большую семью. В общей сложности у нас с Катюшей получилось одиннадцать детей. Вот так мы с ней и живем четверть века. Жить сейчас можно, пенсию мне по первой группе платят без задержки, в магазинах все есть.

Вот только здоровья маловато стало. Глаза ослабли, и куда сейчас иду, приходится брать помощницу – трость.

А, вообще-то говоря, зря я ворчу, мы все-таки жизнь прожили хорошую: войну выиграла, работали, столько детей, продолжателей рода, вырастили. Можете нам по-хорошему позавидовать – у нас 27 внуков и 15 правнуков. Живи да радуйся!

Записали Михаил Корнев, Виталий Есетов

Александра Бревнова

**ЗАПЕВАЙ,
САНЬКА
АНТОНИДИНА!**

Александра Федоровна Бревнова (Сорокина) детство провела в деревне Жуково Куртамьшского района. Призвана в ряды Советской Армии в 1943 году, воевала на Ленинградском фронте. Зенитчица, сержант, командир отделения. Награждена медалями “За оборону Ленинграда”, орденом Отечественной войны 2-й степени. Проживает в Макушинском районе.

Ох-ох-ох! Если описывать всю мою жизнь, книги не хватит. Детство мое прошло в деревне Жуково. Да почти-тай, и не было у меня детства. Отец помер рано, нас у матери трое. Начала работать с девяти лет нянькой, в пятнадцать завербовалась в ФЗО. Из ФЗО сбежали – дурные мы были, девчушки совсем. Вернулась в колхоз. Звали меня тогда Санькой Антонидиной – отца не было, потому звали по имени матери Антониды. Решили в колхозе: “Будет Санька Антонидина ветсанитаром!” А в колхозе-то неурожай: скот тощий, больной. И вот я, Санька, худущая, голодная, целыми днями мотаюсь по бригадам: и телят принимаю, и бычков-баранов кастрирую, и шкуры с дохляков снимаю. Все умела, все могла.

А уж война шла. В 1942 году брата под Сталинградом убили. Из деревни брать-то уж было некого – до нас, девчат, очередь дошла. В 1943 году пришла повестка из военкомата четверым жуковским девчонкам. Мне шел 19-й год. Иди, войю,

Санька Антонидина! Повезли нас из деревни на бричках, за бричками сестра бежит, плачет, мама осталась на ограде – слезами заливается.

Долго-долго ехали мы, не зная куда. Привезли в городок какой-то Калининской области. Завод - не завод, кругом колючая проволока. Казарма наша – двухъярусные нары. Набили матрасы соломой, устроились. Называться мы стали отдельным запасным женским стрелковым полком. На несколько тысяч девчат один мужчина – командир полка. Дисциплина железная. В 7 часов подъем, в 11 отбой: четыре часа строевой, четыре – огневой подготовки, четыре – тактика.

Зима там сырая – валенки под нарами плавают, казарма не отапливается. Вечером придешь, брюки стеганые снимаешь с себя – на матрас кладешь, до утра телом сушишь.

Только глаза закроешь – тревога! Учебное задание – за 14 километров от нас “враг”, нужно его выбить. “Шагом марш! Запевай!” Во взводе две запевалы – я да украинка Кильевич.

Впору реветь, а не петь. Запевай, Санька Антонидина! До места дошли, окопались в снегу. Миномет тяжелый, холодный. Назад по-пластунски. У кого карабин, у кого миномет, да еще лотки с минами. Ползем – полные рукава снега: “Встать! Шагом марш! Запевай!” Пока идем до казармы, опять: “Танки слева! Конница! Воздух!” И опять по новой. И ведь не болели! Так 6 месяцев нас дрессировали, шлифовали.

Потом мне присвоили звание сержанта, выдали обмундирование. Все мужское: шапка-ушанка, стеганки, летом – брюки и пилотка. Стриженные все под мальчишек. Готовы были в бой, в огонь, только из-за проволоки этой колючей.

Посадили нас в “телячьи” вагоны, повезли под Ленинград.

Стояли мы в Петергофе, обслуживали станцию оружейной наводки.

В общем, служила я в 83-ей отдельной зенитно-артиллерийской Красносельской дважды Краснознаменной бригаде ПВО. Часто вспоминаю девчонок из нашего отделения из Курганской области – Аню Маслову, Физу Падерину, Валю и Зою Новоселовых, Машу Макушину. Это их девичьи фамилии.

А я их командир – Санька Антонидина, вернее Шура Сорочкина, а сейчас Александра Бревнова.

Записала Елена Васильева.

Александра Смирнова

СТОИЛО ИДТИ НА ОГОНЬ

Александра Ефремовна Смирнова родилась 22 апреля 1925 года в селе Кузнецово Лебяжьевского района. В 1943 году окончила медучилище и добровольцем ушла на фронт. Участвовала в боях. Была ранена. Награждена орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью “За отвагу”, Отличник здравоохранения.

В детстве мечтала стать летчицей. Окончив школу-семилетку в 1940 году, написала заявление в Ленинградское авиационное военное училище. Но к моему разочарованию получила ответ, что нужно окончить 10 классов и только тогда поступать учиться на летчицу. Пошла в восьмой класс, а тут случилась война. Решила идти на фронт добровольцем. В военкомате отказали, посоветовали идти учиться на медицинского работника. Пришлось поступить в медицинское училище, которое я окончила в мае 1943 года. И теперь попала на войну.

Никогда не забуду первого раненого бойца, которого вынесла с поля боя. Перевязываю рану, а руки дрожат от волнения и страха. А потом целый километр тащила его до полевого медсанбата на плащ-палатке. Десятки раненых бойцов вынесла из-под огня. В бою под Полоцком попала под артобстрел и была сама ранена осколком снаряда в голову. В медсанбате сделали перевязку, хотели отправить в госпиталь –

отказалась. Через две недели почувствовала себя лучше и снова за свое дело. Перевязывала раненых, была операционной сестрой, донором. За войну сдала крови для переливания раненым 22 литра.

Многое пришлось повидать горя людского за войну и самой пережить, но там я поняла, что чужого горя не бывает. И на всю послевоенную жизнь осталась сестрой милосердия. Двадцать лет проработала в Юргамыше старшей сестрой в больнице, два из них операционной медсестрой. Только в 1958 году сделали мне в Свердловске операцию по удалению осколка из головы, что носила я со времен ранения под Полоцком. Пятилетку проработала в Лебяжьевской районной больнице, а с 1972 года 18 лет была главной медсестрой санатория "Сосновая роща" в Куртамышском районе. Вырастила сына и двух дочерей. Жизнь на излете, но война не забудется никогда. И люди, с которыми пришлось пройти боевыми дорогами, не забываются. Переписываемся и с подругами, и с бойцами, кому помогли выжить в тех огненных боях.

Через много лет после войны получила письмо-приглашение из колхоза "Большевик" далекой Калининградской области навестить бойца Ольховского, вынесенного мной с поля боя. Взяла дочь с собой и поехали. Встретил нас высокий, крепкий мужчина. Сначала я его и не узнала. И только память вернула образ худенького паренька, которому я делала перевязку под огнем, а потом вынесла с поля боя. До слез разволновалась я, когда мой бывший фронтовой «пациент» за столом, где собралась вся его родня и много односельчан, сказал: «У меня есть на земле три самых дорогих человека - это отец, мама моя и медсестра Александра Смирнова, спасшая меня от смерти». Думаю, даже только ради этих слов спасенного в бою человека стоило идти под огонь, побеждать страх смерти и жить на земле. А сколько их таких было и людей, и слов!? И память о них останется навечно.

Николай Семенов

ИГРАЛИ ДЛЯ НЕМЦЕВ “КАТЮШИ”

Николай Афанасьевич Семенов родился в селе Лисье Лебяжьевского района. Радист, минометчик-ракетчик, гвардии лейтенант. Демобилизован в марте 1947 года. Отличник народного просвещения, Почетный гражданин села Памятного Белозерского района.

После призыва в армию Белозерский райвоенкомат отобрал пять новобранцев, в число которых попал и я, и направил нас на радиокурсы в город Свердловск. Три месяца нас учили на радиотелефонистов, то есть умению принимать и передавать по радио азбуку Морзе. После экзаменов из 1200 человек, отобрали сорок лучших и послали в Москву. Здесь на улице Красноказарменной - 34 размещался штаб формирования. Мы гадали: куда попадем – в пехоту, кавалерию, артиллерию?

Мандатная комиссия была очень строга: чтобы были членами или кандидатами ВКП(б), комсомольцами, не судимы, чтобы в семье не было репрессированных...

После отбора мы попали на Хорошевское шоссе, где был построен целый военный городок и где после Великой Октябрьской революции располагалось 1-е Московское Краснознаменное артиллерийское училище имени Красина, готовящее кадры офицеров для тяжелой артиллерии.

Вот тут-то нам и объявили, что мы будем воевать в соста-

ве Гвардейских Минометных частей. Здесь формировалось сразу несколько полков и отдельных дивизионов. Я был зачислен во вновь создаваемый 308 отдельный гвардейский минометный дивизион. Нам выдали личное оружие – карабины, фронтовое обмундирование и так далее.

Личный состав прибывал с курсов, как мы, или из госпиталей. Занятия с нами проводили на Ваганьковском кладбище: оно было недалеко от казарм. Разведчики устанавливали радиотрубу и смотрели на город, мы – радисты ставили рации на могильные плиты, расходились, чтоб не видеть друг друга и держали связь по радио, связисты тянули провод между могил и тоже держали связь. Постепенно к нам стала поступать техника: пригнали автомашины артиллерийские “додж – коммерческий”, ЗИС-5, “полуторки”. Вскоре пригнали боевую технику, так как дивизион формировали для придания танковому корпусу. Боевая машина – 8 имела 12 “направляющих” для ракет. Заряжали их сверху и снизу, получалось 24-х зарядная установка. В дивизионе 2 батареи по 4 “БМ” в каждой. Всего 8 боевых машин. За один залп мы покрывали площадь в 40 гектаров – “мертвое пространство”.

На каждой боевой машине в подстраховку было заложено 20 кг тола, запал и бикфордов шнур. На случай захвата “БМ” врагом любой из нас имел право и должен был, даже ценой собственной жизни, поджечь шнур и взорвать установку, чтобы враг не разгадал ее секрет.

И вот 3 мая 1942 года звучит боевая тревога. дивизион выстроен на плацу. Приказ – погрузиться в эшелон и выступить на защиту столицы нашей Родины – Москвы. С дебаркадера загнали танки и машины на платформы, погрузили ящики с минами – на 10 залпов (1920 снарядов), причем ящики были опечатаны сургучовой печатью, чтобы никто не мог раскрыть секрет наших снарядов. С Брянского вокзала отправились на фронт в сторону Западного фронта. Ночью двигались спокойно, а утром немецкий самолет (видимо разведчик) сбросил на нас три бомбы, но потерь не было. Прибыв в район города Белев, мы разгрузились и заняли боевые позиции. Через несколько дней ночью проснулись от грохота – прибыл третий танковый корпус: 50, 51 и 103 танковые бригады, вооруженные в основном “Т-34” и “Т-70”. Сначала было затишье,

но когда враг на Юго-Западном фронте перешел в наступление на Сталинград и Кавказ, мы предприняли попытки отвлечь силы немцев на нас.

Бои носили сильный характер. Особенно запомнилось местечко Грынь Калужской области. Наш корпус в ходе боев оказался в полуокружении, и враг яростно атаковал нас. Здесь мы с одной огневой позиции за три дня боев дали 14 залпов по атакующему врагу. Это много. Дело в том, что после залпа от ракет в воздухе остается "инверсия" – след, как за самолетом, а мы выпускали за один залп 192 снаряда, значит, в воздухе было 192 инверсии. Правда, минут через пять они исчезали, но этого хватало фашистам, чтобы засечь нашу огневую позицию и обстрелять ее. Был полностью уничтожен вражеской миной расчет (7 человек) одной из "БМ". Кстати, огневую позицию всегда оцепляли наши солдаты, чтобы никто не видел наших установок, и как они стреляют. Вплоть до наших "чужих" полковников мы не пускали на огневую позицию. Конечно, в ходе войны многие ограничения секретности были сняты.

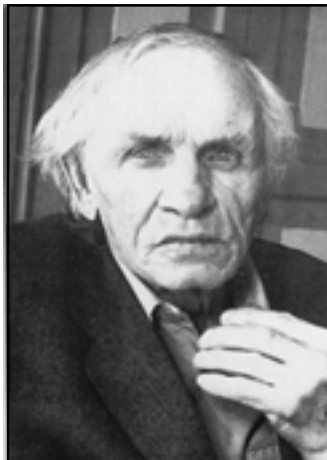
Пришлось нашему 308 02 МД воевать и под городом Ржев, где ожесточенные бои шли в течение 14 месяцев.

Из-под Ржева я был направлен на учебу в Москву. Но оказалось, что 1-е Гвардейское Краснознаменное минометно-артиллерийское училище имени Красина эвакуировано в город Миасс. Нас со всех фронтов собрали 78 человек и отправили туда, учиться на офицеров. В дальнейшем мне пришлось слушать в 2-й учебной бригаде Гвардейских минометных частей, в 77-м Гвардейском Могилевском Краснознаменном полку, 24-м Гвардейском Краснознаменном полку.

Леонид Кондратьев

ПОЛ-ЕВРОПЫ ПО-ПЛАСТУНСКИ

Леонид Никитич Кондратьев родился 20 мая 1925 года в колхозе “Новая жизнь” Макушинского района. Пехотинец, связист, артиллерист. Награжден медалями “За отвагу”, “За взятие Берлина”, медалью Жукова. Демобилизован в июле 1945 года. После войны работал трактористом, с 1949 года до выхода на пенсию – на Коноваловском элеваторе. Проживает в селе Коновалово Макушинского района. Воспитал 5 дочерей. У ветерана 10 внуков, 5 правнуков.

Война шла страшная. Я был призван на службу в 1942 году. Полгода нас учили на пехотных курсах в Чебаркульских военных лагерях. Учили всему: и как стрелять, окапываться, штыковому бою, даже как правильно портянки наматывать.

После обучения – в эшелоны и на фронт. И сразу в самое пекло, под Курск. Нас, необстрелянных бойцов, перемешали с бывалыми солдатами, меня определили переносчиком пулеметных лент.

Бои шли ожесточенные, изредка затишье. Но в это время “хозяйничала” авиация: и наша, и фашистская. Никогда не забуду первую бомбежку. Прорвались “юнкерсы” и “мессеры”, пикируют с воем на наши головы, бросают бомбы, строчат пулеметы. Огонь, грохот, вздымаются столбы земли и дыма.

Ткнулся в какую-то борозду или разрушенный окоп, коробками с лентами голову закрыл. Глупый был, молодой: думал, что так не убьют. Испугаться не успел, да вроде и не страшно было в горячке. Не верилось, что я – и вдруг погибну. Хотя вокруг погибали знакомые и незнакомые ребята. Мне тогда повезло, только в руку ранило; пролежал полмесяца в полевом лазарете.

После излечения вернулся в часть и двинулся со всеми вместе дальше на запад. Был и пехотинцем, и связистом, и дальномерщиком – война всему научит. Словом, ехал машинами и на танках, шел пешком, полз по-пластунски. Пол-Европы позади...

Все шло, как говорится, нормально. Но уже на Одере не повезло – второе ранение. Лечили долго, потому свою родную часть не догнал, а попал во 2-ю гвардейскую зенитную артиллерийскую дивизию резерва Верховного Главного командования (потом ей присвоили звание Барановичской Краснознаменной ордена Александра Невского).

Здесь кончилась моя пехотная, “пешая” служба. Новую дивизию нельзя было приравнять к пехоте – техники всякой было полно.

Самый памятный бой был для меня за город Кюстрин. До Берлина оставалось рукой подать – километров пятьдесят-шестьдесят, потому гитлеровцы сопротивлялись отчаянно и обреченно. Сами гибли тысячами, но и наших ребят положили немало. Вокруг было много аэродромов, поэтому бомбежки шли практически непрерывно – только наши самолеты улетят на дозаправку горючим и боезапасом, как немцы тут как тут.

Я всю войну мечтал дойти до Берлина. После второго ранения меня направляли в резерв, но я отказался – что же я зря на брюхе всю войну проползал и не увижу поверженную столицу разгромленного врага.

И вот Берлин. Руины, дымы, грохот, толпы пленных... Наконец, стрельба почти прекратилась. 7 мая нам приказали: “Чистить пушки”. Мы поняли – войне конец. Сидим, протираем матчасть и вдруг взрыв. Из фаустпатрона прямо по нам. Из семерых наших бойцов как не бывало. Погиб и командир нашей пушки Николай Бондарев. От Сталинграда прошел мужик все круги ада – и в последние дни погиб. Будь проклята

война, будьте вы навеки прокляты, гитлеровцы!

И вот она – Победа! Дошли, дожали, добились, победили! Мы как раз были через площадь от рейхстага, располагались в какой-то богатой резиденции (после случая с фаустпатроном запретили находиться на открытом месте). Ну, многие наши бегали расписываться на его стенах, а я не пошел – я ж его, рейхстаг, не штурмовал.

Берлин запомнился развалинами. Из немцев женщины, ребяташки, да белые флаги. В одну колонку за водой с ними стояли. Злости уже не было. Так, кто-нибудь подопьет, так матюгнет. А они по-русски не понимают, улыбаются испуганно.

Через месяц отправили домой. Из наших помню Федю Склера из Петухово, братьев Колеговых, Сергея и Николая из Макушино. Что с ними теперь, не знаю. А в 1955 году в военкомате мне вручили медаль “За отвагу”. За какой бой, первый, последний – не знаю.

Записала Елена Васильева

Яков Маткин

ЗАЩИЩАЛ И РИГУ, И РОССИЮ

Яков Трофимович Маткин родился в селе Рига Шумихинского района. В 1940 году призван на действительную службу, в Заполярье. Здесь его и застала война. Маткин был командиром орудия.

Справа от нас расположилась воинская часть пехоты. Между частями вырыли траншею. Участок периодически обходили, осматривали. При очередном осмотре я обнаружил лыжный след. Доложил об этом сержанту Овечкину. Его это тоже обеспокоило. Взяли еще трех бойцов, решили сделать засаду.

Предположение оправдалось. Оказалось, что со стороны вражеских войск один за другим прошли в тыл нашей обороны пятнадцать фашистов.

Ждали до трех часов ночи. И вот след в след возвращаются два человека. Огонь по ним открывать не стали. А когда они дошли до своих, заиграли на губных гармошках, появились остальные лыжники. И тут завязался бой. Двоих ранили, остальных убили. От раненых узнали, что они в нашем тылу находились двое суток.

В этой схватке меня ранили в голову, а сержант Овечкин получил ножевое ранение.

К нам в госпиталь приезжал командир части, рассказал о бое во всех подробностях и поблагодарил за мужество. За

две ночи, что враги пробыли в тылу, они вырезали в санбате пятьдесят раненых и обслугу.

После выздоровления нас с сержантом пригласили в штаб фронта, где вручили медали “За отвагу”.

С декабря 1942 года я служил на Ленинградском фронте в 104 минометном полку, командовал орудием.

Тяжелое было время. В январе 1943 года был получен приказ: готовиться к прорыву кольца окружения города в районе реки Нарва. Шли бои местного значения. И только в декабре 1943 года началось мощное наше наступление, когда полностью была освобождена Ленинградская область. Сначала к реке подтянулась вся техника. На противоположном берегу находилась вражеская оборона. Перед нашими стояла задача: как ближе подтянуть без шума технику. Командир взвода Тулупкин приказал мне узнать обстановку на переправе, найти свою штабную батарею и получить карты дальнейшего продвижения. Получив карты, узнал, где наше подразделение должно занять огневую позицию.

Обратно пошел не дорогой, а берегом реки, чтобы лучше узнать местность, и наткнулся на землянки, где жили три эстонских семьи. Увидел, что рядом стоят две лошади, тут же сани, сразу осенило: “Вот на чем можно без шума перевезти минометы и снаряды”. Старик-эстонец пытался жестами объяснить, что русского языка не понимает. Пришлось пригрозить оружием, и он сразу заговорил по-русски.

Запрягли лошадей, прицепили орудие, погрузили боеприпасы и тихо перевезли все в нужное место. Установили орудие, расчет по приказу открыл огонь по врагу. Так мы помогли пехоте продвинуться вперед. А через двое суток подошла техника, которую оставили в укрытии. За эту операцию были награждены многие бойцы, в том числе и я получил орден Славы III степени.

Запомнились большие бои, когда наступали на город Таллин. После его освобождения моему расчету приказали быстро двигаться к причалу. В это время немцы на пароходе и других средствах начинали отчаливать от берега. За пароход прицепили баржу – на ней много груза. Пришлось спешно разворачивать минометы и открывать огонь. Немцы открыли ответную стрельбу. Завязалась жестокая перестрелка. Одна из мин,

выпущенная из миномета, упала на баржу, которая загорелась. Немцы ее отцепили, а пароход стал удаляться от берега. Жаль, миномет - не пушка – из него прямой наводкой стрелять не будешь...

Человек двести гитлеровцев, что не успели погрузиться на пароход, нашими войсками захвачены в плен. За участие в боях в Эстонии я был награжден орденом Красной Звезды.

Полк шел на Берлин, оставалось до него километров тридцать. И тут он получил приказ: двигаться в направлении Праги, для освобождения ее от фашистов. Но дойти до чешской столицы не довелось. Закончилась эта проклятая война.

Вернувшись с фронта домой, я много лет трудился механизатором, растил и убирал хлеб. Последние годы перед пенсией работал завхозом в больнице.

В праздничные дни, 9 Мая, каждый год прихожу к обелиску отдать дань павшим в годы войны.

Живу там же, где родился – в селе Рига Шумихинского района. Только раз и уезжал надолго со своей родины на войну, чтобы защитить большую Родину – Россию.

Считаю себя прожившим жизнь свою неплохо: трудился, воевал, снова работал. Вместе с супругой Анной Николаевной вырастили пятерых детей.

Записал Виктор Алейник

Степан Чирков

НЕ ДАНО ЗАБЫТЬ

Степан Васильевич Чирков родился в 1916 году в селе Вовилково Притобольного района. Окончил ФЗУ и работал в Кургане слесарем-инструментальщиком на мясокомбинате. В 1938 году был призван в Красную Армию. Служил в артиллерии. За умение тонко выполнять самые сложные слесарные работы и великолепное знание пушек был переведен в мастерскую по их ремонту, а потом назначен начальником мастерской и преподавателем по устройству артиллерийского вооружения в школе сержантского состава.

Участвовал в боях под Старой Руссой, в прорыве Ленинградской блокады, в разгроме гитлеровцев под Гатчиной, в освобождении Пскова. Имеет награды.

Нынче я отметил свой 86-й год жизни. Работаю еще, внучатам помогаю. Радуюсь жизни. Ни на что не в обиде, хотя, как говорят – на жизненном веку, как на долгом волоку. Всякое бывало. Бедно мы жили, но праведно. Мальчонкой, бывало, приходилось и с сумой ходить, чтобы не умереть с голоду, но чужого никогда не взял. Мама всегда говорила: “Боже упаси, Степушка, на чужое не обзарься. Трудом своим живи, и все образуется. Нынче тяжело, завтра Бог поможет”.

И правда, повезло. Окончил я ремесленное училище по слесарному делу. Старался все познать, всему научиться.

Бывало, ребята после занятий кто куда, а мне любопытно с железом повозиться, у верстака что-нибудь “колдую”! Работать стал слесарем, получалось неплохо, а как иначе, если желание есть и старание.

Сызмальства не курил и спиртным не баловался. Даже в войну. А ведь всякое пережить пришлось. Раздумаюсь порой, аж холодок позакоже ходит. Под обстрелами бывал, под бомбежками, снайпер за мной охотился. Выжил.

И вот опять же, помню, не раз приходилось сейфы вскрывать в оставленных немцами штабах. Документы важно было взять “живьем”. Вызовут меня как доброго мастера, вожусь с мудрейшими запорами самых хитрых европейских фирм. Открою. А бывало часто, что в сейфах этих рядом с документами и деньги лежат: и наши, и немецкие, и еще каких-то стран, драгоценности. Никогда не брал. И тогда, как говорят, руки не тряслись, и сейчас, вспоминая, не раскаиваюсь. Что сделал своими руками, что заработал – то и твое.

На передовую попал в 1942 году, весной, на Северо-Западный фронт. Жесточайшие были бои под Старой Руссой. Немец нас тогда очень сильно побил. Мало нас уцелело. Вывели дивизию на пополнение. Защищал Ленинград, участвовал в прорыве блокады. Тяжелейшие бои были за Гатчину. Наш полк за успехи в них получил почетное наименование «Гатчинский». Не раз бывал в сложных ситуациях, на краю гибели. Годы стерли из памяти многое. А о которой расскажу, живет и болит, как заноза.

Случилось это под Ленинградом, на Невской Дубровке. Вызвал меня комбат и говорит, что из штаба полка звонили, и посыльный уже за тобой на кошеве прикатил, чтобы немедленно к командиру доставить.

Зима. Холод до костей пробирает. Едем. Я поглядываю на ездового, а он, словно по компасу, твердо следа своей кошевы придерживается. Советовать ему стал, как дорогу скоротать, а он в ответ, что соваться в сторону минеры не советовали: они путь указывая, сказали: “Если жить хочешь – езжай обратно след в след, мин тут понатыкано...”

Я, как уже сказывал, мастером был по самым разным слесарным делам, по ремонту пушек, прицелов, регулировкам

тонким и точным. По этим делам меня и вызывали в тот раз. Перед наступлением я на наблюдательном пункте дивизии стереотрубы отрегулировал. Все я исполнил, как требовалось, и в обратную путь-дорогу отправились с тем же ездовым. И опять он за колеей, что после нашего проезда осталась, следит, глаз не спускает. Доезжаем до приметного места: ров противотанковый с осени тут был отрыт, а чуть в стороне от него машина-полторка с будкой, перевернутая взрывной волной. Дымится. И шофер в стороне от нее лежит, раненый, кричит и рукой машет. Немцы или нас заметили, или дым от опрокинутой машины: из шестиствольного миномета ударили, разрывы загрохотали. Я ездового прошу привернуть к пострадавшему, чтобы забрать его с собой. А он на меня посмотрел строго – мне приказано тебя до места доставить и об исполнении доложить, я то и выполняю. И головой за тебя отвечаю. А раненого на обратном пути захвачу: не везти же его на передовую.

Мне покажись тогда, что голос у раненого широко знакомый, как у брата моего – Ивана. Да откуда ему тут взяться?

Довез меня боец исправно. Комбат в часть о том позвонил. Казалось бы, что еще? На фронте и не такое случается. Успокоился. А через месяц, а может чуть более, получил я письмо из дома от мамы. Она писала, что Ваня – братец-то мой, погиб, подорвавшись со своей машиной на минном поле под Ленинградом. Меня словно током шибануло, – да это, может быть, Ваня и был?! С той поры раскаяние гложет и гложет. Живу и казнюсь, – а вдруг в тот раз я Иванку без помощи оставил!? Ну почему не настоял, не заставил ездового остановиться, подобрать раненого!? Почему?

И с этим “почему?” - идти мне, видимо, до последнего шага на земле и Бога просить о милости.

Записал Геннадий Устюжанин

Евгений Касаткин

ТАК И ЖИВУ С ОСКОЛКАМИ

Евгений Евгеньевич Касаткин родился в 1926 году в селе Моршиха. Военными дорогами прошел с 43-го по 1945-й год. Командир самоходно-артиллерийской установки, гвардеец. Награжден орденами Красной Звезды, боевыми медалями. За труд после войны отмечен орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, медалью “За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина”. Проживает в селе Моршиха Макушинского района.

Война Великая уже шла. Страна напрягала свои силы в борьбе с лютым врагом.

Мне было шестнадцать лет, и я работал тогда на заводе в Челябинске. Пользуясь тем, что военкомат нашего Ленинского района сгорел вместе с документами, я прибавил себе год. Никто обмана не раскрыл, и я в 1943 году попал на 6-месячные курсы в Свердловск. Гоняли, конечно, здорово, но мы понимали, что пусть в учебе будет тяжело, зато эти знания помогут в боевых схватках с фашистами.

Выпустили меня после окончания курсов командиром самоходно-артиллерийской установки (САУ). На фронтах войны было сложнейшее положение и хотя наши уже гнали врага, но сопротивлялись гитлеровцы ожесточенно и отчаянно, цепляясь за каждый бугор, лес, строение.

Наша часть сразу попала в бой под городом Ковелем на Западной Украине. Главная задача САУ – выбивать бронетехнику фашистов. Мы этим и занимались. В одном из боев мне лично удалось “угробить” три вражеских танка, что сорвало их наступление. За этот бой я в семнадцать лет был награжден орденом Красной Звезды. Очень я им гордился и очень им дорожу. Брат – офицер пришел с войны с медалью “За отвагу”, а я, мальчишка, с орденом! Хотя и медали даром не давали.

Под Люблином мне не повезло – в САУ попал немецкий снаряд. Осколком от брони убило механика, а меня осколками изрешетило. В Люблинском полевом госпитале медики насчитали их тридцать штук. Спасибо врачам и медсестрам, двадцать вытащили сразу, потом доставали их дома до конца семидесятых годов. Но и сейчас еще есть несколько. Проклятая война, все еще не покидает меня.

Это сложное ранение не прошло даром – в 45-м году я вернулся домой на костылях инвалидом второй группы. Но выжил, назло фашистам!

Потом всю жизнь работал в сельском хозяйстве. Как за войну, так и за мирный труд имею ордена и медали.

Записали Елена Васильева, Виталий Есетов.

Николай Мурашкин

ИЗ ФРОНТОВОГО БЛОКНОТА

Николай Капитонович Мурашкин родился в 1924 году в селе Мостовское Варгашинского района. В армию был призван в 1942 году, служил разведчиком в 866 гаубичном артиллерийском полку. После ранения продолжил службу стрелком и ручным пулеметчиком на Северо-Западном фронте. Освобождал Белоруссию, Латвию, Литву. Закончил войну в Латвии. Награжден орденами Красной Звезды и Славы III степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими.

Однажды вызвал меня командир батальона и дал приказ с пятью разведчиками и пополнением из роты взять высоту и «языка». Эта высота преградила путь для наступления наших частей. Высота была «крепким орешком», и неоднократные попытки овладеть ею не приносили успеха. Вышли ночью небольшой группой в 13 человек под командованием младшего лейтенанта. На подъем двигались медленно, вслушиваясь в каждый шорох. Моя группа двигалась справа, слева – группа младшего лейтенанта. Подошли почти вплотную к немецким траншеям. Фашисты обнаружили нас, открыли огонь. Первыми же выстрелами был убит младший лейтенант и ранен один солдат. Мы вынуждены были залечь. Промедление несло провал операции. Дал длинную очередь из автомата по фашистским мелькающим вспышкам. Поднялся,

крикнул: «Вперед!», стреляя на ходу. Группа сделала стремительный бросок к немецким траншеям с криком «ура!» и крепким русским словом, чтобы было больше шума. Ночь была темная, хоть глаз коли, ничего не видно. Враг принял нас за большую группу.

После схватки наступила мертвая тишина. Высота была взята, и задача, поставленная командованием, выполнена. Не обошлось и без «языка» – схватили одного перепуганного немца. А через несколько дней мы с товарищами прочитали об этом эпизоде в дивизионной газете. Мне было присвоено звание сержанта.

Оборона левее города Старая Русса, 1943 год. Затяжные холодные осенние дожди. Стоишь в траншее: сверху льет, под ногами грязь, одежда пропиталась водой и холодна, как лед, так с вечера до утра. Все стоят на посту, а утром от каждого взвода идут за завтраком, часть идет спать, а кто-то продолжает стоять на посту. С обеда уже никто не отдыхает. Чистят оружие, некоторые идут за боеприпасами, траншею поправить, разбитую снарядами, а с вечера снова все, как один, на пост. Утром чувствуешь большую усталость: кажется, что грудь пуста, глаза сами закрываются, в них только мутные серые круги мелькают. И так изо дня в день, из месяца в месяц, пока ранят или убьют. Когда кого-нибудь ранят, мы завидовали ему, не потому, что ранен, а потому, что поспит в тепле да еще разденется, очень уж дорогой сон...

...Было и так: поступил приказ изготовить за ночь блиндаж, замаскировать и соединить с главным ходом траншеей. За ночь не успели вырыть на полный профиль траншею. Приказ закончить работу днем. Начали копать. Боец должен стоять на коленях и так работать, чтобы противнику видно было только лопату, как она выбрасывает землю, а он встал во весь рост и начал копать. Мы его осадили и сказали: «Что ты делаешь, ведь снайпер сшибет наповал». Парень сказал, что ему такая жизнь не нужна. «Смотри, глупости не делай», – и сами пошли в блиндаж покурить. Вышли, глядим, лежит солдат, а около него лужа крови. Прямо в висок угодил ему немец. А ведь боец грамотный был, а вот трудностей пережить не смог.

Зима 1943 года. Северо-Западный фронт. Леса, глубокие снега. Морозы жестокие. И ко всему этому ноющий вой снаря-

дов, мин и посвист пуль. Переходы длинные, утомительные. Команда «привал» кажется спасением. Разгребаем снег под ногами, чтобы прилечь отдохнуть. Тело стынет, и подкрадывается предательский сон, но командир будит через 25-30 минут – греться, снова команда и снова поход...

Станция Великие Луки, конец декабря 1943 года. Ехали на пополнение из госпиталя и вот, проходя станцию и город, мы увидели, что нет ни одного целого дома, все разрушено, даже стен и тех нет, видны только груды камней. Вышли за город. Наступила ночь. Нужен отдых, кругом пустынное место, изрытое траншеями. К вечеру поднялась метель, и негде укрыться: отступая, немцы все сжигали, редко где дома или сараи оставались целыми. Команда: «ночлег». А где прикорнуть уставшему солдату? Кругом чистое место. Мы с одним солдатом нашли конец траншеи, спустились в нее, сняли шинели, обвернулись ими, накрыли головы, сели на корточки, обняли друг друга и дремали до рассвета.

С утра дотемна шагаем по бездорожью, а где следующую ночь придется ночевать – неизвестно...

Дело было глубокой осенью 1944 года в Латвии. После одного наступления и обороны осталось в стрелковых ротах по 5-6 человек. К нам в батальон прибыло пополнение около 200 солдат, во второй батальон из Молдавии. Некоторые были из города Бельцы. Большинство солдат из этого пополнения с оружием не были знакомы. Как всегда, доучиваться приходилось на передовой. Однажды меня вызвал командир батальона и спросил, знаю ли я ручной пулемет, я ответил, что знаю. «Так вот, завтра с утра приду с ротой солдат, будешь обучать», – сказал командир батальона. Местом занятия была ниша глубиной в 1 метр, в ней расположились 5-6 человек и я. Молдаване не знали русский язык, а я молдавский, а учить надо было. Как же быть? Пришлось показывать мимикой и жестами. Беру диск, оттягиваю и вкладываю патрон за патроном. Даю одному, другому, пока все освоят, дальше учил, как привести пулемет в боевую готовность и вести огонь. После 2 - 3 дней сделали экзамен. Нашли сковородку, поставили к стенке обрыва, каждый дал по 2-3 короткие очереди по ней. Так были окончены дневные курсы ручных пулеметчиков.

Латвия, февраль 1945 год. Начали оттепели. Днем пошли дожди со снегом, все насквозь промокли, а к вечеру ударили заморозки, обмундирование застывало, и согреться невозможно. Нагнешь полу шинели, и она ломается...

ВОСПОМИНАНИЕ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

Что было, то было, не выкинешь из головы. Все прибыли из армейского запасного полка в 199 гвардейский стрелковый полк, пришли в роту, нас выстроили и начали выдавать оружие. Подошел ко мне командир роты и говорит: “Будешь у меня ординарцем”. Старшина дает мне автоматы. – “Это твой номер такой-то, а это - командира роты, номер такой-то”.

Между деревьев закрепили жерди, сделали пирамиду для оружия. Прозанимались около недели. Ранним утром 9 марта вышли на исходные рубежи для наступления. День был солнечный, просидели целый день, как только стемнело, снялись и пришли в свое расположение. Как потом узнали, на исходном рубеже роты были оставлены три солдата с ручным пулеметом.

Немец чувствовал, что-то тут готовится, разведывал местность и вступал в перестрелку с боевым охранением. Уснули, нам показалось, что только легли, как снова тревога. В то утро был сильный туман. Заняли свои исходные места, командир роты и взводные находились в очень большой воронке от бомбы, в ней установили телефон. В небе стало светать, а над землей стоял густой туман. И вот немцы закричали в своих траншеях, что идут в наступление. Туман, ничего не видно, все начали стрелять. Я тоже дал одну-другую очередь. И вдруг кто-то меня огрел по голове, искры из глаз посыпались. Не сообразил, что произошло, развернулся вправо, гляжу, передо мной стоит командир роты и говорит: “Почему твой автомат стреляет, а мой нет?” Не знаю, что отвечать, он выхватил у меня автомат, а свой бросил и сказал: “Пусть тебя убьет!”

Взял я этот автомат, попробовал диск, он шатается в гнезде – ясно, перекося диск. Разобрал, высыпал патроны, вынул улитку. Взял затвор, положил на приклад автомата корпус диска, постукал по нему изнутри затвором, собрал пустой диск, воткнул, туго, значит все в порядке. Протер, смазал, дал короткую очередь. Ну, все в порядке.

Солнце начало хорошо греть, а у моего командира пересохло во рту, он больше нормы выпил. У меня на боку его фляжка, в ней еще немного было. Он говорит: “Иди на кухню и принеси чаю”. Тут взводные говорят: “Что вы делаете?” А он говорит, что не ваше дело, приказываю.

Ну что ж, надо идти, снял вещмешок, шинель, взял котелок, автомат, хотел выпрыгнуть через бруствер воронки, а впереди постепенный подъем к нашей траншее, ну, думаю, что будет, пойду перебежками петлять. Только хотел выскакивать, как со всех сторон загремело, началась артподготовка. Думаю, теперь пойду во весь рост, но тут команда: “Отставить”. По телефону передали - подниматься в атаку. Пришлось выскакивать первому вперед, а за мной пошли и другие. Мы стали приближаться к маленькой возвышенности, и меня ранило в шею. Это было 10 марта 1944 года в районе города Полоцка...

**Воспоминания подготовили Насырова Римма, Суцевская Алла –
главные специалисты ГАКО.**

Любовь Межуева

НА СЧЕТУ СОРОК ДВА ФАШИСТА

Любовь Семеновна Межуева родилась в поселке Старая Леля Свердловской области. Сандружинница, снайпер.

Награждена орденом Славы III степени, медалями. Живет в рабочем поселке Лебяжье.

Хотя ватник туго перетянут ремнем, на солдатские галифе для тепла надеты еще стеганные брюки, а на ногах валенки, морозец все равно донимает. К тому же от долгого лежания в неглубоком окопчике затекло все тело. Эх, сейчас бы кружечку кипяточка! Но об этом и думать нельзя. В нескольких десятках метров немецкие траншеи. Мы с напарницей еще затемно пробрались сюда, замаскировались, а сейчас уже вторая половина дня. Фашисты осторожны, но и мы терпеливы, ждем, что все равно мелькнет в ходах сообщения голова фрица.

Что самое главное в работе снайпера? Выдержка, умение ждать. А не будет этого – погибнешь сам, потому что охотились не только мы, но и за нами, в том числе и снайперы. На мне однажды прострелили шапку, в другой раз пулей разбили оптический прицел у винтовки.

Снайпером я стала не сразу, сначала в июле сорок первого были курсы сандружинниц. Я, семнадцатилетняя девчонка, даже закончить их не успела, как отправили весь набор в са-

нитарный эшелон, курсирующий между Москвой и линией фронта и собиравший раненых для отправки в тыл. Сгибаясь от тяжести, таскали мы носилки с ними, помогали при перевязках. Так продолжалось почти год. А потом меня и еще несколько крепких девчат отобрали в снайперскую школу, после окончания которой были 3-й Белорусский фронт, 31-я армия, 508-й стрелковый полк. До сих пор помню, как, возвратившись с позиции, рыдала в землянке, когда убила своего первого немца. Знала, что для этого и училась и что это враг, но ведь человек же...

Шли месяцы войны, увеличивался в моей снайперской книжке счет мести. Однажды там появилась запись: “Сегодня от моей пули нашли смерть 14 фашистов...” А случилось это так. При отступлении наш взвод занял оборону в одном из сараев. Я и еще двое девушек-снайперов забрались на сеновал, оттуда местность просматривалась, как на ладони. Фашисты шли, не боясь, в полный рост. Один за другим падали от наших выстрелов гитлеровцы, а мы все стреляли и стреляли, не остановились даже тогда, когда на сеновале от немецкой зажигательной пули вспыхнуло сено, а внизу отбивались наши солдаты. И мы выстояли, враги отступили. За этот бой я была награждена орденом Славы третьей степени. Последнего своего фашиста убила цветущей весной 45-го в Германии, и оказался он по счету сорок вторым.

Когда формировали наш взвод, было в нем 30 девчат-снайперов, до Победы, которую встретили в Праге, дошли лишь 13. Кого-то ранило, кого-то накрыло миной при обстреле, кого-то убили во время охоты, как называли мы свои вылазки. Последней 7 мая сорок пятого погибла хохотушка Тамара Данилова, опередил ее немецкий снайпер. Была она первой из погибших во взводе, кого похоронили со всеми почестями. Нам с моей лучшей подругой и напарницей повезло, хотя ее и ранило. Дружбу свою фронтовую поддерживали и после войны, даже друг к другу в гости ездили.

А мирная моя жизнь связана с самым чудесным земным делом – его величеством Хлебом. Долгие годы работала на пищекомбинате, затем возглавляла коллектив хлебозавода. Говорят люди, кажется, получалось неплохо.

Записала Людмила Жорнова

Семен Панфиленко

ОТ ПЕРВЫХ БОЕВ ДО ПОБЕДЫ

Панфиленко Семен Григорьевич родился в 1918 году в селе Ново-Ильинка Петуховского района. На военную службу призван в 1938 году. Служил в 40-й стрелковой дивизии на Хасане. Уволен в запас 9 октября 1940 года. На Великую Отечественную войну призван 14 июля 1941 года. Служил в составе 5 Гвардейской стрелковой дивизии.

1 февраля 1942 года тяжело ранен. Инвалид войны.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», имеет восемь благодарностей Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина.

В первых числах июля 1941 года получил повестку, и четырнадцатого числа меня вместе с Акимом Масловым направили в Челябинск. Здесь нас переодели в военную форму, выдали по банке сгущенного молока и отправили под Брянск. Ехали долго, но весело. Духа не теряли, все рвались в бой. А я тем более, ведь за службу на срочной закончил школу младших командиров. Готовили нас десантниками на Хасан. Умел обращаться с минометами и артиллерийскими орудиями. Только эшелон достиг станции Бор места назначения - как был обстрелян немецкими штурмовиками. Чудом удалось спасти личный состав, а железнодорожный состав был полностью уничтожен. Это было первое крещение огнем. Жут-

ко смотреть, как пикируют самолеты, а у нас даже винтовок не было. Дождались ночи, нас погрузили на машины. Наученные фашистами, фары не зажигали, а на капоте лежа расположились солдаты. Оказалось, что не зря опасались. Только стало рассветать, в небе поднялась «колбаса» - так мы стали называть аэростаты, и с неба полился огонь. Очень много нашего брата погибло. Так что, еще не встав в строй, дважды чуть не погиб.

Впервые участвовал в бою с оружием в руках в начале августа 1941 года. Подразделению - человек до тридцати - была поставлена задача, выбить немцев из леса, сковать действия врагов, чтобы наши основные силы смогли совершить маневр. Это сейчас я понимаю, что шли на верную смерть, ведь нам даже не объяснили, куда в случае успеха нам нужно будет вернуться. Когда до леса оставалось метров 25-30, немцы открыли шквальный огонь из автоматов. Залегли. Кто уже и убитый был, кто раненый. Я заметил за березой пулеметчика. Решил под прикрытием огня товарищей приблизиться к фашисту с фланга и поразить его наверняка. Где по-пластунски, где перебежками зашел пулеметчику в тыл, нажал спусковой крючок, а винтовка отказала. Тогда от ярости я вскочил и как бежал, так и заколол фашиста штыком. А винтовку разбил о дерево, так она меня подвела.

Огонь стих, огляделся. В живых осталось нас только трое. Но и немцы отошли. Худо без оружия, а тут возле погибшего снайпера винтовка лежит. Поднял я ее, затвор проверил, патроны - все в порядке. Стал осматривать опушку леса в оптический прицел. Вдруг вижу, что-то блеснуло. Наверно каска немецкая - подумалось. Выстрелил, а немчур сразу набок перевернулся. К нему второй на помощь, но у меня патроны были и на его пай. Так что оба в траве остались. Но немцы не отступили, а под прикрытием двух танков двинулись в нашем направлении. Два моих товарища стреляли из винтовок, а я из немецкого же пулемета начал по фрицам «поливать». Сколько их попадало и не знаю, только стали они отходить. Решили, что одному из нас нужно к своим пробиваться за помощью. Но только вышел он из укрытия как попал под обстрел танков и погиб.

Двоем дождались вечера и смогли вернуться на исход-

ную позицию. наших никого нет. куда идти, не знаем. А ночью с трех сторон стали загораться немецкие осветительные ракеты. Вот мы и пошли в сторону, где не было ракет. К утру наткнулись на конных разведчиков и вскоре были в своей части. Было это под Ельней возле деревни Ежода.

За время службы видел очень много трагичного. Но один эпизод запомнился наиболее отчетливо. В начале сентября 41-го часть перебазировалась из-под Вышнего Волочка под Тулу железнодорожным эшелоном. Я как командир отделения связистов получил задачу обеспечить связь в составе. Посты организовал так: один - в конце эшелона, второй - в штабном вагоне, а сам расположился на паровозе. Ночь была душная, вот я и вышел покурить в тамбур. Смотрю, вдруг две звезды стали резко увеличиваться. Это же немецкие бомбардировщики - понял я. Крикнул машинисту - «Полный ход!» А бомбы уже свистели в воздухе. Состав увеличил ход, несколько мощных фугасов разорвались в хвосте эшелона. Три вагона были разбиты, но основная часть была спасена.

Связиста моего отделения взрывной волной сбросило с вагона, но он остался жив. Через несколько километров состав остановили, людей и технику стали сгружать. К утру пешком добрался до своей части и мой подчиненный. Но его «тройка» - два особиста и заместитель командира части - признали трусом и дезертиром. Суд и расправа были скорыми. Он был приговорен к расстрелу и на глазах солдат поставлен на колени и расстрелян. Не знаю, кого я больше тогда ненавидел - фашистов или эту «тройку».

Вообще самыми тяжелыми и страшными были первые месяцы войны - до февраля 1942 года. В ноябре 41-го года закончил в Серпухове школу радистов разведчиков корректировщика огня. Дважды ходил в тыл к врагу. Во время второго выхода - 1 февраля 1942 года - был тяжело ранен разорвавшейся миной в левую лопатку и голову. Осколок размером 1,5 на 2 сантиметра до сих пор ношу в себе.

Прошел всю Россию-матушку, добрался до Берлина. Имею благодарность И.В.Сталина за участие в полном окружении Берлина. И в самой фашистской столице побывал.

3 мая 45-го наша часть стояла в пригороде Берлина - Шпандау. Заместитель командира части майор Афанасьев поехал в

город и я с ним. Нужна была рация. Запрыгнул в кузов. Едем. На окраине у одного из домов заметил антенны. Пока проверял что да как, осматривал радиостанцию, машина уехала. Как до расположения добираться? Смотрю, велосипед у стены стоит. Вскочил и поехал. Да видно заблудился, потому что вскоре в самом Берлине оказался на площади. Зашел в ближайший магазинчик и вдруг услышал разношерстный говор. По Европе - то уже походил, поэтому и понял, что разговаривают немцы и австрийцы, итальянцы. Выглянул во двор, а он полон солдатами в немецкой форме, с оружием. «Вот – думаю, Сема, и отговаривался ты...» И меня заметили. На ломанном русском спрашивают: «Русс?». «Я, я» - только и смог я ответить, а сам по стеночке, стеночке и к велосипеду. Запрыгнул и давай крутить педали, все автоматной очереди в спину ждал. Да видно этому «интернационалу» война тоже надоела. А в части командир сказал, что это должно быть дезертиры были, почувствовали близкий конец фашизма вот и подались по домам.

После войны еще больше года проходил службу в Германии. Пришел домой в июне 1946 года. Хорошего ничего. На работу не принимали. Кому нужен был инвалид? Осколок не давал возможности физически работать, часто приходилось лечиться. Но все же повезло. По рекомендации Александра Михайловича Чеснокова - заведующего делопроизводством Петуховского райвоенкомата - в 1949 году был принят на должность начальника финансово-хозяйственной части райвоенкомата. Проработал в военкомате в самые тяжелые послевоенные годы с подполковником Суховым Валентином Степановичем, позднее с подполковником Яковлевым Иваном Николаевичем, а так же с офицерами Шуршалиным, Соколюк, Ежовым, Комаровым, вольнонаемными Александрой Лагутиной, Ниной Чесноковой. Коллектив был спаянным дружным. Особенно тепло вспоминаю о военкоме Иване Николаевиче Яковлеве, кадровом офицере, фронтовике-комбате. Редкой души был человек.

К сожалению, в 1958 году мое здоровье совсем ухудшилось. Операцию сделали лишь в 1961 году под руководством доктора Витебского, а осколок так и ношу в себе.

Сейчас многое не помнится что было пять лет назад, но войну мне не забыть никогда.

Иван Архипов

Я БРАЛ

БЕРЛИН

Иван Александрович Архипов родился 15 апреля 1917 года в селе Половинном Усть-Уйского (Целинного) района. Сапер, ефрейтор, коммунист.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1 и 2 степени, медалями “За оборону Сталинграда”, “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина”.

Мой боевой путь начался в 1942 году. Был сапером. Сначала нас направили на Северо-Западный фронт, к озеру Селигер. Держали оборону там два месяца – июнь и июль. 28 августа, как сейчас помню, прибыли под Сталинград, а 4 сентября при разминировании минного поля меня ранило. Ранение было пулевое, к счастью, не очень тяжелое – в руку, но в госпитале все же пришлось полежать. Вернулся в свое подразделение, да ненадолго: 11 декабря того же года снова госпиталь. А после, в составе 363-й отдельной мото-разведроты, участвовал в боях на Орловско-Курской дуге. Дошел до Днепра, при форсировании которого был ранен. Возвратившись в строй, опять стал сапером.

Мечта о вступлении в партию была, а смелости написать заявление не хватало. Смущало, что образования недостаточно. И вот однажды в 1944 году вызвал меня политрук и спрашивает: “Боец Архипов, не желаешь вступить в партию?” Как же не желаю! Рассказал ему о причине, которая меня бес-

покоила. “Это не так важно. Зато воюешь отважно”, - говорит. Написал я заявление, дали мне рекомендации. И на польской территории, у Вислы, приняли меня кандидатом в члены партии.

Партийный билет получил я 22 апреля 1945 года, в день рождения Ленина. Мы как раз подошли к окраинам Берлина. Подступы к нему были заминированы. Противотанковые рвы, металлические рогатки и надолбы преграждали путь. Получили приказ разминировать дорогу. Это пришлось делать под сильным огнем. Когда наши войска вступили в предместья Берлина и бои шли за город, вызвал меня майор Калинин, заместитель командира батальона по политической части. “Ефрейтор Архипов! Давай-ка, приводи себя в порядок: побрейся, подшей чистый воротничок. Мы с тобой поедем в политотдел армии...” Приехали. Сидят офицеры, все незнакомые. У меня аж сердце захватило. Думаю: “Спросят сейчас что-нибудь по партийной линии такое, чего я не знаю”. “С уставом партии знаком?” – спрашивают. “Знаком, - отвечаю, - и признаю”. “А кто может быть членом партии?” – ответил и на этот вопрос. Больше вопросов не было. Здесь на окраине Берлина, и вручили мне партбилет.

А 2 мая получили приказ разведать рейхстаг. Вчетвером в 2 часа ночи и отправились туда. Берлин горел, кое-где слышались выстрелы, но пушечных не было. Когда рассветало, мы, пробираясь по городу, заметили у стены советского капитана. Он подозвал нас и крепко выбранил. Говорит, такой большой путь прошли, через всю Европу, а теперь ведете себя так неосторожно. От него и узнали о капитуляции фашистской Германии.

Добрались до рейхстага, а уж наша пехота тут! На стенах – сплошь росписи победителей, места живого нет. Все-таки, взобрались друг другу на плечи, и мы оставили свои фамилии.

Трижды сваливали меня фашисты, но назло им я выжил, дошел до Берлина и расписался на поверженном рейхстаге.

Записала Людмила Жорнова

Анна Симонова

СТРАШНО БЫЛО, НО...

Анна Назаровна Симонова родилась в 1918 году в деревне Ик Островского сельсовета Юргамышского района. Воевала. Радист. Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями. После войны вместе с мужем вырастила двух сыновей и дочь.

Мне в 1942 году исполнилось двадцать четыре года, когда я написала в военкомат рапорт с просьбой направить на фронт добровольцем. Пришла повестка и меня вместе с другими девушками привезли в Свердловскую школу радистов. Через семь месяцев, после учебы, я была на 4-м Украинском фронте, в 10-м гвардейском авиационном истребительном корпусе.

Со своей радиостанцией прошла военными дорогами Воронеж, Белую Церковь, Польшу, Чехословакию, Германию.

Вроде бы опасно и страшно было, но... Наша радиостанция обычно находилась в 60-80 километрах от фронта. Сидим в "благоустроенном" месте, офицеры штаба руководят боем, а мы, радисты, передаем команды летчикам.

Я не видела, что такое бой самолетов, - я радистка, но радиостанция всегда была настроена на волну наших летчиков. И я знаю, потому что слышала это нечеловеческое напряжение наших ребят. Иногда слышала: "Петя, сейчас я захожу ему в ж.. (т.е. в хвост). Друг, я его срубил!" И тут же: "Петька, спра-

ва двое, уходи! Я прикрою!”

Крепко “говорили” наши летчики. Но как только мы передавали просьбу-приказ Гаврилова на этот счет, речь летунов становилась без “вводных выразительных” слов. “Гаврилов” – это был позывной генерал-майора, командира корпуса Головина. Его все очень уважали, не только потому, что он сам летчик и командир, но, оставив сынишку на попечение наземных аэродромных служб, его жена, тоже истребитель, участвовала в боевых вылетах. До сей поры не могу представить, как ему доставалось – он с земли командует сражением в небе, а в этом бою – его жена!

Все было на войне. В Закарпатье, слишком приблизившись к передовой, мы попали в окружение. Как могли, спрятались. Начальник радиостанции уже приготовился взорвать машину, чтобы не досталась фашистам станция, документы, позывные, коды, чтобы мы в плен не угодили. Не хотелось верить, что погибнем. Но наши рванули! И сейчас помню, как мы ревели от счастья, что все обошлось.

Гнали гитлеровцев на запад. Уже в Польше шли бои. Случилось – наша радиостанция вышла из строя, вызвали другую, резервную. Идут радисты, солнце светит, тишина и вдруг взрыв – мина! Как это больно и страшно, только что были вместе, говорили, смеялись и... все – нет друзей, нет тех, с кем шел долгие дни и ночи военной години.

А для меня война памятна еще и первой любовью. Встретились, полюбили, мечтали о послевоенной жизни. Цветок – дочка. Не сбылось, не состоялось – война, будь ты проклята!

... Я дежурила на радиостанции. Устала. Идет какое-то сообщение – не вдумываясь фиксирую, но через секунду поняла – Победа! Выбежала, заорала – сбежались все, летчики, обслуга. Не передать, что творилось – обнимались, плакали, стреляли в воздух боевыми ракетами...

Домой я вернулась 23 июня 45-го.

После войны работала в воспитательной трудовой колонии, семнадцать лет в лесхозе – после войны-то, где взрывы, гром, дым, смерть – тишина, покой...

С мужем Александром Михайловичем Руфманом воспитали детей. Представляете, семь внуков у меня, есть правнуки.

А память о войне всегда со мной.

Михаил Васильев

ИЗ ЖИЗНИ РАЗВЕДЧИКА

Михаил Александрович Васильев родился в 1918 году в деревне Малье Хохлы Мишкинского района. В 1931 году родители переехали в Катайский совхоз. Там он вырос и работал сначала скотником, затем механизатором.

1 февраля 1942 года был призван в ряды Красной Армии. Сражался на Карельском фронте в составе 272-й стрелковой дивизии в 359-ой отдельной разведроте. Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Славы 3-й степени, медалью “За отвагу” и другими.

Поначалу мы действовали между Онежским и Ладожским озерами в районе городка Лодейное Поле, что стоит на реке Свирь в Ленинградской области. Наша задача состояла в обеспечении командования необходимыми сведениями о противнике. Мы ходили в тыл врага, брали пленных, порой ценою жизни наших товарищей. Короче говоря, на брюхе “пропахали” пол-Европы. Мне лично пришлось брать трех “языков”.

Отмечен орденами и медалями, благодарностями Верховного Главнокомандующего Сталина за форсирование реки Свирь, за овладение городами Хаммерштайн, Руммельсбург, Кезлин, Кольберг, военно-морской базой на Балтийском море городом Гдыня, городами Штральзунд и Рюген.

Был трижды ранен, участвовал в Параде Победы, демоби-

лизовался в декабре 1945 года.

В 1965 году приехал к родственникам в село Одино Мокроусовского района, да так здесь и остался. Два моих брата Василий и Андрей погибли на войне.

В переписке со своим боевым товарищем, бывшим командиром отделения разведчиков Борисом Васильевичем Циликиным, проживающим в Пензенской области, не раз вспоминали минувшие дни, фронтовые дороги, вылазки в тыл врага.

Помню, как мы брали портовый город Данциг. Враг оказывал сильное сопротивление. Атакующие бойцы разведроты не раз отходили в свои траншеи.

- Васильев, на КП!

У блиндажа догнал еще пятерых бойцов из своей роты. В двери вошли гуськом. Седеющий суховатый майор поднялся из-за дощатого стола, оглядел нас. И как-то совсем не по-военному заговорил:

- Вот что, орлы. Дзот видели?

- Так точно! - за всех ответил я.

- Потери в полку большие. И не только у нас одних, - продолжал командир полка. - С каждым часом, с каждой атакой выявляются все новые огневые точки противника. Здесь, оказывается, разработанная система сопротивления. Чтобы раскусить ее, нужен "язык". Вам, ребята, поручается взять "языка". Подойдите к карте. Вот наша передовая, вот боевое охранение противника - дзот. Расстояние 600 - 700 метров. Кто из вас помнит расположение всех предметов на пути от передовой до дзота? Нанесите на карту.

Я взял карандаш и стал рисовать нейтральную зону, черные воронки, разбитую технику.

- Молодец! - сказал майор. - Как ваша фамилия?

- Рядовой Васильев.

- Хорошо. Вы назначаетесь старшим группы захвата.

Когда мы вышли из землянки, стояла ночь. Далеко за окопами ухнул тяжелый снаряд, вынырнул и снова скрылся за облаками желтый диск луны. Вдруг ударила наша артиллерия. Сплошные разрывы покрыли передний край фашистов. Огненные столбы в безудержной пляске вставали во весь рост.

- Давай жми, ребята! Для вас братцы-артиллеристы стараются. Молодцы!

Артподготовка кончилась так же неожиданно, как и началась. Дзот некоторое время молчал, затем снова начал свою смертельную работу.

Не первый раз выполнял я подобные задания, а на душе тревожно: сегодня я старший группы захвата. Оглянулся, прислушался. Бойцы ползли рядом - цепочкой друг за другом. Ребята опытные. В ночном поиске они не в первый раз.

Мысли прервала взвизывая в небо ракета. При ее мертвенном свете снова ощутил странное явление, когда подчиняясь какому-то смутному чувству, весь врастаешь в землю, как будто этот свет давит на тебя стотонным грузом.

За первой ракетой последовала вторая, третья...

- Неужели обнаружили? Неужели не выполним задание? Нет, этого не должно быть! - мысли роем понеслись в голове. Показалось, все настроено против разведчиков. Вот и ракеты висят бесконечно долго, и луна не скрывается за рваными облаками, и облака поределели. Перед колючей проволокой пришлось ползти еще медленнее. Саперы то и дело извлекали мины, делая проход. Вот и колючая проволока позади. У нее осталась группа прикрытия. Вот и дзот. Можно разглядеть его смертельный глаз - амбразуру.

Остались последние метры. "Только бы не обнаружили!" А в небе снова повисла предательская ракета фашистов. Сильнее сжимаю автомат, прижался к земле. Дзот молчит, подозрительно осматривая одиноким глазом пространство.

В этот момент был готов на все. Но надо выждать. Ракета погасла. Группа захвата продолжала ползти под огнем пулемета. Сейчас уже пули свистели над головами. В десятке метров от дзота замер. Второй разведчик лег рядом. Как только пулемет смолк, к дзоту метнулись двое: я - к ходу сообщения, второй боец - к амбразуре. Пулемет снова застучал, но тут же его заглушил разрыв гранаты.

Кинулись в дзот, там темно, дым щиплет глаза. Запнулся за что-то мягкое, упал. Догадался: фашист. Схватил его за руку, она повисла, как плеть, но пульс был. В двери вбежали товарищи, помогли вытащить и перекинуть фашиста за бруствер.

Немцы открыли огонь, когда мы уже миновали нейтральную полосу.

Записал Иван Кокорев

Пётр Бородин

ОХОТА ЗА «ЯЗЫКОМ»

Пётр Васильевич Бородин родился 17 августа 1926 года в деревне Санино (с. Кетово). Был призван в армию 2 ноября 1943 года.

Воевал в составе 61-й армии 1-го Прибалтийского фронта. Служил в полковой разведке.

В начале ноября 1944 года стали в оборону. Работы разведке прибавилось. Кроме данных, какие обычно добывали командованию, необходим был «язык». Днями вели наблюдение за передним краем, ползали, выискивая удобные места для прохода в расположение противника. Но все безуспешно. Решено было провести разведку боем в составе стрелковой роты. Задача разведчикам - ворваться вместе с пехотой в окопы немцев, захватить пленного и, не ввязываясь в бой, быстро отходить. Но и эта задумка не получилось. Рота имела потери и с боем отошла.

Снова неделю ползаем по переднему краю. Облюбовали место, где можно было блокировать пулеметное гнездо. Группа захвата 5 человек. В ней и мы со своим закадычным дружкой Николаем Силичем. Задача - засветло выдвинуться на исходную позицию. С наступлением темноты проникнуть в расположение врага.

Вначале было все, как и предполагалось. Пулемет немцев в какой-то сотне метров от нас. Залегли среди деревьев, ждем

темноты.

Но вдруг с боку полоснула по нам автоматная очередь, затем вторая, третья. Попали под сильный автоматный огонь. Мы с Силичем залегли у толстой сосны. Я справа, он слева. Обнаружили, откуда по нам ведут огонь, увидели немцев, пытавшихся отрезать нам отход. Полоснули из автоматов по ним, и снова нас прижали огнем. Одна очередь видимо была дана именно по нам с Силичем. Пули цокнули возле моего лица в ствол сосны наискось, а одна ударила Силича в кисть руки. По очереди вдвоем отходим вместе с раненым, двое прикрывают огнем, затем меняемся. Последнюю сотню метров пришлось передвигаться по совершенно чистому месту под сильным огнем. А тут ударили по нам и пулеметы немцев. Соскочили мы в рост и до траншеи бежали. Наша пехота прикрыла нас огнем. К счастью, больше никто не пострадал.

Через несколько дней облюбовали место, где не могут даже и предполагать, что «русс» полезет. Голая, без единого дерева и кустика высотка, поперек ее немецкая траншея. На самой середине высоты немцы оборудовали блиндаж. Днями с наблюдательного пункта мы за ними следили в стереотрубу. Ночами ползали, проверяя место подхода. Казалось, все будет удачно.

Дождавшись темноты, вышли на задание. Группа захвата, все добровольцы, 5 человек. В ней вместе со мной мой сосед и бывший мой прицепщик на гражданке Лушников Аркадий. Место действия - на стыке нашего 1321 и соседнего 1326 полка. Мне было приказано ползти на стык с соседями из 1326 полка, предупредить пулеметчиков, чтобы в случае чего нас прикрыли огнем. Там-то случайно оказались наши земляки. Командиром пулеметного расчета был Васильев, паренек из нашего района.

Попрощавшись с пулеметчиками, я вернулся к разведчикам. К фрицам мы ползли цепочкой, один за другим. Только вылезли на опасное место, вдруг свет резанул по глазам. С шипением взвилась осветительная ракета. Немного спустя - вторая, третья. Вжимались в землю. Замирали. Переждав, снова ползли. Свет ракет помог отчасти нам сориентироваться и выползти точно на цель.

Когда были уже у самого бруствера, снова ракета. Но нем-

цы и думать не могли, что мы под самым носом лежим. Вышел один из блиндажа, поежился, покряхтел и ушел. По нашим расчетам, в блиндаже должен остаться один. Прыжок в траншею. Я оказываюсь прямо перед входом, который завешан плащ-палаткой. (Они не успели еще доделать.) Срываю левой рукой плащ-палатку, врываюсь в блиндаж. Темнота. Немец, услышав вторжение, что-то спросил. Я на звук голоса кинулся и угодил левой рукой ему прямо в лицо. Вцепившись мертвой хваткой, не успел даже опомниться, как рука фрица ухватила меня за горло, да так сильно, что я не в силах высвободиться. Оказался на коленях прижатым к стенке блиндажа. Между нами диск моего ППШа, давящий в грудь. Мелькнула мысль: «Если сдамся, погибну сам и погублю всех ребят, а на меня надеются».

Собрав последние силы, рванул автомат. На мгновение давление ослабло, правой рукой пытаюсь ухватить немца за горло, но безуспешно. Ухватился за ворот шинели, рванул на себя. Освободив левую ногу, уперся в стойку блиндажа и навалился на немца. Прижал, но не могу вытянуть его в траншею. Тихо прошу: «Тяни ребята». Они подхватили и вытянули нас в траншею. Забили в рот немцу рукавицу и поволокли. В минном поле был сделан проход. В спешке, видимо, мы отклонились немного. Немец артачится, вырывается. И вдруг раздался вопль. Видимо рукавицу выплюнул и заорал: «Мин-мин». И в это время вспышка, удар по ногам, голове, правой руке. Полностью слепну и гложу. Пытаюсь левой рукой подтянуться, ползти. Но силы покидают меня, теряю сознание.

Как-то вся жизнь, все, кого знал, родные, близкие промелькнули в мыслях. И еще какое-то мгновение пытаюсь сопротивляться смерти. «Эх. Знали бы родные, где и как умер».

Очнулся. Тишина полная. Что-то белое. Как в тумане плывет. Не пойму, что со мной, где я? Снова теряю сознание. И снова очнулся. Сколько продолжалось, трудно сказать. Постепенно левым глазом стал различать то белое пятно. Это, оказалось, медсестра ходит по палате. Без сознания был 13 суток. Когда окончательно пришел в себя, понял все и вспомнил все подробности. Жив...

Иван Аистов

**ИЗ
ФРОНТОВЫХ
ИСТОРИЙ**

Аистов Иван Михайлович родился в 1919 году. Призван в армию в 1939 году. Прошел войну с первого до последнего дня. Воевал на Юго-Западном, Западном, 1-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. Освобождал Украину, Белоруссию, Польшу, наступал на Берлин и закончил войну в Праге. Имеет два тяжелых ранения, контузию. Награжден орденом Александра Невского, тремя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды и многими медалями. После войны до ухода на пенсию работал на Курганском машиностроительном заводе имени Ленина.

К ЧЕРТУ НА РОГА

Жарким июльским днем 1944 года я лежал в конной повозке, усталой сеном, которая увозила меня прочь от передовой. Мой ординарец — Ваня-хохол, как он мне потом рассказывал, сидел, управляя лошадей, в передке фуры и с тревогой наблюдал за мной. Я не подавал никаких признаков жизни.

Ординарец волновался, я же не понимал, что со мной. Было такое ощущение, что меня, словно острым колом, проткнули с головы до пят и пригвоздили к повозке. Ни подняться, ни пошевелиться. Живыми мне казались только кисти рук. Но странное дело. Я почему-то живо вспомнил, что ординарец мой —

форсун и щеголь — всегда носил в кармане гимнастерки кругляшку-стекляшку в красивой оправе. И я, имитируя глазами и на ладонях, показал ему, что мне надо увидеть свое лицо. Он сразу же понял, потянулся было к карману, но вдруг задумался: он-то знал, что с моим лицом. Но я ждал, и Ваня не выдержал, поднес зеркальце к моим глазам. Я не узнал себя. Наложённая многослойная марлевая повязка вокруг головы, через подбородок, закрывала все лицо, и виден был только полукрытый рот. Но он мне тоже не подчинялся: я не мог вымолвить ни слова.

Мир во всей своей неприглядной действительности увидел я лишь в полевом госпитале. Ординарца со мной уже не было. Я остался один. Там таких, как я, коих судьба еще оставила в живых, было столько, что некуда девать. Поэтому прямо в проходе коридора на полу, на сером матрасе разместили и меня. Мой жребий оказался счастливым: “Этого тяжелого, — показал врач на меня, — надо поскорее отправить дальше”. Мне сделали свежую перевязку и вскоре погрузили в крытый брезентом грузовик. А затем мучительная тряская дорога, и я — в эвакогоспитале № 01762 города Львова.

Госпиталь... Для кого-то это просто лечебное учреждение, для меня — неизмеримо большее. Только здесь я осознал, что тяжело ранен, и передо мною встал неумолимый вопрос: или—или. Или в 22 года я, никому не нужный инвалид и на всю жизнь — мучительно безрадостная жизнь, или я сумею встать на ноги, вернусь в строй и снова — на фронт, где остались мои друзья-однополчане.

С целым набором фронтовых увечий я на целых три месяца прописался в палате тяжелых челюстников. Особенно трудными были первые три-четыре недели. Мучительные, а порой невыносимые боли, не давали покоя ни днем, ни ночью. И только тайно выпрашиваемый у сестры морфий давал возможность заснуть хоть на короткое время. Поход в столовую для кого-то — приятное удовольствие и время общения, а для меня это всякий раз оборачивалось пыткой. Как поддерживали во мне жизнь, я даже затрудняюсь сказать.

Не прошло и недели после первой операции, как врачи сделали повторно операцию по извлечению оставшихся, не обнаруженных раньше костных осколков в челюсти.

И все же физические боли — куда ни шло, можно надеяться, что конец им все равно будет. Моральные удары на психику — куда сильнее. От них никуда не спрячешься, не убежишь.

Зеркало!!! Ты — кривое, козь исказило так мое лицо. Хотелось кричать на всю палату, хотя виноват-то я сам — не выдержал, посмотрел и вот расплата.

Не знаю, как повел бы себя на моем месте другой, но я запаниковал. Душу сверлила дьявольская мысль: “Кому нужен такой урод!”

И все-таки хорошо, что мир не без добрых людей. В “челюстной” палате дежурной медсестрой была Лида — милая, дорогая сестричка. Иначе у нас ее никто и не называл. Эта красавица по-детски радовалась каждому выздоравливающему и не стыдилась слез, если кто-то, не выдержав страшных фронтовых ран, умирал. Она всегда оказывалась рядом, когда мне было трудно, и не давала пасть духом. Первая она заметила, что я “загрустил не на шутку”.

На очередном обходе уважаемый доктор — мой лечащий врач — подсел к моей больничной койке, посмотрел в лицо. Потом они с сестрой перебросились какими-то медицинскими терминами, и я опять оказался в операционной. Операция была очень болезненной, но недолгой. Нижнюю челюсть удалось поставить на свое место.

Теперь на меня работало время. Оно стало моим союзником.

К концу второго месяца госпитального режима меня совсем разбинтовали. Врачи рекомендовали заниматься лечебной физиотерапией. Это значило — тренировать (разработать) челюсти так, чтобы в широко открытый рот входил чуть ли не весь собственный кулак.

Я уже не отворачивался от зеркала, не пугался своего отражения. Страшное — позади. Появился интерес к жизни.

В студенческие годы я увлекался рисованием, и теперь мне это пригодилось. Здесь, в госпитале, наглядной агитации придавалось первостепенное значение. Стенгазеты, “Боевые листки” по разному поводу, нехитрые госпитальные лозунги-призывы — были мне под силу. Словом, работы невпроворот. В палате меня “аттестовали” и почитали чуть ли не художником.

Но венцом моего пребывания в госпитале явилось пись-

мо, полученное от боевых друзей с фронта. Они желали мне скорейшего выздоровления: “Бьем фашистов в Польше. Скоро пересечем границу с Германией”. А в шутку добавили; “Долго не залеживайся, иначе и к шапошному разбору не успеешь”.

Ну что тут скажешь?! У меня словно крылья выросли, так и улетел бы туда, где гремела война. Заявил лечащему врачу, что мне уже снова пора на фронт. Но получилась осечка.

Начальник госпиталя Гришневич — мужчина средних лет, дородного сложения, как видно, бывший штатский, теперь — майор медицинской службы. Его подпись осталась доброй памятью на моей госпитальной справке о ранении. Кажется, он не очень-то удивился, узнав, зачем я пожаловал. “А ты, молодой человек, куда спешишь? — спросил он, распаясь все больше. — Может, скажешь что-то новое?” “На фронт”, — отвечаю. “На фро-о-нт, — растягивая слова, хмыкнул он. — К черту на рога! Вот куда!” — оборвал. И больше — ни слова.

Я понял, что отказать он не решался. Прощаться для меня — всегда трудно. Так было и в палате госпиталя. Тяжелые молча протягивали руки, не вставая с коек, а те, кто окреп и на ногах, следовали за мной к выходу целой ватагой. Зная наперед, что больше уже никогда не встретимся, желали “всего-всего”. С ними была и “милая, дорогая сестричка” Лида. Ее слова “останься живым” забыть невозможно. Она оказалась пророком.

Трогательно распрощавшись со всеми, вышел я за ворота госпиталя и ошалел: сам себе — хозяин. Катись колесом на все четыре стороны — и никто тебе не указ. Можно проваландаться месяц-другой у какой-нибудь недалекой подружки или пуститься в сомнительное путешествие — выбирай.

Но у меня одна дорога — на Запад, туда, где гремят пушки. Признаюсь вам, я немножко растерялся, да и не мудрено. Подумайте сами: в бушующем океане войны я знаю только одно: что мой полк воюет где-то в Польше. Но Польша — это не деревня моей юности. Ее просто пройти-проехать потребуются не одни сутки. И я, что называется, пустился вплавь, не видя противоположного берега.

И вот я в Польше. Это еще не конец пути, но уже появились зримые вешки, которые и привели меня на Сандомирский плацдарм, что за Вислой. Там вела бои 13-я Армия, а это

уже почти мой дом. Опять — с машины на машину, по ниточке, видной только мне: корпус, дивизия и, наконец, мой 134-й артиллерийский полк. Вот куда уже махнул — здорово! А вот и мои друзья-однополчане — командир дивизии Иван Бундюк, командиры батарей Володя Голубев, Рафик Павловский, снайперы-артиллеристы Овчинников и Ключев. Всех не перечесать, и всего и обо всех не перескажешь. Но если коротко, то, как на хоккейном корте, меня азартно тискали, хлопали, обнимали. “Живой, живой вернулся!” — кричали и все такое, что дорого каждому фронтовику. Но я никак не ожидал, что меня ждет впереди необыкновенный сюрприз, да такой! Не удержусь, возгоржусь и даже похвалюсь. Приказом по полку подполковник Богданов назначил меня командиром 1-й немецкой батареи 105-мм пушек. Дстойная встреча. Оружием врага по врагу бить не каждому довелось. Мне — повезло.

НЕВОЛЬНИЦЫ

И на войне случалось, что судьба даровала солдату минуту неожиданной радости. А, может быть, мы сами искали пусть даже незатейливый предлог, чтобы забыть, хотя бы на короткое время, о войне и пожарищах. Расскажу одну историю, участником которой был я.

Наш артиллерийский полк, в составе которого была и моя батарея, только что перешел польско-германскую границу и оказался на немецкой земле.

В доме, видно, очень богатого немца мы обнаружили двух девушек, которые закрылись в одной из многочисленных комнат особняка и не выходили, пока не закончился бой на улицах города и не послышались за стеной русские голоса. О, боже мой! Какая это была встреча! Мне трудно теперь, спустя более полвека, воспроизвести это так ярко и полно, как это было на самом деле. Мы, солдаты, опаленные войной, в первые минуты растерялись. Им было лет по 17—18. Измученные лица, заплаканные глаза, по всему видно — они вдоволь натерпелись страха, а от волнения, от внезапно нахлынувшего на них счастья — встречи со своими освободителями — они совсем потеряли, что называется, дар речи. Потом, заикаясь, спеша, перебивали друг друга, старались выговорить все разом, а мы, не понимающие всего происшедшего, долго

не могли определить, кто они, откуда и что с ними случилось.

А случилось с ними то же, что и с тысячами других девушек-невольниц, угнанных в Германию на работы. Я не распространяюсь в данном случае и о том, как им жилось в неволе, теперь нам это тоже всем известно, суть дела в другом.

По приказу свыше дальнейшее продвижение нашего полка в этот момент было приостановлено, его место в боевых порядках дивизии заняла другая артиллерийская часть, а мы неожиданно-негаданно получили короткий отдых, чтобы назавтра быть переброшенными на другое направление. Вот за эти-то короткие и относительно для нас мирные часы в нашей жизни так быстро и бурно стали развиваться необычные события, что, боюсь, кто-то подумает, будто это сказка-выдумка автора.

Девушки мало-помалу успокоились, привели себя в порядок, рассказали нам о себе. Солдаты мои прямо не находили для них места. Угощали, кто чем мог, а они, все еще не веря тому, что судьба, наконец, повернулась к ним своим добрым лицом, спрашивали нас в который раз: что делать им и как быть. Ну разве трудно нам было понять их? Что они, ой как хотели скорее домой.

К нам они быстро привыкли и не отходили ни на шаг. Да и для нас они стали в одночасье вроде родных сестер, и мы на положении их старших братьев задумались над тем, как им быть дальше. Конечно, через какое-то время и в этом городе образуется какая-то власть и им можно будет обратиться туда. Но известно, ждать и догонять — не удел молодых. А мы — и освобожденные, и освободители — были молодые, и было принято решение — действовать.

Кому-то пришла идея отправить девушек до границы Польши подводой, а там они уже в более спокойной обстановке сдадут лошадей какому-нибудь начальству тыловых частей и на попутном транспорте смогут добраться до границы России. Получилось все быстро и изобретательно. Солдат, он везде солдат.

Как по волшебству, прямо перед домом, где временно располагалась и отдыхала батарея, уже стояла пара добрых коней, запряженная в новенькую повозку немецкого образца. А принаряженные наши героини стояли рядом в окружении сол-

дат. Кто-то бегал и суетился, стараясь все предусмотреть в дорогу, подкладывая им вещи и продукты. Те, кто родом из деревни, учили девушек, как управлять лошадьми. Постарше и умудренные жизненным опытом, советовали — как и у кого просить помощи, если в дороге случится непредвиденное. Хлопот с этими сборами было много. Все чувствовали себя благородными: вот он какой солдат Великой Отечественной — освободитель и защитник униженных и поработанных.

Наконец, все было готово к отъезду, и настали трогательные минуты прощания. Последние просьбы с обеих сторон, последние наставления. Мы по очереди жали им руки, кто посмелее, нежно обнимал за плечи и целовал в пылающие щеки. А девчонки, замороженные, и радовались и печалились, кивали нам головами, улыбались и вытирали слезы.

Вот в таком сопровождении нестройного солдатского хора: “Ни пуха, ни пера”, благословленные нами путешественницы и отправились в неведомый для них путь. Словно удаляющейся вечерней звезде нашего неожиданно окончившегося праздника мы долго еще махали девушкам вслед.

Вот и вся история. Есть начало и нет конца. Я до сих пор не могу ответить себе на естественный мучительный вопрос: как сложилась дальнейшая судьба девушек и чем закончилось их рискованное путешествие? И вспоминая, тревожусь: ведь мы были главными исполнителями их желания скорее вернуться домой, а попали ли они туда?

А еще я стыжусь того, что на протяжении всех этих строк, я ни разу не упомянул имена девушек — неумолимое время не пощадило мою память.

Так и хочется крикнуть: «Где вы, наши далекие знакомые незнакомки! Свершись чудо: отзовитесь!»

Алексей Крашаков

**ЕСТЬ
ТАКАЯ
СВЯЗЬ**

Алексей Максимович Крашаков родился в 1924 году в селе Сунгурово Мокроусовского района. Призван в 1942 году. Воевал в составе 741-го артиллерийского полка. Награжден медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги”, “За взятие Будапешта”, “За освобождение Праги”. После войны работал в колхозе имени Кирова, в совхозе “Большекаменский” механиком.

Прочитал я в районной газете воспоминания Тимофея Михайловича Степанцова о его боевом пути, и сразу меня обожгло чувство боли. Да, много нас тогда ушло на фронт, большинство там и осталось. Домой вернулись калеки, раненые, никому не удалось пройти через войну, чтобы не поплатиться своим здоровьем.

Расскажу про свой боевой путь. В сентябре 1942 года из Мокроусовского района на фронт нас уходило пять человек. Успел познакомиться лишь с Бучельниковым из Карпунино. Наутро нас разделили. Я был направлен в 13-й учебный полк, остальных зачислили в зенитные войска.

Получив специальность связиста, в звании “младший сержант” я попал в 741-й гаубичный артиллерийский полк. В конце 1942 года погрузились в эшелон, поехали в сторону Москвы. За Москвой повернули на юг и вскоре остановились на небольшой станции. Она была вся в огне.

После разгрузки колонна ускоренным маршем двинулась в ночную темноту. Наутро заняли боевые порядки в каком-то саду. Штаб разместился в доме Льва Николаевича Толстого. Только тогда мы узнали, что прибыли в Ясную Поляну.

В течение недели никаких боевых операций не вели. Фронт слышался близко. Немецкие самолеты бомбили нас по два раза в день. Наконец, по телефону раздалась команда: - "Свернуть связь, приготовиться к маршу!"

И снова вернулись на ту же обгоревшую станцию, погрузились в эшелон. Через двое суток ночью прибыли в город Осташков Калининской области. Разгрузились за городом. Вся техника встала в колонну, а нам приказали загрузить весь транспорт снарядами.

Личный состав пошёл в пешем порядке по направлению Великих Лук. На третьи сутки прибыли на место. Техника стояла на позициях в сосновом лесу среди болот, ждала нас. Кто идти не мог, тех собрали на машины. За трое суток нас, наконец, покормили. Нашу часть придали пехотному полку, который должен был сюда прибыть.

Хорошо помню свое первое боевое крещение. С командиром полка офицеры штаба пошли выбрать себе командный пункт, а мы потянули за ними связь. Налетели немецкие самолеты, начали нас бомбить. Оторвало напрочь правую ногу радиста Сергея Новикова, топографа Владимира Шуваева ранило.

Командир полка майор Кушнаревич приказал второму радисту с командного пункта развернуть станцию и связаться с командиром пехотного полка, который должен быть где-то здесь, чтобы пополнить личный состав. Разведчики установили стереотрубу, а нам командир полка приказал подключить и оставить для них телефонный аппарат.

- А со вторым аппаратом вы пойдете со мной выбирать передовой наблюдательный пункт.

Пошли вчетвером: командир полка, ординарец Янчук, связист Коля Сулицын и я. Прошли около километра, у нас стал кончатся кабель. Доложили командиру. Он сказал:

- Посидите в воронке и наладьте связь со штабом.

Не прошло и полчаса, раздалась автоматная очередь. Командир полка кричит:

- Ко мне не подходить! На сосне сидит немец, снимите его! Ударили сразу их трех автоматов. Немец рухнул на землю. Тогда раненого в ногу командира затащили в воронку, вызвали из штаба санитаров и доставили его на командный пункт. Там встретились с командиром роты нужного нам полка.

Стемнело. Начала прибывать пехота. Мимо нас бодро шли воины в полушубках, маскхалатах. За день они прошли около 70-ти километров, но усталости в них не замечалось. Это были кадровые войска.

Ночью нас окружили немецкие автоматчики. Вместо майора Кушнаревича полком командовал майор Гусак, опытный фронтовик. Он быстро оценил обстановку и приказал пехоте отойти, а нам свернуть связь и попластунски покинуть командный наблюдательный пункт.

Постепенно я втянулся в боевую работу.

В конце марта 1943 года освободили Великие Луки. Наступила распутица. Болота растаяли. Мы еле выбрались с Северо-Западного фронта.

В апреле прибыли в Москву. Сменили одежду на летнюю, получили новую технику, подлатали старую. Однажды ночью по тревоге погрузились в эшелон и поехали на передовую.

Очень тяжелые бои пришлось выдержать на Курской Дуге. Мы прибыли в район Прохоровки, когда положение наших войск было критическим. Пехота отходила. Только наши танки сдерживали натиск немцев. Мы развернули орудия и стали почти в упор расстреливать танки фашистов. Наши танкисты почувствовали поддержку артиллерии. А тут еще подошли "Катюши". К вечеру 12 июля Прохоровка была отбита. Заняла свои места пехота.

Вскоре наши войска перешли в наступление. Взяли Белгород, пошли на Харьков. Здесь встретили сильное сопротивление. Особенно упорные бои шли в районе тракторного завода. 23 августа года взяли Харьков. Теперь наш путь - на Полтаву. На рассвете подошли вплотную к городу. Он был весь в пожарах. Дым стлался по земле, особенно утром. Дышать нечем. Фашисты загнали около 300 человек в театр для отправки в Германию, но не успели их вывезти и сожгли заживо.

Днепр пришлось форсировать левее Кременчуга. За Днепром пошли на Знаменку, а далее - на Кировоград. Приняли

участие в уничтожении Яссо-Кишиневской группировки немцев. Форсировали Прут и вступили в Румынию. Победным маршем прошли через Плоешти, румыны приветствовали своих освободителей.

Первое серьёзное сопротивление за границей встретили в Восточных Карпатах. В сентябре 1944 года, разгромив фашистов, вышли на Средне-Дунайскую низменность, в октябре вступили на территорию Венгрии.

В декабре 1944 года подошли к столице Венгрии Будапешту, окруженному нашими войсками. Весь январь и половину февраля 1945 года шли кровопролитные бои. Дрались за каждый дом. 18 января очистили Пешт, 13 февраля взяли Буду. Много наших здесь полегло. Но и немцы потеряли немало. Только в плен их было взято 138 тысяч, из них 25 тысяч сложили оружие перед нашим полком.

Дважды форсировав Дунай, вышли на реку Грон. Здесь немец собрал все свои силы, в том числе девять танковых дивизий, и после трехчасовой артподготовки бросил на нас. Хотел, видимо, вернуть Будапешт. Но не получилось. Правда, у нас были большие потери. Разбило штабную машину “ЗИС-5”. В ключья разорвало знамя полка, но часовому удалось все-таки спасти его остатки. Наутро все уладилось. Немец начал отступать. Мы вошли в Братиславу, главный город Словакии, затем - в столицу Австрии - Вену, а позднее в районе Хемница встретились с союзниками. Все! Дальше идти некуда. 9 мая утром объявили Победу.

Все были рады. Но к вечеру поступил приказ отрезать путь отступления немцев из Праги. В ночь на технику двинулись добивать сопротивлявшихся фашистов. Вот тут-то еще больше захотелось жить. В Берлине празднуют Победу, а мы снова идем в бой. Так продолжалось до 14 мая, когда наступил долгожданный час и нас отвели в Австрию. Здесь я прослужил до апреля 1947 года, уже в качестве командира отделения тяги 1-й батареи 52-й пушечной артиллерийской бригады. Оттуда и вернулся домой в Сунгурово.

На войне я обеспечивал связь в войсках. А сейчас считаю своей задачей обеспечить связь поколений, передать молодежи нашу любовь к Родине, готовность сделать все для ее светлого будущего, для победы мира на Земле.

Аксентий Вологин

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Вологин Аксентий Григорьевич родился 27 декабря 1924 года в селе Ожогоино Шатровского района.

До войны окончил семилетку и работал в колхозе. Призван в армию в октябре 1942 года. Учбат в Чебаркуле, в батарее разведчиков.

На фронте с 16 декабря 1942 года – Осетинский плацдарм, Юго-Западный фронт, артрязведчик 230-го гаубичного артполка 9-й артдивизии. С апреля 1943-го – разведчик батареи управления 30-й артбригады.

Далее – сержант, командир отделения разведки. Участвовал в освобождении Воронежской и Ростовской областей, Украины, Молдавии, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии. Был ранен, контужен.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, орденом “Знак Почёта”, медалями “За отвагу”, “За взятие Будапешта”, “За взятие Вены”.

После войны: учитель, завуч, директор Самохваловской средней школы.

Боевые операции наших войск по освобождению районов Днепропетровской и Николаевской областей Украины солдаты окрестили «грязевым походом».

Токмаковка и Любимовка, Софиевка и Лошкаревка, Орджоникидзе и Баштанка — все эти названия до сих пор сочета-

ются в моей памяти с проливными дождями, слякотью и непролазной грязью.

Мои разведчики у нашего батарейного старшины пользовались рядом «привилегий». Это фронтовой «закон». Лишние сто граммов, досрочная замена одежды и обуви, смена автоматов на новые — в первую очередь разведчикам. Пользуясь этой привилегией, мы носили сапоги, а не ботинки, как все остальные артиллеристы. Но «грязевой поход» приказал: «Снять!». И мы сняли. Сняли сапоги и срочно переобулись в ботинки с кожаной подошвой. Правда, с небольшой «модернизацией»: на каждую ногу намотали по полторы обмотки. У старшины мы взяли не по две, как обычно, а по три обмотки. Одну из них разрезали пополам и половинками наставили две остальные. Зато теперь наше движение «вперед на запад!» значительно упростилось. Так как ноги, опущенные в грязь чуть ли не по колено, извлекались оттуда в целости, т.е. вместе с ботинками, а «усиленные» обмотки не пропускали грязь к телу. Другое дело — сапоги. В них в этом «походе» было совсем плохо. Грязь так упорно держала сапоги в своих объятиях, что ноги попросту выдергивались из голенищ.

А на войне как на войне: и грустят и шутят. Шутили и в ту пору. Командиром взвода разведки был у нас все тот же лейтенант Польшин. Присели мы на брошенной немцами технике отдохнуть. Тут мой разведчик Петя Буралкин и говорит:

— Товарищ лейтенант, как вы думаете, кому сейчас хуже — немцам или нам?

— Думаю, что немцам. Потому, что они отступают, — ответил лейтенант. А Буралкин лукаво смотрит на своего командира, добавляет:

— И не только поэтому, товарищ лейтенант. Посмотрите: немцы на технике, а мы пешком да верхом (это он о конниках группы Плиева). Немцы буксуют, бросают технику, а я на своем «одиннадцатом» после модернизации хоть до Америки. Фриц, он тоже пехом, так как техника-то вот она. Но он же в са-по-гах! Да еще с короткими и широкими голенищами!

Тут Буралкин показывает как «фрицы» в сапогах «с широкими голенищами» шагают по грязи. Все вокруг давятся от смеха! Исчезла куда-то усталость. И мы опять готовы «вперед!»

Эх, если б только идти! В этой страшной грязи — воевали! Форсировали реки и ручьи. Перевязывали раны. Ходили в ночные поиски. Тащили на тягачах и лошадях, а часто и на себе, орудия, снаряды, продовольствие.

Во время «грязевого похода» была окружена и уничтожена одна из крупнейших Березнеговато-Снигиревская группировка противника. Это были очень нелегкие дни! И уж совсем нечеловеческими в этой грязи были бои и задания ночью. Об одной такой ночи мой рассказ. Дождь не переставал весь день. Точнее — он не переставал уже много дней. Части 8-й гвардейской армии генерал-полковника В.И. Чуйкова и конно-механизированной группы генерал-лейтенанта И.А. Плиева, в том числе и наша 30-я артбригада — в Баштанке. Конники и танки Плиева без задержки прошли на юг, пехота тоже не задержалась. Вечерело. Очутившись в населенном пункте, мы облегченно вздохнули. Тем более что объявили об остановке. Мы зашли в дом. Вечер сменила непроглядная ночь. Дождь не переставал. Ныло ноги. Ныло все тело. На теле нет сухой нитки. Солдаты замолкли. Задремали. Кто сидя, кто ничком, присунувшись в уголке. Послав связного в штаб, задремал и я. Не прошло и пяти минут, скрипнули двери, и связной позвал:

— Сержант Вологин, Вас вызывают в штаб.

Командир взвода Польшин, помком взвода связи старший сержант Костин и я подошли к карте, раскинутой на столе начальником разведки бригады капитаном Павлом Степановичем Бобровым. Капитан взял карандаш:

— Здесь переправа через Ингул. Мост деревянный. Дорога к мосту с востока грунтовая, размытая. Из окружения вырвалась группа немцев. Более 200 машин, сотни три обоза. Конники Плиева прошли на юг. Частей для перехвата и разгрома группы сейчас нет. Будут только к утру. Надо добраться до моста, скорректировать огонь батарей, разбить мост, задержать немцев. От батарей к мосту уже потянули связь. Возьмите с собой кабель, аппараты, радиостанцию. Доберетесь — сразу разматывайте кабель навстречу. Но это, если откажет радио. Стрелять начинайте сразу, по радио, как только дойдете до моста. От Баштанки до моста около 14 километров. Выход через пять минут.

Вышли за крайнюю хату. Ливень. Слякоть. Дороги никакой!

Да ее и не видно в сплошных потоках воды. Взяли азимут. Цепочкой тронулись в ад. Дождь несколько раз сменялся мокрыми крупными лохмотьями снега. Снег залипал лицо, отнимая последнюю возможность что-либо видеть под ногами. Фонарик разрешено на мгновение включить только направляющему, чтобы посмотреть на компас.

В первом часу ночи мы увидели отблески фар, услышали рев моторов буксующих машин, крики, ругань, вопли. Шли на свет и шум до тех пор, пока не наткнулись на первую хату хутора.

Как велика была группировка, заполонившая весь хутор и бугор за околицей, определить было трудно. Но по шуму и свету фар было ясно: немцев было не сто и не двести.

Мостов на реке оказалось не один. Сначала узкая протока, и на ней — мостик, а потом уже сама река. Нам повезло. Мы сами того не ожидали. Не ожидали потому, что в сильной непогоде и темноте невозможно было хорошо корректировать разрывы. Можно было, конечно, скорректировать приблизительно и дать большой налет по площади в надежде попасть по одному из мостов. Но мы знали, что снарядов на батареях по 15 штук на ствол. Поэтому — стреляли одной пушкой. После каждого разрыва продирались через кусты и смотрели: идет ли переправа.

После седьмого разрыва докладываем по цепочке лейтенанту Польшину: стоят! До этого, хотя и очень помалу, но двигались. Буксовали, но двигались. Сейчас стали.

В темноте и при крапающем дожде мы осмелели и расхаживали прямо у самых немцев. Так и хотелось разрядить свои диски, но пугать не было приказано: бросят технику, обозы, раненых и уйдут через реку пешком. Это не в нашу пользу. Надо было взять всех.

Вскоре из Баштанки сообщили: встречайте танки и автоматчиков. Объясните обстановку. Помогите огнем в момент атаки. Двое из нашей группы — я и связист Вася Малий — пошли навстречу танкам.

Начало светать. Шесть танков с десантами с двух сторон выкатили из кустов к переправе. После первых залпов немцы кинулись было бежать на мост. В панике, с воплями они лезли друг на друга, подминая под себя обессилевших. Мощный

артналет по мосту по нашей команде окончательно парализовал неуправляемую людскую массу. Немцы хлынули от моста обратно в хутор. Началось саморазоружение: солдаты бросали оружие, размахивали белыми тряпками, сами строились в колонны. Грязь, дождь и бесподобная по слаженности операция наших воинов лишила противника возможности что-либо соображать и сопротивляться.

Шесть танковых экипажей, тридцать автоматчиков и наша группа из четырнадцати человек пленили в это утро более шестисот солдат и офицеров противника. В хуторе и на бугре за околицей мы насчитали более 200 повозок, впряженных парю лошадей каждая, и более ста автомашин.

Когда управились с пленными, у нас появилась возможность осмотреть свою ночную работу. И тут мы поняли: почему немцы ночью прекратили переправу. Седьмой снаряд угодил в бронетранспортер, начавший въезжать на первый мостик. Машина развернулась поперек дороги, а объезда не было: по обеим сторонам трясина.

Грязные, мокрые, чертовски уставшие, мы были рады успеху.

— Вот тебе и «сапоги с широкими голенищами», пошутил теперь уже наш командир, лейтенант Польшин, подавая для прикура горящую зажигалку Пете Буралкину.

— А что? Разве не правда, товарищ лейтенант? Посмотрите, как дружно лапки поднимали. А я теперь хоть до Америки! Соображать надо!

Трудно поверить! А братва так заразительно смеялась! Колонны немцев увели в Баштанку автоматчики. Танкисты, поставив в рядок машины, устроили завтрак. Кстати, в повозках и машинах еды было достаточно. Устроили завтрак и мы. Между тем, по радиации сообщили, чтобы мы оставались на месте. Это сообщение в тот час для всех нас было выше всякой награды: можно поспать!

Анна Бахарева

НА ФРОНТОВЫХ АЭРОДРОМАХ

Анна Ивановна Бахарева родилась в 1921 году в селе Никольское Каргапольского района.

В июне 1941 года я сдавала выпускные экзамены в Томском фармацевтическом училище, после окончания которого работала в одной из аптек Алтайского края.

5 мая 1942 года, никогда не забудется этот день. Десять девушек-комсомолок, в том числе и меня по путевке райкома комсомола призвали на военную службу в ряды Красной Армии и направили на учебу в город Ишим в школу, которая наравне с другими военными специальностями готовила стрелков авиавооружения. За короткий срок, а иначе и не могло быть в то суровое время, мы научились разбирать и собирать все вооружение самолетов-истребителей, которое мы в любое время дня и ночи, в дождь и снег должны были готовить к боевому вылету.

11 июля 1942 года, приняв присягу, мы стали настоящими бойцами и нас целый эшелон девушек-солдат отправили на фронт. В городе Клин нас расформировали по авиаполкам. Я попала в замечательный полк, где служил Валерий Чкалов, он назывался Первый Гвардейский истребительный, авиационный, Красногвардейский, ордена Ленина, Красного Знамени, ордена Кутузова авиаполк.

Я со своими подругами, совсем тогда молодыми девчонка-

ми, прошла всю войну, и профессия у нас была настоящая военная. Мы вошли в состав технической службы в своем авиаполку. Аэродромы всю войну находились во фронтовой полосе, поэтому были постоянные бомбежки, обстрелы. Но мы готовы были дать отпор любому нападению немцев. Приходилось участвовать в разведывательных операциях, вместе с другими отбивать атаки гитлеровцев. Я вспоминаю один случай. Июль 1943 года. Мы громили фашистов на территории Литвы. Наши войска настолько быстро наступали, что немцы не успевали отступить и оказались у нас в тылу. На рассвете большая группировка врага, пытавшаяся пробиться из окружения, внезапно ворвалась на наш аэродром. Мы были подняты по тревоге. Самолеты наши взлетели, а мы все, кто мог держать оружие, приготовились к бою. Густой шеренгой на нас двигались эсесовцы. Мы поставили на пути врага огненный вал. Бой был жестокий, хотя и короткий. Гитлеровцы были разбиты, но были потери и у нас. Многие были ранены или убиты. Помню, командир полка собрал нас тогда, оставшихся в живых, сказал: “Спасибо за такую хорошую работу”.

В одном из боев на территории Польши в январе 1945 года я потеряла свою дорогую подругу, замечательного человека, учительницу. Москвичку Галю Зайцеву.

Я прошла по дорогам войны на Калининском, Волховском, Западном, Белорусском, Ленинградском фронтах. За все годы службы я подготовила 780 вылетов самолетов в бой. Наш полк и все мы имели 36 Благодарностей от Верховного главнокомандующего И.В.Сталина. Сохранилась у меня Благодарность за участие в Великой Отечественной войне.

Я очень рада тому, что сохранились фотографии военных лет, которые я храню как дорогую реликвию и которые являются вещественными доказательствами моей причастности к тому времени.

Победу я встретила в Дрездене. Награждена медалями “За боевые заслуги”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-45гг.”, “За оборону Ленинграда”.

Алексей Гуров

ВОЕННЫЙ ДНЕВНИК

Алексей Иванович Гуров родился 16 октября 1919 года в поселке Силино Кемеровской области. В 1937 году окончил горнопромышленное училище и стал работать электрослесарем на шахте в городе Прокопьевске.

С апреля 1939 года служил на Тихом океане.

С сентября 1942 года воевал на Сталинградском, Донском, Юго-Западном, Воронежском, 2-м Украинском, Белорусском фронтах. Был дважды ранен. В 1943 году стал членом ВКП(б). Окончил войну в должности начальника телефонной станции 4-го отдельного полка 96-й отдельной стрелковой бригады.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, медалями “За отвагу”, “За взятие Кенигсберга”.

С 1946 года жил и работал в Кургане. В поселке Рябово своими руками построил дом. С женой Верой Михайловной вырастили четверых детей.

На 68 листах школьной тетради, исписанных размашистым красивым почерком, предельно ясно прослеживается боевой путь фронтовика Алексея Васильевича Гурова, начиная с прибытия под Сталинград в октябре 1942года и завершая падением Кенигсберга в апреле 1945года.

Подкупает предельная искренность пишущего. За ску-

лыми строками кроется твердая уверенность в себе, мужество, стойкость, несгибаемая воля русского человека к победе, любовь к родной земле.

Чувствуется любознательность воина, его стремление понять быт, нравы, обычаи европейских народов. Записная книжка фронтовика часто высвечивает его любовь к русской народной песне, к созданию лирических стихов, воспевающих любовь к жизни, к Родине.

Перед текстом дневника имеется своеобразный титульный лист, на котором над треугольником – символом солдатского фронтового письма содержится надпись “Гуров Алексей Иванович”, в середине треугольника даты – “1941-1945”, а по краям слова “Память об Отечественной войне”.

Никогда в жизни я не испытывал такого напряжения, как в дни великой битвы за родную землю.

Прибыли мы на место дислокации в ночь с 24 на 25 октября 1942 года. Что нас ожидало, мы и предвидеть не могли. Не успели расположиться на отдых, как прибыл комбриг полковник Артемьев. Он приказал комбату построить нас для зачитки приказа. Утомленные 45-ти километровым переходом за эту ночь, мы встали в строй с предчувствием чего-то недоброго. Так оно и было.

Комбриг зачитал приказ о немедленном вступлении в бой, ибо исход его зависел только от нас. Ведь мы считались свежими силами, хотя и были сильно утомлены. Кому приходилось совершать ночные походы, тот знает, чего это стоило нашему брату, матросу, попавшему в пехоту и не привыкшему к порядкам пехотным, вернее сказать армейским. Отвели нам 10 минут для приведения себя в порядок и быть готовым к бою.

По истечении указанного времени, разделившись повзводно и поотделенно, мы двинулись вперед. Немец занял Лапшин сад и двинулся к окраине Бекетовки, и зацепился за крайние домики, расположенные над обрывом. Бойцы 75-й гвардейской дивизии с большими потерями отбивались от наседающей, пьяной и дико орущей немецкой пехоты. Нам дан приказ ускоренным маршем идти вперед и с хода вступить в бой, не дать противнику углубиться в оборону.

Мы чуть ли не бегом шли вперед. К 7 часам утра достигли

места боя. Туман дал нам возможность подойти незамеченными. Как только мы влились в ряды отбивавшихся бойцов 75-й гвардейской, те воспрянули духом. Здесь на рубеже у самой Волги нам довелось принять боевое крещение. Был дан приказ выбить противника из занятых им домов, сбросить его в балку и занять её и действовать по дальнейшим указаниям. По сигналу мы открыли ураганный огонь из всех видов оружия, и это решило исход боя. Немцы не выдержали шквала огня и бросились бежать в балку, мы следом за ними и в несколько минут выбили их на чистое поле. Туман начал рассеиваться и мы увидели, что с гор волна за волной двигались немцы, по-видимому, решив занять Бекетовку. Но не тут-то было. Мы начали отстреливаться, выиграла время и дождались остальные батальоны, которые были в это время на подходе. А наш батальон, батальон автоматчиков был впереди всех и поэтому нам первым из бригады выпала честь вступить в бой. Впоследствии мы часто вспоминали этот день, день своего крещения. Как только подошли остальные 3 батальона стрелков и минометный батальон, перевес стал на нашей стороне.

В 7 часов 45 минут немцы поднялись в атаку, нам приказано было редким огнем отстреливаться, чтобы не дать возможность противнику подойти вплотную и одновременно скопиться и собраться с силами для контратаки. Так оно и получилось. В 8 часов 20 минут фашисты во весь рост, с винтовками наперевес бросились в атаку. На расстоянии 30-40 метров мы встретили их огнем автоматов и вслед за этим пошли в атаку. На лугу между садом и балкой завязалась жестокая рукопашная схватка. Крики "ура" и улюлюканье немцев смешалось со стоном раненых и разрывом гранат. Кровавая схватка продолжалась около часа, и не выдержали немцы, побежали в свои окопы.

Но лавина русских солдат и матросов настигла их и там, и вместо одной балки мы заняли три и закрепились. Как гитлеровцы не пытались вернуть потерянные рубежи, но не тут-то было. Так для нас начались оборонные бои. С рассвета и до поздней ночи противник поливал нас огнем пулеметов, засыпал артснарядами и минами. Его самолеты, как коршуны, вились над нами, засыпая бомбами разных калибров. Но ничто не могло сломить наше упорство. Ибо мы знали, что за Волгой Москва, сердце России, и мы дали клятву не отступать ни

на шаг, а изматывать и уничтожать живую силу и технику немцев. 19 ноября 1942 года наши войска перешли в наступление на станцию Котельниково и город Калач, где и сомкнулось кольцо. Как ни пытались фрицы вырваться из него, все было бесполезно, и 330-тысячная отборная 6 армия во главе с фельдмаршалом Паулюсом оказалась в кольце. Началось постепенное сжатие кольца.

20 января 1943 года нашей части был дан приказ о переходе в наступление. Мы поднялись и пошли. Мороз доходил до 45 градусов, что очень помогло гнать врага. Правда, и нам от него доставалось. Я обморозил руки и ноги, но до конца Сталинградских боев не выходил из строя.

26 января мы заняли важные высоты и дальше шли роцци Топорная, Квадратная, Фигурная, Ельшанка, Кожзавод, Лесозавод и 28 января вышли к речке Царица. Здесь, не знаю, по какому случаю, меня из пехоты перевели в связь. На КП бригады попала бомба, и прямым попаданием разбило ЦТС и весь узел связи, и мы как знакомые со связью попали в число связистов, ибо старый состав поголовно был уничтожен вместе с матчастью. Много погибло друзей моих. 2 февраля 1943 года прозвучал последний выстрел в Сталинграде. Потекли колонны пленных, довелось и мне разоружать их.

В корпусе стало 3 дивизии: 92, 93 и 94, в кою и я попал в качестве помощника начальника ЦТС. Простояв под Новым Осколом до 5 июля, мы были направлены под Белгород, где немец начал летнее наступление. Дивизии было дано задание ночным маршем пройти 55 километров, достигнув сел Шеино-Мелехово, и с хода вступить в бой. Шесть раз переходило из рук в руки село Мелехово как стратегический пункт на подступах к Белгороду. Бои были, что страшно и вспомнить. Против нашей одной дивизии немцами было брошено 3 стрелковых дивизии, 6-й танковый корпус и много других вспомогательных частей. Авиация противника бомбила нас денно и ночью. Но и здесь мы устояли.

С 5 по 11 июля день и ночь земля стонала от ударов, воздух колебался, как морская зыбь, но все-таки не удалось немцам сломить упорства наших солдат, закалившихся в Сталинградских боях. Да и мы-то были уже не те, что были впервые под Сталинградом. Мы стали мужественными, не знающими

страха в борьбе. 11 июля мы перешли в наступление. Огонь нашей артиллерии заставил противника податься назад, пехота ринулась всей своей силой на него, и это решило исход боев. Не знаю, как обстояли дела на других участках, но, по-видимому, и там было то же самое. В этих боях нашим корпусом было уничтожено более 250 танков. Мы заняли село Мелехово, большие и малые Андреевские хутора, Старый Белгород и здесь приостановились, заняли оборону по Северному Донцу, где простояли до 5 августа. Пока мы стояли в обороне и сдерживали контратаки немцев, тем временем соединения 5 гвардейской танковой армии и других частей перемалывали немецкую технику под Прохоровкой. Эта битва стала решающей.

5 августа началось наступление наших войск по всему фронту. В 6-00 часов мы начали форсировать Северный Донец и к 10-00 часам этого же дня заняли город Белгород и пошли вперед, вступив на Украинскую землю. Освобождали Харьков, Полтаву, вышли к Днепру и с хода его форсировали в районе села Сошино.

За эти бои я был награжден медалью “За отвагу”.

В первых числах декабря 1943 года снова вступили в бой, взяли много пленных и трофеев. Заняли много населенных пунктов, в числе их Голокиевка, районный центр Новая Прага, Белокаменка, хутора Воронцовка, Буденный и подошли к Новгородке, районному центру, с хода заняли Новгородку и в порыве наступления углубились от Новгородки на 12 километров, где и попали в мешок, последствия которого дорого обошлись нам.

В ночь с 13 на 14 декабря немцы окружили нас и взяли в кольцо в районе села Михайловское. Здесь пришлось нам поработать крепко. За это окружение я награжден орденом Красная Звезда. А получилось так. Когда мы прокладывали связь от штаба дивизии, который стоял в Новгородке до оперативной группы до села Михайловское, по моей инициативе связь была проложена по канаве, глубина которой достигала до 2-х метров. Как ровно сердце мое предчувствовало, что будет неладно. Проложили связь, а вечером поднялась метель, и эту канаву занесло снегом и сравняло с полем. Перед утром 14 декабря немцы отрезали нас от Новгородки и тем

самым завязали в мешок, в котором мы находились.

Поутру завязались ожесточенные бои. Здесь и мне часто приходилось менять телефон на автомат и браться за гранаты. Но связь не рвалась. Потом я был вызван к телефону начальником связи дивизии майором Вершининым, который приказал мне лично дежурить у аппаратов. С этого момента я ни на минуту не отрывался от телефона, дежурил 3-е суток подряд и держал связь до тех пор, пока не разорвали кольцо окружения, и когда стали уходить, лишь тогда был дан приказ о снятии. Прибыв в Новгородку, в ночь с 18 на 19 декабря и доложив о прибытии своем, а со мной были Павлов Михаил и Ромашенко Николай, нам разрешено было отдохнуть. Друзья поздравляли меня с наградой. Но мне было не до этого, одолела смертельная усталость.

После Нового года нас направили в распоряжение Конева. 30 января 1944 года на станции Капиталовка, в 16-00 часов, я был ранен осколком мины в левую руку, а друг мой Поваренко убит. Из дивизии я был направлен в госпиталь, а после излечения попал в 4 отдельный Корсуньский полк связи при 5 Гвардейской танковой армии, которой командовал маршал бронетанковых войск Ротмистров. Мы двинулись в Румынию. После разгрома группировки, которой командовал фельдмаршал Манштейн, нам был дан кратковременный отдых для приведения себя и техники в порядок.

А сколько трофеев было взято! Одних автомашин только в Умани насчитали 12 тысяч, в селе Любашевка - 5 тысяч и так до самой границы.

26 марта 1944 года вступили в Молдавию.

13 апреля 1944 года вошли в Бессарабию за Днестром, в город Бельцы. За время походов подружился с ребятами, очень они мне понравились, хорошие парни, часто на привалах просили меня рассказать про бои в Сталинграде, про жизнь на флоте. В особенности мне понравились Костя Сорокин, Ваня Якимов, Ваня Шегуров, с которыми я крепко дружил. Но я тосковал по своим друзьям, оставшимся в пехоте, мечтал перебраться обратно к ним, с кем прошел большой путь, с кем часто был на волоске от смерти, и мне почему-то хотелось обратно встать в их ряды и продолжать тяжелый солдатский путь. Там, на полях сражений зародилась дружба и братство, а это

- святое дело на войне. Часто мы применяли суворовские поговорки: сам погибай, а товарища выручай. И это нас спаяло навсегда. Дружба, которая зародилась еще во флоте, была перенесена и сюда. А кто был в таких переплетках и переделках, тот знает, что такое фронтовая дружба.

Алексей Гуров (слева), декабрь 1941.

Ида Цвиренко

СЛЕЗЫ РАДОСТИ И ГОРЯ ПОПОЛАМ

Ида Матвеевна Цвиренко родилась 17 февраля 1928 года в городе Шумихе Курганской области.

Великую Отечественную войну встретила тринадцатилетней, а в пятнадцать лет стала у станка.

Награждена орденом Трудовой Славы и многими медалями.

Родилась я в большой рабочей семье. Папа мой, Матвей Левонтьевич, работал на железной дороге стрелочником, мама, Марфа Васильевна, управлялась по хозяйству, поднимала детей.

Жизнь казалась замечательной, учеба во второй городской школе была нетрудной, семья наша была дружной, работающей. Моего старшего брата призвали на действительную службу еще в 1940 году. Больше мы его не видели, а в сорок втором году получили на него похоронку.

Когда грянула война, я пошла работать на завод подшипниковых иглороликов, эвакуированный в Шумиху из Москвы. Он располагался тогда в клубе имени Морозова. Подвозили эвакуированные станки и мы, ребяташки, облепляли их, как муравьи, и втаскивали в здание.

Поначалу было страшновато – станок гудит, искры летят, “бабки” качаются. Парня, который учил меня работать на станке, через два дня призвали в армию, так что в ученицах я по-

ходила совсем чуть-чуть, на третий день начала работать самостоятельно. Трудились невероятно много. Бывало, спали там же возле станков по несколько часов – и снова за дело. Война и горе людское сплачивают: работали и жили дружно, если у кого-то что-то случалось – всегда помогали друг другу.

Помню, как нас в комсомол принимали, райком-то рядом был. Прямо из цеха, от станков и пошли. А работали мы босиком, ноги грязные, так мы их в луже помыли и под себя поджали. Нам вопросы разные задают, а мы сидим, боимся. Работали мы хорошо, все нормы перекрывали, может, мы ответили не на все вопросы, но нас приняли в комсомол. Тогда это была большая ответственность.

Мы не только у станков стояли, а еще и подшефному колхозу помогали – хлеб молотили, веяли, вязали веники, копали картошку, гаечные ключи для техники делали.

И ждали. Как же ждали победу над врагом. Никто и ни на минуту не сомневался, что мы победим. С этой мыслью работали, ложились спать и вставали. Радовались, когда передавали по радио, какие города наши взяли–освободили, горевали, если вести были печальными.

Когда объявили о конце войны – слезы радости за Победу и слезы горя за погибших перемешались пополам. Но это тогда для нас было самым большим счастьем.

И до сей поры со своими сверстниками мы часто вспоминаем то грозное, лихое время. И гордимся тем, что все выдержали!

Владимир Корольков

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Владимир Николаевич Корольков в Шумихе живет уже многие годы, но не меркнут в его памяти события военной поры, что произошли на смоленской земле. Оттуда он родом, там ему подростком пришлось многое пережить. Ведь когда началась война, Володе Королькову не исполнилось и девяти лет...

Как громом поразило — война. В нашей деревне Кеново Руднянского района Смоленской области враз все переменялось. Люди проклинали фашистов, напавших на нашу землю, готовились дать отпор врагу. Мужчины уходили в армию. Срочно скомплектованная бригада погнала скот вглубь страны, чтобы не достался оккупантам.

С середины июля 1941 года через деревню шли и шли наши отступающие войска. У каждого колодца стояли бочки или большие судки, которые в основном мы, дети, наполняли, чтобы бойцы могли набрать воды во фляжки, напиться. Стояла жара.

Но вот и нашу местность оккупировали гитлеровцы. В маленьких деревнях их гарнизоны не стояли, а находились лишь полицейские участки. В полиции служили бывшие кулаки, уголовники, дезертиры и прочий сброд. Они объявились как-то сразу, будто дерьмо всплыло.

Но ширилось и партизанское движение. В густом лесу меж-

ду деревнями Шарино и Марково сформировался отряд народных мстителей. В нем с июля 1941 года сражался с врагом и наш отец.

Мы с матерью ходили к бабушке в Шарино. Меня она брала с собой для отвода глаз, если встретит патруль: вот ведет, мол, “киндера” на лечение к бабушке. И полицаи, немцы нас пропускали. А в дом к бабушке, как я потом узнал, приходили поздно вечером партизаны. Им мать рассказывала все, что видела и узнала. Партизаны просили быть поглазастей и чаще приносить сведения о немцах и полицаях.

Партизанский отряд много хлопот доставлял фашистам постоянными налетами. Зимой 10 февраля 1942 года народные мстители устроили на одной из дорог засаду, в которую попал немецкий обоз. Партизаны разгромили сопровождавший его гитлеровский отряд. В этом бою был убит высокий фашистский чин, чуть ли не генерал.

И немцы всполошились, озлобились. На следующий день большой карательный отряд нагрянул в Шарино. Была учинена кровавая расправа над мирными жителями.

Фашисты согнали женщин, детей и стариков в самый большой дом деревни. Это был дом нашей бабушки. Закрыв двери, солдаты стали досками заколачивать окна. Люди почуяли неладное, забеспокоились, стали стучать в двери. Заплакали дети.

Вдруг распахнулась дверь. Люди увидели стоявший перед ней пулемет и несколько фашистов с автоматами наизготовку. Один из них крикнул:

— Матка, комм!

Вышла наша тетя — Настя. На печи осталась ее малолетняя дочь. Дверь захлопнулась, а через минуты две ударил выстрел. Дверь снова распахнулась. На полу лежала убитая тетя Настя. Люди, набившиеся в комнаты, стали кричать, прощаться друг с другом. А немцы с порога в упор стали расстреливать женщин, детей, стариков. Обливаясь кровью, убитые, раненые падали друг на друга. Очереди гремели, пули рвали живые и уже бездыханные тела... Фашисты захлопнули дверь, заперли её и подожгли дом. Огонь бушевал, комнаты наполнились дымом. Оставшиеся в живых, раненые, стали ломиться в окна, но те наглухо забиты досками — не вырвешься.

Наша бабушка вспомнила, что окно, выходящее в сторону леса, снаружи еще с осени закрыто соломенным матом, деревянным щитом, и немцы его не заколотили. Она перебралась через тела убитых к этому окну, выбила его и выскочила. За ней выбрались те, кто остался жив, среди них две наши тети — Аня и Феня.

Пламя ревело, стался густой дым. Это помогло беглецам в первые минуты. Они упали в палисаднике и притаились.

А бабушка побежала в сторону леса, до которого было метров сто. Гитлеровцы открыли по ней огонь. Метрах в десяти от спасительных деревьев пуля сразила бабушку.

Немцы тем временем обнаружили, каким путем люди вырвались из горящего дома. И тут они наткнулись на лежащих без движения женщин. Стали их расстреливать. Тете Ане пуля пробита шею, раздробила левую кисть. Изрешетили фашисты и тело тети Фени.

Посчитав, что в живых не осталось ни одного человека, каратели покинули деревню.

В этот день, поздно вечером партизаны подобрали израненных, но оставшихся в живых тетю Аню и Феню. Двое суток пробыли они в партизанской землянке, а на третьей сутки ночью их привезли к нам в Кеново. Мы увидели, как на носилках занесли стонущую тетю Феню. С подвязанной рукой (ей ампутировали кисть) вошла тетя Аня. Партизаны посоветовали маме, чтобы мы соседям и знакомым говорили, что, мол, сестры ходили на станцию за солью. Там попали в перестрелку и их ранило. А привез их незнакомый человек. От них-то мы и узнали все подробности той трагедии.

Да, в то время много приходилось опасаться. На оккупированной территории был издан приказ за связь с партизанами расстреливать. А наши тети были из той деревни, жителей которой уничтожили каратели за связь с партизанами.

Много позднее, будучи взрослым, я узнал, что в нашей Смоленской области лютовал оперативный отряд СД во главе с генералом эсэсовцем Науманом. Только за месяц с 15 ноября по 15 декабря в Смоленске им были уничтожены 2954 человека, а во всем тыловом районе группы армий “Центр” — свыше 134 тысяч. В их числе и жители деревни Шарино.

Не выжила, умерла от ран наша совсем еще молоденькая

тетя Феня (она только-только окончила 9 классов). Тетя Аня выздоровела, но на всю жизнь осталась без руки. Но никакая жестокость, бесчеловечность не могли ослабить дух партизан, волю к победе, надежду населения на избавление от коричневой фашистской чумы. Партизаны все смелее совершали налеты на отряды фашистов, громили полицейские участки.

Однажды под вечер в нашу деревню на подводах подъехали партизаны. Одного из них, Николая Бендо, я узнал сразу. Николай попросил нас с дружкой Аркадием пройтись по деревне и посмотреть, нет ли фашистов или полицаяев.

Мы поспешили выполнить эту просьбу. Немцев и их припешников полицаяев на этот раз не было.

Мы, подростки военных лет, с завистью смотрели на дела народных мстителей, сами мечтали стать партизанами. И даже однажды убежали в лес, чтобы попасть в партизанский отряд. Искали, искали, пока не наткнулись на лесной дозор. В нем оказался знакомый нам Давыд Солдатенков. Он тоже узнал нас и посоветовал строго:

— Идите-ка вы, ребята, домой. Рано вам еще партизанить.

В сентябре 1943 года наши войска стали теснить фашистов. Был уже освобожден Смоленск. Ждали и мы освобождения своей местности. Но немцы стали собирать людей, погнали нас на запад. Кому удавалось от них бежать, скрывались в лесу.

Уже слышна все приближающаяся канонада. Наша семья уже несколько дней пряталась в кустарнике. Нет ни воды, ни пищи. По дорогам идут отступающие фашистские войска.

Ночью на нас наткнулись разведчики нашей наступающей армии. Они поделились сухарями и обрадовали:

— Утром идем в наступление. Ждите.

На рассвете началась стрельба. Всюду рвутся снаряды. Немцы, кто остался живой, спешно уходят.

Мы не выдержали. Под огнем, среди взрывов, перепрыгивая через трупы, минуя воронки, бежим навстречу нашим наступающим бойцам, нашим освободителям.

Анатолий Соколов

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Анатолий Михайлович Соколов родился 24 июня 1932 года в селе Крепость Мокроусовского района. В 1945 году закончил 7 классов. Ушел на фронт отец, в семье с матерью осталось четверо. Анатолий - старший. В десять лет начал работать.

Не прошло и месяца после окончания первого класса в 1941 году, как началась Великая Отечественная война. Прекрасные июньские дни ничуть не предсказывали, что придет такая беда. В многолюдной деревеньке Крепость царил покой и веселье. Было видно, с каким энтузиазмом трудились взрослые на колхозном производстве, как по вечерам веселилась молодежь. Как здорово отмечали все крепостинцы Первомай-41-го. В легкой весенней одежде приходили люди на массовое гулянье (без пьянства). А нас, детей, к великому нашему восторгу и радости, катали на первой колхозной машине ЗИС-5.

Наступила прекрасная жизнь и счастливое детство. А нас, ребятшек, в Крепости было полно: в большинстве семей было по 5-7 детей.

22 июня в одночасье кончилась светлая жизнь во всех уголках нашей Родины, и весь народ от мала до велика, встал на военную и трудовую вахту. Всех мужчин, пригодных для защиты Отечества, в первое же лето войны призвали на фронт, а

женщины, старики и дети встали на рабочие места, где трудились их отцы, деды и мужья. 17 августа 41 года ушел на фронт и наш отец – Михаил Соколов. Он ушел вместе с другими защищать тот уклад жизни, который год от года становился лучше.

Нас в семье было четверо: три брата и сестра. Я – старший, а младшему брату только исполнилось полтора года. С нами сразу остались жить бабушка Варвара, мамина мать. Бабушка варила, кормила нас, учила вести домашнее хозяйство, как все делать и строго спрашивала за плохую работу. Обстирывала и починая нам одежду. В хозяйстве были коровы, овцы, гуси, куры и огород, который до начала войны довели до 20 соток. Мама работала в колхозе, пахала на конях, сеяла, косила, метала сено, жала, молотила хлеб, зимой возила зерно на станцию, работала бригадиром полеводческой бригады.

И, конечно, каждый день ждали весточки от родного папы и дядюшек, ушедших на фронт. Домашнее хозяйство все вели вручную, огороды копали лопатами, сено косили, дрова пилили и кололи – все это возили на быках и своих коровах. В 10 лет я косил сено литовкой с бабушкой, сам городил огороды, заготавливал для этого материал в лесу. От надсады на руках и ногах были болевые проломы. Какое бы хозяйство мы ни держали, а досыта ели редко. Хлеба и картошки не хватало. Сдавали государству в виде налогов всю продукцию, которую производили в своем хозяйстве.

Силы было по годам маловато, Почти во всех домашних делах помогал мне брат Тоня, он на 3 года младше меня. На мне была ответственность за ту или иную работу: выкопать, вскопать или загородить огород, а я с собой всегда брал младшего. Ему по своим детским силенкам приходилось потяжелее, чем мне.

В начале 1942 года отец был ранен в руку и плечо. Мы жили надеждой, что его отпустят домой. Но, увы! Вылечили, сформировали из сибиряков армию и осенью 1942 года отправили защищать Сталинград. Писал нам из окопов, готовясь к атаке, 17-18 ноября, теперь эта дата отмечается, как день артиллерии. Пошли в бой. Из этого боя отец не вернулся...

Я помню, как оплакивали эту трагедию все в нашей семье,

родственники и соседи. С этого времени я почувствовал какую-то опустошенность, и в то же время ответственность за то, чтобы наша семья выжила. С 1943 года в летнее время я начал работать в колхозе с ручной прополки осота на зерновых, заготовке кормов для общественного стада и уборке урожая.

С появлением так называемой полянки (конотопа) дети в деревне вообще обувь не носили до самой зимы. Все лето на полосе и жатве работали босиком. Сколько было проколов на подошвах.

К концу войны хлеба в колхозе становилось все меньше, так как на лошадях и коровах культура земледелия не поднималась. Для старых тракторов керосина не хватало. Поэтому со второй половины зимы, когда дни становились теплее и светлее, по выходным дням приходилось перетрясать на ветерке всю мякину после осенне-зимней молотыбы, а весной собирали оставшиеся от жатвы колоски.

И вот, наконец, 9 мая! Нам в школе объявили, что кончилась война, наступила долгожданная Победа. Мы, пацаны, с одним парнем постарше решили отметить победу залпом из старой берданки. Старый патрон не разбивало, Алешка стоял с ружьем на изготовке и спросил: “Что будем делать?” Я стоял у самого выхода ствола, остальные кругом залпщика, и сказал: “Не стреляй”. А сам замкнул выход ствола вырезанным из щепки бюстом человека, который оказался под рукой в кармане. Но через мгновение прогремел оглушительный выстрел. Я быстро отдернул руку и засунул ее в карман. Думал, что успел вовремя убрать. Все участники, испугавшись, вытаращили глаза и смотрят то на меня, то на Алешку с немым вопросом: “Ну и что?”. Я говорю: “Ничего!”. Но, когда почувствовал, что по бедру что-то течет горячее, понял неладное, вытащил руку, и с ужасом увидел окровавленные и разорванные в ключья мякоть среднего и большого пальцев. Враз поняли, “что салют Победы” для нас без “ЧП” не обошелся. По деревне со скоростью молнии пронеслось, что Тольку Соколова ранили. Мать быстро нашла подводу и увезла меня в Мокроусово в больницу. Вся крепостинская молодежь ждала меня из больницы. И когда увидели с перебинтованной рукой в висячем положении на груди, заулыбались, а у меня появилось чувство гордости и сопричастности к нашей Победе. Душа

ликовала. 9 мая 45 года я был первым в деревне “героем войны”, и за мной ходила вся ватага моих ровесников и младших братьев.

После войны с 1951 по 1954 год отслужил в Советской Армии, окончил техникум, потом сельхозинститут, стал агрономом. В этой должности и работал, был главным агрономом, председателем колхоза.

Награды? Они есть.

Воспитали с женой детей, радуют внуки.

Но какими бы дорогами я ни шел, что бы я ни делал, детство, опаленное войной, память о том лихолетье, не отпускает. Погибший отец, непосильно работающая мама, мы, пацаны, в 10-12 лет с литовками и граблями, быки и бороны, лепешки из прошлогодних колосков... Все помним!

Нет на земле, по-моему, страшнее горя, чем война. Она убивает не только взрослых, но и детство.

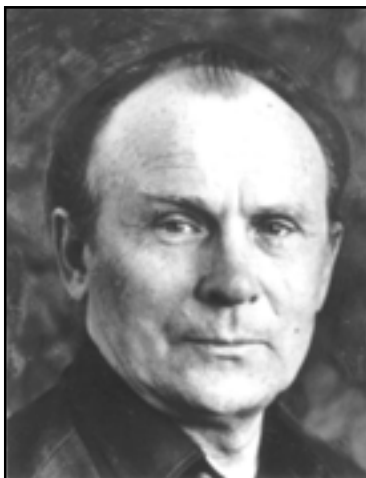
Успокаивает одно – мы, советские, что на поле боя, что в тылу не склонились, выстояли, сломали фашизм. И живем!

Записала Людмила Меркурьева.

Николай Гордин

**ЭХО
МИНУВШИХ
ДНЕЙ**

Николай Александрович Гордин родился в 1930 году в селе Чулошном Половинского района. Член Союза художников и Союза журналистов России. Один из основателей Курганской организации Союза художников, более двух десятилетий проработавший в коллективе областной молодежной газеты с момента ее основания.

Лето дышало июнем. Воскресный день выдался безветренный и душный. Далеко за горизонтом в теплом маре облаков проглядывалась еле заметная синева, она сулила людям скорую перемену погоды.

От гнетущей жары улицы деревни притихли, как будто к чему-то прислушивались.

Жители нашей деревни, от мала до велика, приодетые по праздничному, семьями шли на гулянье в небольшую дубраву, которая находилась неподалеку от деревни. Выходной проходил весело.

Подвыпившие мужики под гармошку пели веселые песни: “Как у нас под окном расцветала сирень, расцветали душистые...”

Парни с девушками качались на качелях, отовсюду был слышен звонкий смех. Мы с друзьями – Колькой-ляпой, Валею Абросимовым и Шуркой Зикитой в такие минуты любили убежать на котлован купаться. Котлован находился неподалеку от рощи.

Купались мы до одури, и, освежившись, играли в чирика или чику. За проигрыш рассчитывались шалабанами, а когда надоело это занятие, ложились загорать на поляне конотопа или просто ложились под старой раскидистой березой. И мечтали, кто кем станет, когда выучится и будет взрослым.

Мне больше всего хотелось стать моряком или капитаном корабля, чтобы служить верой и правдой своей Родине и товарищу Сталину. А Валька Абросимов мечтал стать военным врачом или летчиком.

Я лежал, глаза в небо, и не заметил, как задремал, даже сон какой-то странный привиделся.

Колька Ляпа толкнул меня под бок, и я проснулся. “Ты же сонный кричишь?” Что, во сне пионервожатая приснилась? Лучше вставай, да посмотри, что на небушке деется”. Я с трудом встал, немного побаливала голова, наверное, неловко лежал или перекупался.

Солнце спряталось за тучи, стало пасмурно. Я посмотрел на ребят, они с любопытством смотрели на темную, мутную тучу, которая заняла почти полнеба. С ее стороны доносился глухой рокот грома, отдаленно напоминающий канонаду. Подул сильный ветер. Потянуло прохладой. Приближение грозы напугало отдыхающих. Роща стала пустеть. Мы быстро оделись и побежали в сторону деревни. Высоко в небе появилось мутное облако пыли. Оно набирало силу. Вихрь настиг нас в переулке Евсея Колодкина, подхватил и чуть не унес нас. Меня с Толиком и Валькой прясло задержало, а Кольку Ляпу, как пушинку, через изгородь перебросило в огород к Ивану Красавчику, нашему деревенскому киномеханику.

Когда оклемались, шквальный порыв ветра возобновился с новой силой. Мы рванули к школе. Забежали в коридор и через дверной проем стали наблюдать за происходящим. На деревенской площади от бушующей стихии стало темно. Происходило что-то невероятное. По земле тащило жестяные листы кровли, в воздухе летал всевозможный мусор. Пыль лезла в рот, хрустела на зубах. Глаза с трудом различали силуэты людей, бежавших из рощи, чтобы где-нибудь поблизости укрыться от стихии.

Под навесом у сельсовета и около магазина скопились изумленные ураганом люди.

Минут через несколько все стихло. Ураган ушел в степь, в сторону Сухого озера. Дождя, можно сказать, не было. Мы с ребятами подбежали к сельсовету и стали прислушиваться к разговорам взрослых. Подъехал председатель на взмыленной лошади, поздоровался с людьми, попросил у мужиков закурить и сел на ступени крыльца. Он только что вернулся из райцентра.

Оглядевшись вокруг, матюгнувшись в сердцах, спросил Евдокимов: “Что за чертовщина была у нас в деревне, все заборы повалило?” Заметив переживания председателя, шофер МТС – Василий Пеньков сказал: “Стоит ли так сильно убиваться. Эка беда! Соберемся всем миром и поправим порушенное. “Не в этом беда, - ответил председатель. – Война, война, мужики, началась. Кончились наши мирные денечки. Не дал нам германский враг достроить коммунизм. Только что из Челябинска в райцентр сообщили телефонограммой. Из военкомата с минуты на минуту должны подъехать, будут проводить мобилизацию военнослужащих. Добровольцев тоже записывать будут”.

Мужики и бабы притихли, а председатель продолжал говорить, обращаясь к секретарю сельсовета: “Вынеси из конторы стол, если не улетел в небеса, и накрой красным кумачом, а ты, Евдокимов, садись на Воронка и быстро оповести деревню, чтоб народ на митинг шел. Я говорить буду”.

Мы тоже хотели записаться добровольцами, чтоб Красной Армии подмогнуть, но взрослые мужики сказали, что малы еще, без вас, сопляков, обойдемся.

“Не путались бы вы здесь под ногами, на душе и без вас тошно”, - сказала старая Кузьмовна с укором. Я посмотрел ей в лицо, губы ее дрожали, а глаза были полны слез.

Так нам, малолеткам, запомнился воскресный день тысяча девятьсот сорок первого года. В этот день мы еще не знали, что война тяжелым ярмом ляжет не только на матерей, но и на наши хрупкие детские плечи.

ДЕД ВАСИЛИЙ

В лихую годину сорок второго моему деду по материнской линии Василию Трофимовичу Гирщuku пришлось покинуть свой курень, свои обжитые места и переехать в село, где жили мы

с матерью. Отец был на войне. А ехал дед, чтобы облегчить нашу участь, помочь пережить тяжелые военные годы. Он считал так: “Вместе быть легче, особенно в горе. Разделив его на всех”.

Путь от поселка до нового места жительства был километров тридцать пять-сорок. Выехали по холодку ранним утром. Коровенка медленно тянула ярмо с нехитрым дедовым скарбом. Мы с дедом шли за повозкой. По дороге он рассказывал мне разные житейские истории, как до революции дед с семьей переезжал с Украины в Сибирь на свободные государственные земли, чтобы обрести новую родину.

По приезде в далекий Сибирский край, переселенцы кое-как обустроились, получили земельные наделы. Только начали свое единоличное хозяйство поднимать, грянула гражданская война. Худое время настало для земледельца.

Любая война всегда несет простым людям горе и смерть.

х х х

Не доезжая километра два до чулошинского ветряка, Василий Трофимович приостановил коровенку. Отошел от дороги шагов десять-пятнадцать и встал в раздумье. Окинув взглядом местность, он как будто что-то искал, присматриваясь. Потом подозвал меня к себе и говорит: “Смотри, Коля, видишь рядок бугорков и ямок, поросших травой? Так вот, здесь когда-то была линия обороны. В этих местах, под Чулошным, дрались наши с колчаковцами. Бои были, не приведи Господь”.

Он взял батожок кнута, поковырял возвышение окопа, из земли обнажилась обойма в пять патронов. Дед поднял ее. От времени обойма покрылась зеленоватой патиной. Дед долго стоял молча и смотрел на находку. О чем он думал, не знаю, но я угадывал внутреннее состояние деда Василия. Ему, наверное, было тяжело вспоминать прошлое. Ведь он когда-то для красных подвозил на позиции провиант, оружие, но однажды, неподалеку от этих мест, белые перехватили обоз, в котором находился и дед Василий со своей повозкой. Пленных заставили вырыть для себя траншею и поставили несчастных возниц перед могилой. Только по чистой случайности дед остался жив. Очнувшись от раздумий, дед подал мне обой-

му и сказал: “Пять патронов, к счастью, целы, не использованы, значит, Бог сохранил пять душ, уберег от смерти. Возьми трофею, отдашь учительше в школьный музей”.

Дед еще раз посмотрел в степь, тяжело вздохнув, сказал: “Пора, Зорька маленько передохнула, теперь до самого половинского колодца тянуть будем без отдыха. А там пообедаем, что Бог послал, часик попасем Зорьку, напоим и дальше двинемся. К вечеру доберемся на место и хорошо. Солнце поднялось высоко, стало припекать. В ушах стоял звон от степных кузнечиков.

С переездом деда Василия к нам в Башкирское нам с матерью здорово повезло. Хотя он был старенький, но значительную часть работы по хозяйству брал на себя. Помогал он и многодетной старшей дочери Вере Васильевне. Я любил деда и таскался за ним, как нитка за иголкой. С ним мы жили дружно. Он меня, двенадцатилетнего подростка, брал с собой в деляну на заготовку дров. Удивительно то, что готовые поленицы колотых дров оставались в деляне на все лето, пока не высохнут. В те годы не было случая, чтобы кто-нибудь решился умыкнуть чужое добро. Брал меня дед с собой и на соленое озеро. Ездили мы с ним за водой, из которой выпаривали на противнях соль. В те годы, да и в послевоенное время плохо было с солью. Приходилось самим её добывать кустарным способом. Дед приучал меня к крестьянскому труду. Хотя я стал городским жителем, но и сейчас с глубокой теплотой и любовью вспоминаю картины сельской жизни, нехитрый уклад деревенского быта.

Однажды мы с дедом ходили километров за семь от нашей деревни в поселок Белоглинки к знакомому киргизу. Сходили удачно, дед был доволен сделкой, киргиз тоже. Дед выменял у него за пару плиток кирпичного фамильного чая участок для покоса. Мы бы тоже попили хорошего чая, ан нет, нам приходилось на сенокосе заваривать кипяток шалфеем. А имевшиеся у деда Василия запасы чая он берег для сделки в следующем году. На отведенной поляне под сенокос мы с дедом ставили небольшой шалаш, в котором хранили свою скудную снедь. Блины из овсяга, картошку и молоко. “Зорьку” отпускали, а сами принимались за дело. Я благодарен деду Василию за то, что он научил меня обращаться с литовкой, пра-

вить её брусом и во время косовицы ровно ложить валок.

С трудом протягивая литовку через густое разнотравие, я старался от деда не отставать, а стремился идти за ним шаг в шаг. Он чувствовал мое старание. Время от времени оглядывался, поворачиваясь в мою сторону и, улыбаясь, говорил: “Молодец Коля. Наступаешь мне на пятки, совсем загнал старика, вся спина взмокла, хоть рубаху выжимай. От тебя не убежишь”. Мне нравилась его похвала, и я еще с большим рвением старался не разочаровать деда Василия. Когда он останавливался передохнуть, то брал в руки с валка небольшую охапку душистой травы и обтирал ею лезвие косы, а затем начинал её точить. В руках косаря литовка превращалась в музыкальный инструмент, издающий красивый ритмичный звон – дзинь, дзин... Я и сейчас помню тот звук вперемешку с песенным звоном степного жаворонка, зависшего высоко над нами в лазурной синеве неба. Думаю, вот за все это и ушли драться насмерть наши отцы с оголтелыми захватчиками.

Павел Бабиков

НА СВЯЗИ – ТАНКИ ПРОРЫВА

Павел Николаевич Бабиков родился в 1923 году в селе Дубровном Мишкинского района.

Воевал с декабря 1942 по май 1945 года.

Связист, разведчик, гвардеец.

Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, двумя медалями “За отвагу”, медалями “За оборону Сталинграда”, “За освобождение Варшавы”.

Проживает на своей родине – в селе Дубровном.

В семье нас было пятеро, отец рано ушел из жизни, и после школы я пошел работать в колхоз: надо было помогать матери.

Мы строили мост через реку Миасс, работа спорилась, день стоял великолепный. Сделали уже половину моста, когда кто-то приехал и закричал: “Война! Война началась!”

Ну что ж, победим малой кровью – ведь так писали в газетах и говорили по радио. В тот момент мы и не представляли, что это такое, сколько горя и слез принесет это короткое слово - Война!

Когда меня призвали в армию, то как грамотного направили в Свердловск на курсы радиотелеграфистов. Потом в городе Горьком, где формировали воинские части, я попал в 5-й отдельный танковый полк прорыва. С офицером связи мы постоянно находились в самых жарких местах, – обеспечива-

ли радиосвязью наши танковые подразделения.

Бои под Сталинградом шли невероятно тяжелые, солнца не было видно от взрывов, пожарищ. Улицы, а то и дома по несколько раз переходили из рук в руки. Казалось, сам воздух вибрировал от свиста пуль, рева самолетов, грохота снарядов и бомб.

Свою бомбу я не услышал. В этот день мне исполнилось девятнадцать лет. Очнулся в полевом госпитале только на шестые сутки, долгое время после этой контузии ничего не слышал, не говорил и не мог ходить.

Все-таки медики поставили на ноги, и после излечения я попал в 114-й полк 37-й дивизии. С командиром отделения Сашей Кобелевым мы обеспечивали, как и прежде, связь с командирами танковых частей. Я носил упаковку с аккумулятором, которая весила тридцать два килограмма, а он - саму радиостанцию почти такого же веса. Фашисты всегда особо следили за эфиром, и когда наши связисты начинали работать, они пеленговали сигналы, по ним вычисляли местонахождение станции и открывали огонь. Много тогда погибло ребят, моих боевых товарищей.

Фашисты не щадили никого: сжигали дома и заводы, технику и оборудование, убивали стариков, женщин и детей.

Помню, как наши части освободили концлагерь, из него выходили настолько исхудавшие, обессиленные от голода узники, что страшно было смотреть.

Уже в Польше меня ранило в голову и ногу, но после госпиталя вновь фронтовые пути-дороги. День Победы я встретил на берегу Балтийского моря в городе Росток. Сколько радости и счастья принес этот майский день, были слезы, объятия, был солдатский салют из всего, что стреляло.

Но еще в 47-м году мы вылавливали недобитых гитлеровцев по лесам и горам.

Самая страшная война позади и уже далеко по времени. Но память фронтовая живет и так хочется, чтобы ничего подобного больше не произошло.

Записал Виталий Есетов

Михаил Щелудков

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ... И ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Михаил Григорьевич Щелудков родился в 1926 году в Шатровском районе. Призван в армию в ноябре 1943 года. Воевал в составе 271-го стрелкового полка, тяжело ранен, награжден орденом Отечественной войны, медалью “За отвагу” и другими.

После демобилизации работал народным судьей Мокроусовского района.

День был по-летнему теплым. Солнце весело блистало в небе и бодрило работающий люд. Ну а мы, мальчишки, беззаботно гоняли на лугу выструганный из корневища молодой березы шарик, то и дело ударяя по его полированным бокам увесистыми битами. От мальчишеских игр нас неожиданно отвлек стрекот железной птицы. Над нашими вихрастыми головами невиданный в Шатровских глубинных краях летел двухместный самолет “кукурузник”. Разинув рты и впялив глаза в небесную даль, мы ловили каждый миг его полета. Вдруг от самолета отделился какой-то темный предмет, потом ярким пламенем вспыхнул купол парашюта. И вот на земле появился человек. Сноровисто собрав парашютный шелк в чехол, он устремился к нам. “Здорово, пацаны! А где у вас сельский Совет расположен?” Дружно показали на контору и столь же дружно подались за незнакомцем. Побросав все дела, взрослые тоже ринулись к сельсовету. Здесь уполномо-

ченный района и поведал нам, жителям деревушки Мостовка-2, о начинающейся трагедии: “В 4 часа утра по московскому времени Германия напала на Советский Союз”...

Мы, подростки, первоначально отнеслись к этой вести не столь серьезно, как взрослые.

В наш многолюдный дом из 12 душ война ворвалась с приходом повестки отцу-кормильцу, местному учителю. Все заботы навалились на мать - домохозяйку да на нас, двух старших братьев. Учебой пришлось попуститься и впрячься в колхозные, домашние заботы. Две коровенки, чтоб прокормить ораву ребятишек да двух древних бабушек, в то время мы держали. Одну пришлось “запустить” и держать вместо вола. Эту “доену” мы впрягали в ярмо при заготовке топлива, сена и на колхозную работу, особенно во время весенней посевной.

Вскоре метла войны очистила деревеньку от всех мужиков, оставив только немощного инвалида, которому, несмотря на шаткое здоровье и возраст, пришлось возглавить бригаду, а потом и колхоз. Он и руководил нами - юнцами да бабами. Сам не отдыхал и нам не позволял.

Надолго запомнил осень 42-го. Лили нудные дожди. Урожай на полях перезрел, а убрать его погода не давала. Тогда и собрали в правление всю молодежь деревни. Приказали отправиться за восемь километров на летний полевой стан. Неделями там жили, не видя родных. Горох, пшеницу на “шаромы” подсушивать укладывали, а потом молотили. Здесь, в домике, на соломе и спали, горошницей да хлебом питались.

В 43-м с фронта пришел отец. Вернее, не пришел, а прико-вылял на “деревянной ноге” и снова стал учительствовать. А в ноябре этого же года “забрили” в рекруты меня - семнадцатилетнего. Уж лучше бы сразу на фронт попал - меньше бы людской беды, наверное, повидал. Но заслали в Чебаркуль вместе с десятью сверстниками-земляками. Хлебнули мы здесь лиха по самую макушку. От голода вынуждены были по помойкам шляться. От истощения курсанты умирали. Зная это, уходя на учебный плац, брали с собой санки. На них увозили “вышедших из строя”. Выживали, как это ни странно звучит, только худенькие, как я, юнцы. Видимо, потому, что нам меньше калорий для жизнеобеспечения требовалось. А те, кто поздоровее, остались на чебаркульской земле навечно. Та-

кая участь, к примеру, постигла моего одноклассника и друга Яшу Медведева.

До Москвы весть о таком положении дошла. Прибывшее из столицы военное начальство стало сортировать наши ряды. “Доходяг” отправляли на “откорм” по домам, кто еще мог винтовку или автомат в руках держать - на фронт. В “дистрофики” записали и меня. Но от предложения поправить здоровье дома я отказался.

Первое боевое крещение принял в начале августа 1944 года при форсировании реки Вислы. Здесь впервые лицом к лицу встретился с немцами. Своими глазами увидел, как трудно было вести с ними битву.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Война катилась к закату, наши солдаты, отшагав тысячи верст фронтовых дорог, двигались к логову фашистов - Берлину. 1 февраля 1945 года нашей роте автоматчиков, приписанной к 271 стрелковому полку 8-й гвардейской армии, дали приказ: “На рассвете форсировать реку Одер, между Франкфуртом и Кюстриным прорвать оборону противника и захватить плацдарм”.

Весна в тех краях с нашей несравнима. Лед возле берегов Одера уже оплавился и превратился в черную водную пучину.

Срединная же часть еще держала ноздреватый, изрытый снарядами панцирь. Ни на какой технике форсировать водное пространство возможности не представлялось. Под покровом сумерек двинулись пешим ходом, осторожно выверяя каждый метр льдистой поверхности.

Благополучно вступили на захваченный врагом противоположный береговой склон. Однако вылазка не осталась незамеченной. Едва забрезжило, немцы с остервенением, не жалея снарядов, обрушили на еще не обжитый нами клочок земли и на наши головы мощный артиллерийский и пулеметный огонь. Потом появились вражеские самолеты.

За первый февральский день они спикировали на нашу горстку солдат двенадцать раз, оставляя за собой шлейфы взрывов авиационных бомб и посвист пулеметных трасс.

Спасались от смерти только за склонами дамбы, которой в этом месте была обвалована река, ибо окопы вырыть мы не

успели, да и смерзшаяся в кремень земля этого сделать не позволяла.

Так со смертельным демоном над головами мы продержались на отвоеванном клочке нерусской земли сутки, а потом подошло подкрепление. Тут бы отдохнуть, сбросить нервный стресс, но очередной приказ командования был кратким, не менее решительным: “Увеличить плацдарм!”. Ринулись вперед и попали в естественное укрытие - полутораметровой глубины овраг, заполненный суспензией талой воды и снега. Осмотрелись. Нашему взору предстала подтаявшая, с прорехами парящей земли пашня, переходящая в возвышенность, на которой взгромоздилось большое немецкое селение. До Берлина оставалось около 70 верст.

И вот наступило 5 февраля. Мне в то время шел второй месяц девятнадцатилетия. Нашему подразделению поставили задачу: атаковать этот хуторок, занять его и перерезать железнодорожную и шоссеиную дороги, проходящие по данному населенному пункту. Ранним утром поднялись в атаку.

Начался бой, как оказалось, последний в моей фронтовой жизни. Да и не только в моей. Для многих боевых друзей и товарищей он стал и конечным пунктом земного существования.

С автоматом ППШ я, как и все бойцы, двинулся вперед. Поначалу шли в полный рост, а когда немцы усилили огонь, мы применили короткие перебежки. Однако бежать было очень трудно - оттаявшая земля липла на обувь, и казалось, что к ногам привязаны гири...

Хутор был уже близко. Пашня кончилась, и мы свалились на равнину, уткнувшись носами в пахнущую плесенью и сыростью обветшалую прошлогоднюю траву. Уткнулись и не могли поднять голов, каждый сантиметр пространства, как швейная машинка, прошивал роем смертоносного металла вражеский пулемет. Пулеметчик выбрал для своей засады чердак крайнего дома и непрерывно поливал нас свинцом из слухового окна. То и дело рядом со мной раздавались предсмертные вскрики однополчан. Что делать? Ждать, когда всех перебьют? “Нет, - решил я, - надо рискнуть, надо спасти своих товарищей!”.

Перебросив автомат за спину, достал из-за поясного ремня осколочную гранату, с которой почти никогда не расставал-

ся, вскочил и со всех ног бросился к дому. Немец меня засек и среагировал мгновенно перемещением раскалившегося пулеметного ствола. Не сплеховал и я, увернувшись акробатически от струи стальных шмелей. Еще один бросок, и я боком укрываюсь за телеграфным столбом.

Пули, расщепив древесину, вновь не достигли цели. А дом - вот он, рядом. Выдернув предохранительную чеку, я рванул-ся к огневой точке и послал гранату точно в слуховое окно чердака. Но прежде чем раздался взрыв, пулеметчик успел мне отомстить за свою гибель. Под ударом пуль я упал на землю и потерял сознание.

В забытьи был недолго. Потихоньку, опираясь на автомат, приподнялся.

Стрекота пулемета не слышно. Там, где он был, торчат осколки досок и перекрытий. А ребята уже хозяйничают в поселке...

Меня мутило, на глаза надвигалась пелена. Левый бок окропила кровь, кровоточила и безжизненно повисшая рука. Тогда-то я и понял, что отвоевался. Превозмогая адскую боль, побрел через поле назад - в тыл, в санчасть...

Потом медики мне рассказали, что уцелел я чудом. Одна пуля ударила в мое левое плечо, раздробила кости и, пройдя через древко, с частицей кожи всверлилась в ложе автомата. До сердца она не достала считанные миллиметры...

Потом была новая переправа через Одер. Но на этот раз не в строю наступающих воинов, а в конной повозке, рядом с другими тяжело ранеными. Нас везли в медсанбат. Здесь доктора сделали мне операцию, и, как в кокон, по пояс упаковали в белоснежный гипс. В этом черепашьем одеянии потом я оказался в Германии в военном госпитале. Так как срастание тканей плеча врачам не понравилось, здесь мне провели повторную операцию.

Почти полгода я восстанавливал здоровье в разных госпиталях, но чуда не произошло, получил документы на инвалидность второй группы, был признан непригодным к военной службе. А в июле 1945 года обнимал своих родных и близких в любимом зауральском краю.

Андрей Зверев

ОБ ЭТОМ НЕ ПРИНЯТО БЫЛО ГОВОРИТЬ

Андрей Васильевич Зверев - уроженец Кировской области. В ряды Красной Армии был призван до войны. Рядовой, пулеметчик. Демобилизован в августе 1947 года. Награжден орденом Отечественной войны III степени, восемью медалями. Проживает в селе Ключи Далматовского района. Вместе с супругой вырастили детей, помогают воспитывать внуков.

Моя армейская служба проходила в 76-м стрелковом полку недалеко от границы с Польшей. В мире было неспокойно, но у нас же был договор с Германией. В последнем эшелоне пришли дрова и соломенные матрацы и потому я и мои годки готовились через месяц к демобилизации. Но не пришлось – война!

Наше подразделение вело ожесточенный бой, не хватало боеприпасов, кидались в штыковую и никто из нас не знал, что деремся в окружении. Горстка бойцов – все, что осталось от полка, была обложена со всех сторон и под Барановичами попала в плен.

За колючую проволоку в ходе отступления угодили не десятки, не сотни и даже не тысячи наших бойцов. В фашистском плену оказались миллионы советских граждан, солдат и офицеров. Из-за единичных случаев предательства некоторых и их имена покрывались бесславием и позором. Об этих

страницах войны писать было не принято, словно их и не было вовсе. Но ведь это было. Было...

Первое время жили в загородке из нескольких рядов колючей проволоки. Делали для себя небольшие углубления в земле, чтобы теплее было спать. Многие умирали от болезней, голода и холода. Целыми партиями почти ежедневно уводили на расстрел. Не дожидаясь, когда настанет мой черед, бежал.

Но выйти из окружения ослабевшему и безоружному, не удалось. Партизанских отрядов не встретил. Схватили. И после нескольких допросов с пристрастием снова бросили за колючку. Новое место заключения немногим отличалось от прежнего. Разве тем, что военнопленные здесь не сидели сложа руки. Быстро сблизился с теми, кто к своему освобождению готовился со всей возможной в их условиях тщательностью. Была даже налажена связь с местным населением, которое приготовило для бежавших одежду и немного еды. До дня побега все получили приказ: выдержать унижения, выжить.

В группе было десять человек. Убив охранника, к рассвету ушли довольно далеко. Потом разделились. Одна половина группы осталась в лесу, решив начать партизанские действия, другая поставила перед собой цель – добраться до линии фронта. Однако этим мечтам осуществиться было не дано. Мы не особенно прятались от местного населения – вынуждены были просить еду, вот и нарвались на иуду, который выдал нас полицаем.

За убийство охранника полагался расстрел. Нас привели на опушку леса и заставили рыть для себя могилу. Песчаная почва поддавалась легко, но все отбрасывали землю маленькими комками, понимая, что идут последние минуты их жизни.

Отжил! – думаю. На сей раз от смерти не уйти. Но как же хотелось жить! Каждая жилочка внутри трепетала: “Хочу жить! Жить!!!”. Немцы, сопровождавшие нас, разбрелись по лесу, собирая созревшие ягоды. Осталось лишь два автоматчика. Когда могила была уже почти готова, один из моих друзей ударил приблизившегося фашиста лопатой, завладел его автоматом и тут же короткой очередью уложил второго. Спрыгнув в недокопанную могилу, которая теперь служила ему окопом, смельчак приказал всем бежать в лес, а сам открыл огонь по остальным переполошившимся фашистам. Едва ли остался

в живых мой товарищ, - но мою жизнь он спас. Но и этот побег закончился, как два предыдущих...

...Во многих лагерях мне пришлось побывать. Убивали нас тысячами, сжигали в печах, травили собаками и газами, издевались фашисты, кто как умел и кто как хотел. Сотни и сотни тысяч русских, поляков, украинцев, белорусов, татар и грузин, евреев и болгар из-за фашистов проклинали белый свет, на который они родились. Невозможно описать то, через что пришлось пройти военнопленным.

Но и сражались! Помогали друг другу выжить, готовили побег и бежали, саботировали производство, где оно было, создавали организации сопротивления... С негодованием отвергали уговоры фашистов и власовцев о вступлении в так называемую Российскую освободительную армию, о предательстве своей Родины.

И ждали... И дождались 9 мая 1945 года. Наш лагерь освободили американские войска. Вскоре приехали представители Красной армии, нас погрузили в эшелоны и отправили в Москву. Здесь долго и жестко проверяли, а что вот, скажем, меня проверять: дрался, пока были оружие и силы, без сознания попал в плен, несколько раз бежал...

Поверили. После проверки и лечения я служил еще до августа 1947 года.

Записал Михаил Болотов

Григорий Ярыгин

А ДЕЛО БЫЛО ТАК...

Григорий Васильевич Ярыгин родился в 1925 году в Юргамыше. На фронт ушёл в 1943-ем. Освобождал Украину, Румынию, Венгрию, победу встретил в столице Чехословакии городе Праге. Участвовал в войне с Японией. Имеет боевые награды.

В сорок третьем я ушёл на войну, хотя мечтал попасть на фронт уже сразу после нападения фашистов на нашу страну. Но, как говорят в народе, - хотеть никому не заказано. Мал был, не брали. На фронте романтика слетает быстро, но наступает мужская ответственность, хотя ещё и бритву-то в руки не брал. А после ответственности, конечно, смекалка и расторопность требуются. Много случаев разных на войне бывало, я расскажу только об одном.

Служил я стрелком-радистом на бронетранспортёре в 7-м механизированном корпусе. Освобождали мы тогда Венгрию. Наш разведбат расположился в лесу. Теплынь, тишина, время послеобеденное. А на войне ведь как – выбралась минута затишья – поспи, кто знает, что в ближайший час делать придётся, какая команда последует. Я в тот момент дежурство нёс на бронетранспортёре. Затишье да безделье навевают размышления всякие. Думаю: “Вот война окончится скоро, слава Богу, с землицы своей немца выперли, по чужим странам пошли. Они тут, надо сказать, неплохо жили. А как у нас,

на родной земле? Я уж захватил голодуху, а теперь, поди, и вовсе худо живут родные мои”. Катаю мысли в мозгах, жду сменщика. Вдруг тишину эту благодатную нарушил рокот мотора низколетящего самолёта. По гулу нетрудно было догадаться, что это немецкий самолёт, вполне возможно, вражеский разведчик. Я, не теряя ни секунды, быстро зарядил пулёмёт, а он, самолёт-то, прямо на меня прёт, распластав крылья. Раздумывать времени не было, прицелился и дал по стервятнику длинную очередь. Трудно было сразу понять, попал или нет? Но через несколько секунд прямо на глазах “немец” задымил. Пролетев, может быть, несколько сотен метров, резко клюнул носом и почти отвесно стал падать, и исчез за высокими деревьями. И тут же раздался оглушительный взрыв, эхо которого покатилося по окрестным холмам, покрытым сплошными лесами.

В это время почти все отдыхали и мало кто понял, что случилось, потому что всё это произошло буквально за несколько секунд. Паники никакой не было. Командиры повыскакивали, а следом и бойцы. А из леса дым валит. Да и быстро всё разъяснилось: сбит вражеский самолёт. Выстроили всех, стали выяснять - кто и как сбил стервятника. Стояла, как говорят, гробовая тишина, которая длилась недолго. Командир батальона ещё раз повторил вопрос: “Кто сбил?” И тут шагнул я из строя. Приложив руку к козырьку, успел лишь тихо выговорить: “Я, рядовой Ярыгин...”

Тишины как будто и не было. Начали шумно обсуждать происшедшее. Подполковник Тихомиров поднял руку, строй немного успокоился. Он быстрым шагом подошёл ко мне, на мгновение остановился, потом резким движением обнял и громко сказал: “Молодец, Ярыгин!”. “Служу Советскому Союзу!” – также отчётливо выпалил я.

Строй распался, меня стали бурно поздравлять, кто-то хлопал по плечу, кто-то тискал в своих объятиях...

Вскоре за этого сбитого самолёта-разведчика мне перед всем батальоном вручили медаль “За отвагу”. Хотя, если говорить честно, отвага тут была или что другое? Я и сам не разберусь. Хорошо, что я его вперед увидел, чем он меня, и с наводкой не оплошал. На войне такое нередко встречается, только не оплошай.

Валентина Чернышова

ЧЕРЕЗ ВОЙНУ И ЖИЗНЬ

Валентина Васильевна Чернышова родилась 2 февраля 1922 года в Кургане. Санитарка, медицинская сестра. Награждена медалями. Проживает в селе Глядянском.

Трудиться я начала еще до войны. По призыву комсомола в 17 лет уехала на Дальний Восток. Работала в песчаном карьере, хотя имела профессию телеграфиста, готовила песок для бетона, раз это было тогда для страны важнее.

Работали мы до упаду. Но были молоды, и все нам было нипочем. Вечером хватало сил и на танцы, и в кино ... Там, на стройке, и замуж вышла. Была у нас настоящая комсомольская свадьба, красивая, песенная.

А вскоре началась война. Тогда все думали, что она быстро закончится. И люди рвались на фронт. Муж ушёл на войну в первые дни. Меня он отправил домой, в Курган. И отец, и мама всю жизнь проработали здесь на железной дороге, отец даже орденом Ленина был награжден.

Пошла и я работать на “железку”, одновременно курсы сан-

дружинниц закончила. И в 1942 году меня призвали в армию. В санитарном поезде № 49 была в Латвии, Литве, Эстонии, Румынии, Польше. Сначала забирали раненых чуть ли не с поля боя. Потом поездам запретили подходить близко к линии фронта, так как они часто становились легкой добычей для фашистских бомбардировщиков. Однажды и мы чуть было не попали под бомбежку. Очень долго не выпускали нас с одной станции. Тогда начальник поезда приказал перегнать состав в другое место, правда, недалеко. А там, где мы прежде стояли, всю ночь бомбили, да так, что наши вагоны подбрасывало на рельсах. Думали, что и нам уже конец.

Работали с девчонками сутками. До того уставали, что ни есть, ни пить не хотелось, лишь бы до нар добраться.

На раненых глядела, и сердце кровью обливалось: без рук, без ног, обожженных... Особенно запомнил один симпатичный молоденький лейтенант - без обеих ног, без руки, на оставшейся руке только два пальца. Днем он еще держался, а ночью под одеялом все плакал. "Куда я теперь?! - говорил. - Родители погибли..."

Вывозили мы раненых в Свердловск, в Ташкент, Москву... Да, наверно, где госпитали были, везде побывали. Об окончании войны узнали в Румынии. Люди кругом кричат: "Гитлер - капут!" А наш офицер: "Не верьте, это провокация!" Ведь мы так ждали победу, и так боялись обмануться!.. А когда действительно подтвердилось, что войне конец, что было! Все радовались и целовались, плакали и смеялись!

И еще два года я со своим "сорок девятым" санитарным ездил по Европе и Советскому Союзу: вывозили военнопленных и угнанных на работы в Германию.

Когда демобилизовалась, поехала к мужу в Южно-Сахалинск. Но семейная жизнь у нас с ним не сложилась. Там же, уже в 1952 году, познакомилась с Георгием Петровичем Чернышевым - художником-оформителем. Тоже бывший фронтовик, воевал на "Катюшах", дошел до Берлина.

С ним мы прожили вместе 36 лет, и вот уже 15 лет как его нет на этом свете. Остались его картины. Особенно люблю смотреть на ту, где мне тридцать лет. Как давно это было, и как быстро все пролетело...

Записал Владимир Жоров

Юрий Ермолаев

МЫ ТЕРЯЛИ ДРУЗЕЙ БОЕВЫХ

Юрий Федорович Ермолаев родился 18 сентября 1926 года. Ушел на войну в ноябре сорок третьего, прямо со школьной скамьи. Учился на снайпера. Воевал десантником в составе 3-й танковой армии. Был ранен в операции по окружению Берлина. Награжден орденом Отечественной войны, медалями “За отвагу”, “За взятие Берлина” и другими. Живет в Кургане.

Когда началась Великая Отечественная война, все мои друзья 15-летние мальчишки, только что закончившие 7 классов, думали и говорили: “Вот дурак Гитлер, куда полез. Через месяц-два Красная Армия будет в Берлине”.

А оказалось, враг был силен и жесток. Через 2 года все мои сверстники и я стали солдатами, освобождали Западную Украину, Польшу и брали Берлин. Многие в 18-19 лет отдали жизнь за свободу Родины. Вечная им слава и память!

В ноябре 1943 года нас, девять мальчишек из 9 класса, призвали в армию, отправили в город Чебаркуль и зачислили в 10-ю Окружную школу снайперов. В начале сентября 1944 года глубокой ночью нас погрузили в товарные вагоны, застучали колеса.

Проехали Москву и дальше по направлению на Украину. Наши войска находились уже на территории Польши, Румынии. Мы ехали туда. В вагонах душно, шумно и весело. Сол-

даты пели “Темную ночь”, “Землянку” и другие душевные фронтовые песни. Большинство из нас были моего возраста, едущие на фронт впервые, но были и “старички”, которые побывали в боях не раз. В нашем вагоне ехал бывалый солдат, по нашему пониманию – “старый”, а было ему всего 30 лет. Он рассказывал о тяжелых боях, об отступлении, о фашистах. Его семья оказалась в оккупации.

Когда мы ехали по Украине, то сердце сжималось, мы видели разбитые города, сожженные села. В некоторых из них торчали только печные трубы. Жилья почти не было. Старички, женщины и дети, что остались живыми, ютились в землянках, голодали.

На одной станции мы остановились и начали варить в котелках концентраты и кипятить чай. Недалеко от нас раздался взрыв. Оказалось, что один боец вместе с обломками досок бросил в костер случайно небольшой снаряд. Двоих бойцов убило, троих ранило. Это были первые наши потери. Ребята похоронили тут же, на станции. Настроение у всех было подавленное.

Поехали дальше. У меня в вагоне появились друзья Коля Терехов, Саша Кареин, Миша Багин и Сережа Орлов. Последний был отчаянный парнюга и жуть любопытный. Все ему надо было знать.

С Колей мы спали рядышком на нарах. Он мне рассказывал о своем детстве, я ему о своем. Договорились мы после войны встретиться, но, как оказалось, это была мечта пацанов. Все мои друзья с войны не вернулись.

Мы прибыли на фронт. Это был Сандомирский плацдарм на западном берегу реки Сан. Наши войска форсировали реку еще в августе, захватили плацдарм на западном берегу. Теперь 1-й Украинский фронт пополнял свои армии для дальнейшего наступления.

Мы попали в 3-ю танковую армию. Ею командовал маршал Рыбалко. О танках мы не имели ни малейшего представления. Я видел их до этого только в кино “Парень из нашего города”. Мы думали: “Зачем танковой армии снайперы?”

Оказалось, что боец на войне должен уметь многое. И мы стали десантниками-мотострелками на танках.

Коля, Миша, Саша и Сережа попали вместе со мной в один

взвод. Командовал им младший лейтенант Петров. Он был с 1910 года рождения. До войны работал учителем в школе и с нами общался, как со школьниками. Началась боевая подготовка к предстоящему наступлению.

Новый 1945 год мы отметили праздничным обедом, нам выдали по плитке американского шоколада и по 200 граммов виски, которые всем не понравились.

Рано утром 13 января еще было темно, началась артиллерийская подготовка. Гремело и ухало впереди нас где-то километрах в трех. Там полыхало зарево.

Нас подняли по тревоге с полным комплектом вооружения. Урчали танки, машины. Когда рассвело, в воздухе появились самолеты. Они шли в сторону фронта густым потоком.

Но нас почему-то еще долго не тревожили. Мы не знали, что другие части прорывают оборону врага, чтобы ввести в прорыв танковые войска. За колонной танков мы двинулись в прорыв.

Навстречу нам шли наши раненные солдаты, вели пленных немцев. Мы проехали, не сходя с машин, 1-ю и 2-ю линии обороны. Видели много трупов немецких и наших солдат. Стало жутковато.

Оборона немцев была прорвана на широком фронте и далеко в глубину. На автомашинах мы двигались до самого вечера. Ночевали в каких-то сараях, вповалку. Всю ночь в небе гудело. Это волнами шли наши бомбардировщики.

Только рассвело, нас подняли. Колонной двинулись вперед. Справа и слева горящие деревни. Вдруг в небе загудело. Команда "Воздух!" сбросила нас с автомашин. Мы залегли по сторонам от шоссе.

Ночью выпал снег, и мы на белом фоне были видны немецким летчикам, как на ладони. Посыпались противопехотные бомбы, так называемые лягушки. Они ударялись о землю, подпрыгивали и взрывались на множество осколков. Я прижался к земле в кювете. Было жутко и страшно. Отбомбившись, самолеты улетели. Среди убитых был и мой товарищ Саша Кареин. Последовала команда: "По машинам". И мы двинулись вперед. А перед глазами был мой друг Саша.

Уходя, фашисты сжигали селенья, забирали у поляков скот, птицу, пищу, все, что можно было забрать. В погребках деревень скрывались старики, женщины, дети. Выходя из подва-

лов и погребов, они просили у нас хлеба. Бедные люди. Их жалели наши солдаты и кормили.

В одном из польских “местечек” женщина подошла к нам и сказала: “Там герман” и указала на погреб. Мы подбежали и стали стучать по крышке. Никто не отвечал, тогда Сережка Орлов говорит: “Давайте бросим туда гранату”. Сразу крышка поднялась, и оттуда с поднятыми руками вылез человек в немецкой форме. Это был узкоглазый азиат. Мы закричали:

- Ах ты, гад, кто ты, говори!

Он смотрел на нас со страхом и лепетал по-немецки:

- Никс ферштеен, никс ферштеен. (Не понимаю).

Тогда опять Сергей предложил:

- Давайте, ребята, сбросим его обратно в погреб и туда же гранату.

- Не надо, не надо, я все скажу.

Это был власовец. Мы наподдавали ему как следует и отвели в штаб. Власовцев солдаты ненавидели. Я сам видел однажды, как после боя раненые солдаты забили носилками власовца насмерть.

Командование под жесткими наказаниями запрещало бить пленных, но иногда гнев солдат удерживать было нельзя.

Мы шли пешим порядком, вдруг из небольшого лесочка раздались пулеметные очереди. Наше отделение из 8 человек заскочило в лесочек и обнаружило там немецкий танк. Он стоял на месте, очевидно, не было горючего. Мы забежали с тыла и заскочили на танк. Стрельба прекратилась. Башенный люк оказался открытым изнутри. Боец Жанат приоткрыл его и бросил внутрь гранату. Раздался взрыв, и все стихло. Мы открыли люк и увидели трех убитых танкистов.

За уничтожение танка нас всех наградили.

Враг отходил к Одеру. В оставленных немецких траншеях было много брошенного оружия. Мы брали фаустпатроны, гранаты с длинными деревянными ручками. Мы их брали с собой и носили, и возили в ящиках на автомашинах и танках, использовали в боях.

19 января наша колонна на студебеккерах остановилась возле бора и рассредоточилась в цепь. Танки отстали где-то. Привезли обед, но нам приказали цепью двигаться вперед. Немцы открыли пулеметный огонь. Мы залегли. Пули щелка-

ли по ветвям и стволам деревьев, впивались в снег и землю. Мы поползли вперед. На опушке осмотрелись. Перед нами замерзшая речка, а за ней небольшой городок.

Последовала команда: “Вперед!” И мы побежали. На льду реки нас уложил и прижал яростный шквал пулеметного огня. Мы залегли. Часть солдат оказалась впереди на верху яра, там был и мой друг Колька. Я лежал с автоматом на краю излучины с командиром взвода и несколькими автоматчиками. Слева от меня лежал Миша Багин с ручным пулеметом. Я разговаривал с ним, когда наш взводный, оказавшись без связи с командиром соседнего взвода, послал меня к нему. Я полз и думал, что если увидит немецкий снайпер, то мне конец. Но, наверное, меня хранил Бог. Я дополз до соседей. Взводный командир передал нашему, что у моста стоит немецкая самоходка и ведет огонь по льду реки, что ее попытаются уничтожить.

Я пополз обратно. Дополз до Миши, а он лежит на боку у пулемета, а рядом кровь.

- Миша, что с тобой, ты ранен? – закричал я.

Миша молчал и только моргал глазами. Через несколько секунд глаза его остановились. Я забарабанил о лед кулаками.

Коля сверху крикнул:

- Что там у вас?

Я сказал, что убило Мишу.

Послышался рокот танков. Они выскочили из лесу, домчались до нас. Последовала команда “Вперед!” Я вскочил на обрыв и остолбенел. Передо мной на яру лежал обугленный труп Кольки. Но останавливаться было нельзя, и я вместе со всеми побежал за танками, стреляя из автомата.

Танкисты наши были опытные ребята, и вскоре вверх полетели колеса от немецкого орудия. Замолчала и немецкая самоходка.

С криками “Ура” мы ворвались в траншеи немцев, они были пусты, лежали только убитые. Мы побежали дальше за танками и вскоре взяли городок.

Большинство немцев бежало, но были и пленные. Это были власовцы. Наши бойцы были разъярены за погибших товарищей и стали избивать этих гадов. Но приехали комбриг с замполитом и навели порядок.

Погибших ребят похоронили в братской могиле. Их было

14 человек. Дали залп из автоматов и расстались с ними навсегда.

Пришла кухня. Нам выдали по 100 граммов спирта. Мы помянули павших в бою товарищей. Нас накормили горячим обедом.

Мы с Сережей переночевали в какой-то школе на полу. Я долго думал: почему сгорел Колька? Потом понял. Он был сигнальщиком. У него в вещмешке лежал запас ракет. Очевидно, трассирующая пуля попала в вещмешок с ракетами, они взорвались, и Коля вспыхнул, как факел.

А утром мы снова ушли вперед на танках и автомашинах.

Мы на территории Германии, хотя и не заметили, как перешли границу. Но сразу поняли, что это не Польша. Бетонные дороги, обнесенные с обеих сторон фруктовыми деревьями, кирпичные фольварки, оградные кирпичными и металлическими оградами, ухоженные усадьбы.

Первое время в населенных пунктах мы не встречали жителей. Все они бежали на Запад, бросив почти все имущество и скот. Они боялись возмездия. Им говорили, что русские убивают всех подряд.

Помню, мы заскочили в какую-то богатую усадьбу. В зале за столом сидели два трупа. Старуха с простреленной головой сидела в кресле, рядом старый мужчина с раной на виске, тоже в кресле. На ковре валялся пистолет “вальтер”. По-видимому, хозяин застрелил жену, а потом застрелился сам. На столе в альбоме были фотографии. На одной из них старый генерал в эсэсовской форме. Мы узнали в нем застрелившегося старика.

Мы осмотрели комнаты, потом зашли в подвал, там были разные вина, колбасы, окорока, консервы. Но пришел командир и запретил есть это, боясь отравлений. А случаи такие были.

В первое время никого из населения не видели, потом стали встречаться старики, женщины и дети. Они кричали: “Камрад гут, Гитлер капут”, “Камрад гут, Гитлер капут”.

Иногда из засад нас обстреливали из пулеметов и фаустпатронами.

Часто по дорогам навстречу нам брели наши люди, угнанные фашистами в Германию. Шли освобожденные пленные в пестрой тюремной одежде. Попадались и дети с матерями,

ведущими их за ручки, и дети без матерей. На них было больно смотреть.

Как-то на танках мы ворвались в немецкий городок, не очень большой. Немцы нас не ожидали и не оказали никакого сопротивления. По улицам шли прохожие, были открыты магазины. При виде русских танков все испугались, бросились бежать. Среди них были и военные, но мы не открыли стрельбу, и они не стреляли. Многие подняли руки. В окнах домов появились белые флаги и простыни. Так был взят городок без единого выстрела.

При движении дальше немцы снова оказывали нам жестокое сопротивление, особенно близ города Глейвиц. Это был крупный железнодорожный узел. Наш батальон остановился возле железной дороги, мы залегли у железнодорожной колеи и пролежали двое суток. Немцы обстреливали нас из стрелкового оружия и шестиствольных минометов. Мины у них крупного калибра и вырывались с большим грохотом. В воздух летели комья мерзлой земли, а осколки светились огнем. Было холодно, мерзли руки и ноги. Ночью мы выскакивали из окопов и прыгали, чтобы согреться. Пищу подносили тоже только ночью.

Неподалеку стояла будка путейщиков железной дороги. Однажды днем, когда стихли выстрелы, Сережка поднялся и пошел к будке. Ему было интересно посмотреть: что там? Я предупредительно окрикнул его, но он махнул рукой и пошел. Через несколько шагов он упал. Мы за ноги стащили его за насыпь. Сергей был мертв. Пуля вошла ему между глаз. Так глупо погиб еще один мой друг Сережка Орлов. Мы ночью выдолбили в мерзлой земле могилу и похоронили друга.

Ночью 26 января поступил приказ без выстрелов и артподготовки атаковать врага, застать немцев врасплох и взять город. Немцы заметили и начали пулеметный обстрел с фронта и флангов. Мы залегли. Прямо передо мной взорвался снаряд, рядом - следующий. Что-то упало перед глазами, я думал, очередной снаряд и закрыл глаза, но когда их открыл, увидел: передо мной лежала нога в валенке. Валенки были у комвзвода младшего лейтенанта Петрова. Меня бросило в дрожь. Видимо, снаряд попал прямо в него.

Кто-то подполз сзади и сказал, что есть приказ отойти назад за железную дорогу.

Все поползли под пулеметным огнем. Я подобрал планшетку комвзвода, валявшуюся рядом, и тоже пополз. Ползти мне мешала фляжка со спиртом. Я перевернулся на спину, глотнул несколько глотков, заел снегом, а флягу выбросил, чтоб не мешала. Полежал немного. Спирт согрел. Хмель ударил мне в голову. Я встал на ноги и пошел к железной дороге. Пули свистели рядом, но миновали меня. Я перешел насыпь. Там уже было много бойцов. Я передал планшетку взводного командир роты, и нас отвели в какой-то кирпичный сарай, в котором было сено.

Подвезли кухню, накормили, и мы заснули, как убитые.

Мы были в непрерывных боях и маршах уже две недели и думали, что нас после этой неудачной попытки отведут на отдых, но не проспали и двух часов, как нас снова подняли и бросили этой же ночью снова на штурм Глейвица.

На этот раз город штурмовали с трех сторон. В атаку шли за танками. Несколько раз немцы укладывали нас огнем пулеметов на снег, но нас поднимали снова и снова. К рассвету мы ворвались в город. Фашисты, не ввязываясь в уличные бои, оставили его.

В начале февраля мы с ходу форсировали реку Одер севернее города Бреслау. Бреслау был окружен. Его бомбили наши бомбардировщики и штурмовики. Город был в огне.

Но нас двинули вперед к Берлину. Стало тепло, растаял снег, и появилась первая трава. Солнце припекало, как у нас в апреле. Стало на сердце веселее, приближался конец войны.

Немецкие фольварки и небольшие городки, которых было много на нашем пути, после выстрелов все чаще стали выбрасывать из окон белые флаги. Но им не всегда верили. Часто было и так, что с балконов, где висел белый флаг, вдруг стрелял фаустпатронщик или снайпер. Мы, десантники, вели с ними борьбу.

В конце февраля нас отвели в тыл для пополнения перед предстоящим последним броском на Берлин. Мы находились всего в 20 километрах от передовой. Наступление замедлилось, а затем и остановилось. Надо было пополнить живую силу, подвезти боеприпасы и технику, так как предстоял решительный штурм, а враг был еще силен.

Весь март и половину апреля мы стояли в лесах юго-вос-

точнее Берлина. Прибывало пополнение, поступали новые танки и вооружение. Проводились тактические учения. В их программу входили уличные бои в крупных городах. Имелся в виду город Берлин. Тогда мы еще не знали, что нашей задачей будет окружение Берлина, а брать его будет 1-й Белорусский фронт маршала Георгия Константиновича Жукова.

В ночь на 16 апреля нас подняли по тревоге, и мы большими колоннами танков и автомашин двинулись на передовую. В темноте разгрузились, замаскировались, отрыли окопы.

Ночь была теплая, звездная. Стояла тишина. Я долго прислушивался к тишине и задремал. Разбудил меня страшный грохот: началась артиллерийская подготовка. Небо над нами сплошь сияло от летящих реактивных снарядов “Катюш”. Они и тяжелые гаубицы стояли позади нас, а впереди вели огонь по немецким окопам средняя артиллерия и минометы.

Мы попытались выбраться из окопов и посмотреть, но стоять было нельзя: сбивало с ног воздухом и грохотом тысяч орудий и минометов. А впереди за речкой, где была немецкая оборона, сплошное зарево из огня, дыма и земли. Так продолжалось более часа. Когда рассвело, на передний край врага и его тылы обрушилась авиация. Самолеты шли на бреющем полете в сторону врага.

Подвезли завтрак. Мы плотно поели, и думали, что сейчас двинемся вперед, но нас не трогали до 12 часов дня. Пехота прошла первую линию без боя. Ее немцы оставили и перешли на вторую. Там шел бой. Саперы наводили переправу для танков. Когда она была готова, пошли танки и мы с автоматами. Вскоре нас посадили на автомашины.

В первый день наступления наша бригада продвинулась почти без боя километров на 15. Ночь мы провели в сосновом лесу. С утра на танках и автомашинах пошли вперед. Нас обстреливала немецкая артиллерия, были стычки с фаустниками. Но остановить такую армаду у немцев не получилось. Враг бежал, оставляя одну позицию за другой.

Перед Берлином сплошные сосновые леса. Мы в 20 километрах от фашистской столицы. Уже было видно огромное зарево над большим городом, его постоянно бомбили наши самолеты. Мы же двигались стороной и обходили Берлин с юго-запада.

Помню, мы остановились в каком-то лесу. Лес был полон войск, танков и другой техники. У нас передышка. Я с друзьями лежу, прислонившись спиной к сосне. Конец апреля, тепло, одолевает дремота. Услышав громкие разговоры недалеко от нас, мы встали и подошли. На носилках лежит немецкий летчик, недавно сбитый в воздушном бою. На его ноге шина. Он знает русский язык и говорит: “Вот так было в 1941 году под Москвой. Я там был. А теперь вы стоите у Берлина. Вы нас там побили, а мы побьем вас здесь, под Берлином”. Мы засмеялись и отошли.

Мы знали, что так не случится. Бои идут на окраинах Берлина. И большинство немцев кричит: “Гитлер капут. Камрад гут!” А этот плетет о какой-то победе. Бог с ним, мы верили в Сталина, в себя и в нашу Победу.

26 апреля. Мы на танках движемся по шоссе. Слева небольшой лесочек и какой-то фольварк. Я со своим отделением на броне “тридцатьчетверки”. Рядом мой товарищ, Димка Смолин. Мы крепко держимся за поручни танка, чтобы не упасть на быстром ходу. Слева затрещал пулемет. Острая боль пронзила левую руку. Я упал с танка. Все друзья попрыгали на землю и побежали к фольварку, стреляя на ходу. Танк развернулся и пошел на пулеметную точку. Рядом со мной оказался Димка. Пуля попала ему в шею. Нас перевязали. Меня отправили в медсанбат, а Димку увезли в госпиталь на операцию. Больше я его никогда не видел. Надеюсь, что он остался жив, я очень хотел этого всю жизнь.

Так закончилась для меня война. А до Победы было еще 12 дней.

Однажды ночью в городе Зорау, где я лежал в госпитале, началась сильная стрельба. Все, кто мог, повскакивали с кроватей. Некоторые стали кричать, что в город ворвались вооруженные фашисты. Но скоро в палату вошел замполит госпиталя и сказал:

- Товарищи, конец войне! Победа!

Небо было в ракетах и в следах трассирующих пуль. Стреляли из всех видов стрелкового оружия. Несмотря на боль, раненые были в приподнятом настроении, даже тяжелые, и то улыбались.

Наконец-то свершилось то, к чему мы шли эти 4 года. На-

ступил рассвет 9 мая. Нам принесли праздничный завтрак, вино, шоколад. Так мы отметили Победу.

Недавно мы отметили 56-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне. 56 лет – это большой срок в жизни человека. Но, несмотря на это, я все еще помню всех моих товарищей по оружию, которые остались там, совсем молодые ребята, мальчишки 17-18 лет.

Первые годы после демобилизации мне часто снились сны: мы едем колонной танков по бетонным дорогам Германии. И те жирные пятна на бетонке от раздавленных трупов, и клочья шинелей серо-мышинного цвета немецких солдат, и серые – наших парней. Эти пятна на бетонных дорогах вставали долго у меня в глазах. Эти погибшие солдаты не имеют могил, так как от них не осталось даже праха. Сколько матерей так и не узнало ничего об их судьбе. Пропал солдат без вести, навсегда...

И сейчас, спустя много лет, молодые ребята гибнут в Чечне и других “горячих точках”.

Неужели пережитого нам мало?!

Люди, остановитесь! Опомнитесь!!!

Владимир Ермаков

**И БОИ,
И РАНЫ,
И НАГРАДЫ**

Владимир Ефимович Ермаков родился 14 января 1922 года. После окончания средней школы прошел курсы всеобща и был направлен во второе Харьковское танковое училище. Офицер-танкист, четырежды ранен, дважды контужен. Воевал с июня 1941 года по апрель 1946 года. Награжден 18-ю орденами и медалями. Живет ветеран в селе Боровском Белозерского района.

Май 1941 года. Второе Харьковское танковое училище закончил хорошо, получил звание старшины и специальность техника-регулировщика и прибыл в 19-й танковый корпус, который был дислоцирован в Литве.

20 июня нас четверых отпустили в увольнительную на трое суток в город Каунас. А утром 22-го военный патруль остановил нас на улице и приказал немедленно отправляться в комендатуру города. Здесь мы и услышали о нападении гитлеровцев. В части ждали всех из увольнения.

Так для меня начался длинный военный путь. Бои шли жестокие, короткие стычки чередовались с длительными сражениями. В августе в бою за Жмеринку я был первый раз ранен в ноги. Лечение в Ростове на Дону, затем отдельный пулеметный батальон, я – помкомвзвода. Не было ни одного дня затишья, фашисты рвались вперед, мы оборонялись, порой переходя в контратаки.

Помню бой за высоту, на которой укрепились враги. Она господствовала над местностью, несколько попыток взять ее штурмом окончились неудачей. Тогда было принято решение захватить ее не “нахрапом”, в лоб, а со смекалкой солдат. Было решено взвод разделить на три отделения и с трех сторон одновременно атаковать. Время атаки 00 часов 30 минут. Каждая группа на рубеж атаки должна была выйти самостоятельно. Отделение, которым я командовал, к исходным позициям вышло, лучше сказать выползло, первым.

Осмотрелись, рассредоточились в цепь.

Не получив в установленное время сигнала к атаке, решил действовать самостоятельно. Дал тихо команду, и все мои девятнадцать бойцов осторожно поползли к вершине. Немцы, ранее отбив несколько наших атак, видимо, успокоились, тем более ночь стояла, хоть глаз коли.

До вершины оставалось метров пятнадцать, когда мы рванули в атаку. Все дело было кончено в несколько минут.

Только потом подошли остальные два отделения. Старшие группы решили, что командовать обороной занятой высоты буду я. Отправив связного с донесением в штаб батальона, заняли круговую оборону. А с рассветом к нам прибыл заместитель командира батальона капитан Лубянников, поздравил всех за умелые действия, вместо моего изорванного ремня подарил мне свой.

Обороняли высоту долго и успешно. Потом наша часть была отведена на пополнение. Да, забыл, за захват и оборону высоты я получил первую медаль “За отвагу”.

В конце мая 42-го года начались тяжелейшие бои, наши части отходили к Дону. Горели деревни, села, леса, бомбежка шла почти непрерывно. Нам было приказано переправиться через реку и там занять оборону.

В бою за поселок Моисеев из нашей группы осталось в живых и не раненых только трое. Немцы оказались уже в нашем тылу. Днем передвигаться было опасно. Вечером подошли к селению, не знали ничего. Мои спутники пошли в село, чтобы разузнать, что к чему. Я ждал их в лесополосе с винтовкой с одним патроном. Решил дожидаться темноты и идти за своими товарищами. И вдруг услышал звуки губной гармошки, сначала подумал, что мне снится. Но через заросли уви-

дел человека в немецкой форме на лошади. Подпустил вплотную и почти в упор выстрелил. Фашист! Я понял, что в селе враги и если они услышали выстрел, мне конец. Быстро затащил лошадь в лесополосу, снял с убитого автомат, сапоги, часы и бинокль, сел на коня и понесся от селения.

На часах, что снял с немца, было два ночи. Привязав лошадь, решил отдохнуть. Утром тронулся дальше, когда поднялось солнце, я был в зарослях ивняка и камыша. Прошло около часа, на дороге показалась повозка. Отлегло от сердца, ехали наши, и они подсказали, куда ехать.

До поселка оставалось с километр, когда, внезапно появившись, меня остановил дозор. Слава богу, свои! Показал им документы, но они, забрав их, оружие, повели меня в штаб. Здесь, младший лейтенант, после моего рассказа о мытарствах, только хмыкнул: “Я в армии уже полгода и меня не проведешь”. Сняли с меня сапоги, ремень и посадили у штаба с двумя охранниками по бокам. Сижу, жду решения своей участи.

Видимо, все-таки я счастливый человек, вдруг из-за угла дома вышел... майор Лубянников. Когда поравнялся с крыльцом, я его окликнул. Он повернулся, всмотрелся и спросил:

- Это ты, старшина?

- Я, товарищ майор.

- Почему ты раздет и босой?

Я объяснил. Когда меня, позвали в штаб, я увидел младшего лейтенанта, стоящего на вытяжку и что-то бормочущего. Конечно, мне все вернули. Вновь зачислили в часть, поставили на довольствие.

С этим полком пришлось пройти до степей Калмыкии. Здесь в бою за поселок Верхний Яшкуль был ранен в обе руки и попал в астраханский госпиталь. А это был всего июль 1942 года.

После излечения воевал в роте автоматчиков 126-й стрелковой дивизии, которая защищала Сталинград. Дрались за каждую улицу, каждый дом... Думаю, мне нет нужды об этом рассказывать, подвиг защитников Сталинграда – одна из ярчайших страниц мужества и героизма советских солдат.

В одном из боев я был контужен. После Калтышимского госпиталя со своим родным полком в дыму, боях дошел до

Крыма, здесь нашла меня фашистская разрывная пуля. Из госпиталя города Сальска в марте 1943 года попал в десантные войска и трижды ходил в составе морских десантников, освобождал Новороссийск.

После боев на Огненной земле в составе третьего механизированного корпуса шел на запад. И в сентябре 44-го года снова был ранен, на этот раз в живот, а лечился уже “рядом” с домом – в Свердловском госпитале № 354.

В ноябре, после переподготовки, снова направлен на фронт. Новое ранение – в лицо, потерял полностью зрение на левый глаз и почти семьдесят процентов правого. Снова врачи, госпитальные койки... Здесь и встретил радостную весть – мы победили! Мой скромный вклад в войну был достойно отмечен.

Вот сейчас, на излете жизни, мне все-таки 80 лет, иногда думаю: сколько же может выдержать человек? Ранен был в ноги, руки, живот, голову, дважды контужен. И мне ясно – многое может человек, если он бьется за правое дело. А мы дрались за Родину, свои леса и поля, за свои семьи. Потому не согнулись, потому сломали хребет фашизму!

Виктор Ульянин

ОТ КОЗЕЛЬСКА ДО ПРУССИИ

Виктор Михайлович Ульянин родился 23 октября 1925 года в поселке Юргамыш Курганской области. В 1941 году закончил семь классов, занимался в технических кружках. Сдал нормы на значок “Ворошиловский стрелок”, выполнил нормативы на значок ГТО, прекрасно бежал на лыжах. В ряды Вооруженных Сил призван в январе 1943 года. Воевал на Орловско-Курской дуге, участвовал в операции “Багратион”, освобождал Польшу, громил фашистов в Восточной Пруссии.

После призыва меня направили в Урюпинское военно-пехотное училище, которое находилось в Перми. Разместили в вознесенских казармах, на двухъярусных нарах были только соломенные матрацы, укрывались собственными шинелями. Кормили, правда, хорошо. Дисциплина строжайшая, требования – жесткие. Занятия шли с восьми утра до восьми вечера, изучали уставы, матчасть, тактику, другие дисциплины.

Напряжение на фронтах нарастало, поэтому училище мне закончить не пришлось, часть курсантов спешно отправили в десантные части. Так в июне 43-го года я оказался в 79-м стрелковом полку 26-й Восточно-Сибирской дивизии в районе города Козельска. Бои шли почти непрерывно, дивизия освободила город Карачаев, практически почти всю Орловскую об-

ласть. Невозможно было без боли смотреть на освобожденные селения: все разрушено, исковеркано, сожжено, одни только печи безмолвно стояли.

За бои на Орловско-Курской дуге армии, в которую входила и наша дивизия, было присвоено звание гвардейской. Конечно, бои эти не прошли бесследно и нас направили на переформирование, где мы принимали пополнение в основном из партизан.

После этого прибыли под Витебск на Третий Белорусский фронт. После краткой передышки дивизия штурмом освободила город Городок и стала именоваться 26-я гвардейская Городокская. Места на Витебщине были болотистые, поэтому окопы укрепляли мешками с песком. В это время шла подготовка операции по освобождению Белоруссии. На оршанском направлении, куда мы прибыли, немцы находились долгое время и значительно укрепили свою оборону.

Готовились и наши войска: окопы и траншеи копались в полный профиль, накапливалось вооружение, боеприпасы, техника, размещались полевые медсанбаты.

Операция “Багратион” началась 23 июня часовой артиллерийской подготовкой, в которой участвовала и полковая дивизионная артиллерия. Над нашими головами то и дело пронеслись хвостатые кометы “Катюш”. Но и фашисты отвечали огнем. И вот здесь нас спасало то, что окопы были сделаны добросовестно, с нишами, в них-то мы и пересидели канонаду.

В первый день наши войска заняли только первую траншею обороны гитлеровцев. В это время у них появились новые танки “Тигры” и “Пантеры”, самоходные орудия “Фердинанд”.

Мы на главном направлении уперлись, а наши соседи прорвали оборону немцев по флангам и они, боясь окружения, начали отступать. Гнали их вдоль железной дороги на город Борисов.

Наша дивизия за пятнадцать дней прошла путь от Орши до Молодечного, за сутки иногда проходили до 70 километров. Бывало, спали на ходу, держась друг за друга. С мощными боями освободили Борисов и Минск. Форсировали реку Березину, остановились, чтобы немного передохнуть в одном из парков. И тут увидели на другой стороне поляны замаскированный “Фердинанд”. Наши выкатили на прямую наводку

45-мм пушку, но не успели, – немцы выстрелили первыми. Попадание было точным, разбило пушку, многих и меня, в том числе, ранило осколком снаряда.

Сначала был госпиталь в Минске, затем отправили в город Иваново Московской области. Три месяца “отдыхал” в руках врачей, потом, поблагодарив их за лечение, попал в 67-й особый пограничный полк под городом Белостоком, который занимался охраной тылов действующих советских армий. Пришлось штурмовать Кенигсберг, освобождать Польшу.

Давно закончилась война, но в памяти моей все еще цепко держатся дымы и пожарища, скорбные печи на месте сожженных сел и деревень, пятнистые “Тигры” и “Фердинанды”, госпитальные койки, лица моих дорогих однополчан, с которыми я прошел боевыми дорогами от Козельска до Восточной Пруссии.

Степан Галямин

ПЕРВЫЙ ОРДЕН

Степан Петрович Галямин родился в 1923 году в селе Чесноки Кетовского района. Воевал в составе 820-го и 167-го стрелковых полков и в 90-м зенитно-пулеметном батальоне. Награжден орденами Славы 2-й и 3-й степени, Отечественной войны 2-й степени, медалями. В послевоенное время работал в колхозе “Серп и Молот” на разных рядовых и руководящих постах, мастер животноводства первого класса. За высокие показатели в труде награжден орденом Ленина.

Воевать мне пришлось в стрелковых частях и на многих фронтах. Попадал в разные ситуации. И наступать, и отходить обратно приходилось. Был я ручным пулеметчиком, а с пулеметом в боях просто не бывает. Ведь противник во время боя в первую очередь пулеметные точки уничтожить стремится. Потому-то снайпер за тобой охотится, то, смотришь, артиллеристы “в вилку” схватить тебя норовят, и танки прут на тебя в первую очередь. А при наступлении противника, особенно при его атаках с поддержкой авиации, и самолеты выслеживают, где пулеметчики окопались, чтобы с воздуха долбануть по тебе.

Еще в учебке нас, пулеметчиков, много раз наставляли и учили быть готовым к нелегкой жизни на фронте, а главное - при малейшей возможности поглубже рыть окоп, а то и два-

три, чтобы при атаках врага была возможность позицию менять: это своеобразный способ, чтобы уцелеть, выстоять. Много раз совет этот жизнь мне спасал. Правда, и землицы перелопатить пришлось за войну немало.

А рассказать я хочу про то, как свой первый орден заработал. Это случилось на Буге. Наша часть при поддержке танков отбила у немцев переправу. Нажали на них врасплох, и шли по пятам, что называется. Они с переправы, а наши танкисты уже у берега и подорвать ее гитлеровцам не дали. По ней-то и должны были переправляться наши войска, чтобы дальше развивать наступление. А нашему взводу поручено было организовать оборону переправы. Окоп я вырыл в полный профиль недалеко от переправы и запасной еще оборудовал, на всякий случай. Сижу, а солнце припекать стало. Думаю, навесик бы от него соорудить. Смотрю, а недалеко повозка разбитая, ось с колесом валяются. Посмотрел, а ведь для навеса-то можно эту ось с колесом приспособить. Притащил – в землю, а на колесо шинельку свою накиннул, сижу.

И тут вдруг группа немецких самолетов из-за облаков валилась. И прямо к переправе. Строчить из пулеметов начали, и на переправу, гляжу, выйти метят, чтобы разбомбить. Бойцы, как мыши, ринулись по окопам. А меня будто кто изнутри подтолкнул, я пулемет свой на колесо примостил, ствол –верху, поймал ведущего “юнкерса” на прицел и лупанул длинную очередь. Он с ревом на меня, а я в прицеле его держу и строчить продолжаю. Фашист на очередь мою видно и напоролся, так и не вышел из пике, рухнул в речку. Остальные летчики, заметив это, отвернули от переправы и улетели, сбросив бомбы мимо цели.

Только скрылись стервятники, бойцы повыскакивали из укрытий и ко мне. Выдернули из окопа и давай качать. Прибежал взводный, тоже радехонек:

- Молодец, Степша! Не сплоховал! – Обнял меня. Давай звонить начальству, что сержант Галямин при отражении атаки противника на переправу сбил фашистский самолет. За него-то я и был награжден орденом Славы 3-ей степени.

Записал Геннадий Устюжанин.

Яков Никифоров

**ВСЕГО
ОДНА
СХВАТКА**

Яков Артемьевич Никифоров родился 4 апреля 1924 года в поселке Коновалово Макушинского района.

Командир отделения автоматчиков стрелкового полка 370 стрелковой Краснознаменной дивизии.

Награжден орденом Отечественной войны, медалями “За отвагу”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”.

Проживает ветеран на своей малой родине в поселке Коновалово.

Все дальше уходят мои военные годы. Но в памяти до сей поры дымы и грохот, страшный вой падающих бомб и грозный рык снарядов наших знаменитых “Катюш”. Кажется, что у солдата не было ни одной минуты спокойного времени: то нас атакуют, мы отбиваемся, то сами рвемся вперед; то звучит команда: “окопаться”, то получаешь боезапас...

Солдатские дороги нелемки и вряд ли бы я их прошел, если бы не друзья-товарищи – мои однополчане. Плечом к плечу, одной командой, одной армией! И мы выстояли, не только не согнулись, но и разгромили фашистскую Германию.

... Это было, как сейчас помню, 2 февраля 1944 года на 2-м Прибалтийском фронте. Я служил тогда в 1234-м стрелковом полку, командовал отделением автоматчиков.

Очень нам досаждали фашисты, которые находились на

господствующей над местностью высоте: днем постоянно простреливали нашу оборону, нельзя было поднять головы, ночью “вывешивали” осветительные ракеты и бомбы, все было видно, как на ладони! Наш полк нес потери даже в тыловых порядках. Как заноза, была эта высота, ненависть и злоба охватывали нас все больше.

Наконец, приказали: “Взять высоту!” Подготовились, автоматы в руках, ножи на поясе, боезапас за спиной. Командир роты капитан Шурыгин отобрал нас тринадцать автоматчиков. Тогда даже в голову не приходило, что число это по поверьям несчастливое. Немцы всегда ночью выставляли посты охраны, поэтому атаковать высоту решено было днем. Сначала осторожно двинулся я с пятью бойцами, потом нас догнали остальные. Наши, прикрывая атакующих, открыли отвлекающий ураганный огонь по высоте из всех видов оружия. Под прикрытием этого огня мы ворвались в траншею фашистов с левого фланга. Немцы нас не ожидали, спрятались от снарядов и пуль, наблюдатели тоже находились в окопах.

Был бой скоротечный. Мы уничтожили восемь врагов, столько же взяли в плен, остальные драпанули на основную линию обороны. На допросе пленные сказали, что на высоте их было 48 человек, что они никак не ожидали атаки днем - расчет наших командиров оказался верным. К нашему горю, не обошлось без потерь и у нас – двух наших товарищей убили, одного ранили.

Всех нас, кто брал эту проклятую высоту, наградили медалью “За отвагу”.

... Но не за награды мы дрались. Из разных мест мы были, разных национальностей, и каждый из нас защищал не поселок Коновалово, не город Днепропетровск, не деревню Двухозерную, не столицу Москву, но общую нашу большую Родину – Советский Союз.

Записали Елена Васильева, Виталий Есетов

Варвара Шестопалова

**ДЕВИЧИЙ
ЗЕНИТНЫЙ
БАТАЛЬОН**

Варвара Захаровна Шестопалова родилась 17 декабря 1923 года в селе Колташево Кетовского района. С 1942 по 1945 год находилась в рядах Вооруженных сил страны. В составе 3-го батальона 749-го зенитного полка охраняла дальневосточные рубежи нашей Родины. Награждена орденом Отечественной войны 2-й степени. Вместе с мужем Владимиром Яковлевичем воспитала семерых детей, награждена орденом “Материнская слава” 3-й степени. Проживает в Варгашинском районе.

Великая война оставила свои кровавые отметины, наверное, в каждой семье нашей огромной страны. Мой старший брат, Иван Колташев, едва вернувшись с финской войны, снова ушел на защиту Родины. Почти из каждого дома нашего села уходили на фронт мужчины. Осиротела деревня в самый разгар полевых работ в сорок первом году, замолчала колхозная техника.

Настала наша пора впрягаться в мужскую работу. Колхозу нужны были механизаторы и мы, молодые, стали учиться этому.

Каждый день от Сычево до Варгашей по двенадцать километров в одну сторону ходили мы пешком в районную МТС учиться на курсах трактористов. С наступлением осенних холодов, слякоть и бездорожье изматывали до предела, маломальская одежонка плохо укрывала от пронизывающего

ветра, поношенная обувь не выдерживала такого ежедневного марафона.

Но холод и голод только подстегивали, заставляли преодолевать дорогу с мечтой о теплом доме и горячей печеной картошке.

После курсов работала на тракторе. Было очень трудно, иногда от бессилья выступали слезы, но техника не останавливалась.

Вскоре подошло и наше время помогать фронту не в тылу, а на передовой. Помню, как мама положила мне в котомку последний котелок картошки и заплакала оттого, что дать больше нечего было. Как они, голодные, пережили это время, не знаю.

Моя же военная дорога увела меня на дальневосточные рубежи. В Чебаркуле, где мы проходили учебу, среди девчат ходили разговоры, что нас готовят на западный фронт, но вскоре приехал “покупатель” из Хабаровского края и целый эшелон пополнения был отправлен на Дальний Восток.

В Биробиджане отобрали тех, кто был знаком с техникой, остальных вновь погрузили в эшелон и отправили дальше. Так я попала на охрану границы в 349 зенитный полк, первый дивизион, в третью зенитную батарею. Жили с девчатами в бараках.

Обстановка была военной, дисциплина строгая, ежедневно тренировки, марш-броски, учебные тревоги. Никакой скидки на то, что мы женщины, не было.

Главная задача, которая стояла перед нами, быть готовыми к отражению вторжения союзника фашистской Германии - японских войск. Наша зенитная батарея охраняла железнодорожный мост через реку Амур круглосуточно и неусыпно.

Сложнейшее время, нелегкое положение на западном фронте, невероятное напряжение. И невозможно было все это пережить без солдатской девичьей дружбы, чувства локтя, взаимопомощи и взаимовыручки. Как сейчас слышу нашу строевую песню: “И стоит 749-й на границе наш зенитный полк...” помню, и номер своей винтовки – 37345 – хотя столько лет прошло. До сих пор перед глазами лица моих боевых подруг, девчат-зенитчиц. Мы подвигов не совершали, но всегда

были готовы к бою с любимым врагом Родины.

Слава Богу, японцы не напали, и после Победы в сентябре 1945 года я вернулась домой. Встретила фронтовика, инвалида Великой Отечественной Владимира Яковлевича Шестопалова. Вышла за него замуж, вместе работали на тракторе в колхозе. Жили дружно, мы, счастливые, родили и воспитали семерых детей. К великому несчастью нашей семьи, Владимир Яковлевич в 1974 году трагически погиб.

Жизнь идет своим чередом. Сегодня у меня двенадцать внуков, трое правнуков.

Все дальше война, но в памяти моей она будет вечно.

Евгений Лукиных

ПОДВОДНИКИ НА ОХОТЕ ЗА ВРАГОМ

Евгений Иванович Лукиных родился 10 октября 1925 года в деревне Жеребенковой Шадринского района. Окончив 9 классов школы № 10, пошел работать станочником в инструментальный цех ШААЗа. В мае 1943 года призван в ряды Военно-морского флота. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалями Нахимова, “300 лет российскому флоту” и другими.

Службу я начал курсантом учебного отряда подводного плавания, который готовил специалистов рядового состава. Сначала это было в Казахстане, на Аральском море, а когда немцев изгнали с Северного Кавказа - в Махачкале. Учеба была ускоренной, но готовили нас основательно, как того требовала специфика службы на подводных лодках.

Сдан экзамен на «отлично». Получена специальность гидроакустика и право выбора флота. Выбрал Балтийский и был назначен в экипаж подводной лодки Щ-309, которой в 1942 году присвоено звание Гвардейской.

Короткая отработка боевых задач в Ладожском озере, и наша лодка под командованием капитана 3-го ранга Ветчинкина отправилась на боевые позиции. А выход в открытое море был один через шхерный фарватер, так как Финский залив напичкан минами, так что приходилось смотреть в оба и пола-

гаться на опыт финских лодчанов.

Наконец прибыли на место назначения. Штаб бригады находился в Хельсинки, а плавбаза экипажа подлодки (бывали на ней редко) располагалась на бывшей царской яхте “Полярная звезда” в одном из портов Финляндии. В любую погоду, в любое время дня и ночи уходила лодка в море на блокирование врага, на охоту за кораблями противника. Походы, бывало, растягивались до 60 суток, от базы отдалялись на 700-800 километров. И почти все время под водой, всплывали только по ночам, чтобы пополнить запасы воздуха и подзарядить аккумуляторы. За нами ведь тоже охотились вражеские самолеты и сторожевые корабли. Частенько приходилось скрываться от бомбежки, “отлёживаться” на грунте.

Основной задачей нашей команды было блокирование портов Виндава (Вентспилс) и Либавя (Лиепая), через которые боеприпасами и провиантом снабжалась прижатая к морю Курляндская группировка фашистских войск. А это 30 дивизий - остатки бывшей армии “Север”. До самого конца войны они тут и “загорали”.

У подводников, как правило, нет ярких военных эпизодов. Результат атаки видит через перископ один командир, остальные в это время находятся на своих боевых постах. Если капитан - глаза подлодки, то матрос - гидроакустик - ее уши.

Надо сказать, что во время войны аппаратура у нас была далека от совершенства. Приходилось больше полагаться на свой опыт, а иногда и на интуицию. От действий гидроакустиков зависели действия командиров, а значит, и всей команды. Вскоре я довольно точно определял движение кораблей противника, расстояние до них и даже класс судна. Только за 4 похода наш экипаж отправил на дно 5 грузовых кораблей фашистов. За это я в числе других получил первые награды - орден Красной Звезды, медаль Нахимова.

В разных переделках побывал экипаж лодки. Но особенно мне врезался в память один эпизод 16 ноября 1944 года мы получили приказ выйти в район небольшого острова, где немцы еще удерживали мыс Сырве. На узком перешейке наши пехотинцы были прижаты огнем артиллерии с кораблей противника. На подходах к острову из-за небольшой глубины с трудом маневрировали и атаковали вражеский эсминец.

Выпустили по нему пару торпед, но этого оказалось мало. Не успели сделать второй залп, как эсминец быстро ретировался, ушел в западном направлении.

А на подводную лодку тут же набросились сторожевые корабли, начали бомбить. Еле ушли, но задачу выполнили. Утром Совинформбюро передало, что эстонская земля полностью освобождена от захватчиков.

Мы были в море, когда 10 мая получили весть о капитуляции фашистской Германии. А 12-го кто-то снова бомбил лодку. Получили приказ о возвращении на базу, погибать после войны было глупо. Но все обошлось. Нам просто повезло, да и искусство, опыт командира помогли.

После войны я еще три года служил в той же бригаде, а потом вернулся домой, стал работать на родном заводе.

Владимир Василевский

ПЕРЕПРАВА, ПЕРЕПРАВА....

Владимир Иванович Василевский родился 14 февраля в городе Запорожье.

В феврале 1943 года направлен в военное училище. Из училища добровольцем ушел в воздушно-десантные войска. Участвовал в боях на Карельском, 2-м и 3-м Украинском фронтах. Принимал участие в освобождении Венгрии, Австрии и Чехословакии.

Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги” и другими. В мирное время награжден орденом Дружбы. После демобилизации работал редактором ряда районных газет, заместителем редактора газеты “Советское Зауралье”.

Признаюсь, давно мечтал побывать в местах, где в годы Великой Отечественной войны принял бой. И вот я в Лодейном Поле. Это под Ленинградом.

Милый, уютный городок. Неторопливая улица с ясноокими домами. Площадь, сверкающая стеклянными стенами магазинов. Кинотеатр “МИРНЫЙ”.

А рядом и вокруг современных зданий много старых деревянных улиц с уютными прадедовскими домами. А сколько здесь сирени! В бело-фиолетовых облаках стоит Лодейное Поле, когда она цветет. Горожане чтят подвиги наших солдат,

их имена носят улицы, школы, скверы.

Направляюсь в парк Победы, что разбит на крутом берегу Свири. На том самом месте, где 1005 дней наши части держали оборону. Как ни стремился враг, а войска маршала Мерецкова так и не дали ему сомкнуть здесь второе, большое кольцо блокады вокруг Ленинграда. Тогда здесь пролежала передовая. В парке и поныне сохранились наши траншеи, обшитые бетоном, полуобвалившиеся от времени КП, фронтовые блиндажи, землянки...

Земля эта обильно начинена металлом. Она, наверное, тяжелее любой другой. Беру горсть земли. Свежий ветер сдувает с ладони длинное облачко суглинка, и остается в руке ржавый, дробленный металл. Осколки мин, бомб, снарядов - семя войны, павшее в почву в те далекие годы. Земля, обожженная войной, больна и поныне.

Вот рваный осколок... Трудно сказать, чей это металл - наш или противника. Но мне почему-то подумалось, что это рыжее до красноты железо - осколок чьей-то горячей жизни. Может, кого-то он из ребят нашей 9-й роты, который так и не успел добежать до заветного берега Свири, или из солдат соседней батареи, что перед боем дали клятву до конца выполнять свой долг перед Отчиной и пали в этом бою. А, может быть, это была кровь однополчанина москвича А.П.Быстрова или ленинградца Б.М.Мермана, курганца П.А.Сартакова....

А вот у этого дерева была моя огневая точка. Рваные дыры по всему стволу сосны. Помню, плотный был огонь. И дерево, стоя, приняло смерть.

Целое ожерелье траншей и окопов опоясывало городок. Без труда нахожу свой окоп. Теперь он неглубок. А тогда был в полный профиль. Бесхитростные колокольчики и веселая травка проросла на бруствере окопа.

Память вернула меня к тем далеким дням. Вспомнились ребята, которые легли вот здесь, в эту землю, растворились в ней, сделали ее частью, стали этой густой травой и полевыми цветами. Да, густо замешана эта земля.

Один день войны. Переправа, переправа, берег левый, берег правый...

xxx

Предстояло форсировать Свирь. А как это сделать, если

затаившийся враг готов смести смертоносным огнем все живое, что появится на просторе реки?

И тогда командование, чтобы обмануть гитлеровцев, решило обозначить начало форсирования реки переправой ложного десанта. Предполагалось, что враг, обнаружив его, откроет огонь и даст возможность нашим артиллеристам выявить и уничтожить огневые средства противника. Только после этого должно было начаться форсирование реки главными силами.

Наш 300-й гвардейский парашютно-десантный полк готовился вместе с другими частями форсировать Свирь. Вечером во второй батальон пришел майор Курганов, служивший до этого комиссаром в полку, где совершили свой подвиг 28 героев-панфиловцев.

- Нужны смелые ребята, - сказал он, всматриваясь в лица бойцов. - Предстоит рискованное дело, - и сделал паузу. - Добровольцы есть? Три шага вперед!

Коммунисты и комсомольцы, а за ними весь строй, слегка качнувшись, сделали три шага вперед.

Майор спокойно заметил:

- Надо всего двенадцать человек. Двенадцать выносливых, умеющих отлично плавать, стрелять.

- Я поплыву! - заявил Владимир Немчиков, командир стрелкового отделения.

- Пойду и я! - раздался голос пулеметчика Аркадия Барышева.

- Запишите меня! - попросил снайпер Иван Паньков.

- Возьмите! - отозвался Петр Павлов.

- Подумайте, - сказал командир полка Данилов, когда двенадцать бойцов остались с ним с глазу на глаз. - Завтра вам предстоит выполнить важную задачу. - Будете первыми форсировать Свирь. Вы знаете, что это значит?

По жестоким законам войны этим двенадцати предстояло умереть. Но кроме этих законов в бою есть еще и счастье, особое, военное. Счастье, когда твоя жизнь доверена умному, опытному командиру; счастье, когда рядом друзья, на которых можно положиться, как на самого себя; счастье, когда предназначенная тебе пуля почему-то летит мимо.

Ночью, когда берег затянуло плотным туманом, командир

батальона повел гвардейцев к переднему краю.

- Чтобы нашим частям форсировать реку, надо выявить и подавить вражеские огневые точки, - сказал комбат капитан Матюхин. - Враг хитер. Ваша задача - заставить его «заговорить». За полчаса до начала общего наступления вы первыми броситесь в реку и поплывете, привлекая к себе внимание, а, значит, и весь огонь противника.

Солдаты молча слушали командира.

- У вас будут деревянные плоты, - продолжал он, - а на плотях - макеты «солдат». Это создаст видимость массовой переправы. Надо, чтобы фашисты поверили, что именно здесь, на этом участке, мы хотим нанести им главный удар. Враг открывает жесткий огонь по вашей «флотилии». Но вы держитесь.

На берегу, в глубоком овраге, закипела работа. Саперы готовили для группы плоты. Старшины выдали солдатам сухой паек, патроны и гранаты.

Наступила ночь - ночь перед боем. Немчиков и его друзья, не смыкая глаз, наблюдали за противоположным берегом.

- Завтра ровно три года, как началась война, - сказал задумчиво Павлов.

- Ну и нашел дату! - заметил Малышев.

Немчиков понимал: солдаты не хотели говорить о завтрашней переправе. Он смотрел на черную кромку противоположного берега. Еще вчера заметил, что берег низкий, зарос кустарником. Подход для плотов будет удобный...

Перед боем Владимир Немчиков, поцеловав, отдал свой комсомольский билет комсору.

- На том берегу возьму.

Так поступили и остальные.

Свирь... Спокойно несла они свои холодные воды в Ладугу, как, быть может, несла сто, тысячу лет назад. Тишина... Но как зловеща она перед боем!

22 июня 44-го года. На востоке занялась заря. Белая ночь незаметно переходила в утро. Плыл над водой туман.

- Пора! - раздалась команда.

Гвардейцы молча двинулись к реке. До артподготовки оставалось тридцать минут, когда смельчаки столкнули плоты в воду. Дул прохладный ветерок.

Враг хранил молчание. Только изредка где-то далеко слыш-

ны были одиночные выстрелы.

Десантники прыгнули в воду.

Плывут через Свирь плоты. На плодах «бойцы» с пулеметами. Флаги красные трепещут на ветру. Но пулеметы молчат: они деревянные. Молчат и автоматы в руках «солдат» - это не солдаты...

А плоты все ближе и ближе к вражескому берегу.

И вдруг... тишину разорвало несколько взрывов.

Правый берег сразу ожил. Фашисты заметили «флотилию» и открыли бешеный огонь из всех видов оружия. Мины и снаряды рвались совсем рядом. Над головами гвардейцев свистели пули. Осколки с шипением и свистом шлепались в волны реки.

Переправа, переправа, берег левый, берег правый...

Правый берег изрыгал и сеял вокруг - смерть.

А плоты все ближе и ближе к вражескому берегу. Их толкали те, кто добровольно взялся за выполнение опасного задания - отвлечь противника ложной переправой, вызвать огонь на себя, дать возможность главным силам переправиться в другом месте.

Пули и осколки снарядов расщепляли плоты, со свистом вонзались в чучела, но плоты двигались вперед. Из-за взрывов, покрывавших поверхность реки, и водяной пыли мы с берега едва различали плотники. На середине кипящей от разрывов реки один за другим они стали взлетать в воздух. Вот перевернулся плот Владимира Юносова, и солдат ушел в воду. «Погиб» - подумал Немчиков. Но через секунду его голова вновь показалась на поверхности разбушевавшейся, словно в шторм, реки. Он тяжело, неровно дышал, силы явно покидали его. Несколько взмахов и на помощь ему подоспел Михаил Попов.

- Живой? Цепляйся!..

Ухватившись за обломки бревна, они продолжали грести к правому берегу.

Взрывной волной оторвало от плота и отбросило далеко в сторону Ивана Зажигина. Но он, напрягая последние силы, догнал плот.

Что-то острое и горячее обожгло ногу Немчикова. Перед глазами замелькали радужные круги - ранен. Задеревенев-

шими пальцами он схватился за веревку у борта, чувствуя, что если бросит, погибнет.

Почувяв неладное, Малышев подплыл к Немчикову.

- Продержусь... Помогите Бекбосунову.

Впереди виднелась черноволосая голова казахского парня Серкказы Бакбосунова. Тяжелый автомат, подсумок с дисками, намочшая одежда тянули его ко дну. От плота, который он вел, осталось только одно бревно. Оно, вращаясь, выскользывало из рук...

Река бурлила и вставала столбами от густых и частых разрывов. Сколько раз накрывал с головой такой столб Петра Павлова! Скольким раз ставил "на попа" плот и швырял его в черную водяную пропасть! И каждый такой бросок мог быть последним. Болели руки. Им с трудом удавалось удерживаться за железные скобы, вбитые в крайнее бревно плота, когда его швыряло с бешеной силой вверх и вниз.

Сжав зубы от ярости, боли и ненависти, Павлов продолжал толкать плот вперед. Наперекор всему! Наперекор врагу, течению, наперекор усталости, плот, хоть и медленно, но двигался к вражескому берегу.

Наконец, долгожданные сигнальные ракеты.

Теперь заговорила наша артиллерия - сотни орудий разных калибров, минометы, «катюши» обрушили свой огонь на врага. Каждую минуту на голову противника из 1000 орудий и минометов обрушивалось, как потом подсчитали специалисты, шесть вагонов боеприпасов. Над головами гвардейцев прошли тяжелые бомбардировщики, на бреющем полете пронеслись штурмовики. Ещё минута, и правый берег Свири, где в земле засел враг, окутало черным дымом. В воздух, вместе с глыбами земли, полетели массивные обломки укреплений, на которые так надеялся противник.

Горстка храбрецов во главе с Немчиковым достигла правого берега. Установили дымовую завесу, проделали проходы в проволочных заграждениях и, забросав врага гранатами, расчистив путь автоматами, ворвались в первые траншеи. Завязался рукопашный бой.

Вскоре на одном из дотов появился красный флажок.

Тем временем справа и слева от ложного десанта началась настоящая переправа пехоты и техники. И пошли через

Свирь невесть откуда взявшиеся моторные лодки и понтоны. С ходу на большой скорости влетали в воду амфибии. Оборона врага была смята и раздавлена.

К вечеру гвардейские части заняли вторую линию обороны. Всюду валялась исковерканная - вражеская техника. Пахло гарью.

После боя Владимир Немчиков докладывал командиру батальона:

- Товарищ капитан, задание выполнено. Потерь нет!

- Нет потерь? - переспросил комбат Матохин.

- Так точно, нет!

- Молодцы, гвардейцы! - И он поцеловал каждого из двадцати ребят. - Вы настоящие герои!

И Родина высоко оценила подвиг комсомольцев-десантников. Старшим сержантам Немчикову, Юносову, Малышеву, Панькову, сержанту Зажигину, ефрейторам Маркелову, Мытареву, рядовым Барышеву, Павлову, Попову, Тихонову, Бекбосуну за эту переправу было присвоено звание Героя Советского Союза. А было им в ту пору по 18-19 лет.

Один день Великой Отечественной из 1418-и дней. Были потом еще бои, много их было. И в Карелии, когда брали линию Маннергейма. И в Венгрии за Будапештом, и в Австрии у Вены, и в Чехословакии, под стенами Златой Праги... Но этот бой на Свири помнится и сегодня во всех деталях. Может, потому, что это первый бой. Бой, в котором фашисты научили меня их убивать.

Александр Цаплин

И МЕНЯ ОТКОПАЛИ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ

Пишет вам Цаплин Александр Михайлович, инвалид Отечественной войны первой группы. Я родился в 1920 году.

Время идет быстро. Ряды участников войны сокращаются. В селе Сосновое из фронтовиков я остался только один. Здоровье мое и память неважные уже стали. Решил написать коротко о своем участии в Великой Отечественной войне.

В сентябре 1939 года был призван в ряды Красной Армии. Службу проходил в городе Ворошилове Приморского края в 134-й отдельной танковой бригаде. По окончании полковой школы было присвоено воинское звание и назначение на должность командира танка. Часть принимала участие в боях на озере Хасан. Международная обстановка в мире была напряженной. В Европе хозяйничал Гитлер. 22 июня началась Великая Отечественная война с фашистской Германией. Немецкие войска, ломая сопротивление наших войск, быстро приближались к Москве. Нависла угроза захвата Москвы. Наша бригада была срочно брошена под Москву

И вот сентябрь 1941-го. Защита Москвы. Атаки противника были непрерывными, сильными, но мы стояли насмерть. В одной из атак я был тяжело ранен. Лечение проходил в госпитале № 985 города Красноярска.

После излечения был направлен в 185-ю стрелковую дивизию Волховского фронта, в составе которой принимал не-

посредственное участие в прорыве блокады Ленинграда. Моя должность — связист — начальник радиостанции 1013-го стрелкового полка. Затем в составе Третьего Прибалтийского фронта — освобождение Прибалтики. После освобождения прибалтийских республик — Третий Белорусский фронт: бои по освобождению Белоруссии, Польши.

После этого — Восточная Пруссия. Шел уже апрель 1945 года. Наши успехи на фронтах радовали нас и вселяли надежды на скорую победу, на разгром врага в его логове.

14 апреля 1945 года в тяжелейшем бою за овладение городом Бреслау, что на реке Нейсе, я был тяжело ранен и контужен. Свои санитары меня не нашли. Об этом сообщили в штаб 1013-го полка. Через некоторое время родители получили похоронку. А меня нашли заваленным землей санитары другой части и доставили в госпиталь № 02283 в тяжелейшем состоянии. В этом госпитале я и встретил День Победы 9 мая 1945 года.

Мои награды: ордена Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.»

Село Сосновое Мишкинского района.

Анатолий Козлов

ИЗ ОГНЕМЕТНОГО БЫЛОГО

Анатолий Михайлович Козлов родился в деревеньке Маслово Лебяжьевого района в 1925 году в крестьянской семье.

Курсант военного училища, десантник. Рядом с боевыми наградами медаль “За трудовую доблесть”.

Проживает в селе Лебяжье родного района.

Окончил я семь классов Сухменской школы, собрался учиться дальше, а тут война. Собрали семьей отца в дальнюю военную дорогу и, как оказалось, навсегда – в 1942 году пришла на него казенная бумага – похоронка. Написал я тогда заявление в райком комсомола с просьбой отправить на фронт. И в 18 лет стал курсантом пехотного училища. Оставалось совсем немного до выпуска, но фронтовая обстановка усложнилась и нас рядовыми отправили в воздушно-десантные войска.

Второй Украинский фронт, как наверное и другие, вел тяжелейшие бои. В сражениях с обеих сторон участвовали тысячи солдат, бронетехники, сотни самолетов, неслыханное количество стволов артиллерии. Одна Яско-Кишиневская операция чего стоит. Горела земля, плавилось железо, но негиблем был советский солдат. Не вспоминаю отдельные рукопашные схватки, позиционные оборонительные бои, яростный натиск наших войск. Это было одно сплошное сражение.

Кто-то где-то отлил, видимо, и для меня пулю. Нашла она меня в мае и уложила на госпитальную койку до сентября.

Великий день Победы я встретил в Чехословакии. После войны мечтал стать военным, но ранение – до сей поры живу с осколком в груди.

Далеко уже война, но строки сами ложатся на чистый лист бумаги...

ОБЕЛИСК

Помню, в войну на ремонт зернотока
Я, Сема Ванин и Коля Жильцов
Посланы были. Трудились неплохо
Вместо ушедших на битву отцов.

Ток был в лесу, на обширной поляне,
Звался Высокой дубравой тот лес.
Очень любили дубраву сельчане –
Место, одно из красивейших мест.

В этом лесу и всадил мне занозу
В сердце суровый провидческий рок.
... Кто-то спилил в самой гуще березу,
В спешке оставив метровый пенек.

Пень этот нас притянул, как магнитом,
Сема четыре его стороны
Враз обтесал топором деловито,
Поделкой мы были восхищены!

И в дополненье, чтоб было весомей
(Всякое может, лихая пора...),
Я имена Коля, Толя и Сема
Вырезал справно концом топора.

Думали мы, что без нас обойдутся
В битве с фашистами наши отцы.
Нет! Мы пошли, чтоб в огонь окунуться,
Мы – из глухой деревеньки юнцы.

В шторме огня, под снаряды и пули,
В пыль обращая дороги войны,
Мы за отцами в победу шагнули,
Мы – по семнадцати лет пацаны.

После войны, днем весенним, пригожим,
Пень тот граненый в кустах вишняка
Я отыскал. Он такой непохожий,
Мрачный такой, искривленный слегка.

Сердце схватило, сдавило от боли,
Воздух лесной стал пронзительно сух:
Стал обелиском для Семы и Коли
Черный скривившийся столбик в лесу.

Столбик давно уже сгнил. Но хожу я
И нахожу под зеленой травой
Боль, освященную в солнечных струях –
Метку печали второй Мировой.

* * *

Идем. Осталось нас немного,
У многих посохи в руках,
Из огнеметного былого
Я связь тяну строкой стиха.

Нам гром весенний отдаленно
Напоминает артналет.
Нас из былого батальонный
Гортанно пламенно зовет.

Ему старенья груз неведом,
Мы через годы прямым
Идем в почетном званье дедов,
Вращая землю посошком.

Крутись, Земля, крутись – мы живы!
Трудней и медленней броски.
Слышнее выстрелы и взрывы,
Большей строка – пишу стихи.

Давным-давно за горизонтом
Войной простреленный рассвет,
Но с каждым днем редее роты.
Есть чувство локтя – локтя нет.

Кленовый посох ищет локоть, -
Толчок... Еще.... Тела слабы,
И неподвижно жестоко
Встает равнина на дыбы.

Но дух солдатский в сорок пятом
Креплен Победой на века.
Зовет комбат: “Вперед, ребята!”
Я связь тяну строкой стиха.

Георгий Возрожденный

АТАКА НА ПОДЛОДКУ

Родился Георгий Алексеевич Возрожденный в сентябре 1925 года в городе Гомеле.

В 1941 году семья под обстрелом и бомбежками эвакуировалась в Курган. Уже в августе устроился на завод. В 1943 году после настойчивых просьб и заявлений еще до совершеннолетия военкомат направил его в Пермское авиационное училище.

Когда началась война, было мне 15 лет. Под грохот бомбежек и приближающиеся всполохи недалевого фронта мы и уезжали из Гомеля. Кто попадал под срочную эвакуацию, тот лишь тяжело вздохнет. И это будет только тень пережитого и выстраданного. Много тогда нас в Курган прибыло. Кто-то вскоре был призван на фронт, другие на заводе встали к станкам. Среди них были женщины и мы, подростки-мальчишки и девчонки, имеющие за плечами 6-7, в лучшем случае, 8 классов.

Если честно, то работа не столько тяготила и не угнетала своей изнурительностью и монотонностью. Но мы были дети своего времени, росли максималистами. И казалось, что без нас на фронте ну просто не обойдутся, поэтому и стремились попасть туда разными способами. Вплоть до тайных побегов. Мы ватагой ребят сговорились, выпросились в один из воинских эшелонов — и ту-ту. Сняли нас в дороге, а уж что при-

шлось выслушать и пережить потом, тут особый разговор нужен.

В начале 1943 года меня направили в Пермское военноморское, авиационное училище. Там и присягу принял. Спецов тут готовили основательно, досрочных выпусков не практиковали, хотя такие случаи были в наиболее жаркие периоды войны. Морское дело тонкое, а тем более морская авиация. Здесь надо многое знать, уметь и разбираться. Нам дали доучиться. Фронт от нас не ушел.

Попал я в 7-й отдельный штурмовой дивизион. В его составе было около двух десятков знаменитых ИЛ-2 и "Каталина" - летающая лодка. В задачи летающих лодок входило вести разведку, наводку на цель, поиск и подбор летчиков со сбитых самолетов. Работал дивизион по морским целям, а война есть война, всякое случалось. Базируясь в Котлах, помогали осажденному Ленинграду. Кроме боевых задач и вылетов, случалось экипажам выступать и в необычной роли извозчиков. Тогда мы, обслуга, на наружные подвески вместо бомб закрепляли бараньи туши, и в условленном квадрате летчики их сбрасывали все еще голодающим ленинградцам и защитникам города.

Но это эпизод, основная же задача дивизиона - поиск и уничтожение вражеских морских средств, будь то боевой корабль, подлодка, десантная самоходная баржа или грузовой транспорт, поддержка десантных операций. Легким делом считался подрыв минных полей. Тогда в самолет загружалось множество мелких авиабомб, которые и высыпались в заданном квадрате, поднимая на воздух все поле.

Что ни экипаж, то гвардейцы, испытанные, твердые, целеустремленные. Почти у каждого не грудь, а иконостас. Но особым мастерством и талантом отличался Гургенидзе, Герой Советского Союза. На его личном счету было 17 потопленных транспортных средств. Хитро и остроумно работал грузин. Мальчишки часто играют в блинчики, кидая в воду плоские камушки под определенным углом. От силы броска, умения и выверенного глазомера зависит количество блинчиков. Эту детскую игру он и взял на вооружение. От 250-килограммовых бомб, когда его штурмовик ложился на боевой курс, вернуться было невозможно. Это был снайпер с талантом от Бога.

Мы, наземная обслуга - оружейники, механики, техники, не только “крутили хвосты” самолетам, но и сами порой участвовали в боевых операциях. Дело молодое, а нам было по 18-19 лет, и отсутствием честолюбия мы не страдали, хотя отлично сознавали, что от нашей слаженной работы на земле в немалой степени зависит успех, а значит, и судьба задания. И все же по-доброму завидовали отваге и орденам пилотов.

Но если летчик был прекрасно защищен броней (не зря же ИЛ-2 называли летающим танком, а немцы — черной смертью), то про бортстрелка-радиста этого не скажешь. Они погибали и ранения получали чаще, чем пилоты. Отсюда и вакансии. Тогда командир обращался к нам: дескать, ну, молодежь, кто хочет орден заработать? Желающие всегда находились. Ведь за 10 успешных боевых вылетов полагался орден Красного Знамени.

Восемь раз я слетал успешно. Был в разведке, на подрыве минных полей, участвовал в атаке на транспорты, на этот раз предстояла свободная охота. И было это 23 ноября 1944 года...

Вражескую подлодку, идущую на перископной глубине, мы заметили недалеко от чужого нам берега. Просматривалась она сквозь небольшую толщу воды хорошо, и прошить ее пушечным и пулеметным огнем труда не составляло. От 20-23-миллиметровых снарядов и пуль калибра 12,7 мм пулемета Березина ее уже ничто не могло спасти. Если не с первого захода, то со второго уж точно бы ушла на дно.

И прошли, но при развороте на повторную атаку самолет вынесло на кромку вражеского берега. Там не дремали, и зенитный огонь был плотен. От попавшего снаряда самолет подбросило, ИЛ-2 густо задымил и с резким снижением потянул мористее. Помню, я только одно кричал: “Тяни, лейтенант, тяни!” Упади мы здесь — расстрел с недалекого берега, а то и плен нам бы был обеспечен стопроцентно. А море не выдаст, мы с ним сроднились, да и свои в беде не оставят. Пилот был ранен, и плюхнулись мы скоро. Балтика в ноябре - это не Сочи. Но разгоряченные после атаки и стрельбы, вначале мы и не почувствовали. Лодочки наши надулись автоматически, связав их, чтоб не разнесло в стороны, я попытался грести, надев на руки специальные в виде ласт приспособления. Но уж через несколько минут отказался от этой затеи — руки окочен-

нели мигом. Хана казалась неминуема, если немцы не добьют, то холод доконает.

Но чудо и на войне возможно. На наших глазах пятерка краснозвездных катеров выстроилась и вышла в торпедную атаку. Нас заметили, и пущенная с них ракета в нашу сторону подтвердила это: ждите, дескать, отработаем, подберем. Один из них не вернулся, сгорев в пламени взрыва от угодившего немецкого снаряда. А один из возвращающейся четверки повернул к нам.

Они торопились, раздраженные и опечаленные потерей и все приближающимися всплесками взрывов. Раненого лейтенанта я еще сумел кое-как обвязать брошенным концом, и они его мигом выдернули. А когда дело дошло до меня, руки совсем отказали. Близкие разрывы подхлестнули их и меня. Неимоверными усилиями я с трудом уцепил в последний раз брошенный конец зубами и как-то обмотал им руки. Выдернули чуть ли не на ходу, тронувшись с места. Скорость-то у них - ого, до 90 километров в час, в результате чего я вместе с концом изо рта выплюнул чуть ли не все зубы и разодрал руку. На базе растерли нас с лейтенантом спиртом, перевязали, а через сутки отправили к своим.

Кенингсберг брали сухопутчики. Полегло их — жуть. Там ведь сплошные укрепления из железа и бетона, доты, дзоты. Мы почти не спали, оказывая огневую поддержку. Наши “утюги” (их и так еще называли) почти не выходили из боя. Но запомнился почему-то Рюген - крупнейший остров Германии, который брали десантники, с катеров и быстроходных десантных барж. Участвовал и я в нем на “Каталине”.

Война для меня закончилась в городе Кольберге, на спецэродроме - вотчине Германа Геринга. В 4 часа утра нас с постелей сорвала беспорядочная пальба - оказалось, победа!

Было мне в ту пору 19. Старших по возрасту вскоре стали увольнять, отпускать по домам, а нас, молодых, служить оставили. Правда, мне предлагали учиться в военном училище, но я не захотел. Так до 1950 года и служил.

Николай Савин

БОЙЦЫ ОСОБЫХ ЧАСТЕЙ

Николай Егорович Савин родился в деревне Далматово, что в Подосиновском районе Кировской области. Красивейшие места, мужики здесь все высокорослые и широкоплечие. На войну уходили как на будничную работу. Воевать Савину довелось в 161-м отдельном батальоне Министерства внутренних дел, а это особые части. Старший сержант. Проживает ветеран в деревне Верхний Яр Далматовского района.

Мой черед идти на войну пришелся на осень 1944 года. Наши войска громили гитлеровцев, а мне и многим моим годкам выпала иная доля. После учебного подразделения в составе маршевой роты прибыл на Прибалтийский фронт под Кенигсберг.

В особом отделе линия фронта проходила отнюдь не в местах огневого соприкосновения с врагом. На протяжении всей войны частям особого назначения приходилось вести борьбу с предателями и изменниками, агентурой, оставленной противником на освобожденных территориях, бандами полицаев и националистов разных мастей.

Потому война для меня 9 мая 45-го года не закончилась. Еще долгое-долгое время батальон, где я служил, выполнял специальные задания по ликвидации бандеровских банд и отдельных участников фашистских военно-террористических

формирований на территории Западной Украины.

В многочисленных тайниках, так называемых “схронах”, отступающие враги создали запасы оружия, боеприпасов, продуктов питания длительного хранения и средств связи, которыми можно было обеспечить сотни диверсионных групп.

Найти и обезвредить эти гнезда недобитых фашистских прихвостней было, на мой взгляд, нисколько не легче, чем сражаться с врагом в открытом бою. Нас опасность и смерть поджидала в самых неожиданных местах. Днем эти недобитки были простыми крестьянами, а ночью становились бандитами, которые хорошо знали местное население, его настроение, великолепно ориентировались на местности, потому часто наши ребята попадали в засады, подрывались на минах на дорогах, по которым прошли какой-то час назад.

Интересное было у нас положение: с одной стороны, бандиты знали нас в лицо, с другой – в силу своей секретности в рапортах особистов даже своему начальству не называлось фамилий конкретных исполнителей. Я, например, упоминался под агентурным псевдонимом “Светлый”.

У одного из таких населенных пунктов моя группа подошла к местному жителю узнать дорогу. Тот, выхватив из-под полы плаща автомат и открыв огонь, убил и ранил несколько наших бойцов. Бандеровца схватили, но убитых-то не вернешь.

Но постепенно обстановка менялась, изменялось отношение к нам местного населения, после Победы наши подразделения были усилены опытными людьми, новым вооружением... Все-таки мы их добились! Демобилизовался я только в 1951 году.

Сейчас вспоминая те тяжелые годы, с удивлением узнаю, что на Украине этих полицаев и бандитов считают чуть ли не национальными героями. Забыли, видимо, некоторые, что они убивали не только бойцов особых частей, но большей частью активистов из местного населения, вырезали целые семьи, чтобы в страхе держать остальных, выжигали хутора и деревни, уничтожали скот и инвентарь... Видимо, память у них слишком короткая.

Но я думаю, время скажет свое слово, история точно расставит все по своим местам.

Записал Михаил Болотов

Федор Александров

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Федор Григорьевич Александров родился в 1923 году в деревне Береговая Шумихинского района. В мае 1942 года был направлен на фронт. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями. Много лет возглавлял сельскую ветеранскую организацию. Проводит большую патриотическую работу среди населения. Проживает в селе Карачельское Шумихинского района.

После окончания Курганского летного и Вольского авиационного технического училищ я был направлен в мае 1942 года в истребительный авиационный полк, которым командовал майор Титов. Полк входил в состав 144-й истребительной авиабригады, которая дислоцировалась недалеко от города Сталинграда и прикрывала с воздуха город от фашистских бомбардировщиков. Они днем и ночью на большой высоте летали, пытались прорваться к городу и сбрасывать бомбы. Наши самолеты-истребители постоянно, круглосуточно и поочередно несли боевое дежурство в воздухе, встречали фашистов. Завязывались схватки, как говорится, не на жизнь, а на смерть. Многие как фашистские, так и наши, подбитые, падали на наш аэродром или возле него.

Из фашистских самолетов на поле аэродрома сыпались авиабомбы весом до 500 кг, взрывались и наносили огромный ущерб. Взлетно-посадочная полоса разрушалась, гибли

летчики, инженеры, механики и другие. Разрушались и землянки, в которых мы жили, питались, лечились от ран, контузий. Во время короткого затишья занимались срочным ремонтом негоревших самолетов, вооружения, стоявшего на них, - пушек, пулеметов, реактивных снарядов. Искали, подбирали убитых и раненых.

И так каждый день. Но вот наши войска окружили фашистов, начали сужать кольцо. И дожали! В этой победе есть и частица личного состава нашего авиаполка.

Александр Мишин

ИЗ ЖИЗНИ ЛЕТЧИКА МОРСКОЙ АВИАЦИИ

Сентябрь 1943 года. Только что освобожден Новороссийск, но большая часть Таманского полуострова все еще занята немцами. Всеми силами стремится враг задержать продвижение наших войск. Особенно укреплял он Керчь. Керчь! Чудесный южный город стал для нас средоточием вражеского огня. От 18 до 22 тысяч выстрелов в минуту производили немецкие зенитчики по советским самолетам. Причем огонь в районе цели был многоярусный, простреливались все высоты. И казалось, что самолет «идет» к цели, словно по мостовой: его то подбрасывало вверх, то он вдруг падал вниз. Постоянно грозила опасность потерять в этом плотном зенитном огне ведущего.

В таких условиях надлежало лететь нам на выполнение очередного задания. Предстояло уничтожить семь транспортных морских судов противника – семь БДБ, следующих курсом на Керчь. (БДБ – большая быстроходная десантная баржа, если не ошибаюсь, водоизмещением около 300 тонн, на каждой из которых могли разместиться от 10 до 12 танков или самоходных артиллерийских орудий с боеприпасами и личным составом).

Вот с КП прозвучал выстрел: зеленая ракета взмыла вверх – сигнал к запуску двигателей. Шесть пикирующих бомбардировщиков ПЕ-2 (мы любовно называли их «пешками») выстраиваются один за другим, вырывая на старт. Взлетают по

одному, становясь в строй и идя к цели с набором высоты. По пробегающей внизу земле на высоте три тысячи метров штурман определяет силу и направление ветра – необходимые данные для точного бомбометания. При малейшей неточности бомбы пойдут мимо.

А цель поражения кажется такой маленькой. С высоты полета 3-4 тысячи метров баржа «превратилась» в спичечный коробок. Но этот «коробок» двигался, маневрировал, отстреливался из крупнокалиберных пулеметов и зенитных пушек. Нам же надо его поразить, потопить!

В точке Азовского моря, на высоте 4500 метров ведущий шестерки разворачивается на 180 градусов, берет курс на цель. Справа, вдалеке, береговая черта Крыма, где-то там аэродром противника, на котором базируются «фокке-вульфы» и «мессершмитты». В наушниках раздается голос стрелка-радиста Петра Глевацкого: «Командир, справа сверху атакуют два МЕ-109». «Давай, - говорю, - работай, Петро».

Отчетливо слышу «работу» штурмана и радиста. Самолет охватывает частая жесткая тряска: как-никак, а стрельбу ведет из двух крупнокалиберных пулеметов. Штурман докладывает, что один истребитель противника вышел из боя и ушел в сопровождении своего напарника. Но на место ушедших подоспела вторая пара. До зоны зенитного огня остается 4-5 минут. А атака противника все продолжается. И вдруг наш пулемет замолкает. «Петро, Петро, что там у тебя стряслось?! – кричу стрелку. – Почему не стреляешь?»

Молчит Петро, снова запрос, вновь – молчание. Спрашиваю в третий раз и в ответ слышу: « Командир, не мешай, агитирую!» «Что, что? – переспрашиваю. – Кого агитируешь?»

...До цели остается 2-3 минуты. Впереди десятки зенитных разрывов. Осуществляю противозенитный маневр, резко разворачиваю самолет на разрыв - очередной снаряд остается в стороне. А противник все бьет, очередные разрывы встают по курсу, по носу самолета. Наконец, властно звучит команда штурмана: «Приготовиться!». Открываю бомбовые люки, выпускаю тормозные решетки. Маневрирование прекращается, поступает команда: «Боевой курс». Строго выдерживаю три заданных параметра: скорость, высоту и курс. Выполняю все команды штурмана, наводящие «пешку» на цель. И вот команда: «По-

шел!». Резко, двумя руками посылаю штурвал от себя, ПЕ-2 переходит в пикирование, 45-60-70 градусов. Удерживаю «пешку» на заданном угле. Одновременно вижу фейерверки трассирующих и зажигательных пуль, летящих прямо на мой самолет. Быстро теряю высоту. Вот и 3000 метров. Следует команда: «Бросай!», и из фюзеляжа сыплется на вражеские баржи смертоносный груз. Радист включает фотоаппарат. (Падение бомб до их разрыва фотографируется).

...И снова под нами родной дом, свой аэродром. Всего полтора часа прошло от вылета до посадки, а как много за это время пережито. Краткий разбор полета, и первый вопрос к Петру. «Петро, - спрашиваю его, - почему не стрелял? Кого ты агитировал?»

Смеется парень: «Как кого агитировал? Конечно, немцев!»

Выяснилось, перед самым вылетом по указанию заместителя командира полка по политической части Петру было дано несколько тысяч листовок, часть из них – с обращением к временно оккупированному советскому народу, другая – к немецким войскам о сдаче в плен. В момент атаки истребителей, рассказывал Петро, подумав, что не хватит патронов на воздушный бой после выхода из пикирования, он взял пачку листовок, открыл верхний астролук, вылез из него по грудь и выбросил их в сторону атакующих истребителей противника, приготовившихся открыть огонь. Но немцы, увидев что-то непонятное, летящее навстречу, резко вышли из атаки. И вторую атаку, уже с другой стороны, Петро «отбил» очередной порцией листовок. В итоге атаки были сорваны. Видимо, немецкие летчики подумали, что русские придумали какое-то новое оружие и решили: уйдем от них подальше.

Посмеялись мы, пошутили, решив взять на вооружение новый вид «оружия».

Так было выполнено задание командования: потоплено четыре транспортных корабля и один поврежден. И если трюмы этих барж были загружены военной техникой, то недосчитался враг от 30 до 40 танков или артиллерийских орудий, нашедших «причал» на дне Черного моря. Что же, это не так уж и плохо. Не всегда бывали такие удачные боевые вылеты.

«Советское Зауралье» 2 мая 1980 г. № 101.

Аркадий Суханов

БЛАГОДАРНОСТЬ КОМАНДИРА

Аркадий Николаевич Суханов родился в 1925 году. В армии с 1943 года. Окончил Ленинградское военно-медицинское училище имени Щорса. Возглавлял санитарную службу отдельного трофейного батальона в составе 1-го Украинского фронта. Живёт в городе Шадринске.

На войне у меня была самая мирная, самая гуманная профессия – медицинский работник. Наш батальон формировался в 1945 году в городе Белая Церковь на Украине. Едем на фронт. Я – командир санитарного взвода батальона.

В армии, когда подчиненный докладывает командиру о пропаже или недостатке чего-то, то обычно слышит излюбленное командирское выражение: “найти и доложить”.

Примерно это я услышал от командира батальона, когда докладывал ему, что в моем взводе недокомплект трёх санинструкторов. “Ищите сами”, – был его категоричный ответ.

Я это воспринял как приказ. А как его выполнить мне, тогда 19-летнему мальчишке, долго не могло прийти в голову. Помог случай. Наш эшелон, следующий на фронт, остановился на станции Ченстохов в Польше. Ночь. Стоянка длительная. На соседний путь прибыл эшелон, следующий в обратном направлении, в тыл.

Прогуливаясь между составами, обратил внимание, что из

прибывшего эшелона выпрыгивают девушки – военнослужащие. В большинстве случаев на фронте девушки были связистами или медицинскими работниками. Спросил. Девушки оказались медиками. И меня озарила мысль: “А не смогу ли я выполнить приказ командира, переманив, а если точнее – “похитив” трёх девушек?”

Смело вступил в переговоры с тремя, отдельно стоящими медсестрами. Я думал, что не нанесу большого вреда боеготовности их части, тем более, как выяснилось при беседе, они следуют на переформирование в тыл. Я предложил им ехать с нами на фронт. Девушки сильно сомневались. Помог, видимо, мой аргумент: “Вас же не сочтут дезертирами, вы же поедете на фронт, а не в тыл”.

Переговоры закончились успешно: девушки, пошушукавшись между собой, дали согласие. Детально обсудив функциональные обязанности их службы, разработали план их “дезертирства”. И вот перед самой отправкой нашего эшелона, под покровом ночи, они заскочили со своими пожитками в мой вагон. Я устроил их лучшим образом, как только можно было в наших условиях.

Радостный и довольный, утром иду к командиру и докладываю, что его приказание выполнено. Комбат смотрел на меня недоумённо.

- Какое приказание?

- Я нашёл трёх санинструкторов и укомплектовал взвод. – И рассказал, как это было.

Комбат поблагодарил меня за находчивость. А чтобы всё благополучно обошлось, придумали повод: не бросать же на произвол судьбы девушек, оставших от своего эшелона. Именно такая формулировка была в приказе по части, которым их зачислили в списки части на все виды довольствия и сообщили по инстанции.

Кончилась война. Девушки отслужили, как положено. Мне тогда казалось, что я заслужил две благодарности от комбата, хотя получил только одну – “За укомплектование штата”. А вторую, думаю, тоже положенную, за то, что помог ему обрести семейное счастье. Одна из “похищенных” мною девушек – Таня Ковальчук стала его женой. К сожалению, вторую благодарность комбат мне так и не объявил. А напрасно.

Михаил Воробьев

БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Михаил Данилович Воробьев — уроженец деревни Воробьево Шумихинского района. В Великой Отечественной войне участвовал с первого дня и до последнего. Все время на передовой. Командовал батальоном, полком, был заместителем командира дивизии. Участвовал в сражениях под Москвой, за Сталинград, в битве за Днепр, освобождал Одессу, Тирасполь, Варшаву, брал Берлин. Гвардии полковник в отставке. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны, многими медалями.

Второго февраля 1945 года части нашей 47-й гвардейской стрелковой дивизии, входящей в 8-ю гвардейскую армию, которой командовал Василий Иванович Чуйков, с большими трудностями форсировали реку Одер в районе города Кюстрин и захватили плацдарм, который и удерживали до начала наступления на Берлин.

16 апреля 1945 года перед рассветом началось наступление по всему фронту. Командовал им маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. К этому времени на Берлинском направлении было сосредоточено 2,5 миллиона солдат и офицеров, 41 тысяча орудий разного калибра, 7 тысяч самолетов, такое же количество танков, 1200 реактивных установок - “катюш”. И когда началось наступление, дополни-

тельно ко всему впервые в военной истории по инициативе Жукова были использованы в большом количестве мощные прожектора.

Когда все это оружие обрушилось на передний край про-

тивника, были направлены и прожектора, 100 миллиардов свечей осветили (ослепили) немцев, находившихся в окопах. Фашисты в панике передавали открытым текстом Гитлеру: “русские применили новое оружие, от которого земля горит”. Земля не горела, но шевелилась. И оружия нового не было, то же самое, которым их, немцев, и били. Но только оно было в большом количестве. Когда наши солдаты овладели траншеями немцев, наши медики установили, что среди мертвых фашистов были трупы, которые не имели ни пулевых, ни осколочных ранений. Смерть наступила от страха. С большим трудом и с потерями личного состава достались нам Зееловские высоты. Это был самый трудный рубеж.

29 апреля 47-я гвардейская дивизия форсировала Шпрее и вела бои в Берлине. Кто воевал, тот знает, что бои вести в населенных пунктах и городах очень трудно. Ну, а в таком большом городе, как Берлин, особенно.

Пример. У нас наблюдательный пункт находился на чердаке пятиэтажного дома. Напротив, через улицу, такой же дом, который занимают поэтажно: 1-2 этажи русские, а выше — немцы. Поэтому очень трудно было применять авиацию, артиллерию, танки. Расчет только на оружие ближнего боя: винтовку, автомат, пистолет, гранаты. Мне пришлось наблюдать, как завязался бой на пятом этаже дома. Дело дошло до рукопашной и в открытые окна наши солдаты выкидывали гитлеровцев.

День и ночь ни на минуту не утихал бой. Дом за домом, улицу за улицей отвоевывали мы у немцев.

С 1 на 2 мая ночью по приказу командира корпуса готовились к решающему бою. 2 мая должны были выйти в самый центр Берлина и овладеть Трептов-парком, королевской площадью и имперской канцелярией.

К 24 часам 1 мая все было готово, но в 00.30 минут 2 мая раздался телефонный звонок. Командир дивизии полковник Семченко подошел к телефону. Командир 137 гвардейского стрелкового полка полковник Власенко докладывал, что на участке его полка перешел линию фронта немецкий полковник, назвавшийся начальником штаба оборонительных сил Берлина, с ним два офицера. Командир дивизии приказал всю группу доставить в штаб.

Доставленный полковник представился — “полковник фон

Дуфвинг, начальник штаба 56 корпуса”. Он очень волновался, вид у него был удрученный. На вопрос полковника Семченко “Сколько войск обороняет Берлин?” ответил:

— Гарнизон Берлина сформирован из частей 56-го танкового корпуса, 9-й армии, усилен частями, которые дислоцировались в городе. Всего войск 200 тысяч.

Он передал, что генерал Вейдлинг просит советское командование немедленно начать переговоры о перемирии:

— Наш фюрер покончил с собой, за ним последовал со своей семьей Геббельс. Судьба других соратников фюрера неизвестна. Вся надежда на Кейтеля.

Обо всем было доложено командующему 8-й гвардейской армии генерал-полковнику Василию Ивановичу Чуйкову и получено распоряжение: отпустить полковника к генералу Вейдлингу, а офицеров, пришедших с ним, оставить. Через полтора часа полковник Дуфвинг должен прибыть вместе с генералом Вейдлингом.

В 3 часа ночи 2 мая первым переступил наш порог высокий худощавый старик в генеральском мундире. Вся его фигура казалась обремененной непосильной тяжестью, потухшие глаза лишь временно оживлялись болезненным блеском.

Командир дивизии предложил ему сесть. Он тяжело дышал, и некоторое время сидел с закрытыми глазами.

— Назовите себя, генерал,— обращается к нему наш командир дивизии полковник Семченко.

— Вейдлинг, генерал артиллерии, командир 56 танкового корпуса, с некоторых пор комендант округа обороны Берлина.

В голосе его чувствуется брюзжание кичливого старца. Генерал обращается с просьбой к нашему командиру дивизии, просит организовать ему встречу с представителями высшего командования Советской Армии.

— Я уже отдал части сил приказ о капитуляции. Полагаю, он будет встречен одобрительно.

— Скажите, может немецкий генерал рассчитывать на помилование?

Генерал Вейдлинг задал много вопросов, на которые ему отвечали командир дивизии полковник Семченко и начальник политотдела полковник Николаев. Прибыл начальник разведки 8-й гвардейской армии и увез Вейдлинга в штаб к Чуйкову.

Встреча с немецким генералом очень нас взволновала. Невольно вспомнился 1941 год. Наверное, генералу тогда даже и в голову не могла прийти такая мысль о сегодняшней миссии. Ну, а мы всегда знали, что так и будет. Только не могли представить в деталях, как оно и будет, и когда. Настоящий немецкий фашистский генерал, наделенный такой властью, и пришел с просьбой к нам, коммунистам, советским людям, которых он и за людей не считал.

Только поведение у генерала было немного странным. Он все время осматривал комнату, вертелся, будто ожидал кого-то здесь встретить. Поведение генерала объяснилось очень просто. В разговоре с нашим командующим Василием Ивановичем Чуйковым генерал Веидлинг с обидой на судьбу сказал:

— Да будет Вам известно, генерал, что полчаса тому назад ваш полковник, будто по злой иронии судьбы имел неповторимый случай допрашивать меня в моем доме, в моем личном рабочем кабинете.

Каково? Такого сюрприза судьбы и мы не ожидали. А перед самым рассветом был получен приказ: “Гарнизон Берлина капитулировал, назначенный штурм отменяется за ненужностью. Войскам выйти на свои направления, завершить пленение всех военнослужащих фашистской армии. Об исполнении донести”. Радости и ликования не было предела.

2 мая части фашистской армии были построены в колонны и в назначенных пунктах бросали в кучу оружие, знамена и сдавались в плен. В тот же день, 2 мая, помню, когда мы с группой офицеров и солдат проходили по Тиргартен-парку, то навстречу нам попадались не люди, а звери: газели, медведжата, слонята и даже громадный слон. Все обитатели зоопарка разбежались от страшной артиллерийской канонады. А самый большой бегемот лежал тяжело раненный.

В тот же день мы побывали в рейхстаге, оставили свои росписи на стене и в имперской канцелярии. Сфотографировались на память у рейхстага. Когда мы вышли на площадь к Бранденбургским воротам, то увидели большое скопление наших солдат и офицеров — это поэт Евгений Долматовский читал стихи. На всю жизнь запомнились слова, как бы написанные специально для нас: “Идут гвардейцы по Берлину и

вспоминают Сталинград”.

Особенно шумно и весело было в Трептов-парке. Здесь были воины нашей дивизии. Весело голосили гармошки, аккордеоны, под звуки которых солдаты громко пели любимые фронтовые песни и удало плясали. К вечеру, когда мы возвращались к месту расквартирования, то ноги ломило от усталости, а голова отказывалась соображать. Столько враз пришлось увидеть, что казалось, не было еще такого дня в жизни. Он был радостным, мы остались живы. А с другой стороны, видели за день и много ужасного. По всей территории, где мы побывали, лежали еще десятки, сотни трупов. Улицы все завалены кирпичами, хламом, дома еще горели. Чад и дым ели глаза. Столько было впечатлений, что ночью никто не спал.

3 мая в Берлин прибыл Анастас Иванович Микоян. В своем выступлении он передал от ЦК партии, правительства и всего советского народа большую благодарность воинам за то, что они поставили фашистскую Германию на колени. Он же отдал распоряжение - организовать питание немецкого населения, что было сделано. Наша дивизия должна была обеспечить питание улицы, прилегающие к площади, Бранденбургским воротам и рейхстагу.

Сначала было мало населения. Но голод не тетка. С каждым часом, днем жители убеждались, что мы пришли не для того, чтобы сводить счеты с детьми и стариками, и прониклись к нам доверием. А 9 мая мы уже вместе с немецким населением праздновали день Победы.

Так закончилась самая тяжелая для нашего народа Великая Отечественная война, принесящая нам великие испытания. Закончилась со славою нашего оружия. Еще раз был преподнесен урок истории фашизму и еще раз подтвердились слова великого русского полководца Александра Невского: “Кто с мечом к нам придет — от меча и погибнет. На том стояла, стоит и стоять будет земля русская”.

Михаил Власов

В БЕРЛИНЕ

Михаил Макарович Власов родился в деревне Шучанка Альменеевского района. Участвовал во многих боях. Имеет награды

Проутюжив очаговые сопротивления фашистов, наш танковый полк прорыва остановился у какой-то немецкой деревни, недалеко от Берлина. Шел 1945 год, май. Поступил приказ замаскировать машины и всем отдохнуть. В ушах стоял звон от лязга гусениц, от грохота танковой пушки, от беспрерывной дробы пулемета. От тряски болело все тело. Я чувствовал себя как во сне. Так хотелось спать. Тут подошла жена командира полка — главный радист полка.

— Ребята, никуда не разбегайтесь, отдохайте, чует мое сердце, будет какое-то государственное сообщение по радио.

Мы, танкисты, уставшие до изнеможения, завалились спать кто где. Подложив под голову сапоги и сверху шлем, пристроился под танком и моментально провалился в глубокий сон. Вдруг раздались беспорядочные выстрелы. Вскрываю, обуваясь, ныряю в передний люк. Завожу двигатель, проверяю его работу на всех оборотах. Рядом копошится сержант-радист, пулеметчик Василий. В башне колдуют у пушки артиллеристы. Все готово в считанные минуты, ждем команды. К переднему люку подходит лейтенант: «Глуши двигатель, Власов, всем выйти из машины! Строиться! Победа, товарищи!

Фашистская Германия капитулировала!»

Наш экипаж в момент повыскакивал, сон, как рукой сняло. Подхватили лейтенанта, начали его качать, высоко подбрасывая вверх. Кто-то смеялся, кто-то плакал, кто-то дико плясал. Палили в небо из пулеметов, из автоматов. На башне одного из танков устроился баянист...

—Успокойтесь, товарищи! Полк - строиться!

Командир полка произнес небольшую речь. Поздравил нас всех с величайшим событием – Победой, с тем, что остались живы сами и мир народу добыли. Чувствуем, и сам он разволновался, но улыбка не сходит с лица.

- Товарищ подполковник, мы хотим посмотреть Берлин, это фашистское логово, откуда гитлеризм выполз.

—Ладно организуем. Пока даю команду - всем выспаться. Старшины, приказываю - организовать баню. Напарить полк, выдать комиссарский паек. Привести себя в порядок.

Мы немного успокоились, но про сон забыли. Начали стирать гимнастерки, белье, пришивать белые воротнички, чистить сапоги и пуговицы, писать письма.

Жизнь быстро стала входить в иную колею. Мы отдохнули, привели себя в человеческий вид, отремонтировали материальную часть. В один из солнечных майских дней нашему танковому взводу дали крытую грузовую машину. С нами был полковой переводчик-офицер. Запаслись продуктами и вином. Поехали в Берлин. Вид города был ужасающий. Развалины домов, на улицах разбитая военная техника. По бокам улицы стояли наши танки, другая военная техника, автомашины. Дежурили наши патрули. Подъезжаем к Рейхстагу. На куполе развевается большой красный флаг. Стены здания сплошь расписаны нашими солдатами. Каких только адресов бойцы тут не пооставляли. Каких только не было здесь подписей! Мы нашли фамилии, адреса и росписи наших земляков. По улицам ходили уже гражданские немцы—инвалиды, пожилые женщины. Детей не было видно. У входа одного подвала стояла немка. Мы с ней поздоровались и спустились вниз. Постучались в одну дверь, заходим. Полумрак. В углу комнаты сбились в кучу трое девочек, а рядом, заслонив своих детей, мать. Испуганными глазами они уставились на нас. Переводчик поздоровался по-немецки и успокоил: «Не бойтесь, с вашего

позволения мы у вас пообедаем и уйдем».

Хозяйка молчала, только кивала головой. Мы разложили продукты на столе. Самая маленькая девочка, увидев такое богатство, направилась к столу, протянув руки. От такой сцены у меня к горлу подкатил тяжелый ком. Я вспомнил свою семью. Василий нарезал четыре толстых ломтя хлеба, намазал маслом, раздал детям и матери. Они были голодные. Их мать заплакала: «Нам говорили, что русские убивают всех, теперь мы понимаем, как они нас обманывали».

— Мы скоро уедем домой, вы не беспокойтесь, мы воевали с фашистами, оставайтесь, живите, как вам нравится, только без фашистов, — сказал им офицер-переводчик.

Выпили, помянули погибших товарищей, подняли тост за Родину. Пели песни. Как могли через переводчика разговаривали с хозяйкой. Попрощавшись, ушли.

Вышли на улицу. На перекрестке наш повар разливал из походной кухни борщ мирным жителям Берлина. Выстроилась длинная очередь. Уставшие, серые лица людей. И снова в сердце тревога: как там у нас дома.

К вечеру на улицах Берлина стало оживленнее. Появились молодые немки.

— Товарищ лейтенант, у них девушки почему такие худые? Разве это ножки? А шея-то, смотрите, — удивлялся сержант. — А остальное женское хозяйство? Пустота одна, гладкая броня. Куда же до моей Маруси. Недавно получил от нее фото. Она всю войну работала, а девичью форму сохранила. Приеду домой, поженимся, скажу ей, рожай, Маруся, ребятишек, никаких привалов в любовном деле! Подрастёт детвора у меня, посажу всех на трактор. В первую очередь сам сяду на технику. Пусть подрастают и пашут. Первым делом надо хлеба нарастить и народ накормить.

— Правильно, сержант. У всех нас чешутся руки по работе. Кому она нужна, война-то. Только вот япошки хвост царапали всю войну, нам приходилось все время оглядываться: не навредили бы. Скоро нас перебросят на Восток. Я так думаю: надо там границу обезопасить. Но это ненадолго. Вот тогда выращивай хлеб, рожай детей, восстанавливай и строй. Добрых дел будет невпроворот.

Вот такой разговор состоялся у нас в мае 1945 года в Берлине. Хороший разговор, житейский.

Михаил Корозников

СЛОМИЛИ И ЯПОНЦЕВ

Михаил Антонович Корозников родился в 1917 году. Лейтенант, командир роты. Воевал на Дальнем Востоке с милитаристской Японией.

Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями “За боевые заслуги”, “За победу над Японией”. За труд после войны удостоен медали “За трудовую доблесть”.

Проживает в селе Крутиха Далматовского района.

Мне в этом году исполнится 85 лет. Позади длинная, сложная, богатая событиями жизнь. Но есть в ней время, которое я вспоминаю в кругу родных и уже, к сожалению, немногочисленных друзей-ровесников с особой гордостью. Почти десять лет, с 1937 по 1947 годы я носил на своих плечах сначала солдатские, а потом офицерские погоны.

Время, в котором выпадает жить каждому из нас, никто выбирать не властен. Так случилось и со мной: служил, началась Великая Отечественная война, готовились на западные фронты, а выпала доля иная. Послали на Дальний Восток, попал в пехоту, хотя моя часть и находилась на берегу залива Петра Великого.

Перед самой войной как отличника боевой и политической подготовки направили на курсы младших лейтенантов, а после них, в 1942 году на учебу по усовершенствованию команд-

ного состава – курсы “Выстрел”.

Нам не нужно было объяснять, как нуждались в офицерских кадрах наши подразделения, истекающие кровью в ожесточенных боях под Москвой. Потому учились старательно. Мне присвоили звание лейтенанта, назначили командиром роты, сам я готовился, готовил и своих подчиненных к тяжелым боевым действиям. Тактические занятия, стрельбы, изнурительные дневные и ночные с полной выкладкой марш-броски... Каждый день ждали приказа о направлении на Запад.

Наконец, ночью: “Тревога!” Погрузили в воинские эшелоны и повезли... в глубь страны. И уже в маршруте нам сказали о том, что эшелон идет на защиту дальневосточных рубежей.

К этому времени Советский Союз поверг гитлеровский рейх, но вторая мировая еще продолжалась. Япония оставалась союзницей Германии, не выступив открыто против нас, но воювала против наших союзников США.

Исполняя свой союзнический долг, наша страна вступила в войну. Второй Дальневосточный фронт начал стремительное наступление в Манчжурии.

Японцы дрались отчаянно. Низкорослые, узкоглазые, воспитанные на кодексе самурайской чести, они готовы были пожертвовать собой, нежели не выполнить приказ. Однако наши войска, закаленные в боях в Великой Отечественной, используя опыт, действовали решительно и отважно. Натиск на японцев был столь велик, что уже в конце августа они начали повсеместно сдаваться. Моя рота отличилась в этих схватках, и меня в числе других бойцов и командиров наградили медалью “За боевые заслуги”.

Конец войне, пришел мир. Но мне еще два года пришлось служить в рядах Вооруженных Сил страны.

А потом... Потом я вернулся на свою милую родину. Работал сначала трактористом, потом заведующим овцефермой, птицефермой.

Сейчас давненько уже на пенсии, живется не очень легко, пошаливает здоровье. Но мы, фронтовики, не сдаемся – на войне было труднее!

Записал Михаил Болотов

Александр Похлебаев

НЕ ЗРЯ ЖИВУ НА ЭТОМ СВЕТЕ

Александр Максимович Похлебаев родился в 1926 году. Старший сержант, пограничник, связист. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями “За победу над Германией”, “За победу над Японией”. Почетный радист СССР.

Шла Великая война. Нас, молодых, гоняли от военкомата, говорили, что здесь надо растить хлеб, выращивать скот для фронта. Мы и работали, не покладая рук, не доедая, не досыпая. Радовались, что наша армия начала громить и гнать фашистов на запад.

Наконец, мне пришла повестка. Свое восемнадцатилетие я встретил в поезде, который вез нас, молодых новобранцев, на восток. Среди большой массы людей из нашего Альменевского района было больше двадцати парней. Естественно, мы, земляки, старались держаться вместе. Из-за давности лет уже и не помню имен и фамилий, а некоторых ребят призыва 1944 года уже нет в живых.

Везли нас долго и далеко, условия, конечно, были далеко некомфортабельные. На станции Култук – остановка, помылись в бане, получили обмундирование. А дальше меня с группой подобранных специально ребят повезли на монгольскую границу.

Я уже привык к заставе, втянулся в строгую и сложную по-

граничную жизнь, когда меня вдруг вызывает командир и приказывает отправляться в Читу, учиться в школу младших командиров связи.

Уже капитулировала Германия, отпраздновали мы победу, но на востоке все еще шла война – шебуршились японцы.

О том, что Советский Союз примет участие в войне с Японией курсантам школы стало известно буквально перед самым началом боевых действий. Около двадцати наиболее успевающих курсантов, в числе которых оказался и я, в спешном порядке отправили на заставы.

В это время пограничники, помимо своих прямых обязанностей по охране государственной границы, предпринимали частые вылазки на территорию, занятую противником, где ликвидировали японские пикеты, позднее - небольшие их воинские формирования. Мне по долгу службы приходилось обеспечивать связь в рейдах наших групп.

2 сентября японцы сдались, капитулировали. Вторая мировая война закончилась!

Но моя служба продолжалась. Домой я вернулся только через шесть лет, в 1951 году. Устроился работать по своей специальности связистом. Прошел путь от монтера до начальника участка сельской связи и радиовещания. Очень пригодилась мне моя воинская профессия и на мирном фронте.

Вместе с супругой Светланой Климентьевной воспитал двух дочерей, сейчас счастливо “воюю” с четырьмя внуками.

Считаю, что жизнь прожил не зря: работал, защищал с оружием в руках большую нашу общую Родину, воспитывал детей, долгие годы служил добросовестным трудом, верой и правдой своим землякам – альменевцам.

Павел Хмелев

АТАКУЮТ ПОДВОДНИКИ!

Павел Федорович Хмелев родился в 1927 году. Военную службу нес с 1942 по 1947 год. Моторист подводной лодки.

Награжден медалью “За победу над Японией”, орденом Отечественной войны. Всего парадный костюм ветерана украшают почти двадцать наград за бои и за труд.

Проживает в селе Лопатки Лебяжьевского района.

Война гроыхала вовсю, когда я в 42-ом году попал в Челябинское ремесленное училище при заводе, на котором выпускались грозные “Катюши”.

Свой семнадцатый год рождения я встретил в дороге на фронт. Правда, до этого пришлось некоторое время находиться на пункте формирования и обучения маршевых рот. Почему-то все были уверены, что попадем на запад – там шли ожесточенные бои.

В новогоднюю ночь все отдыхали, когда вдруг последовала команда о незамедлительной отправке. В дороге узнали – едем на восток. Никогда я не думал, что судьба забросит меня на море...

После подготовки на спецкурсах меня и трех моих товарищей распределили в бухту Золотой Рог на подводную лодку “Эмка”, или как их еще ласково называли “Малютка”.

Прошли строжайший медицинский контроль, в поход нас брали для испытания по очереди. Одного все-таки списали на берег.

Я – моторист, отвечал за сердце подлодки – двигатель. Ходил за ним и холил, как отца родного.

Сейчас просто ума не приложу, откуда смелость бралась. Даже в первое погружение об опасности не думал. Наверное, потому что вся команда, 18 человек, доверяли друг другу абсолютно, как братья. На корабле были моряки, которые служили уже по десятому году и хотя они иногда называли нас “салагами”, но в этом слове не было грубости, унижения, надменности и издевки.

Строгая дисциплина не допускала сбоев в службе, каждый четко знал и выполнял свои обязанности. Может, еще и то спланивало нас, что почти все мы были из Уральского региона.

- По местам стоять, отдать концы, - звучит голос командира, и корабль, слегка оттолкнувшись от пирса, тихо покидает бухту. В открытое море выходили часто, несли боевое дежурство постоянно. Иногда несколько суток проводили на глубине.

Команда по радио: “Всплыть, разогнать!” Всплываем, командир, сигнальщик, артиллеристы за пушку... Кругом японские катера. И вдруг среди мертвой зыби моря в середине этих катеров вылетала из глубины наша “Малютка”. Шарахались и на больших скоростях уносились прочь – с подлодкой шутки плохи.

На страже наших рубежей “Малютка” была до 47-го года. Наверное, она и мой родной экипаж служил и дальше, но в 47-м мне сделали серьезную операцию, после чего комиссовали.

Вернулся в Лопатки, к единственному родному человеку, дяде, да здесь и прижился. Работал комбайнером. Видимо, неплохо, потому что в 1968 году с напарником были участниками ВДНХ. Глаза разбегались, не знали, куда сходить, все было красиво и интересно...

А в памяти – корабль, трое суток под водой, мои боевые друзья, ревуны, всплытие, разбегающиеся катера японцев...

Василий Барбин

ОСВОБОЖДАЛИ КОРЕЮ

Василий Никитович Барбин родился в 1927 году. На воинскую службу был призван в ноябре 1944 года. Окончил школу истребителей танков. Но вместо фронта с группой бойцов был направлен во Владивосток. Окончил школу учебного отряда Тихоокеанского флота, получил специальность радиолокаторщика. В конце мая 1945 года был зачислен в экипаж большого тральщика американского производства. Участвовал в боях с японскими империалистами. Награжден медалью “За освобождение Кореи”. После службы на флоте работал на железной дороге. С тех пор полвека живёт в Кургане.

В августе 1945 года развернулись боевые действия на Дальнем Востоке. Войска 25-й армии вели боевые действия в Китае и на севере Корейского полуострова. Часть армейских сил вело наступление на одну из важнейших военноморских баз Японского военного флота город-порт Сейсин. Гарнизон порта превышал 4 тысячи человек, был хорошо вооружен и имел достаточно мощные укрепления, две линии обороны.

Советским командованием было принято решение для усиления сухопутных войск использовать корабли для высадки десанта со стороны моря. 13 августа команда нашего тральщика получила приказ – взять на борт десантный батальон и

высадить его в Сейсине. Ночью мы вышли из Владивостока и взяли курс, заданный командованием. На рассвете подошли к берегу, удачно высадили десантников и взяли курс на Владивосток. Поход прошел успешно. Вечером мы уже были в своей базе. Пополнились топливом, водой, отдохнули, а с утра снова началась погрузка войск для подкрепления высадившимся десанникам. В ночь наш большой тральщик следовал в порт Сейсин. На этот раз пришлось принять тяжелый бой. Отступающие в гавань под напором основных советских войск японцы стремились не допустить высадку наших десантников, завязали жестокий бой, вызвали на помощь авиацию. Тем не менее, десантники высадились, а мы поддержали их огнем с корабля. Три японских самолета начали штурмовку. Вели яростный обстрел из пулеметов, произвели бомбометание. Одна из бомб разорвалась рядом с нашим тральщиком. Корабль получил пробоину, но экипаж продолжал вести боевые действия, а аварийная команда заделала пробоину.

До Владивостока добирались почти сутки. Скорость была всего 5-6 узлов. Но добрались. Задание командования было успешно выполнено. Правда, наш корабль был поставлен в ремонт и вскоре приведен в боевую готовность.

После этих боев я был переведен на другой тральщик и службу нес в Порт-Артуре. Мы вели очистку морских дорог от мин.

Екатерина Косюк

ТРУДИЛАСЬ НА ПОБЕДУ

Екатерина Герасимовна Косюк родилась в 1920 году в селе Наволоки на Житомирщине. В 1935 году окончила школу шоферов и с тех пор до выхода на пенсию не расставалась с баранкой. Водитель первого класса. Награждена медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”, многими Почетными грамотами за безупречный и многолетний труд. Проживает в городе Шадринске.

Вообще-то я родилась и выросла на Украине, но город Шадринск стал для меня и моей дочки второй родиной. Сюда я приехала в трудный 1943 год. Все выдержала, выстояла, благодаря шадринцам: и в обиду не давали, с ними я не знала неприятностей.

В 35-ом году закончила школу шоферов, получила третий водительский класс, начинала работать на “полutorке”. В начале сорок первого года была зачислена в Лугинскую школу авиамехаников. Когда началась война, стала проситься на фронт, но меня вызвали в особый отдел и я до сей поры помню слова старшего лейтенанта Юрченко: “В тылу ты нужна сейчас больше”. Это прозвучало как приказ! А потом была дорога на восток. Запомнился городок Льгов-2 под Курском. Добрались до него своим ходом дней за двадцать. В Курган прибыла в августе. Полтора года работы в нем пролетели быстро, но

вспоминаются, как тяжелый сон: новое место, новая работа, ни родных, ни знакомых. Но все обошлось: работала, возила продукты, воду, людей... Условия жизни и труда в военное время требовали нечеловеческого напряжения, порой спать приходилось прямо в кабине, пока боец набирал воду в цистерну.

Ранней весной сорок третьего вместе с воинской частью и маленькой дочкой я оказалась в Шадринске. Всех нас, и солдат, и вольнонаемных разместили в бывших амбарах и складах, где прежде заготавливали кожевенное сырье (территория рядом с гостиницей “Урал”). Здания были окружены забором, проходную построили мы сами. В новом для нас жилище было полно “старожилы” – крыс.

Специально созданная в воинской части бригада занималась заготовкой рыбы, добывали ее в реке Исети, в Сухрино, в Нижней Палевой. Сложная и тяжелая работа. Приходилось работать и на санитарной машине – возила раненых и больных, на грузовой доставляла дрова, картофель, капусту, морковь из колхозов на зиму в Шадринск.

Потом нашу школу авиамехаников перевели в учебные корпуса в нынешнем здании Шадринского Государственного педагогического института по улице Карла Либкнехта в центре города. В школе было несколько самолетов, на которых учились наши курсанты, потом, после войны эти самолеты переместили в Осеево. В четыре утра ежедневно надо было везти людей в часть, а после пяти вечера – в город. Был аэродром и на Тумановской горе, туда тоже многократно ездила.

В 1958 году я успешно сдала экзамены на водителя первого класса. В сентябре 1960 года по сокращению Вооруженных Сил СССР была уволена из воинской части 10342. Но еще десять лет до 1970 года проработала в пассажирском автотранспортном предприятии. Ничего, кажется, получалось, во всяком случае, мои коллеги, водители – мужчины, думаю, уважали, ведь я старалась помогать и советом, и делом кто в этом нуждался.

Да, мы были в глубоком тылу, но разве можно забыть суровое дыхание войны, разве можно не помнить, как прибывали раненые и искалеченные молодые солдаты, как рвались на фронт только-только обученные в авиашколе механики... Пусть я не держала в руках оружия, но делала все, что нужно было для Победы!

Записала Нина Бажина

Василий Щербинин

ОДИН ИЗ ШЕСТИДЕСЯТИ ВОСЬМИ

Мне, участнику войны, вспоминается один боевой эпизод. Шел 1944 год. Красная Армия перенесла боевые действия за пределы нашей Родины.

8-я гвардейская армия под командованием генерала армии Василия Ивановича Чуйкова заняла на западном берегу реки Вислы Мангушевский плацдарм – немного южнее Варшавы. При форсировании Вислы мы понесли немалые потери. Когда закрепились на плацдарме, меня вызвали в штаб, назначили командиром 9-й роты (бывший командир роты капитан Пухов Николай Иосифович при форсировании Вислы был ранен и отправлен в госпиталь) и приказали принять пополнение в 68 человек. Это были парни из Зауралья. Ординарцем к себе я взял Колотовкина Виктора Афонасьевича. Он - уроженец деревни Одино Каргапольского района.

Через несколько дней мы получили приказ выбить немцев из одной польской деревеньки. После небольшой артподготовки я поднял роту в атаку. Немцы ударили из десятка шестиствольных минометов и прижали нас к земле.

Когда наши артиллеристы заставили фашистов замолчать, я вновь поднял роту в атаку. До деревеньки оставалось метров 500-600, когда немцы в третий раз накрыли нас минометным, пулеметным и пушечным огнем. Мы окопались и стали ждать поддержки.

Вскоре после артподготовки в атаку пошли 7-я и 8-я роты,

и к вечеру немцы были выбиты из деревни. Плацдарм был расширен.

Через месяц вернулся из госпиталя Николай Иосифович Пухов, и я передал ему командование ротой, а сам вернулся в батальон связи. Капитан Пухов был боевым, смелым и решительным командиром. Однажды его рота углубилась в оборону немцев, выбила фашистов из окопов и заняла новую линию обороны. Но связь прервалась. Налаживать ее ушли два бойца, и оба не вернулись. Тогда пошел я.

Немцы вскоре заметили меня и открыли минометный огонь. Переждав его, мне удалось соединить несколько порывов и наладить связь. Так я добрался до роты Пухова.

Тяжелые были бои с фашистами на исходе войны. Когда входили в Берлин, из тех 68 курганских ребят, что прибыли к нам на Висле, дошел только один. Это был Колотовкин Виктор Афонасьевич.

И Пухов, и Колотовкин живут сейчас в Кургане. Вспоминаю встречу с Колотовкиным. Когда я открыл дверь, передо мной стоял молодцеватый прапорщик (он надел парадную форму), на груди которого – пятнадцать правительственных наград. В их числе ордена Славы II и III степеней. Вот он какой, один из 68!

«Советское Зауралье» 8 апреля 1980 г. № 82.

Вера Макурина

ОДНАЖДЫ В ПУРГУ

Вера Дмитриевна Макурина родилась в 1922 году, лейтенант медицинской службы, отличник здравоохранения. После войны работала на руководящих должностях в аптечных учреждениях. Имеет награды.

В 1940 году окончила фармацевтическое училище в городе Улан-Уде. Годы Великой Отечественной войны из жизни не вычеркнешь.

Сразу же по объявлению войны много моих сверстниц-комсомолок, в том числе и я, добровольцами ушли на фронт. Я была назначена помощником начальника аптеки эвакогоспиталя № 786, который вместе с войсками двигался к северу Карелии, затем ближе к Волхову. Госпиталь днем и ночью принимал раненых. Не затихала работа и под бомбежками и обстрелами. Весь личный состав госпиталя при бомбежке должен был укрываться, а фармацевты не имели право оставлять аптеку, так как необходимо было обеспечить сохранность медикаментов. Для спасения жизни раненых требовалось много крови и мне, как и другим медицинским работникам, пришлось стать донорами.

В 1943 году я была переведена начальником аптеки полевого передвижного хирургического госпиталя № 547, который был направлен в распоряжение 17 армии, находившейся в МНР. Наше присутствие там должно было укрепить монголо-

японскую границу. Уже это заставляло приучать себя к дисциплине и внутренней самодисциплине, которые всем нам пригодились в те суровые годы. Наш госпиталь размещался в палатках и землянках, которые мы строили сами. Он был расположен в местечке Хата-Булак, на расстоянии 300 километров от города Чойбалсан. От нас требовалась бдительность. Помню случай, как однажды ночью японские лазутчики вырезали весь соседний госпиталь, и мы оказали помощь оставшимся в живых.

Однажды в суровый зимний день 1944 года мне было поручено доставить в город Чойбалсан специальный груз на склады армии, а также донесения в политотдел и начальнику санитарной службы армии. Я была назначена начальником колонны, поэтому наша машина шла замыкающей, остальные ушли вперед. В пути машина загорелась, мы с шофером сбросили шины и пытались потушить пожар, но все наши старания были напрасны, была сильная пурга, ветром раздувало огонь. Мы сильно обморозились, нас охватило отчаяние, что с пожаром не справиться, кругом было безлюдье и помощи ждать неоткуда. И вот вдали показались легковые машины, одна из них приблизилась, две остановились на расстоянии. Вышедшие из первой машины командиры МНР потушили пожар. Меня отвели и посадили в следующую машину, где сидело 2 человека, накормили и напоили горячим чаем, оттерли мне лицо и руки.

Старший, сидевший впереди, принял в моей судьбе горячее участие. Меня доставили к месту назначения, а утром вызвали к начальнику госпиталя. Когда я вошла, увидела, что в кабинете сидит и мой спаситель. Он мне сказал, подавая руку: "Давайте попрощаемся". Он встал, пола его национального халата, который был одет поверх военной формы, несколько распахнулась, и я увидела всю грудь в орденах. Я встала по стойке "смирно". Он же засмеялся, сказав: "Вот мы и познакомились! Стали друзьями! Друзья в час беды друг друга не оставляют". Это был премьер-министр, дважды герой МНР, маршал Чойбалсан. Приходилось мне встречаться и с генералом Цеденбалом, а также и другими руководителями Монголии.

Демобилизовалась я из армии в ноябре 1945 года.

Евгений Селетков

НАШ ХАРАКТЕР

Евгений Семенович Селетков родился в 1908 году в поселке Боровлянского стеклозавода Белозерского района, известный в области лесовод и краевед. На фронте с 1941 года. Старший сержант. Защищал Москву, воевал на Западном и 1-ом Украинском фронтах. Был дважды ранен, контужен. Награжден орденом Красной Звезды, медалью “За боевые заслуги”.

В послевоенные годы провел много интереснейших и глубоких исследований по истории Зауралья. Вел переписку со многими центральными архивами страны, с архивами других стран по истории декабристов, деятельности советского дипломата Леонида Борисовича Красина.

Война катилась к закату. Где-то в пороховом дыму, в густых апрельских туманах затерялся Берлин. Он был близко. Это будоражило души, не давало покоя. Усталость, казалось, навсегда ушла из жизни. Желание не отстать, не опоздать ступить на развалины логова фашистского зверья было неудержимым: столько горечи накопилось в сердцах за эти годы, столько повидано горя. Хотелось выместить все в расплате, очистить душу для новой жизни.

Грохот орудий не будил солдат, а слова командира поднимали и бросали на броню тридцатьчетверок. На рассвете тан-

ки ворвались в городок Бельциг. Десантники на ходу прыгали с машин, разбегались по улицам и дворам. Но город словно уснул. Запуганные фашистской пропагандой, жители оставили кров, бежали вместе с отступающей армией.

Но все - таки в одном из подвалов мы нашли группу оставшихся горожан. Человек сорок женщин, стариков и детей жались в темном помещении. Страх был написан у них в глазах. Напрасно старались переводчики втолковать им, что бояться не надо, что советские воины не обидят их. Люди жались друг к другу, не выходили из подвала.

Кто-то из солдат принес весть, что в подвале соседнего дома самоубийцы: лейтенант—эсэсовец убил своих родителей, жену, детей и застрелился сам.

Солдаты бросились проверять подвалы. В одной из таких групп был и я, старший сержант Селетков. Обходили дом за домом. В одном из подвалов трагедия повторилась: хозяин дома умертвил семью и застрелился. На полу лежали женщина, мальчик, а в детской коляске — девочка. Русые кудряшки, лицо были залиты кровью. Мы стояли, потрясенные увиденным. И вдруг... девочка пошевелилась. Мгновение. Я с девочкой на руках бежал вверх по ступеням. Скорее к людям, нужен доктор. Ноги несли меня к подвалу, где укрылись мирные жители: может быть, среди них есть врач. Врача не оказалось, а, может быть, люди просто боялись.

Помощь оказал подоспевший в город медсанвзвод. Девочке прямо в доме была сделана срочная операция. Доктор Мкртычан, сняв маску, выдохнул: «Будет жить»...

Это словно оживило людей. Они зашевелились, нашлись женщины, что вызвались присмотреть за больной, другие бросились готовить для солдат завтрак.

Часа через три мы покидали город, шли на Берлин. На улицу вышли те немногие жители. Глаза их были другими. В них светилось тепло. Люди знали — теперь их жизнь, их мир за плечами этих хороших парней, одетых в чужую военную форму. Солдаты с брони прощально махали руками. Они шли в бой, за свои семьи, за своих детей, чтобы жила крошка Маргарита, немецкая девочка, с русыми кудряшками, чтобы больше страшная история не повторилась.

Вернувшись с войны, я многие годы занимался лесоразве-

дением. Выйдя на пенсию, занимался краеведением, многое познал в истории родного края. Собрал материалы по стародавним поселениям Зауралья, землепашеству, лесоустройству, промыслам. Но трагическую и дивную фронтовую историю с немецкой девочкой помнил всегда.

* * *

В музее боевой славы 32-го запасного лыжного полка при школе в поселке Увал хранятся шерстяные солдатские варежки. Варежки как варежки. Обыкновенные, ручной работы, с двумя пальцами, какие для фронтовиков в войну вязали, чтобы и рукам теплее, и стрелять можно. Их передал в музей ветеран полка старший сержант Евгений Семенович Селетков.

Скромный экспонат, можно пройти и не заметить; есть здесь вещи попривлекательнее. А я стою, читаю нехитрые думы человека, написанные на листке бумаги, что лежит рядом с варежками.

«Эти рукавицы подарила мне здесь, на Увале, 13 ноября 1941 года жена Лидия Дмитриевна. Подарила как самому близкому и дорогому человеку, и как бойцу, едущему на фронт защищать Родину.

За время войны я был дважды ранен и контужен. Пули и осколки пробивали не раз шапку, шинель и сапоги... Но я был уверен — пока со мной эти варежки, фашистам не убить меня: ведь при мне два сердца — мое и жены. И не ошибся.

27 декабря 1945 года, пройдя через войну, я вернулся в родное село. Прежде чем открыть дверь дома, надел заветные варежки...

Много лет прошло с той поры. Лидии Дмитриевны больше нет со мной. И я дарю музею полка от себя и моей жены самое дорогое, что у меня осталось — наши варежки».

Я долго смотрю на варежки... И вспоминаю, как мама такие же посылала на фронт отцу, осторожно завернув их в лист бумаги, на котором угольком были обведены пять детских ручонок с растопыренными нашими пальцами. Видимо, мама хотела, чтобы рядом с сердцем отца были и наших пять. Но догадался я об этом только здесь, в музее.

Геннадий Устюжанин

Иван Кунгин

РАССКАЖУ ТЕБЕ, КЛАНЯ

Иван Сергеевич Кунгин родился 19 сентября 1911 года в селе Прорыв Звериноголовского района. Участник боев на Халхин-Голе, войны с белофиннами и Великой Отечественной войны. Рядовой пехоты, Ленинградский фронт.

Я, старшая дочь Ивана Кунгина Клавдия, о войне узнала из книг, едва научившись читать, и из фильмов, что привозил в село наш киномеханик. Война для меня была чем-то далеким и не имеющим к нашей семье отношения, хотя маленькие сестренки играли папиными солдатскими медалями, но я как-то не соотносила это с папой и войной.

Отец по жизни был немногословен, даже молчалив, сдержан в эмоциях, мы почти его не видели вышедшим из себя, не видели его злым, кричащим на нас. Это просто удивительно, в наше время и один ребенок выводит из себя родителей, а нас было 5 девочек-погодков, начиная с 1947 года рождения, “мал-мала меньше”, как говаривал папа.

Не могла я соединить в своем детском сознании эту страшную войну и своего отца. Отец не говорил вслух о войне, наоборот отказывался идти смотреть очередную “картину” о войне, и только в хмельные минуты весь груз пережитого прорывался в громкой песне:

*Эх, путь-дорожка фронтовая,
Не страшна нам бомбежка любая!
А помирать нам рановато,
Есть у нас еще дома дела!*

Он маршировал, полз по-пластунски, не поднимая головы, то и дело замирая, вскакивал с криком “За Родину! За Сталина!”, глядя на нас, своих притихших дочерей, плакал, обхватив голову руками...

Став постарше, я спрашивала у отца:

- Пап, а ты воевал?

- А как же! Я воевал еще до Отечественной. Когда началась война с немцем, я уже к тому времени кадровую прослужил: Халкин-гол, Финскую - все прошел. Тридцатилетним солдатом попал на Ленинградский фронт, на Ладогу, Дорогу жизни охранял, по месяцам не вставали из снежных окопов....

- Расскажи.

- А что о ней рассказывать? Страшное это дело - война... Волосы примерзали в окопе, снег из белого в красный превращался, а летом в бою с земли солнышка не видно, грохот такой, что уши закладывает, земля горит... А как сутками шли, стирая ноги в кровь, губы потрескаются от жажды, одно желание - глоток воды! Увидим на земле в конских копытцах или в колеях от машин воду после дождей, попьем все в очередь, бывало и из лужи, где мертвый солдат лежал, и оттуда губы смочим... И дальше идем...

Какая-то другая война, не такая, какую я видела в кино, читала в книгах, вставала передо мной. Наверное, отец был не на настоящей войне, не там, где совершались подвиги и героизм, думала я еще очень долго...

Но один из его рассказов запомнился навсегда всем нам, сестрам, так поразил он нас:

“В одном из боев столб огня совсем рядом поднялся, больше ничего не помню. Чувствовал еще, тащила меня на себе девчонка-санитарка, плача и меня уговаривая, чтобы потерпел. Ранило и контузило меня сильно, вся спина в осколках была, пальцы на руке перебило. В палатке-госпитале сразу на стол меня, стакан водки, чтоб не кричал от боли, стал хирург освобождать тело от осколков... Сердце мое не выдержало, остановилось, меня со стола и в “холодную”. Некогда

врачам возиться, другие раненые ждут помощи.

Очнулся я от холода в полной темноте, впереди брезжит полоска света, на нее я и пополз. Чувствую, через холодные бугры ползу. Дополз до двери, а там такой же, как я возле самой двери шевелится. Стали мы по двери стучать изо всех сил, как нам казалось... Потом уж часовой морга нам рассказывал: “Слышу скребется кто-то в дверь, не по себе стало! Ладно, белый день, открыл, а там вы двое в крови, в бинтах, мычите...”.

Попал я снова на стол. Сделал хирург все, что нужно было и говорит мне: “Ну, Иван, сердце у тебя конское, долго жить будешь, но воевать - отвоевался!”.

После госпиталей привезли меня домой с провожатым и сдали жене под расписку, что принять меня не отказывается. Глухой, слабый, рука не действует... Две зимы пролежал на печи: жить - не жил, и смерть не шла. Одолевали думы: “Неужели на трактор не сяду, землю пахать не буду? Буду запечником?”

Однажды наш сельский врач сказал мне: “Не помогут тебе лекарства, Иван Сергеевич! Тебе бы года три в лесу пожить одному, в тишине, на лесном воздухе и травах!”. Подрядились мы с вашей матерью табун лесхозных коров пасти. Дали нам лошадь. Увезет меня лошадка бывало далеко в лес со стадом... Там мы почти сутками на приволье. Силы мало-помалу возвращались ко мне, сам стал на лошадь садиться. Так пробыл я с коровами 3 лета, все травки живьем жевал, все ягодки мои были, запивал хлеб с солью водой из лесного ключика. Вот так я и ожил. А в 1947 году и ты, Кланыя, родилась, а потом, что ни год-два, то девка. А я все сына ждал, себе помощника.... Ведь через три года комиссия допустила меня к работе на тракторе, хотя оставила 3-ю группу инвалидности. Сколько земли перепахал, хлеба убрал, но потом опять глохнуть на тракторе стал. Списали меня. Зимой в МТС на ремонте тракторов работал, летом - на зерновом току...

Папа умер на 73-м году жизни, страдая бронхиальной астмой, от кровоизлияния в мозг, на руках своих пятерых дочерей, которым подарил жизнь уже после войны. Каждый год, 9 мая, стоим мы, дочери и внуки, с цветами у его могилы на Рябковском кладбище. Спасибо тебе, за все, дорогой наш отец!

Григорьева Клавдия Ивановна.

Александр Переплетчиков

МОЙ СЛАВНЫЙ ДЕДУШКА

Мой славный дедушка Александр Аввакумович Переплетчиков - ветеран Великой Отечественной войны. Жаль, что этих людей осталось немного. А они - живая история нашей страны. Я хочу, чтобы все узнали про моего дедушку, про его нелегкую военную судьбу.

Дедушка не любит рассказывать про войну, ему тяжело об этом вспоминать. Когда он со мной разговаривал, то его голос дрожал. И тогда я почувствовала всю его душевную боль.

Он не сразу попал на фронт. Лишь 17 августа 1942 года Белозерский райвоенкомат вручил ему повестку для поступления в военное училище. В то время моему дедушке не было еще восемнадцати лет, и поэтому он призвался добровольцем. Сначала был направлен в Первое Тюменское пехотное училище. Учеба в нем тогда была переведена на ускоренную программу. И деду не пришлось полностью закончить курс, в феврале сорок третьего года он уже был направлен на фронт. На месте формирования ему было присвоено звание младшего командира, а боевое крещение Александр Аввакумович получил на Курской дуге.

Восьмого июля 1943 года 5-ую армию, где служил Александр Переплетчиков, бросили в контрнаступление, так как противник прорвал оборону, продвинулся вперед на тридцать километров. «Наша задача была, - вспоминал дедушка, - сдерживать наступление немцев, занять оборону и выстоять, отра-

жая врага». Тучи немецких танков неожиданно появились на позиции, земля горела - вот какие кровавые бои шли на Курской дуге. Из взвода, в котором воевал мой дед, остались в живых только он да еще один боец.

При наступлении, не доходя пяти километров до города Орла, дедушка был ранен в обе голени. Из полевого медсанбата его перевезли в город Махачкала, где он пролежал в госпитале три месяца. После выздоровления был направлен в город Краснодар, затем в Тамань. При новом формировании овладел специальностью десантника.

В конце сорок третьего года в числе десанта был высажен на Керченский полуостров, участвовал в освобождении Крыма от немецко-фашистских захватчиков, в том числе и в освобождении города Севастополя. Был награжден медалью «За боевые заслуги».

После освобождения Крыма их воинскую часть перебросили на Западную Украину. Также дедушка участвовал в освобождении Польши и Чехословакии. При переходе через Карпаты был снова ранен, на этот раз в шею. Случилось это 13 октября сорок четвертого года. Из медсанбата был перевезен в госпиталь в город Лукачев. За боевые действия в Карпатах Александр Аввакумович награжден орденом Славы третьей степени.

После четырех месяцев лечения он снова отправился на фронт. И прошел еще через множество жестоких боев, которые унесли тысячи жизней. Дедушка Александр Аввакумович с большой печалью и душевной болью рассказывал мне об этом.

Наконец пришла долгожданная победа! Но для деда война не закончилась. Отдельные немецкие группировки не хотели сдаваться, зная, что их ожидает суровое наказание за все, что они совершили. Полк, в котором воевал мой дедушка, продолжал очищать землю от фашистской нечисти. За бои по освобождению Чехословакии дедушка награжден орденом Красной Звезды. Лишь в пятьдесят первом году вернулся солдат домой, в село Баярак Белозерского района. Работал дедушка трактористом, механиком и двадцать с лишним лет, до ухода на пенсию, управляющим отделения в совхозе. За свой мирный труд тоже получил немало наград: медали, почетные

грамоты, премии, поощрялся путевками в санатории и дома отдыха. За дела и душевную доброту его уважают люди. Но раны все чаще и чаще давали о себе знать, и он ушел на заслуженный отдых. У дедушки есть любимое занятие - резьба по дереву. И он сильно огорчается, когда из-за болезни не может этим заниматься. Ему семьдесят семь лет. У него три сына и дочь, одиннадцать внуков.

Два брата деда - Михаил и Гавриил также принимали участие в Великой Отечественной войне.

Так давайте же помнить этих людей, которые сражались, отдавали свои жизни за нашу жизнь и свободу. Помнить всех, кого уже нет с нами, и тех, которые живут среди нас.

Правительство повысило им пенсии и установило ряд льгот, но они нуждаются в гораздо большем - в нашей заботе и помощи, в нашем участии и добром слове. За все, что они сделали, бесконечная им благодарность, низкий поклон и вечная память. И не дай Бог нам перенести такую войну. Я буду помнить об этом, дедушка. Я расскажу о тебе своим детям.

Анна Переплетчикова

Геннадий Яковлев

ЮНОСТЬ КОМСОМОЛЬСКАЯ МОЯ

Геннадий Иванович Яковлев родился в Донбассе. Участник боев с 1941 года. Командир отделения 1-го взвода 1-й роты 1-го Коммунистического батальона 22-й стрелковой бригады 4-го Гвардейского стрелкового корпуса 2-й Ударной Армии. В боях был ранен, инвалид войны 2-й группы. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени, многими медалями.

После войны - учитель. Отличник Народного просвещения, Заслуженный учитель школы РСФСР. Участник ВДНХа СССР, награжден ее Большой серебряной медалью. Живет в городе Кургане.

Родился я в Донбассе, в пятнадцать лет стал шахтёром. Там же, на шахте, меня застала война, а когда поднялся на гора, на шахтном дворе шел митинг. На этом митинге я сказал, что добровольцем пойду защищать мою Родину, как и все мои товарищи-комсомольцы.

25 июля 1941 года с группой добровольцев нас направили в город Святогорск, где обучили стрельбе из боевого оружия, а 1 августа мы уже приняли участие в боевых действиях под Смоленском. Мне тогда шел восемнадцатый год. Страху натерпелись больше, чем надо. Здесь мы своими глазами увидели войну в её отвратительном обличье. Вначале было труд-

но понять, откуда стреляют. Потом поняли, что то, что свистит, ухает - это всё уже мимо тебя...

Потом было Ярцево, Вязьма. Отступали с боями, теряя своих товарищей. Никогда не забуду пожилую женщину, а может, война сделала её такой? С глазами, полными слез, она тихо спросила, но слышали все: «А нас на кого оставляете? Как же мы будем здесь жить?» - И ещё долго стояла на окраине незнакомого села под Вязьмой эта сгорбленная женщина, глядя нам вслед. Мы не знали ответов на её вопросы, но я, да и не только я, чувствовал себя виноватым за то, что оставляли её и миллионы таких, как она. Но это была война.

12 человек, оставшихся от роты, мы пришли в Ворошиловград. Здесь формировали новые подразделения. В составе коммунистических батальонов нас привезли к Сталинграду, в поселок Дубовый Овраг, а оттуда направили к Москве на станцию Лихоборы. К этому времени немцы уже потерпели поражение под Москвой, наши войска развивали наступление, а нас направили к Ленинграду, на Волховский фронт в составе 22-й стрелковой бригады 26-ой армии, а позднее - 2-ой Ударной.

Примерно в двухстах километрах от передовой выгрузились на станции Кресты. Вся станция была запружена военными повозками, их там были тысячи. Хмурое небо, казалось, прижимало к земле, вдали - лес и ширь бескрайняя. Подумалось: «Какая же у нас огромная страна!» А там, куда нам предстояло идти, небо полыхало зарницами, там шли бои дни и ночи. На третьи сутки мы уже были в Большой Вишере. Отсюда хорошо был слышен грохот артиллерии, небо полыхало огнями, как будто это было рядом. «Только сейчас ушла финская разведка», - сообщил нам местный старичок.

Отдыхать было некогда и на этот раз. Перекусили, что называется, «на скорую руку» и «Подъём!». В километрах двадцати от передовой, в мелком кустарнике последовала команда: «Привал!». Здесь же заменили ботинки, сапоги на серые армейские валенки. Проверили оружие, выдали ещё по две гранаты РГД с запалами. Дважды пролетали над нами наши «кукурузники», и мы этому очень радовались. Нам разъяснили, как вести себя в случае внезапного нападения, словом, быть начеку! Патрон в патронник, затвор на предохранитель.

Вот и Волхов! Это тебе не Днепр. Здесь река не очень ши-

рокая, а противоположный берег, на котором укрепились немцы, очень крутой. Заняли оборону. Ничего не видно, но немцы, видимо, нас уже обнаружили: вспыхнули сразу несколько осветительных ракет, стало видно, как днём. Противник открыл пулемётный и автоматный огонь, завизжали мины, кто-то вскрикнул. Потом стрельба внезапно прекратилась: мы в глубоком снегу и нас не видно.

Старший лейтенант Антипин передал по цепочке: «Отделениями к противоположному берегу, соблюдая дистанцию, вперёд!» Бесконечно длинным оказался наш путь на животе по «неширокому» Волхову. Лед местами разбит минами и снарядами, на льду вода, а мороз 40 градусов! Кое-как перебрались под навес крутого противоположного берега. Оказалось, немцы местами облили крутой берег водой. Забраться и атаковать прямо в лоб невозможно. Тогда Антипин принимает решение обойти горку с правого фланга и посылает уже обстрелянных ребят вперёд. Метров через триста по берегу оказалась ложбинка. По ней мы пробрались и почти в упор ударили по отступающим немцам. Вскоре пришло подкрепление. Вторая и третья роты нашего батальона стали преследовать отступающих гитлеровцев, которые, как правило, отступали от одного населённого пункта до другого на заранее приготовленные позиции.

Мы стали обследовать укрепления на берегу. Зайдя в хорошо обустроенный ДЗОТ, над моей головой вдруг раздался выстрел. Это Дотя Клейман, комсорг роты, первым увидел немца, прежде чем ему удалось выстрелить. Я вытащил убитого из укрытия.

В оборудованной землянке ярко горели дрова в печурке, варился мясной суп в большой посуде, оставалось только засыпать лапшу...

Политрук роты Тарасов не разрешал прикасаться к пище: «Она отравлена», - говорил он. Но голод не тётка, мы поужинали и позавтракали этим варевом, и никто не отравился. Под нарами нашли ведро с мёдом. Думали масло. Попробовали мёд! Тоже откушали. И опять команда: «Вперед!»

За участие в этом бою пять человек наградили орденом Красной звезды. В том числе был награждён и я.

Помню такой эпизод. Начальник штаба батальона трижды

посылал связных в штаб бригады, но ни один из них не вернулся. Тогда командир батальона, у которого я был связным в то время, послал меня: он знал, что я мальчишкой охотничал на Урале и умею ориентироваться на местности.

Иду, значит, тропкой, вижу полянка открывается, а на поляне вроде убитые, и почему-то недалеко друг от друга. «Может засада?», - подумал. Поравнялся с толстой сосной и сразу резко за сосну, а тут и очередь из автомата, да сосна спасла. Это у посёлка Мостки, что в Мясном Бору. Я круг дал, иду стороной, а направление держу. Прошел с полкилометра и опять на дорогу вышел, а там и поселочек небольшой показался. Штаб нашел сразу. Дверь открыл, а там картошкой варёной опахло. Смотрю, офицеры картошку с селёдкой едят, меня накормили. И обратно в путь. Ещё человек двадцать пополнение привёл в свой батальон.

Скажу вам, голодали неопишимо! У меня в противогазной сумке была голова селёдки да пара сухарей. Селёдочку пососешь, снежок в рот побросаешь, сухарь понюхаешь и вроде отобедал, а селёдочку опять в сумку до следующего обеда. Немцы строго следили, чтобы кухню нам не могли подвезти, хотели заморить нас голодом, А как страдали кони?! Грызли мёрзлую кору! Я грыз мёрзлый кусок хлеба, а лошадь смотрела на меня такими просящими глазами - душу выворачивало. Я не мог ей не дать хотя бы кусочек. Отковырял ножом немного, не мог смотреть ей в глаза, подал, так она чуть с рукой не отхватила. Горя хлебнули и люди, и кони, всем досталось под самую завязку.

Но то, что пришлось пережить в Любанской операции - не дай Бог никому крещеному! Начало было хорошим, немцы нас пропустили без единого выстрела, а потом «мешок» затанули. Оставался проход метров пятьсот, а то и того меньше. Всё простреливалось пулемётным и ружейным огнём. Снег по пояс, еды - никакой, в воздухе постоянно немецкие самолеты...

Когда стало ясно, что никакого объединения войск Волховского и Ленинградского фронтов не произойдёт в Любани, командование приняло решение повернуть 2-й Ударную на исходные позиции. Если бы войска 54 армии не пришли на выручку, от 2-й Ударной ничего бы не осталось. И всё же её основная часть навсегда осталась в Мясном Бору. До сих пор

ещё подбирают останки бойцов 2-й Ударной.

Навсегда в моей памяти останутся имена Александра Гревцева, Михаила Бэнзаря, Доги Клеймана, старшего лейтенанта Антипина, политрука Тарасова, Ивана Абрамова, Николая Бербеницкого, Виктора Менщикова, Александра Чумакова, Николая Пугачёва, красноармейца Маруды и других моих славных командиров и товарищей, которые мне стали родными, как братья. Вечная им память!

Трудно пришлось выходить из окружения. Пробирались по болотам, под снегом которых вода. Усталые, голодные с боями пробивались к своим. А когда ценой огромных потерь удалось пробиться, выйти из окружения, я выпил глоток какой-то неприятной воды из колодца и почувствовал сильную боль в желудке, лёг на снег, и в это время налетели немецкие самолёты, начали обстреливать и бомбить. Видел, что бомба летит прямо на меня, успел перевернуться и... больше ничего не помню. Очнулся в полевом госпитале: глаз забинтован, руки и ноги тоже. Я лишился значительной части левой стопы, отморозил левую руку и пальцы на правой ноге. С этого момента началась моя жизнь инвалида. После госпиталя в Ново-Кузнецке стал вопрос, как жить?

Работать в шахте не мог, пошел учиться в сельхозтехникум, что был тогда в селе Утятском и навсегда остался в Курганской области, которая, помогая мне в трудную минуту становления, помогла получить высшее образование, доверила обучать детей.

Впервые судьба свела меня с детьми, когда я работал директором Раскатихинского детского дома. Помню, как дети-сироты обступят со всех сторон и каждый кричит: « Папа!» Такое тоже не забыть.

Позднее в Межборской школе мы получили скороспелую кукурузу, которая в наших краях вызревает через 90 дней от посева. Это было своего рода достижением, о чём сказал Никита Сергеевич Хрущёв в своём выступлении по случаю вручения Курганской области ордена Ленина.

Я - рядовой солдат прожил свою очень трудную сиротскую жизнь, защищал свою Родину, и в трудное время она не забыла меня. Могу с гордостью сказать, что свою жизнь я прожил не зря.

Валентина Шаламова

МЫ ТОЖЕ ВОЕВАЛИ

Валентина Александровна Шаламова родилась в 1925 году в селе Серга Пермской области. Работать начала в шестнадцать лет на телеграфе. Живет в Кетово.

В 1940-м году на работу меня не приняли: нет еще 16 лет. Наконец, получила паспорт, и я поступила ученицей на телеграф. Нужно учиться шесть месяцев, а я уже через три месяца стала работать самостоятельно.

1941-й год. Война. На работе – невероятное напряжение. Шли шифровки в военкомат, НКВД, началась мобилизация. Проводили моего сменщика Ваню, а через месяц на него пришла похоронка. Ушла на фронт подруга Валя – погибла под Москвой. Из военкомата запросили специалистов, а мне нет восемнадцати. Торопят встать на военный учет.

В 1943-м году по приказу Министерства связи, меня как комсомолку командировали в Ростов-на-Дону для восстановления связи. Формировались в Перми, собралось с области человек десять. Дома проводили, выдав премию 150 рублей, и купили белые валенки, первые в моей жизни.

Но ехать пришлось не в Ростов: он был еще не освобожден, а в Воронеж. Ехали целый месяц, так как нас, штатских, не садили в вагоны: шли воинские эшелоны, почти не останавливаясь. Где-то солдаты в окна затащат, или выпросимся на открытые платформы с пушками. Ехали по освобожден-

ной земле, разоренной. Стоят сиротливо остовы печей. Плакали, глядя на все это.

Высадились в Грязях. Дощатый вокзал наскоро сколочен, и все, кто ехал в Воронеж, разместились кто где. Нам удалось пробраться ближе к печке, я с трудом сняла свои мокрые валеночки, мои сморщенные от сырости ноги стали отходить. Измученные, голодные, уснули. Вдруг слышу крик: “Чи валенки горят?”. Я проснулась и вижу: у моего валенка голень выгорела. Доехали до станции Отрожка, в трех километрах от города, и я пешочком по лужам в своих валеночках, привязав полотенце за ручку чемодана, вошла в город.

Полное разрушение, стоят на улице мебели, пианино – все, что оставлено хозяевами. Пришли на телеграф. Громадное здание – все разрушено, стены в трещинах. Мы, телеграфисты и техники, разместились в подвальном помещении, предназначенном для бомбоубежища.

Нам в наследство военные оставили печурку, котелок и алюминиевую кружку. Жили, не раздеваясь. Умывались на улице снегом. Временно нас кормили из воинских походных кухонь.

Пока восстанавливали “Морзе”, нас направляли для очистки завалов. Стал таять снег. Начали вытаскивать трупы немцев и наших солдат. Мы со страхом укладывали их на носилки, складывали в кучу. Кольцовский, Петровский, Первомайский скверы были в крестах, а на них – каски. Тут были кладбища и немецких солдат.

Ходили дежурить в госпитали, ухаживать за ранеными. Все время ощущали голод. Сдавали кровь, чтоб горячего покушать и получить дополнительные карточки. Меня хватило только на три раза. В третий раз меня вынесли на носилках и велели больше не приходиться.

Наконец, восстановили с районами связь. Нам отремонтировали на старом почтамте комнату, и мы поселились – десять человек. Окна с одинарными рамами, топить нечем. Идем со смены и что деревянное увидим – все тащим: из домов паркет, косяки, беседки в парке. Затопим – пойдет пар, со стен течет, так как они обледенелые. Спали в фуфайках.

Работали по 24 часа в сутки. После смены спим, как убитые, и не слышим, что по нам ходят крысы, и карманы изъе-

дены: видимо, крошки хлеба оставались. Все смены по очереди отправляли в лес заготавливать дрова для заводов и учреждений. Снег по пояс и мы – в фуфайках, в ботиночках, в чулочках, мокрые. Придем в барак, к печурке не протиснешься. Спали на нарах, устланных ветками, полуголодные. И так две недели в лесу.

Весь месяц без бани, вшивые, мы с радостью встретили весну. Восстановили баню, прикончили насекомых, крыс. Пошли трамваи, расцвели каштаны. Где были могилы в скверах, пышно расцвели кустарники. Мы, помимо своей работы, участвовали в восстановлении города. От взрывов неразорвавшихся мин гибли люди. Досталось и мне, когда далеко разорвалась мина, и меня отбросило волной. Очнулась от сильного шума в голове, тошнило. На носилках меня принесли в проходивший госпиталь. День пролежала, часть пошла дальше, а меня подруги домой увели. Все время болела голова, но слух восстановился.

Через два года по состоянию здоровья меня откомандировали домой, в Ивановскую область, в Палех, где жили мама с сестрой. Там работала в связи счетоводом.

В 1946 –м году поехала в гости в Кетово к тете, и понравилось здесь. Район только что образовывался. Мне как комсомолке дали задание открыть книжный магазин, и в декабре 1948 года я это сделала.

Жизнь продолжалась со всякими ухабами, но все выстояла. С мужем, Александром Даниловичем, участником Великой Отечественной войны, прожили вместе 55 лет, вырастили детей, есть три внука и два правнука. Потому, думаю, что прожила не напрасно, какую-то пользу принесла своей Родине.

Ольга Свинкина

ПО ПРИЗЫВУ КОМСОМОЛА

Ольга Ивановна Свинкина проживает в городе Куртамыше. На фронт ушла восемнадцатилетней. Санитарка, медицинская сестра.

Награждена орденом Отечественной войны, медалями.

Ох, уж эта война! Самое безумное занятие человечества. Сколько страданий, слез и горя приносит она живым, смертельной хваткой сжимает горло виновных и не виноватых.

Наша семья жила в городе Троицке Челябинской области. После семилетки я поступила в медицинское училище. Впереди была, как мечталось, светлая жизнь – что может быть лучше, чем облегчать страдания людей, лечить их.

Но уже 22 июня 41-го нас пригласили в райком комсомола. Разговор закончился тем, что мы написали заявления с просьбой отправить на фронт. Нет, никто не заставлял нас это делать, просто спросили: “Как будем жить дальше, над Родной беда”. И мы на самом деле добровольно положили на стол секретаря заявления.

А уже в ноябре я служила в санроте 126-й стрелковой бригады Северо-Западного фронта. Бои шли отчаянные. Раненых поступало огромное количество. Не хватало медикамен-

тов, медицинского инструментария, бинтов, марли, ваты. Медики работали почти круглосуточно. По несколько раз перестирывали бинты, рвали на перевязки простыни, белье. Я работала в отделении нетранспортабельных раненых. Этих ребят после ампутации конечностей, операций на голове, в области живота нельзя было даже переворачивать. Тысячи бойцов прошли через мои руки.

Какое же это было горе! Молодые, крепкие, сильные, красивые наши парни в одночасье становились инвалидами. Конечно, умирали некоторые, но остальных отправляли в глубокий тыл.

Потом нашу бригаду отвели на реформирование и включили в состав 199-й дивизии, которая прославилась своими боевыми делами. После освобождения Смоленска она стала именоваться Смоленской Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова гвардейской стрелковой дивизией.

Боевые наши дороги уходили все дальше на запад. Орел, Гомель, вот уже граница, далее Польша. Здесь в одном из боев меня тяжело контузило. Отнялась речь, долго лежала в прифронтовом госпитале. Но выжила!

Демобилизовали меня в победном 45-м году. Приехала домой. И радостной и печальной была встреча с мамой и сестрой: радостной, что осталась живой, и горестной, потому что, защищая Сталинград, погибли мой отец Иван Кондратьевич и брат Алеша.

Потом я продолжила прерванное войной обучение и работала. Всегда шли, летели наши годы, как птицы. И не успела, кажется, оглянуться, как проработала в Куртамышской больнице больше двадцати лет. Вырастила двух сыновей, Саша стал художником, а Алеша - инженер.

Сейчас на пенсии, живу, радуюсь солнцу, детям, цветам, каждому дню. И очень не хочу, чтобы повторилось то грозное, фронтовое время.

Записал Виталий Есетов

Мария Лагунова

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Мария Ивановна Лагунова родилась 4 июля 1921 года в деревне Оконечникова Катайского района. В 1941 году ушла добровольцем в Красную Армию. Окончила в Челябинске курсы военных трактористов, обслуживала военные аэродромы на Волховском фронте. В 1943 году окончила танковую школу. Участвовала в боях на Курской дуге. В сражении под Киевом была тяжело ранена. После ампутации ног не оставила родной полк.

Награждена орденом Красной Звезды, медалью “За отвагу”. Почетный гражданин Катайска, города Бровары на Украине и города Грунсвальда Германии.

Боевой и жизненный подвиг Марии Ивановны Лагуновой стал примером человеческого мужества, стойкости и патриотизма.

Родилась я в многодетной семье. Мама умерла, когда мне было четыре года. Вот с этих пор, можно считать, я стала сама работать за кусок хлеба, за платище и пальтишко, за крышу над головой. В школу ходила всего 5 зим, потому что мачеха была, как в тех сказках, злее не бывает. Мы подрастали и уходили из дома. Меня забрала сестра в Свердловск, там я жила в няньках. В 16 лет добрые люди помогли устроиться работать на фабрику «Уралобувь». Училась всему. Хотелось быть сильной, все уметь и быть нужной, а не обузой.

Профессии выбирала мужские: хотелось быть похожей на любимого брата Николая. Стала электриком, но очень хотелось быть шофером грузовика. И когда выдавалась свободная минута и грузовик стоял без «работы» или на ремонте, изучила его родного и была счастлива, если позволяли сесть за руль.

Когда Николай в 1941 году ушел на фронт, я тоже обивала пороги военкомата. Но тщетно. Я даже злилась, что родилась девочкой. И вот, наконец, достучалась: получила долгожданную повестку. Еду на курсы военных трактористов в город Челябинск. Училась, вкладывая все силы.

Зимой 1942 года я уже служила в батальоне аэродромного обслуживания на Волховском фронте. Целыми днями за рычагами своего «стального коня». Очищала аэродром от снега, корчевала деревья для строительства гатей и дорог, подвозила горючее и боеприпасы для бомбардировщиков. А когда наши ясны соколы не все возвращались из боя, я своим трактором так ворочала сугробы, как будто танком утюжила фашистские рати и блиндажи. Мне очень хотелось на фронт.

Мы в то время мало ели, мало спали, но много мерзли и работали. Уставали. Уставали даже трактора. Радовались каждому дню, когда наши соколы прилетали все и рисовали новые звезды на своих самолетах. Но не всегда возвращались все. И как мы переживали каждую оборвавшуюся жизнь.

Судьба меня всегда испытывала на прочность. Она меня и здесь не обошла... Погиб мой любимый брат Николай. Стиснув зубы, я твердо решила - на фронт, только на фронт! Как раз набирали группу в танковое училище на ускоренные курсы в Нижнем Тагиле. На заявление мне снова отказали: «Не женское это дело танком управлять».

Я очень огорчилась, но решила и написала письмо уважаемому в народе Всесоюзному старосте Михаилу Ивановичу Калинину. С тревогой и надеждой ждала ответа. Ответ пришел быстрее, чем ожидала. Вот так я стала курсантом, а затем и механиком - водителем танка Т-34. После окончания училища мне предложили как лучшей курсантке остаться инструктором в училище. Не раздумывая, сказала: «Нет. На фронт, только на фронт. У меня свои, личные счета с фрицами». А еще горела гордость в моей душе: «Я смогла! Смогла!

Смогла стать отличным танкистом. Ну, фашисты, держитесь, будет гореть под вашими ногами земля!” И горела! Сама видела и знаю –горела!

А еще помнится, как по приезду в училище, мне предлагали разные военные профессии. Уговаривали подумать. Со-мневались во мне...

И не удивительно.

“...Взглянули б на нее, сказали бы девчонка.

Такой на фронт? Да что вы?..

И вот грохочет бой, и мчатся пули звонко...

А танк так мчится, что в ушах звенит.

“Давить, давить... Вперед к победе! -

За всех погибших, Маша, отомсти!”.

Но это уже позднее написали обо мне. А первый бой. Его не забыть никогда. Скрежет пуль и снарядов. Снова потери друзей, и первые метры освобожденной земли, мои метры, политые потом и кровью. Помню, что кричал командир, ругал, что слишком вырываюсь вперед. А у меня только ярость. Давить их гадов, давить! После боя товарищи из экипажа похваляли, сказали, что на первый раз отлично держалась, наставляли: “Только вперед батьки в пекло не лезь, Лагунова. Твоя война впереди. Учись воевать, береги танк и себя, чтобы победить”. У меня никогда не было страха, когда я садилась в свой танк и бралась за рычаги.

Старалась быть первой. Гнала фашистов от Курска до самого Днепра, провела 12 победных атак. 13 атака, мой последний бой, они живут со мной. Мой последний бой был в селе Княжичи возле города Бровары под Киевом. Бой отчаянный. Командир танка Чумаков не унимал мои порывы, верил в мою удачу, смелость и правильные решения. Услышала в шлемофоне: “Немецкая пушка справа, - прихлопнем?” Развернула свою машину. И вперед. И никто не заметил за ней еще одну пушку, замаскированную. Снаряд попал в передний лист брони, почувствовала как «загорели» ноги, как будто ошпарили кипятком. А когда очнулась...

Это могут понять только те, кто пережил такое же. Было все: отчаяние, злость и снова отчаяние. Помогали добрые

люди. Своим Ангелом-хранителем считаю Валентину Михайловну Борисову. Она меня кромсала, ругала, нянчилась, как с малым дитем. И в полк сообщила обо мне. Потом приехали ребята из части, училища, привезли письма, гостинцы, подарки. Я поняла, что у меня надежные друзья и товарищи не только в боевых делах, но и в горести и беде. Их сила, уверенность, дружба поддерживают меня всю мою нелегкую жизнь. Да! ... госпиталя, операции, Москва, протезы, синяки и шишки. С благодарностью вспоминаю профессора Чаклина, который так много вложил труда, чтобы поставить меня на ноги, в полном смысле этого слова. На ноги! И палки в руки не давал, заставлял ходить самостоятельно до изнеможения. И пошла!

Вернулась в строй телеграфисткой в родной полк. Там и о Победе узнала первой. Плакала, сильно плакала от радости и огорчения, что не в своем танке к Победе пришла. Почему-то вспомнила, как командующий нашей 3-ей гвардейской танковой армией генерал Павел Семенович Рыбалко называл меня танковым асом...

А теперь я за телеграфом сижу...

В 1948 году, после демобилизации хотела вернуться в родительский дом. Собраться всей оставшейся семьей и жить. Не получилось, а так хотелось. Но это совсем другой разговор, особый.

Вернулась на фабрику «Уралобувь». Работала контролером ОТК. Вот здесь пришла ко мне настоящая большая любовь на долгие годы. Вместе с мужем вырастили и воспитали двух прекрасных сыновей Николая и Василия. Наши дети носят имена моего брата и брата Кузьмы.

Очень жаль мне, что не вместе с Кузьмой радуюсь нашим с ним прекраснейшим внукам.

Награды. Я ведь освобождала свою землю от врагов не за награды, а чтобы люди жили счастливо, справедливо и по совести. Да, награждена орденом Красной звезды и медалью «За Отвагу». Награды ГДР мне вручила Ирма Тельман за воспитание молодежи орден «За Труд» и Почетный Знак женщин ГДР, а Почетный Знак общества Германско-Советской дружбы вручил секретарь общества господин Ничке.

Вот, собственно, и все о моей жизни.

Вот такая дочь моей России - Мария Ивановна Лагунова. Почетная гражданка Катайска. Ее жизнь - это настоящий подвиг не только на войне, но и в мирной жизни. Эта биография уже перестала быть личным достоянием человека, а стала явлением всеобщим, воплощая для миллионов людей прекрасный, чистый образ Русской женщины памятных лет Великой Отечественной войны.

И для нас, воспитателей и педагогов всех ступеней, этот чистый образ женщины - борца за мир, справедливость, дружбу между всеми людьми (хотя это звучит, в наше время парадоксально), пример для подражания, всегда раскрытый учебник для воспитания подрастающего поколения, возобновления семейных традиций, уважения к доблести и чести наших матерей и отцов, истории нашей Родины.

Горжусь, что хорошо знала эту прекрасную женщину, записала ее рассказ о нелегкой, но яркой судьбе.

**Надежда Маслакова, воспитатель детского сада «Тополек» города
Катайска, 31 мая 2002 года.**

Павел Сидоров

**УЕЗЖАЛ
СТРОИТЬ,
А ПРИШЛОСЬ
ВОЕВАТЬ**

Павел Григорьевич Сидоров родился 13 ноября 1914 года в деревне Казанцево Частоозерского района. В начале 1941 года как механизатор был мобилизован на работу по строительству Беломоро-Балтийского канала. Там и встретил войну. Окончив танковую школу, сражался с врагом на Калининском и Прибалтийском фронтах, освобождал Варшаву.

Награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалью “За отвагу” и другими.

После войны работал председателем колхоза, бригадиром тракторной бригады, комбайнером Частоозерского совхоза. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями.

Война нагрянула неожиданно, хотя о скорой вероятности ее много говорили. В начале 1941 года меня как механизатора мобилизовали на большую стройку Беломоро-Балтийского канала. Дело это непростое - после колхозной пашни переключиться на строительные работы на том же тракторе. Только начал привыкать, а тут война. Перебросили нас на рытье противотанковых рвов, строительство оборонительных сооружений под Ленинградом. Пришлось почти под непрерывными бомбежками работать. Немцы и финны не давали по-

коя.

Но осенью, когда застыла земля, собрали нас, механизаторов, и направили в танковую школу. Как раз к этому времени начался активный выпуск танков на заводах Урала. Трактористов учили быстро. И после трехмесячной подготовки я уже прибыл на Калининский фронт. Под станцией Нарва принял боевое крещение. Бой был жаркий, жестокий, но уцелел. Наш танковый взвод обеспечил выполнение боевой задачи. Даже, можно сказать, неожиданно для меня был награжден за это медалью “За отвагу”.

В памяти бой и за станцию-разъезд Мавля. Мы танковым взводом вырвались тогда вперед. А немцы отсекли пехоту огнем и попробовали уничтожить танки с тыла. Им удалось снарядом попасть в башню танка. Погиб командир, заклинило пушку, а я набрался смелости, развернул танк и давай кромсать гитлеровцев гусеницами. Чудом, но уцелел и в этом бою. Был награжден орденом Славы.

С боями прошел по Прибалтийской земле, Польше, освобождал Варшаву. Был награжден еще орденом Красной Звезды. Потом меня направили в училище младших лейтенантов - танкистов в Челябинск. Здесь и окончилась моя военная биография. Гитлеровцы были разгромлены. Советским народом для всей Европы была добыта свобода. К сожалению, об этом сегодня многие забыли.

Лидия Кузеванова

ИЗ ПАМЯТИ НЕ СТЕРЕТЬ

Лидия Лазаревна Кузеванова родилась в 1931 году в селе Бутырино Частоозерского района. Военное детство прошло на родной земле. Выросла, стала учительницей в школе, активной участницей художественной самодеятельности. Много поработала по воспитанию патриотов Отечества. Живет в Частоозерье.

Этот день был на редкость светлым, солнечным, тихим. Казалось, сам Бог перед скорбной вестью о начале войны послал теплынь и благодать моим землякам из села Бутырино. И не только нам, бутырянам. Наверное, сама природа одаривала наших отцов и братьев перед скорым расставанием, хотела, чтобы они в далеких краях, в жарких боях и в тяжелых походах помнили свой край и дом, этот прощальный день со своей милой родиной. В колхозе в те годы не было общих выходных, а этот день оказался для многих днем отдыха.

Во второй половине дня почти все мужчины собирались во дворе кадрового военного Иванова Алексея Емельяновича. Был ли хозяин дома на побывке в эти дни, или еще что, я не помню. Застолье было веселое с выпивкой и песнями. Нам, детям, строго было запрещено подходить к столу. Забравшись в палисадник, мы слушали не столько задушевные разговоры взрослых, сколько привезенные с финской войны новые пес-

ни. Помню слова и куплеты некоторых песен, спетых в этот день нашими отцами "...не грусти, не плачь жена, штурмовать далеко море посылает нас страна...".

Народ в нашей деревне был талантливый, невероятно певучий: Ивановы, братья Битюцкие, Першины и другие семьи. Мы тихонько подпевали отцам "Катюшу", "На восточной заставе". Даже помню отдельные четверостишия этой песни.

*И однажды, туманом одета,
Заревела, завывала тайга,
Принесли паренька из секрета
На шинели дружка-земляка...*

Песни сменялись задушевными беседами. Основной мыслью разговора была война. Вернувшийся недавно с финской Першин Николай Емельянович говорил своим друзьям, что война с германцами (так он называл немцев) неминуема, что заключенному с ними договору верить не стоит, что война будет очень жестокой и скоро.

И вдруг мы услышали громкий плач девочки-подростка (к сожалению, фамилии не помню), бежавшей к гостеприимному дому. Она была десятником, тогда дежуривших у телефона в сельском Совете называли десятниками. Девочка бежала за моим отцом Кузевановым Лазарем Ивановичем. Веселье разом закончилось.

Все село плакало и стонало. Отцу по телефону сразу сообщили, кому в числе первых было суждено отправляться на войну во главе с председателем колхоза.

Незадолго до этого в нашей деревне появилась новая машина полуторка. Водителем был Федоров Дмитрий Степанович, прибывший в наш колхоз с Украины.

Первых мобилизованных провожали уже через 3 дня в Петуховский военкомат, это в 70 километрах от Бутырино.

Я за всю свою жизнь не припомню столько людского горя и слез, сколько их было в тот день проводов на фронт. Из глухой деревни сразу провожали 20 человек на полуторке, тоже мобилизованной на войну. Конечно, нас усадили в машину. Проехав километра 2, настали наши минуты прощания – прощание отцов с детьми. Словами я не смогу передать это. В машине находилась медсестра для оказания первой помощи.

Тяжелейшие годы выпали не только на долю взрослых, но

и нас, детей военных лет. Голод, холод, непосильный труд – все это мы переживали вместе с теми, кто воевал, и кто трудился в тылу. А сколько пролито слез в нашем селе при получении похоронок. Но жизнь продолжалась, кто-то из наших отцов прислал в деревню слова песни, которую сочинили на фронте солдаты на мотив “Синий платочек”.

*Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа,
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война...*

Я всю жизнь была в дружбе с песней, пела на сцене, а эта фронтовая песня стала на многие годы моим коронным номером.

Очень многим молодым женщинам не суждено было дожидаться своих любимых с войны. Они стали в 25-30 лет вдовами на всю оставшуюся жизнь. Из первого призыва вернулись домой единицы. Вернулся больным и мой отец. Он умер в 1954 году.

В числе многих миллионов погибших в боях оказались и мои земляки. Они сражались за нас, за родную землю, которая зовется Великой Россией.

Не забывайте об этом!

Федот Елисеев

У ДНЕПРОВСКИХ КРУЧ

Елисеев Федот Васильевич - профессиональный военный, Герой Советского Союза, Почетный гражданин города Кургана, родился в 1915 году в деревне Елисеевке в Башкирии. В 1936 году призван в Красную Армию. В 1940-м окончил курсы младших лейтенантов. На фронте - с начала Великой Отечественной. В 1943 году окончил курсы «Выстрел». Командовал батальоном 205-го гвардейского полка 70-й гвардейской стрелковой дивизии. Батальон гвардии капитана Елисеева 20 сентября 1943 года успешно переправился на правый берег Днепра, захватил плацдарм, чем способствовал форсированию реки другими подразделениями. Звание Героя Федоту Васильевичу Елисееву присвоено 16 октября 1943 года.

После войны работал военным комиссаром Кургана. В 1967 году вышел в запас в звании полковника.

Свои мощные укрепления на правом берегу Днепра фашисты называли «восточным валом». Бетонированные доты, блиндажи, врытые в землю танки, несколько поясов глубоких окопов и траншей. Град снарядов и пуль обрушивается на левый берег, едва там заметят какое-либо шевеление. Ночами небо непрерывно озаряется от осветительных ракет и трассирующих снарядов. И вот этот-то «восточный вал» предстояло штурмовать, форсировав могучую реку.

В двух километрах от Днепра, в деревеньке Глыбово, затаился перед смертельным броском мой третий батальон. Я, комбат, с местным старичком рыбаком с ночи укрылись в прибрежных камышах. Целый день вел наблюдение за правым берегом, изучал каждый куст, каждый бугорок, за который можно будет зацепиться. Ночью - переправа.

Ночь с 20 на 21 сентября 1943 года была ненастной. Только что в ротах прошли партийные и комсомольские собрания. У ротных партторгов стопки заявлений:

«Прошу принять меня в партию...» И вот батальон готов к форсированию реки. Пора.

Крепко обняв бревна, тихо, без всплеска, гребут бойцы. Над водой лишь головы торчат. Рядом на лодках - минометы, на плоту - пушка-сорокопятка. Льет дождь. Вот и середина реки, а правый берег молчит. Не догадывался я тогда, что немцы не хотят мокнуть под дождем, ракеты для остротки запускают прямо из блиндажа. Уверены, что русские в такую ночь не сунутся.

Вот уже и дно под ногами, берег. Солдаты карабкаются на крутой по липкой глине. Первые траншеи пусты. Немцы укрылись в блиндажах. Когда туда ворвались мои бойцы, фашисты от неожиданности буквально оцепенели. Схватка была жестокой и короткой. На валу дежурили лишь малочисленные дозорные посты. Главные силы немцев были расположены в селе Домантово.

Я радировал в полк о первом успехе и принял решение быстро расширить плацдарм. Разведчики ушли в Домантово и вскоре вернулись со старожилом, встретив его за селом. Он рассказал, что в селе много немцев, спрятались от непогоды

и спят. И еще он заметил, где у них стоят пушки и пулеметы. Оставив на берегу небольшой заслон, я повел батальон на Домантово. Гранатами забросали пулеметные точки и штаб, захватили две пушки. Немногим гитлеровцам удалось уйти живыми. Я выставил охрану и отдал бойцам приказ разойтись немного отдохнуть по хатам. А дождь все лил.

Хмурым утром, часов в десять, посты доложили о приближающейся колонне немцев. Отдал приказ подпустить их на бросок гранаты, без команды не стрелять. Внезапность и здесь помогла. Немцы не ожидали напоротся здесь на русских. Это было какое-то строительное подразделение. Почти все оно было уничтожено.

Немцы ударили по нам после обеда. Сначала Домантово обстреляла артиллерия, а затем пошли «тигры». За ними - цепи автоматчиков. Против «тигров» наши противотанковые ружья были бессильны. Пришлось оставить село и лесопосадками добираться к берегу, к немецким траншеям. Там мы и заняли оборону: впереди немцы, сзади - обрывистый берег Днепра. Бойцы сражались отчаянно, но наши ряды таяли. Нам было приказано держаться до последнего. (В батальоне не знали тогда, что наша роль - отвлечь немцев от направления главного удара, который был значительно южнее).

На пятый день положение стало катастрофическим. Немцы смяли левый фланг. Чтобы восстановить линию обороны, пришлось идти врукопашную. Это было страшное зрелище. Немцев выбили, но в бою погиб командир роты Саша Гавриленко.

Шестую в этот день атаку немцы начали с танкового броска. Отбить ее помогли форсировавшие Днепр механизированные части. Прорыв на главном направлении не удался, и командование решило развивать наступление на нашем участке. Это и спасло остатки батальона, зацепившегося за правый берег.

**РУССКИЙ СОЛДАТ
ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ФРОЛОВ**

Фотоочерк Виктора Бухрова

Фотоочерк Виктора Бухрова

Фотоочерк Виктора Бухрова

Фотоочерк Виктора Бухрова

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	3
Бокин Владимир Иванович.....	10
Евдокимов Иван Иванович.....	18
Розелиус Владимир Всеволодович.....	33
Савонов Виталий Павлович.....	45
Левицкий Михаил Николаевич.....	49
Головин Иван Филиппович.....	57
Кондратченко Василий Яковлевич.....	62
Ярушников Константин Емельянович.....	64
Епанчинцев Николай Дмитриевич.....	70
Никольшина Зинаида Захаровна.....	74
Клюкина Анастасия.....	77
Гру Петр Исаакович.....	80
Курицин Яков Алексеевич.....	84
Меньшиков Василий Иванович.....	87
Сидоров Михаил Александрович.....	95
Степкина Анастасия Кондратьевна.....	104
Моисеева Валентина.....	107
Кулакова Елена Константиновна.....	110
Чингин Сергей Ефимович.....	113
Пресман Арнольд Арронович.....	125
Скворчевский Виктор Александрович.....	128
Чемодурова Екатерина Степановна.....	132
Исетов Кинжал.....	134
Черкасов Петр Егорович.....	138
Биндюк Александр Антонович.....	141
Резепин Василий Егорович.....	145
Мишаткин Александр.....	148
Зырянов Григорий Николаевич.....	152
Мерзляченко Анатолий Тимофеевич.....	156
Демьянова Таисья Григорьевна.....	159
Сырников Григорий Львович.....	162
Бакин Георгий Самойлович.....	171
Чупров Виктор Михайлович.....	174
Полухин Владимир Прокопьевич.....	177
Таланов Иван Алексеевич.....	179
Бутюгин Владимир Георгиевич.....	181
Бархатов Александр Иванович.....	183

Таныгин Олег Васильевич.....	185
Бревнова Александра Федоровна.....	188
Смирнова Александра Ефремовна.....	190
Семенов Николай Афанасьевич.....	192
Кондратьев Леонид Никитич.....	195
Маткин Яков Трофимович.....	198
Чирков Степан Васильевич.....	201
Касаткин Евгений Евгеньевич.....	204
Мурашкин Николай Капитонович.....	206
Межуева Любовь Семеновна.....	211
Панфиленко Семен Григорьевич.....	213
Архипов Иван Александрович.....	217
Симонова Анна Назаровна.....	219
Васильев Михаил Александрович.....	221
Бородин Петр Васильевич.....	224
Аистов Иван Михайлович.....	227
Крамиков Алексей Максимович.....	234
Вологин Аксентий Григорьевич.....	238
Бахарева Анна Ивановна.....	243
Гуров Алексей Иванович.....	245
Цвиренко Ида Матвеевна.....	252
Корольков Владимир Николаевич.....	254
Соколов Анатолий Михайлович.....	258
Годин Николай Александрович.....	262
Бабиков Павел Николаевич.....	268
Щелудков Михаил Григорьевич.....	270
Зверев Андрей Васильевич.....	275
Ярыгин Григорий Васильевич.....	278
Чернышова Валентина Васильевна.....	280
Ермолаев Юрий Федорович.....	282
Ермаков Владимир Ефимович.....	293
Ульянин Виктор Михайлович.....	297
Галямин Степан Петрович.....	300
Никифоров Яков Артемьевич.....	302
Шестопалова Варвара Захаровна.....	304
Лукиных Евгений Иванович.....	307
Василевский Владимир Иванович.....	310
Цаплин Александр Михайлович.....	317
Козлов Анатолий Михайлович.....	319
Возрожденный Георгий Алексеевич.....	323
Савин Николай Егорович.....	327
Александров Федор Григорьевич.....	329
Мишин Александр.....	331
Суханов Аркадий Николаевич.....	334

Воробьев Михаил Данилович.....	336
Власов Михаил Макарович.....	342
Корозников Михаил Антонович.....	345
Похлебаев Александр Максимович.....	347
Хмелев Павел Федорович.....	349
Барбин Василий Никитович.....	351
Косюк Екатерина Герасимовна.....	353
Щербинин Василий.....	355
Макурина Вера Дмитриевна.....	357
Селетков Евгений Семенович.....	359
Кунгин Иван Сергеевич.....	362
Переплётчиков Александр Аввакумович.....	365
Яковлев Геннадий Иванович.....	368
Шаламова Валентина Александровна.....	373
Свинкина Ольга Ивановна.....	376
Лагунова Мария Ивановна.....	378
Сидоров Павел Григорьевич.....	384
Кузеванова Лидия Лазаревна.....	386
Елисеев Федот Васильевич.....	389
Фролов Валерий Федорович.....	392

Помни войну том 2

Составители

В.А.Есетов, В.В.Усманов, Г.П.Устюжанин

Главный редактор Г.П. Устюжанин

Редактор Г.Е. Устюжанина

Корректор В.П. Заярная

Компьютерный набор и верстка П.Г. Устюжанин

Разработка обложки, форзаца Д.В. Белых

«Парус-М» лицензия ЛРН№ 071414 от 24.03.97г.

Сдано в производство 5.06.2002г. Формат 84x108 1/32. Бумага ВХИ. Печать офсетная. Тираж 1000. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в ГУП «Шадринский Дом Печати», Комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870 г.Шадринск, ул.Спартак,6.